

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский государственный экономический университет

Экономическая наука России в годы Великой Отечественной войны

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции

(Екатеринбург, 28–29 апреля 2015 г.)

Том 2

Екатеринбург
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский государственный экономический университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М а т е р и а л ы
Всероссийской научно-практической конференции

(Екатеринбург, 28–29 апреля 2015 г.)

Том 2

Екатеринбург
Издательство Уральского государственного
экономического университета
2015

УДК 330+«364»(47+57)
ББК 65+63.3(2)622(2)
Э 40

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-11-521 г

Ответственные за выпуск:

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и экономической истории
Уральского государственного экономического университета
К. П. Стожко

доктор философских наук, профессор кафедры общей и экономической истории
Уральского государственного экономического университета
Н. Н. Целищев

Э 40 **Экономическая наука России в годы Великой Отечественной войны** [Текст] : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : [в 2 т.] / [отв. за вып. : К. П. Стожко, Н. Н. Целищев]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. Т. 2. – 321 с.

В сборнике содержатся доклады, научные сообщения, а также научно-публицистические материалы по вопросам военного и послевоенного развития отечественной экономики и экономической науки в условиях глубинных институциональных трансформаций, охватывающих сферу политики, хозяйства, идеологии и права. Участники конференции анализируют исторические уроки Великой Отечественной войны и их влияние на состояние современного общества.

Для преподавателей вузов, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся социально-экономическими вопросами истории России.

УДК 330+«364»(47+57)
ББК 65+63.3(2)622(2)

© Авторы, указанные в содержании, 2015
© Уральский государственный
экономический университет, 2015

Н. А. Абдуллаев

К вопросу обустройства эвакуированных в Актюбинской области в начальный период войны

Аннотация. В статье раскрываются характер и особенности обустройства эвакуированных в 1941–1942 гг. в Актюбинскую область жителей оккупированных территорий СССР, а также промышленных предприятий и хозяйственных организаций. Показана роль Казахстана в победе над врагом в годы войны. Освещена роль партийного и хозяйственного руководства эвакуационными процессами.

Ключевые слова: эвакуация, мобилизация, размещение, перестройка экономики, военная экономика.

Как известно, фашистская Германия в июне 1941 г. вероломно напала на Советский Союз. Военные действия быстро развернулись на широком фронте. Вражеская авиация с первых дней войны подвергла массовой бомбардировке места дислокации войск, коммуникации и железнодорожные узлы, промышленные центры, крупные города, повсюду сея разрушения и хаос.

С первых дней нашествия фашизма особой стала неотложная и оперативная задача перестройки всей жизни страны на работу в военных условиях. В кратчайший срок страна превратилась в единый военный лагерь. Так, 16 августа 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР был утвержден «Военно-хозяйственный план» на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Предусматривалось резкое увеличение производства оборонной продукции и стратегического сырья. Ставилась задача оперативного перемещения предприятий из прифронтовой полосы в тыл и ускоренный ввод их в действие в новых местах [1].

Как известно, в начальный период Великой Отечественной войны с оккупированных врагом районов СССР в сжатые сроки на восток эвакуировались люди и сфера экономики. Значительная часть их направлялась в Казахстан, где правящими органами проводилось оперативное размещение эвакуированных.

Составной частью перестройки экономики страны на работу в условиях войны явилось размещение и ввод в строй эвакуированных предприятий. С запада на восток шли эшелоны с эвакуированными предприятиями и людьми. С августа по декабрь 1941 г. на территорию Актюбинской области были перебазированы промышленные предприятия из Витебска, Днепропетровска, Москвы и других регионов, охваченных войной [2].

В сжатые сроки прямо с платформ шла сборка оборудования чугуно-меднолитейной механической мастерской, размещалось оборудование рентгензавода, автобронетанковой ремонтной базы, спиртового завода. Актюбинский облисполком и обком партии всю организационно-политическую, агитационно-массовую работу среди населения направляли на оперативное размещение и пуск в эксплуатацию эвакуированных пред-

приятый. Эти вопросы постоянно рассматривались на специальных совместных заседаниях; на первом плане были ход размещения прибывших предприятий, выделение им производственных площадей [3].

В октябре 1941 г. в Актюбинск был эвакуирован Московский рентгеновский завод (впоследствии завод «Актюбрентген»). Постановлением исполкома Актюбинского областного Совета депутатов трудящихся и бюро Актюбинского обкома КП(б) Казахстана от 12 ноября 1941 г. завод был размещен в зданиях курсов повышения квалификации партийных работников и педагогического института. Через три месяца, с февраля 1942 г., в тяжелых условиях, часто в холодных помещениях с весьма стесненными площадями, в напряженных заводских буднях коллектив предприятия стал выпускать продукцию. У станков трудились 150 кадровых рабочих из Москвы и выпускники курсов местного фабрично-заводского обучения. Завод выпускал медицинские рентгеновские аппараты трех видов: походные, переносные и диагностические стационарного типа [4]. Все три типа аппаратов строго поставлялись Главному санитарному управлению Красной Армии для нужд действующей армии и тыловых госпиталей. Основным видом выпускаемой военной продукции были подрывные машинки типов ПМ-1, ПМ-2 для инженерных войск Красной Армии (саперных частей и партизанских отрядов) [1, л. 8; 2, л. 118; 3, л. 12–56; 4, л. 240].

7 ноября 1941 г. из Днепропетровска в Актюбинск была эвакуирована чугунно-меднолитейная механическая промышленная артель «Большевик», которая впоследствии стала известна как завод «Актюбинсксельмаш». Из Днепропетровска артель выбыла 19 августа 1941 г. и была направлена в г. Чкалов, куда прибыла 12 сентября этого же года. Исполком Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся постановил разместить артель на базе завода им. Кирова в Бузулуке этой же области. Ввиду того, что завод им. Кирова оказался уже занятым другим предприятием, 25 октября этого же года Народный комиссариат нефти перенаправил артель «Большевик» для дислокации в г. Актюбинск [3, л. 25]. Вместе с артелью прибыли 31 единица оборудования, 48 работников и 69 членов их семей [5, л. 42–44].

Согласно решению Исполкома областного Совета депутатов трудящихся № 34/41 от 22 декабря 1941 г. артель была размещена в помещении бывших складов «Автотракторсбыт» и прилегающей к нему территории. Уже в феврале 1942 г. данный коллектив стал выпускать арматуру для авиационной промышленности [5, л. 65]. В ноябре 1941 г. на станцию Яйсан прибыла эвакуированная из Москвы автобронетанковая ремонтная бригада. Она была эвакуирована из Москвы в конце октября тремя эшелонами, которые прибыли к месту назначения – станцию Яйсан 15, 16 и 23 ноября этого же года. Всего прибыло 815 человек, в том числе: 18 военнослужащих, 67 инженерно-технических работников, 35 служащих, 245 основных производственных специалистов, 60 подсобных рабочих, 18 человек по-

жарной и стрелковой охраны, с учетом членов семей (374 человек) [6, л. 15]. Личный состав разместили в поселке Яйсан. На каждого человека в среднем приходилось до 2 м² жилой площади. Одиночкам предоставлялись общежития. Станки, имущество и запчасти разместились в учебных классах, подсобных зданиях, ремонтных помещениях и на территории школы механизации [6, л. 4–7].

Постановлением исполкома Актюбинского областного совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП(б) К от 19 декабря 1941 г. в Актюбинске была размещена эвакуированная из Москвы шерстопрядильная фабрика № 14 в здании железнодорожного техникума с общей полезной площадью в 1 700 м². Исполкомом городского Совета депутатов трудящихся и ГК КП(б)К была подготовлена жилая площадь для размещения 350 рабочих и ИТР [7, л. 156].

В целом за годы Великой Отечественной войны в город Актюбинск и область по планам эвакуации Ставки главнокомандования были перемещены восемь крупных предприятий: Витебский спиртовой завод, Черниговская типография, Московский рентгензавод, артель «Большевик», Харьковское отделение «Теплоэлектропроект», на станции Джурун экскаваторные мастерские (13 декабря 1941 г.), щебеночный завод НКПС на станции Берчогур (19 ноября 1941 г.), автобронетанковая рембаза № 2 на станции Яйсан (15.11.1941 г.), Московская шерстопрядильная фабрика № 14 (19 декабря 1941 г.) [1, л. 8].

Кроме промышленных предприятий в город и область 1941–1942 гг. прибыло несколько военных училищ. На основании приказов Командующего ВВС КА и Командующего Средне-Азиатским военным округом 15 декабря 1941 г. в область была перебазирована Борисоглебская Краснознаменная военная авиационная школа пилотов им. В. П. Чкалова. Данная школа по тому времени являлась самой большой базой подготовки пилотов истребителей. От успешного развертывания и начала работы школы зависело пополнение фронта тысячами летчиков [1, л. 3].

В конце мая 1942 г. в соответствии с указанием заместителя Председателя Государственного Комитета Обороны маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова и постановлением Военного Совета Южноуральского военного округа в Актюбинске было расквартировано 2-е Бердичевское пехотное училище [8, л. 54; 9, л. 41; 10, л. 24]. В октябре 1942 г. в пос. Берчогур было эвакуировано Камышинское танковое училище [9, л. 65–66]. В постановлении бюро Актюбинского обкома КП(б)К и исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 3 октября 1942 г. говорится: «Обязать управляющего Берчогурским шахтоуправлением товарища Галаева в соответствии с указанием заместителя Наркома угля СССР товарища Абакумова передать во временное пользование Камышинскому танковому училищу пригодный жилой фонд за счет уплотнения и весь пустующий годный жилой фонд в поселке шахтоуправления общей площадью не

менее 4 500 м², а также передать все недостроенные постройки» [10, л. 41]. В Актюбинск вместе с учащимися по плану эвакуации прибыло ремесленное училище № 26 из Москвы, выпускники которого согласно постановлению бюро Актюбинского обкома КП(б)К от 6 марта 1942 г. были распределены по промышленным предприятиям города [11, л. 293].

Во время войны на территории Актюбинской области размещалось несколько эвакуированных госпиталей. Согласно постановлению объединенного заседания исполкома областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП(б)К от 8 июля 1941 г. на данной территории разместились четыре эвакуированных госпиталя на 1 700 коек: эвакогоспиталь № 7 на 400 коек на ст. Алга со сроком готовности 200 коек к сентябрю и 200 коек к ноябрю 1941 г.; эвакогоспиталь № 8 в Челкар со сроком готовности 100 коек к 1 ноября 1941 г. и 200 коек со сроком готовности к 1 января 1942 г.; в Актюбинске эвакогоспиталь № 5 на 500 коек со сроком готовности к 20 декабря 1941 г. и эвакогоспиталь № 6 в 500 коек со сроком готовности к 1 августа 1941 г., 500 коек к 1 сентября 1941 г. Эвакогоспитали были размещены в зданиях гостиницы, родильного дома, интерната и школы [12, л. 96].

В соответствии с распоряжением Председателя Совнаркома Казахской ССР Ундасынова 3 октября 1941 г. в г. Актюбинск прибыл из Харькова костно-туберкулезный детский санаторий. Распоряжением Исполнительного комитета Актюбинского областного Совета депутатов трудящихся № 155 от 3 октября 1941 г. для санатория в Актюбинске были созданы необходимые условия для работы: в спешном порядке были освобождены здание 2-го детского дома, общежитие студентов коммунального строительного техникума и учащихся 6-й казахской средней школы [13, л. 7].

В октябре 1941 г. в Хобдинском районе области был размещен из г. Элиста Калмыцкий государственный театр драмы. Решением исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 20 октября 1941 г. для эвакуированного 1-го Калмыцкого государственного драмтеатра, представляющего собой большую культурную ценность, было определено постоянное место пребывания в пос. Ново-Алексеевка. Для коллектива были выделены помещения клуба райцентра, люди обеспечены топливом, освещением и т. д. с тем, чтобы театр мог начать творческую работу с ноября 1942 г. Учитывая особые условия работы Калмыцкого государственного театра в связи с его эвакуацией, СНК Калмыкской АССР и СНК РСФСР сохранили драмтеатру госдотацию на покрытие расходов в 1942 г. в сумме 20 тыс. р., а также поручили областному военному комиссариату обеспечить дальнейшую броню, выданную артистам данного драмтеатра на 1942 г. [14, л. 14].

В годы войны в Актюбинске работал Днепропетровский украинский драматический театр им. Т. Г. Шевченко с Украины. По этому поводу на заседании бюро Актюбинского обкома КП(б) Казахстана 21 ноября 1941 г. было принято специальное постановление «О размещении 1-го Украинско-

го драматического театра им. Шевченко и Театра юного зрителя (ТЮЗ)». Согласно документу указанные творческие коллективы были размещены в здании железнодорожного клуба. Следует отметить, что за время эвакуации в Актюбинске творческий коллектив драмтеатра представил на суд зрителей области 14 спектаклей; артисты театра были активными участниками фронтовых бригад [14, л. 149].

Вместе с промышленными предприятиями, административными учреждениями, учебными заведениями, обществами культуры в Актюбинскую область прибывало и население, эвакуированное из оккупированных врагом территорий. Яркой демонстрацией дружбы народов СССР, неиссякаемого патриотизма со стороны местного населения явились их внимание и забота об эвакуированных. Эшелоны с эвакуированным населением из прифронтовой полосы начали прибывать в Актюбинск уже в начале июля 1941 г.

С первых дней войны правящие органы области, общественные организации, трудовые коллективы оказывали эвакуированным посильную помощь. Так, 5 июля 1941 г. на заседании исполкома Актюбинского городского Совета депутатов трудящихся было принято обязательное решение № 21/8 «О размещении прибывающих семей эвакуированных с фронтовой полосы». В данном документе говорилось, что «в связи с встретившейся крайней необходимостью максимального использования жилплощади в коммунальных домах и домах частного владения для размещения прибывающих граждан с прифронтовой полосы, исполком Актюбинского городского Совета депутатов трудящихся решает: представить права органам охраны правопорядка и коммунального хозяйства производить вселение на уплотнение в здания муниципального фонда и частного сектора семей прибывающих из прифронтовой полосы в обязательном порядке. Настоящее обязательное решение вступает в силу с момента его издания и действует на территории города до особого распоряжения» [14, л. 131; 17, л. 6].

Придавая особое значение приему, размещению и трудоустройству эвакуированных, исполком Актюбинского областного Совета депутатов трудящихся и Актюбинский обком КП(б) Казахстана на совместном заседании 7 июля 1941 г. приняли постановление «Об организации эвакуопункта», в котором подчеркивалось, что «в связи с прибытием эвакуированного населения с пограничной полосы, исполком облсовета и бюро обкома КП(б)К постановляют: 1. Организовать в г. Актюбинске эвакуопункт для размещения эвакуированного населения, использовать для этой цели жд. клуб им. Ленина. ...3. Утвердить начальником данного пункта тов. Ситдыкова (зав. сектором кадров исполкома облсовета), его заместителями гг. Таликова (зам. нач. облотдела НКВД) и Белову (зав. горздравотделом)» [12, л. 62].

На основании постановления СНК КазССР и ЦК КП(б)К от 20 июля 1941 г. за № 622 исполком Актюбинского облсовета депутатов трудящихся и бюро обкома КП(б) Казахстана приняли постановление от 23 июля 1941 г. «О приеме и размещении эвакуированного населения». Руководство по приему и устройству эвакуированного населения, прибывающего в Актюбинскую область, данным постановлением было возложено на заместителя председателя облисполкома. Был создан отдел по приему и устройству эвакуированного населения. В течение двух дней отдел был полностью укомплектован штатом, выделены средства на его содержание. Руководство по приему и устройству на работу эвакуированного населения на местах возлагалось на первых руководителей районов. Для этого предусматривалось в сжатые сроки провести следующие мероприятия:

для размещения прибывающего населения подготовить квартиры, освободить дома в колхозах, предназначенные для переселенцев;

разрешить использовать (бесплатно) транспорт колхозный, совхозный и предприятий для перевозки эвакуированных от железнодорожных станций до места назначения;

обеспечить расселение, устройство на работу эвакуированного населения в колхозы, совхозы, МТС, на предприятия, обратив особое внимание на семьи руководящих партийных и советских работников;

разрешить руководителям предприятий и организаций при приеме на работу выдавать единовременное пособие особо нуждающимся в размере 100 р.

Кроме того, в районах намечалось выделить помещения под госпитали для эвакуированных. При переселенческом отделе организовывалось справочное бюро [12, л. 87–89].

В телеграмме Председателю Совнаркома КазССР Ундасынову за № 328/СС от 25 июля 1941 г. сообщалось [13], что уже на 25 августа в Актюбинскую область эвакуированных прибыло 3 211 человек, и они были распределены по районам в следующем порядке: Актюбинский – 595, Новороссийский – 372, Ключевой – 394, Мартукский – 376, Родниковский – 553, Джурунский – 49, Темирский – 15, Челкарский – 69 [14]. В то же время для этой категории населения предусматривалось трудоустройство. Так, из среды эвакуированных на работу в колхозы было направлено 1 841 человек, в совхозы – 157 человек, на промышленные предприятия – 501 человек и другие трудовые коллективы и учреждения, школы – 227 человек [15]. К концу июля 1941 г. нетрудоустроенных в эвакуационном пункте временно оставалось 485 человек. Следует подчеркнуть, что среди эвакуированных было значительное количество мастеров своей профессии. К примеру, среди прибывших имели специальности: бухгалтера – 119, портного – 70, продавца – 47, инженера – 32, техников – 46, домохозяйек – 125, нетрудоспособных – 1387 человек [16, л. 52–53].

В первые шесть месяцев военного времени (на 10 января 1942 г.) в Актюбинской области было размещено более 28 000 человек эвакуированного населения, из них 10 689 человек трудоспособных, 9 280 детей и 8 064 нетрудоспособных [17]. Как показывает анализ, основная масса эвакуированного населения прибыла из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Днепропетровска, Курска и Чернигова. В Актюбинской области, кроме эвакуированного населения, было размещено 24 000 спецпереселенцев, из них 6 280 поляков, 5 360 молдаван из Бессарабии, 3 000 человек из Астрахани и Крыма и 9356 немцев [18, л. 4].

Эвакуированное население из прифронтовой полосы продолжало прибывать и в 1942 г. 11 июля 1942 г. на заседании бюро Актюбинского обкома КП(б) Казахстана и исполкома областного Совета депутатов трудящихся было принято постановление «О приеме и размещении эвакуированного населения, прибывающего из прифронтовой полосы».

В телеграфном указании СНК КССР и ЦК КП(б)К от 6 августа 1942 г. № 1791/1687 ответственность по приему и размещению эвакуированного населения, руководство по приему, размещению и трудовому устройству эвакуированного населения в области возлагалась на отдел по хозяйственному устройству эвакуированных исполкома областного Совета и заместителя председателя исполкома областного Совета товарища Кузнецова и секретаря обкома КП(б)К товарища Мустафина. Под личную ответственность председателей исполкомов городских и районных советов депутатов трудящихся и первых секретарей городского и районных комитетов КП(б)К поручалось взять под непосредственное руководство прием, размещение и устройство на работу эвакуированного населения, направляя их, в основном, в колхозы и совхозы [19].

Местные властные структуры должны были обеспечить заблаговременную подготовку к приему, размещению и трудовому устройству согласно утвержденному плану, точно учесть наличие жилой площади в каждом населенном пункте района, подготовить необходимый транспорт для перевозки эвакуированных к месту назначения, заботиться об устройстве детей в школы, интернаты, снабжении топливом, продовольствием. Этим же решением предписывалось организовать медицинское обслуживание и развернуть среди эвакуированных и местного населения широкую разъяснительную работу.

В целях обеспечения лучшей подготовки к приему и размещению прибывающего эвакуированного населения начальник отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения и председатели исполкомов городского и районных Советов депутатов трудящихся обязывались в суточный срок на узловых пунктах в г. Актюбинске и Кандагач, станциях Джурун, Алга, Челкар, Мартук, на разъезде № 8 (Ново-Российск), Кимперсай (Степной), Токмансай (Ключевой район) организовать пункты приема и размещения эвакуированных [20]. Этим же решени-

ем заведующему областным отделом здравоохранения поручалось выделить не менее 10 врачей и другого медперсонала для обслуживания и санитарной обработки прибывающего эвакуанаселения на указанных пунктах. Настоящим постановлением местные органы обязывались обеспечить бесперебойное снабжение прибывающих хлебом и другими продуктами питания и полную потребность обедами, ужинами, чаем и для детей – детские кухни во всех указанных временных пунктах приема. Руководители 4-го отделения станционного движения и начальник политотдела обязывались установить немедленную своевременную информацию вышестоящих органов отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения о направлении эшелонов в Актюбинскую область с момента выхода из Чкалова, Соль-Илецка, Гурьева о месте направления эшелонов, а также и других необходимых материалов для приема и размещения эвакуированного населения [21, л. 259–260].

В ноябре 1942 г. в Актюбинск по эвакуации прибыли 102 человека испанских политэмигрантов, в том числе испанцев 52 человека (26 мужчин и 55 женщин, 21 ребенок). Испанские политэмигранты в Актюбинск были эвакуированы из г. Оржоникидзе. По прибытии в область все они были размещены: в черте города – 19 семей с общим количеством 70 человек; в совхозы и колхозы были направлены 5 семей – 10 человек; 17 человек сразу отправились на фронт. В основном испанцы работали на механическом заводе, в здравотделе и в совхозах [21, л. 1, 3, 5; 22, л. 13–16].

Среди эвакуированного населения надлежало внимание уделялось детям, эвакуированным из детских домов. Так, 16 июня 1942 г. в Темирский район из Сталинграда было эвакуировано более 110 детей Франковского и Кольбского детских домов, которые были окружены заботой и вниманием как со стороны властных структур, так и со стороны населения Темирского района [23, л. 244].

И таких фактов в документах в фондах Областного государственного архива предостаточно.

В год 70-летия Великой Победы, да и в последующие годы, исследователям предстоит сделать еще немало для восстановления данных по эвакуации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это долг не только перед людьми, ныне здравствующими, но и перед поколением будущим. Судьбы эвакуированных людей служат призывом ко всем: не подвергнуть общество вновь опасности, такой судьбе, которая выпала на долю эвакуированных.

Библиографический список

1. *Государственный архив Актыбинской области* (далее ГААО). Ф. 13-П. Оп. 10. Д. 319. Л. 3, 8.
2. *ГААО*. Ф. 13-П. Оп. 10. Д. 13. Л. 118.
3. *ГААО*. Ф. 13-П. Оп. 11. Д. 274. Л. 12–56, 25.
4. *ГААО*. Ф. 13-П. Оп. 12. Д. 240.

5. ГААО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 420. Л. 65.
6. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 11. Д. 268. Л. 4–7.
7. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 10. Д. 16. Л. 156.
8. ГААО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1398. Л. 54.
9. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 11. Д. 222. Л. 41.
10. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 11. Д. 14. Л. 24, 41.
11. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 11. Д. 12. Л. 293.
12. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 10. Д. 27. Л. 62, 87–89, 96.
13. ГААО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 431. Л. 7.
14. ГААО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1427. Л. 14.
15. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 10. Д. 15. Л. 149.
16. ГААО. Ф. 30. Оп. 4. Д. 440. Л. 131.
17. ГААО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 443. Л. 6.
18. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 10. Д. 300. Л. 52–53.
19. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 11. Д. 11. Л. 259–260.
20. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 11. Д. 85. Л. 4.
21. ГААО. Ф. 13-П. Оп. 11. Д. 163. Л. 1, 3, 5.
22. ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 10. Л. 13–16.
23. ГААО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1403. Л. 244.

В. Г. Благодатских, А. А. Курасова

К вопросу о причинах и последствиях Второй мировой войны

Аннотация. В статье показаны основные причины и последствия Второй мировой и Великой Отечественной войн; раскрыты основные причины начала Второй мировой войны и факторы, определившие ее ход и завершение. Сформулирован тезис о том, что создание предложенной Советским Союзом системы коллективной безопасности не было осуществлено исключительно по вине западноевропейских держав.

Ключевые слова: начальный период войны, политика умиротворения, внешние факторы, внутренние факторы, советские инициативы, последствия войны.

Вторая мировая война была порождена всем предшествующим ходом экономического и политического развития капиталистического мира. Но была ли она неизбежной – вот вопрос, над которым размышляют историки. И хотя история не имеет сослагательного наклонения, данный вопрос отнюдь не праздный.

Вероятность Второй мировой войны предопределилась уже в момент подписания Версальского договора 1919 г., ознаменовавшего окончание Первой мировой войны: поверженная Германия стала изгоем в установленной системе международных отношений, что совершенно не устраивало правящие круги этой страны. Жесткая позиция на Версальской конференции Англии и Франции, которые стремились к максимальным выгодам для себя, привела к изоляционистской политике США, которые отказались ратифицировать Версальский договор и не вошли в Лигу Наций.

Разногласия между ведущими капиталистическими странами создали благоприятную обстановку для активизации правозкстремистских сил и возрождения германского милитаризма, привели к тому, что Германия

начала восстанавливать армию и военную промышленность, что в немалой степени было обусловлено приходом в 1933 г. к власти фашистов во главе с А. Гитлером.

Установление профашистских режимов произошло и в некоторых других странах: Италии, Венгрии, Португалии, Румынии, в ряде государств Латинской Америки. В 1936–1939 гг. Германия и Италия помогли фашистскому режиму генерала Франко одержать победу в Испании, в то время как другие западноевропейские страны, сыграв на руку фашистам, отказались вмешиваться во «внутренний конфликт». На Востоке усилилась милитаризация Японии, которая приступила к реализации своих захватнических планов, начав в 1937 г. военные действия против Китая.

В условиях нарастания агрессии со стороны гитлеровской Германии и ее союзников, советское руководство определяет для себя как основную задачу внешней политики создание *системы коллективной безопасности* в Европе путем заключения серии двусторонних договоров о взаимопомощи в случае нападения третьих стран. Это сделало бы невозможным развязывание войны в Европе. Такой внешнеполитический курс СССР, делающий основной акцент уже не на интересы мировой революции, а на государственно-национальные интересы, позволил советской внешней политике добиться некоторых успехов на международной арене. В 1932–1933 гг. по нашей инициативе были подписаны договоры о ненападении с Францией, Прибалтийскими странами, с Италией, Польшей; в 1933 г. СССР входит в Лигу наций, устанавливает дипломатические отношения с США. В 1935 г. СССР заключает договор о взаимопомощи с Францией и Чехословакией.

Однако советская инициатива по созданию системы коллективной безопасности в Европе все-таки не находит должной поддержки у руководства большинства западноевропейских стран, что не позволило продолжить создание системы коллективной безопасности, – слишком велики оказались противоречия между возможными участниками коалиции. Весьма показательна в данном случае позиция Англии, не желавшей усиления СССР и не доверявшей сталинской дипломатии. Поддержка Правительством СССР рабочего и коммунистического движения в западных странах и национально-освободительного движения в странах Востока, стремление расширить зоны советского влияния вызывали сильнейшее беспокойство лидеров развитых стран Запада. Англия и Франция, опасаясь распространения коммунистических идей, проводили политику так называемого «умиротворения» Германии, на самом деле потакая ее притязаниям.

Тем временем события развивались стремительно. В 1936 г. Германия вводит свои войска в Рейнскую демилитаризованную зону, разделяющую Францию и Германию, инициирует подписание антикоминтерновского пакта с Японией, к которому в 1937 г. присоединилась Италия. Сло-

жила ось фашистских держав: Берлин – Рим – Токи, впоследствии закреплённая Тройственным пактом, заключённым этими странами в 1940 г. В марте 1938 г. Гитлер объявил о «воссоединении» (аншлюсе) Австрии с Германией. Англия, Франция и США официально признали захват Австрии и закрыли свои посольства в этой стране.

Считая «красную опасность» страшнее агрессии Гитлера, эти страны также способствовали развязыванию самой кровавой войны в истории человечества. 29 сентября 1938 г. рейхсканцлер Германии Гитлер, английский премьер-министр Чемберлен, французский президент Даладье и председатель правительства Италии Муссолини в Мюнхене (Германия) подписали договор о передаче Германии части Чехословакии (Судетскую область). Причинами этого так называемого «Мюнхенского сговора» были стремление лидеров западных стран «умиротворить» Гитлера и подтолкнуть его к агрессии на Восток. Мюнхенское соглашение объективно стало решающим шагом ко Второй мировой войне. Ситуация усугублялась нарастанием японской военной активности. Принимая во внимание оккупацию Японией Китая в 1937 г., СССР оказался перед угрозой войны на два фронта.

Летом 1938 г. развернулись бои Красной Армии с японцами у озера Хасан, а в июле 1939 г. – в Монголии, на реке Халхин-Гол, в результате которых Япония понесла значительные потери. Ситуация на наших восточных границах разрешилась подписанием в апреле 1941 г. советско-японского договора о нейтралитете, что позволило нам перебросить часть своих войск на западный фронт после начала Великой Отечественной войны.

В марте 1939 г. Германия оккупировала всю Чехословакию и Клайпеду. Весной-летом 1939 г. Правительство СССР вновь пытается воззвать к разуму лидеров европейских стран, организовав с представителями Франции, Англии, Польши, Румынии переговоры в Москве. Но, как и ранее, они закончились неудачей, так как эти страны не давали реальных гарантий создания вместе с СССР системы противодействия фашистской агрессии, а Польша не соглашалась пропустить советские войска через свою территорию для отпора немецким армиям. Компромисса достичь не удалось.

В этих условиях в советской внешней политике начинают проявляться тенденции к нормализации отношений с Германией. Угроза германской агрессии становилась для СССР неотвратимой, поэтому, чтобы оттянуть войну, 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский пакт о ненападении сроком на 10 лет. Договор отражал государственные интересы СССР, но в секретных протоколах к нему проявились имперские амбиции сторон: оговаривались сферы влияния в Европе, раздел Польши. Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия, Западная Украина и Белоруссия признавались сферой влияния СССР. Германия получала свобо-

ду действий в Западной и Восточной части Европы, что развязало Германии руки в отношении Польши и Франции, а также дало ей возможность подготовиться к «*drang nach Osten*» («*натиск на Восток*»).

Анализируя ситуацию с объективной точки зрения, можно сделать вывод, что все страны исходили из собственных интересов, понимаемых крайне узко. А именно: «Моя хата с краю, ничего не знаю». Каждая из сторон старалась обмануть другую, выиграть время и приобрести лучшую позицию.

Чем все это закончилось, известно. Вторая мировая война продолжалась 6 лет. В ней участвовало 61 государство, военные действия велись на территории 40 стран Европы, Азии и Африки. Сражалось 110 млн человек. Погибло почти 50 млн человек.

Основная заслуга в разгроме гитлеровской Германии и ее союзников, несомненно, принадлежит СССР: в течение двух с лишним лет Советский Союз, по существу один в Европе, противостоял мощи германской военной машины и фашистского блока – советско-германский фронт был самым напряженным по ведению боевых действий во всей Второй мировой войне и оставался главным до конца апреля 1945 г. Германия потеряла три четверти авиации, большую часть артиллерии и танковых войск, более 1 600 боевых кораблей и транспортных судов.

Значение победы заключается, прежде всего, в том, что СССР отстоял свою государственность, независимость, свободу, само свое существование. Советский народ и его Вооруженные силы совершили подвиг. Аналогов ему не было и нет в истории. Фактически было спасено само человечество, поскольку судьба покоренных народов, которую им готовили фашисты, была страшной [1].

Но Великая Победа досталась советскому народу очень дорогой ценой. Такой жестокой и кровопролитной войны, какую перенес Советский Союз, не знала мировая история. Война унесла 27 млн жизней советских людей, из них почти 11 млн на фронте. Из мужчин 1923 г. рождения в живых к концу войны осталось лишь 3%. Две трети людских потерь приходится на мирное население. Это свидетельствует о проводившейся гитлеровцами политике истребления мирного населения, о бесчеловечном оккупационном режиме, о попрании всех общепринятых международных норм в отношении граждан СССР [2].

Огромным был и материальный ущерб, причиненный фашистскими оккупантами нашей стране. Гитлеровцы разрушили и сожгли 1 710 городов, 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, более 100 тыс. совхозов, колхозов и МТС, 65 тыс. км железных дорог и др. – в целом наша страна потеряла до 30% своего национального богатства [2].

Советские люди отдавали жизни не только за Отчизну, но и за освобождение народов Восточной Европы от гитлеровского «нового порядка», а многих народов Азии – от господства японского милитаризма. Победа

советского народа и его союзников по антигитлеровской коалиции явилась великой победой над самыми бесчеловечными и мощными силами реакции. Эта победа избавила человечество от страшной угрозы фашистско-милитаристского порабощения, спасла мировую цивилизацию, отстояла прогрессивную линию развития человеческого общества.

Главную роль в достижении Советским Союзом победы сыграли следующие факторы.

1. Создание в годы довоенных пятилеток мощной отечественной индустрии, в том числе оборонной промышленности. Опираясь на материально-техническую базу, Советский Союз смог мобилизовать все внутренние ресурсы страны и направить их на достижение главной цели – разгрома врага.

2. Реорганизация высших государственных институтов, создание ГКО и других чрезвычайных органов, установление жесткой централизации управления и дисциплины в сочетании с самоотверженным трудом рабочих, колхозников, интеллигенции, служащих. Это позволило превратить страну в единый боевой лагерь, перевести экономику на военные рельсы, решить в кратчайшие сроки грандиозную задачу по эвакуации большинства заводов на Восток. Благодаря этому были преодолены последствия поражений начального периода войны, обеспечена военно-экономическая победа над Германией и ее союзниками: к концу войны Советские вооруженные силы превосходили вермахт в танках, самоходных артиллерийских установках, орудиях и минометах – в 3 с лишним раза; в боевых самолетах – почти в 8 раз. Это стало одним из решающих факторов Великой Победы.

3. Важнейшую роль сыграла огромная военно-организаторская работа партийно-государственных органов. В сжатые сроки была проведена всеобщая мобилизация, подготовлены многомиллионные боевые резервы, сформированы и отправлены в действующую армию сотни новых частей и соединений. Все это обеспечило изменение соотношения сил в пользу Красной Армии.

4. Успешно решалась проблема подготовки командных кадров. За время войны военные учебные заведения выпустили около 2 млн специалистов. В ходе сражений выдвинулась плеяда талантливых военачальников (Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, А. М. Василевский, С. К. Тимошенко и др.), показавших высокое искусство командования войсками и флотами, в совершенстве овладевших стратегией и тактикой осуществления крупных оборонительных и наступательных операций. С осени 1942 г. гитлеровская армия начала утрачивать свое превосходство по всем направлениям.

5. Победа в самой тяжелой и кровопролитной войне в истории нашей страны стала возможна благодаря патриотизму советских людей,

проявившемуся в создании народного ополчения, добровольческих дивизий и корпусов, в мощном партизанском движении, в массовом героизме на фронте и самоотверженном труде миллионов людей в тылу.

6. Важным фактором победы над фашизмом стало и морально-политическое единство советского народа. Не оправдались расчеты гитлеровского руководства на то, что первые же военные неудачи приведут к обострению отношений между многочисленными народами Советского Союза и его развалу. Дружба народов прошла суровую проверку в условиях войны и стала одним из источников победы.

Народы СССР в годы Великой Отечественной войны проявили стойкость и решительность, сплотившись в борьбе против внешнего врага вокруг русского народа. Число отступников и предателей было весьма незначительным.

7. Внешнеполитическим фактором победоносного исхода войны стало создание антигитлеровской коалиции, что обеспечило создание боевого союза всех народов, боровшихся против фашизма.

8. Существенный вклад в общую Победу над фашизмом и милитаризмом внесло движение Сопротивления в оккупированных странах, особенно усилившееся после одержанных Советским Союзом побед под Москвой, Сталинградом и Курском. Во многих оккупированных странах были сформированы партизанские соединения, а затем и национально-освободительные армии, нанешие значительный урон фашистским захватчикам.

Результатом Победы стал неизмеримо выросший международный авторитет Советского Союза, признанного мировой державой, без которой теперь не мог решаться ни один важный вопрос. СССР стоял у истоков создания Организации Объединенных Наций и по праву занял место одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности этого влиятельного международного форума. Прямым следствием поражения реакционных сил стал приход к власти в странах Восточной Европы и Азии народно-демократических правительств, дружественных Советскому Союзу. Это стало основой создания социалистического лагеря. В колониальных и зависимых странах развернулось мощное движение, завершившееся крушением колониальной системы и образованием самостоятельных развивающихся государств.

Библиографический список

1. *65 лет Великой Победы* : [в 6 т.] / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М. : МГИМО – Университет, 2010.

2. *Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистского режима на территории СССР (1941–1945 гг.)*. М. : Экономика, 1985.

Об исследовании проблемы реэвакуации населения в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. В статье раскрывается специфика процесса реэвакуации промышленных предприятий и населения в военный период. Выделены основные этапы реэвакуации; определены их содержание, особенности и сложности в осуществлении. Обозначены основные способы и формы реэвакуации и их последствия как для перестройки народного хозяйства «на военные рельсы», так и для последующей перестройки на мирное развитие.

Ключевые слова: эвакуация, реэвакуация, мобилизация, размещение, перемещение, военное хозяйство, реэвакуированное население, этапы реэвакуации, методы реэвакуации.

Осмысление истории Великой Отечественной войны включает в себя множество проблем, среди которых большое место занимает проблема эвакуации и реэвакуация населения. За годы войны наша страна приобрела уникальный опыт проведения массовой эвакуации и реэвакуации гражданского населения. Однако в исторической литературе, посвященной Великой Отечественной войне, акцент традиционно делался на проблему эвакуации населения. Это, безусловно, является закономерным, так как эвакуация огромных масс населения на восток страны, организация их проживания и включения в процесс производства явились одним из факторов победы СССР в Великой Отечественной войне.

От размеров и темпов эвакуации населения зависело решение задачи спасения жизни миллионов людей, увеличение военно-экономического потенциала восточных районов. Вместе с тем эвакуация и реэвакуация – тесно связанные между собой явления, и изучение процесса реэвакуации населения является не менее значимой проблемой. Эта проблема затрагивалась во многих исследованиях, но долгое время не становилась предметом отдельного изучения. С начала 2000-х годов появились исследования, в которых реэвакуация населения изучается как самостоятельная проблема [1–5; 7; 9–10]. Авторы сосредоточились на выявлении механизмов миграции, государственного регулирования реэвакуации и факторов, влиявших на ее интенсивность и многих других аспектах.

Эвакуация в годы войны приобрела невиданные в мировой практике масштабы: речь шла об эвакуации в тыл миллионов людей. Однако до сих пор вопрос о количестве эвакуированного населения является дискуссионным. В разных исследованиях называемое количество эвакуированных значительно различается. Так, Г. Е. Корнилов в статье «Миграции сельского населения Урала в годы Великой Отечественной войны» определил число размещенного в восточных районах СССР эвакуированного населения в 7,5 млн человек. На международной конференции «Людские потери во Второй мировой войне» крупный исследователь истории Великой Отечественной войны Г. А. Куманев назвал количество участвовавших во всех формах эвакуации, включая отселение из мест боевых действий, в 17 млн

человек. По мнению М. Н. Потемкиной, количество эвакуированных составило от 12 до 17 млн человек. Несмотря на различные оценки, в любом случае речь идет об огромном количестве людей, вынужденных покинуть родные края.

Эвакуированное в связи с военной необходимостью население изначально рассматривало свое пребывание в тыловых районах страны как временное, стремление вернуться домой не покидало их с момента отъезда. Как отмечается в исследованиях, «для массового сознания эвакуированных было характерно подавленное морально-психологическое состояние в момент прибытия в эвакуацию. Это было связано с потерей близких родственников, родного дома, лишениями и тяготами дальней дороги, попаданием в незнакомую и непривычную обстановку» [3, с. 58]. Но если в годы эвакуации люди перемещались в районы глубокого тыла, где их ждали и готовы были разместить, то при реэвакуации люди возвращались в разрушенные города и села. Несмотря на это, желание вернуться домой было определяющим. Люди стремились воссоединиться со своими родными и близкими, оставшимися в западных областях. У многих людей на прежних местах жительства остались родственники, дети, имущество. Родные города в их глазах были символом довоенного благополучия и стабильности. По мере успехов советских войск желание вернуться усиливалось, превращаясь в активные действия.

Возвращение промышленных кадров было необходимо в первую очередь для восстановления экономики западных районов. Но одновременно эвакуированные специалисты были активными участниками производственных процессов предприятий.

Перед Правительством СССР стояла сложная задача – организовать процесс возрождения западных районов, не нарушив при этом слаженной работы тыловых предприятий. Мобилизация трудящихся на фронт породила острую нехватку производственного персонала. Эвакуация в значительной мере облегчила расширение этой проблемы. Из всех трудоспособных людей, прибывших, например, в Свердловскую область, более 50% активно включились в работу на промышленных предприятиях. В среднем доля эвакуированных работников в индустриальном производстве Среднего Урала к концу 1942 г. составила 31%. На некоторых объектах она достигла 50–75%, что фактически приводило к формированию нового трудового коллектива [8, с. 111]. В тыловых областях эвакуированное население трудилось в оборонных отраслях, развитие которых оставалось приоритетным и после победы СССР в войне. Массовая неконтролируемая реэвакуация грозила оттоком с уральских предприятий квалифицированных кадров. Например, из 40 тыс. рабочих Кировского завода в г. Челябинске 6 тыс. были ленинградцы, 4,5 тыс. – харьковчане, 2 тыс. – сталинградцы, 11 тыс. – мобилизованные из армии [4, с. 201]. Без них завод

просто остановился бы. В связи с этим государственные органы направляли и сдерживали процесс реэвакуации.

При анализе процесса реэвакуации населения исследователями выделяются его основные этапы. По мнению Л. И. Снегиревой и Т. А. Сафоновой, реэвакуация насчитывала четыре этапа: 1) с декабря 1941 г. после разгрома гитлеровцев под Москвой до лета 1942 г., когда реэвакуация была приостановлена в связи с новым немецко-фашистским наступлением; 2) после Сталинградской битвы; 3) с 1943 г.; 4) в послевоенный период, вплоть до 1948 г. [7, с. 24–25].

М. Н. Потемкиной, И. З. Самситдиновым также выделяется четыре этапа в ходе реэвакуации, но с несколько другими хронологическими рамками: *1-й этап* – с декабря 1941 г. по осень 1943 г., когда реэвакуация носила персональный характер, порядок ее не был разработан, проходила она параллельно с продолжающейся эвакуацией; *2-й этап* – с зимы 1943–1944 гг. по май 1945 г. В этот период реэвакуация носила организованный и массовый характер, но проводилась в условиях войны; порядок ее был регламентирован правительственными распоряжениями; *3-й этап* – с мая 1945 г. по лето 1946 г. Массовая реэвакуация продолжалась в мирной обстановке, ее организацией планомерно занимались переселенческие управления; *4-й этап* – с лета 1946 по 1948 г. На этом этапе было разрешено свободное передвижение по железным дорогам, в результате чего реэвакуация приняла преимущественно индивидуальный, самостоятельный характер. В конечном счете эвакуанселение было снято с учета и как особая специфическая категория перестало существовать.

А.В. Чуриков в исследовании организационно-производственных и социальных проблем реэвакуации тяжелой промышленности в Челябинской области также выделяет несколько этапов. *Первый* был связан с реэвакуацией в Москву людей и оборудования и проходил в основном зимой 1941–1942 гг. Начавшееся контрнаступление Красной Армии в конце 1941 г. позволило руководителям московских предприятий, направленных в эвакуацию, готовить оборудование и людей к возвращению. Но впоследствии, до 1943 г., любая реэвакуация специалистов была приостановлена. Только в связи с частичным снятием блокады Ленинграда реэвакуация возобновилась. Начало *второго этапа* связано с освобождением оккупированных территорий. На этом этапе реэвакуация производилась в западные и южные районы СССР. После 9 мая 1945 г. миграции эвакуированных происходили уже в условиях мирного времени. В 1948 г. бывшие эвакуированные были сняты с учета и оставлены на постоянное местожительство на Урале.

Особое внимание в исследованиях уделяется изучению механизма процесса реэвакуации. Реэвакуацией руководили государственные органы. В августе 1943 г. при СНК СССР был создан Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. При

всех наркоматах создавались специальные комиссии по восстановлению подведомственных им объектов народного хозяйства, попутно обеспечивающие реэвакуацию людей и материальных ценностей. Общим возвращением людей на прежние места жительства занимался отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения, действовавший в составе аппарата Совнаркома РСФСР, совнаркомов автономных республик и облкрайисполкомов, созданный постановлением СНК СССР от 31 января 1942 г. В компетенцию отдела входила эвакуация и бытовое устройство эвакуируемых. С 14 августа 1945 г. этот отдел вернул себе довоенное наименование – Главное переселенческое управление при СНК СССР, в составе которого действовал отдел по реэвакуации и репатриации, существовавший вплоть до 1950 г. [1, с. 26].

Реэвакуация осуществлялась государственными органами с учетом освобождения территории от врага, снятием военной угрозы и осуществлялась только по решению ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б). На основании этих решений государственно-партийные органы освобожденных территорий отзывали свои кадры. Во всех тыловых областях имелись представители республик и областей, из которых было эвакуировано население. Летом 1943 г. был произведен переучет всего эвакуированного населения и персональный переучет коммунистов, руководящих партийно-советских, комсомольских кадров и специалистов всех отраслей народного хозяйства. На основании решений центральных органов власти на местах проводилась работа по их высвобождению, замене и откомандированию к прежним местам работы.

В ходе изучения проблемы реэвакуации исследователи выделили категории реэвакуирующихся граждан и формы их возвращения. С. О. Козурман выделяет два основных способа возвращения домой: самостоятельный и проводимый государством [2]. Обе формы имели место уже в начале 1942 г., когда правительством было санкционировано возвращение некоторых госслужащих и рабочих некоторых московских заводов, а население некоторых освобожденных территорий своими силами стремилось попасть домой. В реэвакуации, проводимой государством, выделяется реэвакуация, проводившаяся по географическому принципу, когда для отправления домой издавалось специальное постановление СНК СССР. Такие акции особенно активно проводились с осени 1943 г., были связаны с проблемой восстановления освобожденных территорий, для работы в которых в первую очередь направлялись ранее эвакуированные кадры. Автор отмечает и формы реэвакуации по строго определенному профессиональному принципу, когда отправлению подлежали учителя, медики, работники транспорта. Однако наибольшие масштабы по возвращению обеспечила самостоятельная (самовольная) реэвакуация. Неконтролируемые отъезды населения (как правило, сельского) не прекращались всю

войну. Особенно активные масштабы этот процесс приобрел в первой половине 1944 г.

М. Н. Потемкина отмечает, что основными способами возвращения эвакуированного населения на прежние места проживания были: по запросам ведомств, партийных и государственных органов; с предприятиями и учреждениями; по персональным вызовам родственников; по распоряжениям правительства; в составе мобилизованных или переселенцев; по линии «помощи освобожденным районам»; переезд детских учреждений или возврат детей к родителям; индивидуальные самостоятельные передвижения эвакуированных граждан [4].

А. В. Чуриков также выделяет несколько вариантов регулируемого государством возвращения людей в родные места: реэвакуация бывших эвакуированных в составе командированных в помощь освобожденным районам; реэвакуация по вызовам министерств, предприятий, центральных правительственных и партийных органов; реэвакуация рабочих со своими промышленными предприятиями и служащих с учреждениями [10].

Реэвакуация предприятий и населения в Москву и Ленинград регулировалась государственными органами особенно тщательно с целью не допустить их перенаселения. Так, реэвакуация в Ленинград в 1944–1945 гг. началась после полного снятия блокады. Постановлением ГКО 29 марта 1944 г. о первоочередных мерах по восстановлению города предусматривалась реэвакуация 30 тыс. промышленных рабочих. Позднее ГКО и СНК СССР приняли решения о реэвакуации 9 заводов, 29 строительных и проектных организаций, 15 НИИ, 22 учреждений, 18 вузов и техникумов, 14 ремесленных училищ и школ ФЗО. Ведомства, предприятия и учреждения, возвращавшиеся с разрешения правительства в Ленинград, должны были предварительно подготовить жилищную площадь и получить заключение Ленгорисполкома о ее наличии. Предложения о возвращении рабочих и служащих рассматривались Комиссией по реэвакуации. К 1 июля 1944 г. в Ленинград прибыло свыше 87 тыс. рабочих, инженерно-технических работников, служащих, студентов, учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО, а вместе с семьями – свыше 109 тыс. человек. До конца года должны были вернуться 260 тыс. человек. Создавалась угроза необеспеченности населения жильем и всем комплексом социально-бытового обслуживания. По просьбе местных органов власти ГКО 3 сентября 1944 г. принял постановление об ограничении реэвакуации. Все выданные ранее разрешения на въезд в город были отменены. В 1945 г. темпы реэвакуации вновь возросли. В 1946 г. реэвакуация в Ленинград была в основном завершена [6].

Реэвакуация большого числа людей требовала организационного, финансового и материального обеспечения. Ход решения этой проблемы также находится в поле зрения исследователей. Так, в работе Л. И. Снегиревой и Т. А. Сафоновой подробно рассматривается механизм организации

и финансирования процесса реэвакуации. Реэвакуируемые получали полный расчет на производстве, специальный пропуск в паспортном отделе НКВД с указанием места, куда выезжали. Исполкомы территорий, на которых они временно проживали, предоставляли транспорт для доставки людей и их имущества до пунктов погрузки, обеспечивали организационную отправку и медико-санитарное обслуживание в пути следования. Стоимость санитарной обработки реэвакуируемого населения и стоимость медикаментов оплачивалась из средств местных бюджетов на оказание единовременной денежной помощи реэвакуированному населению. Оплату вагонов для перевозки реэвакуируемых производило Переселенческое управление при СНК СССР. Провоз людей по железной дороге оплачивали облисполкомы областей, проводившие реэвакуацию. Кроме того, правительство выделяло деньги для оказания единовременной помощи реэвакуированным. Тем, кто возвращался в частном порядке (безработным, отдельным представителям творческой интеллигенции, детям, больным и престарелым) также выплачивались денежные пособия и предоставлялись материальные льготы, но в меньшем объеме, чем реэвакуируемым в служебном порядке. Л. И. Снегирева и Т. А. Сафонова приводят данные о размере таких единовременных пособий: по 1 тыс. р. на главу семьи и по 250 р. на остальных членов семьи; оплата проезда и рейсовых карточек [7].

Практически все исследователи отмечают, что реэвакуация, проводившаяся не в экстремальных условиях (в отличие от эвакуации), проводилась постепенно, и степень ее организации была неизмеримо выше. Процесс возвращения миллионов людей проходил в более спокойной обстановке, по мере освобождения территории от врага.

Особым аспектом исследований является изучение влияния реэвакуации на социально-экономические и демографические процессы в восточных районах страны. Так, реэвакуация населения предопределила некоторые тенденции дальнейшего развития Уральского региона. Пребывание эвакуированных рабочих, инженерно-технических работников, служащих (в первую очередь, врачей и учителей) на Урале оказало положительное влияние на кадровую проблему. А их реэвакуация привела к оттоку квалифицированных кадров и ухудшила ситуацию обеспечения уральской экономики специалистами. Большое влияние на научную и культурную жизнь Урала оказали прибывшие в эвакуацию из Москвы, Ленинграда и других столичных центров ученые, писатели, поэты, журналисты, актеры, музыканты. В аграрном секторе хозяйства эвакуонаселение не восполнило дефицита рабочей силы. Миграционные процессы, реэвакуация в частности, оказали влияние на демографическую ситуацию в регионе (в результате реэвакуации сократилась численность населения в крупных городах Урала).

Специалисты перебазируемых предприятий составляли костяк трудовых коллективов новых промышленных отраслей – автомобилестро-

ения, танкостроения, промышленности вооружения и боеприпасов. Уровень квалификации эвакуированных специалистов был достаточно высоким, основную массу (около 65%) составляли опытные работники с большим трудовым стажем. Поэтому их реэвакуация приводила к оттоку квалифицированных кадров, создавала кадровый голод в покидаемых регионах и ухудшала ситуацию обеспечения экономики бывших тыловых районов специалистами. В связи с этим государство было вынуждено прибегнуть к жестким методам: часть специалистов, прибывших в эвакуацию с промышленными предприятиями, не подлежали реэвакуации. Местные государственно-партийные органы старались по мере возможности сократить отток кадров. Для этого эвакуированным работникам предлагалось забрать на Урал свои семьи, оставшиеся в западных районах. Но зачастую эти предложения отвергались, так как семьям негде было жить.

Реэвакуация позволила миллионам людей вернуться на прежние места жительства. К началу 1947 г. на территории РСФСР числилось 434 342 эвакуированных [4].

Выделение проблемы реэвакуации населения в самостоятельное направление научного исследования позволяет комплексно изучить особенности этого процесса.

В современных исторических реалиях многие страны мира ежегодно сталкиваются с проблемой необходимости эвакуации людей из районов стихийных бедствий, промышленных аварий, вооруженных конфликтов, мест террористических акций и др. В связи с этим изучение советского опыта эвакуации и реэвакуации населения в военные годы продолжает оставаться актуальным.

Библиографический список

1. *Афанасьева Ю. Л.* Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны : автореферат дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002.
2. *Козурман С. О.* Формы реэвакуации населения из Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения.* 2011. Вып. 1, Т. 1.
3. *Потемкина М. Н.* Психологический аспект эвакуации в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2002. № 16(270). История. Вып. 51.
4. *Потемкина М. Н.* Эвакопоселение в уральском тылу (1941–1948 гг.) : [монография]. Магнитогорск : МаГУ, 2006.
5. *Самситдинов И. З.* Численность населения малых городов Башкирской АССР в 1943–1945 годах. Процесс реэвакуации и ее последствия // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.* СПб., 2010. № 123.
6. *Санкт-Петербург.* Петроград. Ленинград : энцикл. справ. М. : Большая российская энциклопедия, 1992.
7. *Снезирева Л. И., Сафонова Т. А.* Реэвакуация населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы) // *Вестник ТПУ.* 2004. Вып. 4(41).
8. *Сперанский А. В.* Военная доктрина Сталина и ее реализация на Урале в годы Великой Отечественной войны // *Уральский исторический вестник.* 2010. № 3(28).

9. Федотов В. В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности : автореф. дис. ... канд. ист. наук Самара, 2004.

10. Чуриков А. В. Организационно-производственные и социальные проблемы эвакуации и реэвакуации тяжелой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук Челябинск, 2011.

С. З. Гончаров

К вопросу о несостоятельности непротивленчества и нравственной основе воинского служения Отечеству

Аннотация. В статье раскрывается дихотомия двух основных идеологических установок в истории русской гуманитарной мысли – «право народа на сопротивление злу силой» (И. А. Ильин) и «непротивление злу силой» (Л. Н. Толстой). Показана бесперспективность непротивления злу силой и доказана перспективность тезиса И.А.Ильина о необходимости борьбы со злом силой духа. Основные проявления этой силы: патриотизм, воля к Победе, чувство Родины.

Ключевые слова: нравственная мотивация, непротивленчество, сопротивление злу силой, умиротворение, конформизм, долг, героизм, патриотизм. Воля к Победе.

Великая Победа советского народа над германским нацизмом состоялась благодаря, в частности, *нравственной* мотивации: народ вел войну освободительную, *справедливую*. И ныне вопросы о России прямо связаны с волевой готовностью служения Отечеству словом, делом и мечом. Тотальное попираание США и Европейским союзом интересов России, ее достоинства обязывают к мобилизации сил, в которой нравственный компонент является благодатным для сплочения народа. Нарастающая угроза России со стороны НАТО ставит вопрос о духовно-нравственном состоянии личного состава Вооруженных сил России. Такой же вопрос решал выдающийся мыслитель Иван Александрович Ильин (1883–1954).

В сознании многих людей существует оценка христианской позиции как непротивленческой. Но непротивление злу по последствиям означает *подчинение ему, участие* в нем, превращение себя в его *рассадник*. Однако «взявший меч от меча и погибнет». Такова антиномия, которую разрешил в своей книге И. А. Ильин «О сопротивлении злу силою», опубликованной в 1925 г.

Эту книгу желательно прочесть каждому воину, будь то солдат или офицер, каждому юноше, получающему паспорт, независимо от вероисповедания и национальности. В ней Ильин раскрывает несостоятельность учения Л. Н. Толстого о непротивлении злу силою и обосновывает *этику воинского служения*. Мы попытаемся раскрыть наиболее важные для нашего времени положения этой поучительной книги и примыкающие к ней мысли из статей Ильина.

Ряд причин побуждал Ильина исследовать данную тему. Это, в частности, шаткость ума и воли интеллигенции, «белибердяевщина» в идеоло-

гии – «духовно слепая жалостливость, преобладание чувства над волею и обывательского настроения над религиозностью», «беспредметная размягченность души, не умеющей любить Божественное всей душой, не умеющей решать, принимать на себя ответственность и вести волевою борьбу» [1, с. 224].

В сочетании «безвольной сентиментальности, духовного нигилизма и морального педантизма» окрепло учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу силою. Зловредность его воззрений «превосходит во многих отношениях все то, что сделали все остальные, вместе взятые». Его учение – настоящий духовно-культурный нигилизм. Ради сентиментально истолкованной добродетели Толстой отрицает «государство, науку, искусство и христианскую положительную церковную религиозность» [1, с. 267]. Его понимание сводилось к отвержению мира и непротивленчеству. Любовь есть «жалостливость» и исключает «меч». «Спротивление злу силою есть преступное насилие. Любит не тот, кто борется, а тот, кто бежит от борьбы. Жизненное патриотическое дезертирство толкуется Толстым как проявление святости. Можно и должно предавать дело Божие на земле ради собственной моральной праведности» [1, с. 225].

Надо любить (по Толстому, «жалеть») человека, сострадать ему, уговаривать и не огорчать его. «Живи сам доброй жизнью и предоставь другим самим себе». Любовь исключает саму мысль о физическом сопротивлении злу. *Спротивление злу силою есть преступное насилие* – эта основная неверная посылка Л. Н. Толстого, из которой следовали все его последующие суждения.

Внешнюю борьбу со злом надо, по Толстому, прекратить раз и навсегда. Все, кто к ней причастны – разбойники и революционеры, политики и министры, – люди заблудшие. Мораль Толстого эгоцентрична: важно, что я сострадал, а не тот, кому я сострадал; главное – *моя моральная безукоризненность и праведность*.

Художественный гений Толстого, созвучие его учения шаткости российской интеллигенции способствовали большой популярности непротивленчества. Эта же установка, ныне внедряемая либеральной публикой, парализует государственную волю и в современной России в борьбе со злом.

Непротивленчество, как отмечает Ильин, – «идеологическая гангрена: не справившись с нею, русские люди не построят России» [4, с. 269]. Вопрос о сопротивлении злу – это вопрос о способности народа защитить от злодеяний Дело Божие, свой дух и свое тело, свою веру и культуру, государственность и территорию. Поэтому надо перевернуть раз и навсегда толстовскую страницу «русской нигилистической морали и восстановить древнее русское православное учение о мече во всей его силе и славе» [4, с. 225].

Книга Ильина сугубо теоретическая, философская; она содержит не только антитезис учению Толстому, но и синтез верного решения.

Вопрос о сопротивлении злу – это вопрос о «мироприемлющей любви». Кто принимает мир, тот готов защитить в мире самое дорогое для него. Кто примет мир как творение Божие, тот зорче видит земные устремления к совершенству. Отвергающий мир ничего в мире не ценит. Ему нечего оборонять. Он отвергает меч. Как духовный дальтоник он не различает в мире Божественное и дьявольское, добро и зло, Георгия Победоносца и закальваемого им дракона. Но отвергающий мир действительным образом должен отвергнуть и самого себя в мире. Всякий не убивший себя человек, примет мир. Поэтому для каждого живущего в мире проблема меча имеет смысл.

Из этих предпосылок следуют постановочные вопросы для обсуждения: «Смеет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силой и мечом? Смеет ли человек, религиозно приемлющий Бога, его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу силой и, когда необходимо, то и мечом» [2, с. 34].

Ильин настаивает на том, что добро и зло гнездятся *только в душе* в виде чувства и помыслов, решений и намерений. Во внешних материальных процессах самих по себе нет ни добра, ни зла. «Порез на теле нравственно нейтрален». Поэтому борьба со злом – процесс внутренний, духовный. Побеждает зло тот, кто превращает его в добро; кто преображает каменеющую ненависть в благодатную любовь. В этом, как отмечает Ильин, заключена основная сущность борьбы со злом и победы над ним. Физическое пресечение зла имеет дело не с самим злом, а с его *внешним проявлением – злодеянием*; оно не проникает в ожесточенную душу, не преобразует ненависть в любовь, а лишь ограждает других людей от злодеяния и удерживает от злодеяний, тех, кто способен соблазниться злом. Толстой призывает к внутреннему преодолению зла. В этом он прав, и Ильин в данном обстоятельстве с ним соглашается. Но далее Ильин аргументирует свою позицию, которая *отрицает* непротивленчество вообще, а не только в варианте Л. Н. Толстого.

Если бы человек был существом духовным и бестелесным, или если бы человек переживал зло одной душой и, обладая телом, был бы лишен возможности проявлять зло вовне, телесно, тогда физическое воздействие на злодея потеряло бы смысл. Но в действительности душа и тело передают друг другу свои состояния, и человек изливает зло во внешние поступки. Его тело передает его душе чужой протест против его злодеяний. Поэтому физическое воздействие имеет смысл при определенных условиях.

Там, где духовное воздействие оказывается *бессильным*, и злая воля выступает в качестве внешней силы, как слепая злоба, ожесточенная, агрессивная, безбожная, духовно растлевающая, – необходимо злодея за-

ставить, наложить извне волю на внутреннюю или внешнюю деятельность человека и пресечь ее.

Заставить можно психически, обращаясь к душе (приказ, запрет, угроза и т. д.), или физически, обращаясь к телу. *Заставление не совпадает с насилием*. Оно может быть дозволенным. *Насилие же в принципе не дозволено*. Насильник говорит своей жертве: «Ты – средство моего интереса и моей похоти, ты – не автономный дух, а подчиненная мне одушевленная вещь, ты во власти моего произвола» [1, с. 343–344]. Толстой же отождествляет заставление с насилием.

Человек, пресекающий злодеяния, не попирает *автономию* злодея, а требует ее *восстановления*. Он движим *не злобой*, а силой утверждения *справедливости*. Толстой же называет *всякое заставление насилием*, отвергает внешнее заставление как ответ злом на зло, как покушение на свободу другого. Внешнюю борьбу со злом надо, по Толстому, прекратить раз и навсегда. Здесь заключен *источник заблуждений* великого писателя и его многочисленных последователей. Ведь само внешнее физическое воздействие не есть зло потому, что ничто внешнее само по себе не может быть ни добром, ни злом; «оно может быть таковым только как проявление внутреннего добра и зла» [2, с. 44].

Человек может прибегнуть к *самозаставлению*. Немошь в самозаставлении (самопринуждении) ставит вопрос о психическом понуждении со стороны других. Воспитывать слабохарактерных – значит учить их *самопринуждению к добру, а не ко злу*. Для человека, слабого в добре и не окрепшего во зле, внешнее психическое понуждение со стороны родителей, учителей, церкви и государства есть могучее подспорье. В *заставлении физическое воздействие образует последнюю стадию*. Оно необходимо, когда самозаставление не действует, а внешнее психическое понуждение оказывается несостоятельным. Мечта переродить злодея одним нравственным совершенством как примером других людей несостоятельна потому, что «преображение злодея должно быть его личным самостоятельным актом, а не отблеском чужого совершенства» [1, с. 277].

Сентиментальное жалостливое безволие непротивленцев прикрывается ссылкой на волю Божию (как ныне в России относительно отмены смертной казни). Воля Божия толкуется непротивленцами *избирательно*. Когда злодей обижает незлодея (растлеивает детей, кощунствует над святынями и губит Родину), то это «угодно Богу». Когда незлодей сопротивляется злодею силою, то это Богу не угодно. Воля Божия состоит, по мнению непротивленцев, в том, чтобы «никто не обижал злодеев, когда они обижают незлодеев» [2, с. 121]. Непротивленцы не приемлют волю Божию тогда, когда такое приятие повело бы их к героическому волевому служению.

Для Толстого тело злодея неприкосновенно. Исток его морали – «чувство жалостливого сострадания». Человек выступает для него или

страдающим, или жалеющим. Его религия – «мораль сострадания». Это жалостливая, бездуховная любовь общественно вялая, безразличная к последствиям.

Христианство учит «духовной любви». Эта любовь избирает то, что является *объективно лучшим не только для данного человека, данной группы людей, но то, что по своему содержанию спасительно и целительно для каждого человека*; она ценит в человеке не все без разбора, а «образ Божий», стремление к совершенству. Любовь к ближнему есть *любовь к его духу*, а не «просто жалость к его страдающей животности» [3, с. 113]; она есть в первую очередь связь духа с духом, а потом – души с душой, тела с телом. Духовно зрячая любовь знает объективно лучшее, ценит его достоинство и готова к его обороне силой и мечом; она ограничивает действие душевной любви в ее «непосредственном наивном разливе». Человек, угасивший в себе образ Божий, нуждается не в безвольном «да», а в *сурово-осуждающем «нет»*. Это отрезвляющее «нет» происходит из *любви к божественному* в падшей душе. Так возникает «*отрицательный лик любви*», производный от ее *силы в добре*.

Сильный в добре силен в *отрицании зла*. Отрицающая любовь желает каждому человеку духовного просветления; встречая подлинное зло («самоутверждающуюся противодуховную злобу»), она усиливает свое «нет» в такой последовательности: неодобрение, несочувствие, выговор, осуждение, отказ в содействии, протест, обличение, требование, психическое понуждение, строгость, суровость, бойкот, физическое понуждение, пресечение, казнь [1, с. 413].

Кто пресекает зло силою, тот допускает в себя *нравственно-несовершенное, ущербное состояние*. Ибо физическое пресечение зла будит страсти, азарт, кровожадный инстинкт. Отрицающая любовь – урезанная и не святая, она безрадостна и мучительна, сурова и жестка. Она требует *духовной верности и самоочищения, стойкости и выдержки, силы и подвига*.

Ильин дает *следующее решение* трагической проблемы. Тот, кто перед агрессивным злодейством требует идеального нравственного исхода, не понимает «*жизненной трагедии*» – в такой ситуации идеального *исхода нет*. Ибо идеальный исход – это исход *праведный*, т. е. *нравственно совершенное деяние*. Неосуществление такого деяния есть исход *неправедный*. *Всякий грех есть неправедность, но не всякая неправедность есть грех*. Человек грешен тогда, когда он мог совершить дело праведно, потому что *объективные условия* это допускали, но *субъективно* он оказался не на высоте возможностей. Но бывают ситуации, когда *объективные условия исключают праведный исход*. Человек понимает это и, тем не менее, идет на него, пытаясь найти «наименее неправедный исход». Такой поступок есть *сознательное осуществление неправедности*. Но он не является грехом. «Это есть не отпадение от совершенства по субъективной

слабости, а отступление от совершенства по *объективной необходимости* и проявление субъективной силы». В такой ситуации человек творит *не грех, но служение* должному совершенству.

Нравственно-совершенное обязательно для каждого человека всюду, где ему объективно доступен праведный исход. Там же, где такой исход недоступен объективно, там для человека обязателен неправедный исход с наименьшей неправедностью. Ильин делает вывод: «Нравственно-несовершенное не всегда практически запретно. Оно не запретно именно там, где объективно невозможен праведный исход» [1, с. 253].

Путь меча неправедный. Но мудрость жизни состоит в необходимости «мужественно вступать в неправедность, идя через нее, но не к ней, вступая в нее, чтобы уйти из нее». Да, путь меча неправедный. «Но разве есть, – восклицает Ильин, – другой, праведный?». Не тот ли путь сентиментального непротивления, как «путь предательства слабых, соучастия со злодеем»? Человек может потакать злу или сопротивляться. В первом случае он «мечет бисер перед свиньями», чтобы не быть растерзанным. Злодей, попирающий духовное достоинство человека, ставит каждого перед дилеммой: «Предать дело Божие, соблюдая свою праведность, или быть верным Богу, избирая неправедный путь» [1, с. 464]. Мужество и честность требуют духовного компромисса, притягивая своей личной неправедности в борьбе со злодеем как «врагом Божьего дела» [1, с. 465].

Положение меченосца «*нравственно-трагическое*». Выход из него по плечу *духовно* сильным. Сильный человек не бежит от зла в «мнимодобродетельную пассивность», но *входит в трагическое положение, чтобы изжить его*. В этом – его подвиг борьбы и духовного напряжения. Он выносит свои поступки, чтобы пронести «совершенное дело». Он не отрывается малодушно от содеянного, но и не идеализирует его нравственное содержание [1, с. 466]. Он очищает религиозно свою душу, но не раскаивается. Ибо он *не праведен, но прав*.

Справедлив меч, движимый положительной любовью к делу Божию и к Родине, и отрицательной любовью к злодейству. Меч не свят, не праведен, но он необходим в борьбе за дело Божие с силами ада и злодейства.

Ошибочно освящение силы и меча, их вознесение «на высоту совершенства и святости». Это – ветхозаветная традиция, понимающая Божество как «совершенство силы», а не как «совершенство любви и добра». Ошибочно так же налагать запрет на силу и меч, ибо обращение к ним может быть «нравственно и религиозно обязательным». Ошибочно слагать с себя ответственность и перелagать ее на Бога: мол, меч направляет не моя рука, а Бог через меня. Это путь к вседозволенности и деморализации. Это, добавим, американская манера.

Кто не выходит из любви к Богу, тому не страшно временное отступление от праведности. Он чище и выше борьбы со злом, она не ломает его. Принять бремя меча, опасностей и страданий может тот, кто

утвердил свою любовь и жизнь в свете совершенства Божия. В любви ко Христу он имеет живую основу своего личного духа и черпает в ней силу подвига и очищения.

Церковь и государство, монах и воин необходимы друг другу, они совместно утверждают и обороняют *дело Божие – земные содержания в их тяготениях и устремлениях к совершенству*. Молитва монаха – это духовный меч, пресекающий в душе злые помыслы. Меч воина – «огненная молитва», ограждающая дело Божие от злодеяний. В Православии *молитва направляет меч*, но не наоборот. Такова молитва св. Сергия Радонежского и таков меч Дмитрия Донского.

Христос учил не мечу, а любви. Но ни разу не осудил Он меча, «ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела» [1, с. 467]. Ильин цитирует Апостольские послания, где обосновывается меч. Надо сделать все, чтобы палач и меч были бы не нужны. Если же они необходимы, надо их принять. Люди связаны в добре и во зле. Отсюда проистекает необходимость сообща оборонять Родину, веру и святыни. Народ и государство, как отмечает Ильин, должны найти согласие в этом деле. В условиях же общественных потрясений, какие ныне переживает Россия, физические понуждение злодея и пресечение злодейства становятся *патриотической обязанностью граждан*.

Христос призывал любить личных врагов, а не врагов Божиих, не свратителей. Для них Христом было уготовано утопление с жерновом на шее. Человек волен прощать *личные обиды, а не чужие страдания*. Он не вправе предоставлять злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить Родину. Именно так понимало древнее русское Православие идею любви и меча, выговорившее устами св. Феодосия Печерского: «Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами: однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими». Со злодеями, подчеркивает Ильин, необходимо вести борьбу, «но не из личной вражды к ним, а из любви к Богу, к святым, к родине и к ближним» [1, с. 227].

Христианину в обращении со злодеями достаточно вспомнить великий момент, когда *божественная любовь в облике гнева и бича изгнала из храма кощунственную толпу*: «И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец, и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» [Ин. II, 15].

Христос учил любви. Но именно любовь, замечает Ильин, подымлет жертву неправедности. Взявшие меч погибают от меча. Но любовь может побудить человека принять и эту жертву. Так поступали православное воинство и советские воины. «Ибо братья за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божия на земле». Умиравший за такое дело в себе самом, в других людях и в мире отдает «меньшее за большее, личное за сверхличное, смертное за

бессмертное, человеческое за Божие». В этой отдаче «он делает свое меньшее – большим, свое личное – сверхличным, свое смертное – бессмертным» [1, с. 469]. Это источник героизма и героев.

Бессмысленно браться за меч тому, кто не знает и не имеет ничего выше себя и своей личной жизни. Себялюбцу вернее бросить меч и спастись ценой предательства и покорности злодею. Это и предлагают нам сегодня российские непротивленцы. Непротивление злу силою означает объективно приятие зла, самопредание ему, участие в нем, личное добровольное самораствление и самозаражение, распространение заразы среди других людей. Оно есть разрушение человеком своих собственных «волевых стен индивидуального Кремля» [3, с. 39].

«Пока в человеческой душе живет зло, – писал Ильин, – необходим будет меч – сильный в своей неизвлеченности и в своем пресекающем ударе». И *борьба со злом должна быть в руках лучших людей – честных, совестливых, религиозно мыслящих.*

Счастливы монахи, ученые, художники и созерцатели, восклицает Ильин: *им дано творить чистое дело чистыми руками.* Не осуждение они должны нести политику и воину, а благодарность и молитву за них. Ибо «их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела». Непротивленцы обязаны подвигам и страданиям тех, кто из поколения в поколение обуздывал зверя в человеке и освобождал других от *напряжений отрицающей любви.*

Непротивленцы же, пользуясь благами векового дуба, стали подрывать его корни и валить его: они начали осуждать благодетелей, своих защитников, отрицать необходимость пресечения злодейства, *ханжески гордиться своей нравственной чистотой.* Отвергает путь меча тот, – бросает в лицо сентиментальным моралистам Ильин, – кто всю жизнь мирился с несправедностью «в свою пользу». А когда необходимо принять на себя бремя служения, тогда такой моралист вспоминает о том, что он должен быть безгрешным праведником. Но опять в свою пользу. Если бы теория непротивленцев стала практикой, то на свете остались бы одни злодеи и рабы. Мы опускаем из-за малого объема статьи анализ острой полемики, которую вызвала книга Ильина.

Последние 20 лет часть средства массовой информации в России не благодарность и духовную поддержку вселяли в души воинов, а нигилизм в отношении вооруженных сил нашей страны; армия представлялась как нечто тяжкое, примитивное, опасное и как бессмысленная трата времени для молодого человека. Рефрен один: родители, спасайте своих детей от служения в армии, ибо в армии царят «дедовщина», издевательства над достоинством личности и т. д. В последние два года произошел перелом в отношении к воинскому служению.

Служение, а тем более, жертвенность для наших либеральных СМИ то же, что красная тряпка для быка. Служить надо интересам сугубо

индивидуальным и своему клану, близкой по интересам социальной группе. Все остальное – «демагогия тоталитаризма» для дураков, для «лохов». Между тем в армии минимальное количество негатива по сравнению с преступлениями в быту, на улице, на автомобильных дорогах, среди хозяйствующих субъектов (заказные убийства и т. п.). Служба в армии молодых призывников – это продолжение того долга, а бывает, и жертвенности, которые творили на протяжении столетий наши предшественники ради сохранения и блага Отечества; это школа мужания, патриотизма, волевой подготовки новых поколений.

Чью армию я считаю своей – такова моя идентичность. Вот как И. А. Ильин советовал вселять в юные души образ армии: «Армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины; воплощенная храбрость моего народа, организация чести, самоотверженности и служения – вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем. Ребенок должен научиться переживать успех своей национальной армии как свой личный успех; его сердце должно сжиматься от ее неудачи; ее вожди должны быть его героями; ее знамена – его святынею. Сердце человека вообще принадлежит той стране и той нации, чью армию он считает своею. Дух воина, стоящего на страже правопорядка внутри страны и на страже родины в ее внешних отношениях, отнюдь не есть дух „реакции“, „насилия“ и „шовинизма“, как думают иные даже до сего дня. Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, – родина останется без обороны, государство распадется, и нация сойдет с лица земли. Преподавать ребенку иное понимание, значит содействовать этому распаду и исчезновению» [3, с. 207].

Любимое, родное и совершенное нравственный человек оберегает и защищает словом, делом и мечом. И. А. Ильин обличает моральное дезертирство непротивленцев и раскрывает отечественную нравственную традицию воинского служения, которую призваны ныне унаследовать воины России.

Библиографический список

1. *Ильин И. А.* Идея Корнилова. Из речи, произнесенной в Праге, Берлине и Париже // Собр. соч. : [в 10 т]. М. : Русская книга, 1995. Т. 5.
2. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собр. соч. : [в 10 т]. М. : Русская книга, 1995. Т. 5.
3. *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч. : [в 10 т]. М., 1993. М. : АСТ, 2003. Т. 1.

В. М. Гончарова

Роль идеологической работы в условиях Великой Отечественной войны

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы организации идеологической работы в условиях военного времени. Особое внимание обращено на воспитательную работу по формированию патриотизма среди школьников. Отмечено внимание к отечественным традициям и историческому опыту жизни народа в процессе воспитания гражданской позиции молодежи.

Ключевые слова: идеология, идеологическая работа, идеологическая борьба, воспитание, русский патриотизм.

Одержат глобальную историческую победу над сильным и опасным врагом можно только, обеспечив единство и целеустремленность деятельности всего народа на фронте и в тылу. Советские люди были готовы на любые лишения и жертвы, чтобы отстоять свою Родину. Это явилось решающим условием Великой Победы. Вся идеологическая работа традиционно проводилась и направлялась соответствующими органами Коммунистической партии и Советского государства. Это была по своей сути огромная духовная работа русского народа и всех народов СССР.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков констатировал: «Великая Отечественная война явилась величайшим военным столкновением социализма и фашизма <...> В результате влияния советского образа жизни, огромной воспитательной работы партии в нашей стране сформировался человек, идейно убежденный в правоте своего дела, глубоко сознающий личную ответственность за судьбу социалистической Родины» [1, с. 729].

Идеологическому и патриотическому воспитанию в годы социализма в нашей стране всегда уделялось большое внимание. Оно было основой всей воспитательной работы с детьми, молодежью и практически всеми категориями взрослых людей. В годы довоенных пятилеток в базовые основы воспитания были внесены определенные изменения, усилена их идеологическая направленность с учетом обострения международной обстановки.

В ноябре 1938 г. ЦК ВКП(б) принял решение об улучшении постановки партийной пропаганды, что явилось по сути упорядочением организации идеологической работы. В 1938–1939 гг. открываются в крупных городах университеты марксизма-ленинизма, создается Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Во всех учебных заведениях вводится курс основ марксизма-ленинизма. В мае 1941 г. разрабатывается проект постановления ЦК ВКП(б) о необходимости активизации военной пропаганды на страницах газет, о выделении Политуправлением политической пропаганды Красной Армии лучших военных пропагандистов для чтения лекций, о подготовке и выпуске в свет военной библиотечки, о включении в учебный план Высшей партийной школы, Высшей школы парторганизаторов и Ленинских курсов при ЦК ВКП(б) курса «Военное дело» [4, с. 244].

Была поставлена идеологическая цель – укрепить как исторические традиции единения и сплочения Советского народа в борьбе против захватчиков, так и новые социальные ценности, сформировавшиеся и утвердившиеся в советский период.

Идейно-политический и моральный потенциал общества укреплялся военно-патриотическим воспитанием. С содержательной точки зрения основными его направлениями в предвоенные и военные годы были следующие:

воспитание веры в справедливость войны Советского Союза: разъяснение ленинских идей о защите социалистического Отечества, справедливости характера и целей Советского Союза в войне;

пропаганда преимуществ советского социалистического строя: ликвидация эксплуатации, руководящая роль Коммунистической партии, рост экономического и оборонного могущества СССР, развитие национальных республик и пр.;

воспитание на боевых и революционных традициях: история русского народа, исторические герои, полководцы, традиции русской гвардии, учреждение орденов, боевые традиции советского периода, культурно-исторические традиции народов СССР и пр.;

пропаганда подвигов советских воинов на фронте, героической борьбы в тылу врага: стойкость в боях, отвага, мужество, массовый героизм и пр.;

воспитание молодежи в процессе военно-физической подготовки, в ходе всенародной помощи фронту, во время массовых военных мобилизаций, в работе с эвакуированными и пр.;

разоблачение идеологии и политики фашизма: реакционность идеологии и морали фашизма, политики мирового господства, расового превосходства, зверства фашистского оккупационного режима и пр.

Патриотическое воспитание стало накануне Великой Отечественной войны главной составляющей идеологического воспитания молодежи, объектом научного исследования и важнейшим элементом государственной политики. Формируется новая модель патриотического воспитания, целью которой было становление человека-гражданина, патриота Советского государства, реализующего себя ради целей общества, живущего общественной жизнью гораздо больше, чем собственными интересами. «Мы требуем от нашего гражданина, чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг...» и мог «выбирать правильное поведение, наиболее полезное для общества» [5, с. 96]. Данная модель патриотического воспитания тогда была представлена многими советскими учеными и педагогами – педагогическими трудами и экспериментами П. Н. Лепешинского, П. П. Блонского, В. Н. Сорока-Росинского, А. С. Макаренко и др.

Идеологическое воспитание школьников и молодежи в тот период включает в себя пропаганду героизма – жертвенного служения Отечеству, аскетизма как отрешенности от личного во имя общественного, самоотверженного труда на благо общества, непримиримости к паразитическому образу жизни.

В этом смысле нельзя не отметить большой воспитательный потенциал комсомольского и пионерского движений, которые формируются как важнейшие звенья политической социализации и патриотического воспитания молодежи.

В 1930-е годы, а также в начальный период войны, была в основе своей реализована идея создания «нового советского человека», воплотившего в себе такие черты, как беззаветное служение идеалам социализма, верное служение Родине, ее защита в случае нападения врага, а также интернациональный долг перед угнетенными народами, находящимися под «пятой фашизма». Данная идея произросла не на голом месте, она глубокими историческими корнями уходила в идеологию русской цивилизации. Любовь к Родине, преданность ей, стремление своими действиями служить ее интересам, ощущение неразрывной связи со своим народом, культурой, бытом и нравами – неотъемлемые черты коренного русского человека.

Основы русского патриотизма выражены святым Иоанном Кронштадским: «Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества Небесного, поэтому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную» (цит. по: [4, с. 88]).

В 1930-е годы первыми примерами такого советского патриотизма была гражданская война в Испании, когда по линии Коминтерна сотни молодых людей, комсомольцев были переправлены на Пиренеи, в республиканскую армию бороться с франкистами.

События 1938 г. на озере Хасан и события 1939 г. на реке Халхин-Гол также были проникнуты данной идеей: мужественная оборона советскими пограничниками, большинство из которых были комсомольцами, дальневосточных рубежей СССР в 1938 г. и разгром японской квантунской армии в Монголии в августе 1939 г.

В сентябре 1939 г. части Красной Армии перешли границу с Польшей и совершили освободительный поход на земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Эти земли исконно входили в состав России, начиная с образования Древнерусского государства, поэтому вернуть их было делом большой важности. Для народов Белоруссии и Украины – это было желанное воссоединение, исключая малочисленные группы националистов.

Именно в этих, тогда еще предвоенных, событиях была испытана на прочность идея советского патриотизма с двумя главными ее составляю-

щими – собственно патриотизма по отношению к своей стране и интернационализма.

С началом войны на территории СССР идеологическая работа становится одним из главных и самостоятельных направлений борьбы с врагом. Ее средства и методы изменяются и совершенствуются в зависимости от конкретных действий и ситуаций. В первые полтора года войны идеологическая работа была направлена на то, чтобы поднять весь народ на Отечественную войну и не допустить врага к жизненно важным центрам страны. «Всё для фронта, всё для победы!» – главный лозунг всей жизни страны. С ноября–декабря 1942 г. идеологическая работа проводилась под лозунгом «За полное изгнание немецко-фашистских захватчиков из пределов нашей Родины!». В последний период войны работа была посвящена окончательному разгрому и капитуляции фашистской Германии, освобождению стран Восточной Европы от фашизма.

Как известно, первый период войны был наиболее драматичен, он потребовал от руководства страны, от армии, от всех советских людей полной самоотверженности. Справедливая война вызывала патриотизм миллионов советских людей, которые проявляли инициативу и давали отпор врагу. По инициативе москвичей и ленинградцев в стране стало создаваться народное ополчение: в июле–августе 1941 г. в него было принято около 2 млн человек [3, с. 154]. В тылу врага формировалось мощное партизанское движение, руководимое из Центра.

Одновременно государство продолжало укреплять обороноспособность и проводить необходимые чрезвычайные меры. Вводился институт военных комиссаров; были подписаны приказы № 270 и 277, которые известны под девизом «Ни шагу назад!»; стали создаваться заградительные отряды. Это усилило ответственность за трусость, дезертирство, панику и неисполнение приказа. Следует помнить, что враг, напавший на нашу страну, был очень силен и ставил своими целями не просто оккупацию и покорение советского народа, а его уничтожение, и противостоять этому было возможно часто с помощью именно чрезвычайных мер.

Идеологическая работа была успешно развернута в тылу с целью превращения страны в единый военный лагерь. Были осуществлены массовая эвакуация и перебазирование предприятий из оккупированных врагом территорий в центральные и восточные районы страны. Были использованы все необходимые идеологические средства для того, чтобы поддержать и направить работу тружеников тыла. Одним из таких средств являлась партийная и советская печать. Основной печатный орган газета «Правда» публиковала военно-политические документы, сводки из действующей армии, материалы о работе тружеников тыла, всенародной борьбе по ту сторону фронта. Несмотря на острую нехватку бумаги, принимались действенные меры, чтобы не допустить перебоев в издании газет, журналов и другой пропагандистской литературы. В декабре 1942 г.

ЦК ВКП(б) вынес постановление «О газетных витринах на станциях железных дорог». Такие витрины оборудовались во всех многолюдных местах. Одновременно было дано указание об упорядочении распространения печати и предложено передавать по радио возможно больше материалов из газет [4, с. 317].

Развивалась и приобретала черты военного времени устная пропаганда. Выступления ответственных партийных и советских работников были посвящены положению на фронтах, вопросам внутренней и внешней политики Советского государства. Была развернута постановка политической информации как на фронтах, так и в тылу. Велась пропаганда экономических знаний. Партийные и профсоюзные организации проводили производственные общественные смотры и конкурсы. Это способствовало повышению производительности труда, увеличению выпуска продукции за счет рационализации производства. С февраля 1942 г. в стране началась плановая мобилизация на промышленные предприятия и стройки среди трудоспособного городского населения, включая 14-летних подростков. Резко возросла доля женского труда в отраслях производства.

В условиях военного времени появились новые формы привлечения людей к труду, существенно изменились характер и формы труда. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» во всех отраслях промышленности, обслуживающих фронт, устанавливались обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 ч ежедневно, за исключением женщин, находящихся в декретном отпуске. Это означало удлинение рабочей смены в среднем до 10 ч [7, с. 361]. Однако, несмотря на такие тяжелые условия труда, а часто и быта, советские люди не теряли мужества. Проявлялись самые лучшие человеческие качества – взаимопомощь, поддержка, уважение и приоритет общественных интересов над личными – все, что воспитывалось и формировалось годами в советском обществе, что пригодилось в годы войны и приближало Победу.

Победа в Великой Отечественной войне – это Победа всех наций и народностей Советского Союза. В годы войны и фронт, и тыл были многонациональными. Это отражалось в идеологической работе. Уже в первые месяцы войны в связи с увеличением национальных формирований и прибытием на фронт в составе резервов Ставки ВГК большого количества воинов нерусской национальности в Вооруженных Силах значительно активизировалась работа по воспитанию личного состава в духе дружбы и боевого братства народов СССР. В войсках уделялось большое внимание разъяснению вопросов национальной политики государства, чаще проводились доклады и беседы на темы «Красная Армия – армия братства между народами нашей страны», «Что дала Советская власть народам СССР», «На фронтах Отечественной войны защищать независимость всех национальных республик», «Роль великого русского народа, народов Со-

ветского Союза в Отечественной войне против гитлеровской Германии» и др. С красноармейцами, не знавшими русского языка, массово-политическая работа проводилась на их родном языке. Опыт работы среди воинов нерусской национальности периодически обсуждался и анализировался в Совете военно-политической пропаганды при Главном политическом управлении Красной Армии [2, с. 117].

В идеологической работе особое место отводилось литературе и искусству как действенным формам мобилизации духовных сил народа на разгром врага. На страницах газет и журналов печаталось большое количество статей, написанных известными советскими писателями, публицистами, очеркистами. В области военной публицистики работали лучшие писатели страны: А. Толстой, М. Шолохов, А. Фадеев, И. Оренбург, Л. Соболев, Н. Тихонов, Б. Полевой, Б. Горбатов и др. Находясь в действующей армии, они реально отражали фронтовую жизнь. С большой эмоциональной силой были написаны статьи, посвященные битве на Волге. Среди них «Разгневанная Россия», «Черные дни гитлеровской армии», «Красная Армия наступает» А. Толстого, «Когда они отступают», «Сталинград» И. Оренбурга и др. Создавались и фундаментальные произведения. М. Шолохов публиковал главы из романа «Они сражались за Родину», Б. Горбатов работал над книгой «Непокоренные». Герои этих произведений – бесстрашные бойцы, самоотверженные труженики, патриоты-партизаны.

Показательным в те годы было творчество советских поэтов, многие из которых являлись военными корреспондентами в действующей армии. Высокохудожественные произведения создали А. Твардовский, Н. Тихонов, А. Сурков, К. Симонов, П. Антокольский, О. Берггольц, В. Инбер и др. Стихи и песни звали воинов на самоотверженную борьбу с врагом, способствовали воспитанию у них любви и преданности Родине, верности воинскому долгу, ненависти к захватчикам.

Советская литература военных лет была многонациональной. Звучали голоса писателей и поэтов всех народов Советской Родины: Джамбула Джабаева, М. Бажана, П. Бровки, С. Вургуна, А. Исаакяна, В. Лациса, С. Нерис, М. Рьльского, М. Танка, П. Тычины и др.

Несмотря на серьезные трудности издательского характера, обусловленные военной обстановкой, книги лучших писателей выпускались значительными тиражами. Многие произведения по частям публиковались на страницах газет и передавались по радио. В программу радиопередач, например, был введен специальный раздел «Дневник писателя».

Большой вклад в идеологическое и патриотическое воспитание советского народа внесли работники театрального искусства. Их несомненной заслугой стало создание фронтовых театров и бригад, организация шефских концертов. Художественным обслуживанием действующей Советской армии занимались 20 фронтовых театров, десятки и сотни кон-

цертных бригад. Много внимания, уделялось организации шефских концертов для раненых воинов, для рабочих, колхозников. С первых дней войны постоянно работали на фронте чтецы Н. Эфрос и П. Ярославцев, танцевальная пара А. Редель и М. Хрусталева, жонглер В. Спивак, вентролог М. Донская, конференсье Н. Плинер, певицы К. Шульженко, Е. Орленева и Э. Назарова, украинский юморист М. Глек, сатирики Н. Тоддес и Л. Домогацкая, И. Набатов и многие другие артисты эстрады.

Все ведущие театры страны также работали на Победу. Среди артистов, активных участников художественных бригад на фронтах, были И. Москвин, В. Качалов, Н. Хмелев, Б. Добронравов, М. Тарханов, А. Тарасова, А. Зуева, В. Ершов, Н. Дорохин (МХАТ), А. Яблочкина, П. Садовский, А. Остужев, Е. Турчанинова, В. Пашенная, М. Царев, С. Межинский, Н. Анненков (Малый театр) и др.

На фронт в годы войны выезжало более 40 тыс. артистов, которые дали в общей сложности свыше 1,5 млн концертов.

В годы Великой Отечественной войны в полную меру проявились мощные духовные силы советского народа, сформированные в предыдущий период, развитые и подкрепленные идеологической работой. Советский народ выстоял войну духовно и идеологически.

В последние годы много исследовались разные источники и факторы Победы. Но среди них идеологическому фактору уделялось меньше всего внимания. Однако сегодня обстоятельства заставляют исследователей к нему обратиться и присмотреться вновь. Именно изучение опыта мобилизации духовных и патриотических сил того периода может принести помощь современным патриотическим силам в нелегкой современной идеологической войне русского народа.

Библиографический список

1. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. : Агентство печати Новости, 1970.
2. *Идеологическая работа КПСС на фронте в 1941–1945 гг.* М. : Политиздат, 1979.
3. *История Коммунистической партии Советского Союза.* М. : Политиздат, 1978.
4. *История* : учеб. пособие : [в 2 ч.] / под общ. ред. К. П. Стожко. Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2013. Ч. 2.
5. Макаренко А. С. Лекции о воспитании детей. Минск, 1978.
6. Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М. : Алгоритм, 2010.
7. Стожко К. П. История экономики : курс лекций. Екатеринбург : ИППК УрГУ, 1998.

Итоги и уроки постсоветского реформирования высшей школы

Аннотация. В статье рассмотрены направления реформирования российской высшей школы в военное и послевоенное время, а также уроки такого реформирования на современном этапе. Показаны результаты расширения свободы, гуманизации и демократизации, развития плюрализма для современной высшей школы. Дана оценка практики навязывания школе метода всеохватного тестирования, рыночной организации отношений внутри вуза. Особое внимание уделено практике формирования ведущих вузов страны, развитию открытой системы библиотечных ресурсов.

Ключевые слова: высшая школа, реформа образования, гуманизация образования, образовательные услуги, тестирование.

Общеобразовательная и профессиональная школа страны вот уже более полувека продолжает пребывать в состоянии перманентного реформирования. Необходимость преобразований школы объяснялась задачами преодоления консерватизма, приближения образования к жизни и запросам практики, развития педагогической инициативы и самоуправленческих начал.

Ради справедливости следует отметить, что до пресловутой «перестройки» изменения в образовательной системе носили, в основном, характер совершенствования и улучшения. Школа продолжала в целом следовать принципам научности, системности и основательности преподавания и изучения основного цикла дисциплин, достижения содержательного и смыслового единства образования, целостности процесса обучения и воспитания учащихся, соответствующего дидактического обеспечения. Школа оставалась единой, государственной, общеобразовательной системой, всеобщей и обязательной для всех практически до совершеннолетия, имела трудовую направленность на основе освоения общеполитехнических начал. Образование объявлялось общенародным, общегосударственным и партийным приоритетом.

На излете советской эпохи сложилась своеобразная «избыточность» высшего образования как практически общедоступного социального блага. Этот феномен рассмотрен в трудах А. А. Зиновьева, А. С. Панарина, А. П. Ветюшкина, С. Г. Кара-Мурзы, М. Н. Руткевича, Л. Я. Рубиной. В нем акцентированы черты, свидетельствующие о своеобразном воплощении просвещенческих идей, особенно в части оценки места и значения науки, образования, прогресса в жизни общества. Исследователи отмечают, что стремление дать образование, превышающее реальные потребности и возможности общества, ставшее чертой социалистической общественной формации, породило своеобразную закономерность – самые образованные слои все более испытывали дискомфорт из-за невостребованности значительной части своих знаний и способностей социумом. Возникший в связи с этим феномен неудовлетворенной потребности в самореализации имел далеко идущие негативные последствия.

Начало «перестройки» характеризовалось появлением «волны» реформаторского идеализма. Ожидания вузовского сообщества были связаны с демократизацией управления, усилением академической самостоятельности и независимости высшей школы, обращением к интересам студентов, которым предполагалось предоставить широкие права самоуправления.

Радикальные рыночные преобразования и кризис 1990-х годов вылились в сильнейшую деградацию всех структурных элементов высшей школы как социального института общества. Задолго до всех драматических потрясений XX века пророческим оказалось предупреждение А. И. Герцена относительно коренной ломки общественных устоев. Как диалектик он полагал, что «новые формы должны все обнять и вместить в себе все элементы современной деятельности и всех человеческих стремлений, не душить одни стихии в пользу других, а уметь все согласовать – к общему благу. Новый водворяющийся порядок должен явиться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар по старому миру, он не только должен спасти все, что достойно спасения, но и оставить на свою судьбу все невмещающее, разнообразное, своеобразное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании. Нет, великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь нужна людям – проповедь неустанная, ежеминутная <...> Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения, – апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам». А иначе: «Дико необузданный взрыв, вынужденный упорством (старого. – А. Д.), ничего не пощадит, сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те пределы сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях с начала цивилизации» [1, с. 578–593].

Нанесенный образованию и науке удар переходного периода носит особо сильный и кумулятивный характер, он намного превосходит общий уровень социально-экономического кризиса. Образовательная индустрия в условиях рынка ушла в сторону от реального сектора экономики. Понятие «общественное благо» применительно к образованию претерпело существенную трансформацию. В нем произошла элиминация общего социального смысла и духовно-нравственного начала. Образование и даже воспитание оказались подверстанными под «экономику услуг». Появился и утвердился термин «образовательная услуга». Повсеместное и поголовное увлечение рыночной эйфорией захватило и профессиональное образование всех уровней и организационно-правовых форм. Практически во всех высших, средних и даже начального уровня профессионального образования учебных заведениях началась массовая и скороспелая подго-

товка экономистов, юристов, менеджеров, маркетологов и специалистов по коммерции. Говоря рыночным языком, «пошел процесс» освоения не свойственных большинству вузов непрофильных активов. Что касается вновь открываемых и образуемых частных, коммерческих вузов, а их число сегодня превысило количество государственных чуть ли не вдвое, то все они занялись подготовкой специалистов для бизнеса. Сотни учреждений начального профессионального и среднего профессионального образования были переданы с федерального уровня на бюджеты регионов без достаточных вложений в развитие инфраструктуры.

Практически были подорваны выдающиеся завоевания отечественного образования и фундаментальной науки, а деструктивные тенденции продолжают свою разрушительную силу и сегодня. При этом имело место формальное усиление образовательной активности. В Советском Союзе было почти 900 вузов, и только 65 из них имели университетский статус. В современной России насчитывается 1 429 вузов различных категорий и форм собственности и 2 200 филиалов. В настоящее время ведут профессиональную образовательную подготовку 370 государственных университетов, 191 академия, 194 института. Сегодня в России функционирует 13 негосударственных университетов, 30 академий и 631 институт. Из имеющихся 383 университетов 94 являются по своему статусу и назначению классическими университетами, 75 – техническими, 214 – профильными. Общая численность студенчества оценивалась на тот период в 7,5 млн человек [7, с. 6–15]. Две трети студентов обучалось на коммерческой основе. Каждый двадцатый россиянин был студентом, а в занятом населении – каждый десятый. Тысячная часть российской студенческой аудитории обучалась в Шадринском государственном педагогическом институте, который имеет почти вековой опыт педагогической подготовки.

Чрезмерное, по многим оценкам, количественное разрастание сферы высшего образования в постсоветской России официальные источники в основном оценивают как досадное административное упущение, следствие «хаоса 90-х». Однако рассматривать данный феномен можно как здоровую и закономерную реакцию высшей школы на социально-экономические настроения. И как самый наглядный и масштабный пример саморегуляции общества. Вузы, в том числе и негосударственные, выполняли по своему существу и назначению общесоциальную государственную функцию, замещая Российское государство в обеспечении занятости молодежи [8; 9].

С начала бурных 1990-х годов в стране нарастал «неуправляемый» процесс социально-экономических и общественно-политических перемен. Он захватил общеобразовательную и профессиональную школу. Образовательное поле было во многом пущено на самотек. Начался своеобразный «дрейф» его концептуальных, методологических и содержательных основ, происходила ломка организационно-педагогических форм. В обра-

зовании началось насильственное внедрение западных стандартов, его захлестнул поток недоброкачественной литературы, рушился институт воспитания, сжимались финансовые и материально-технические «тиски» самого существования образовательных учреждений. Время от времени в общественное сознание вбрасывалась «идея» о приватизации учебных заведений, введение «образовательного ваучера», государственного именованного финансового обеспечения (ГИФО) и т. п.

«Крестовый поход» экономистов, юристов и «эффективных менеджеров» во власть, в производство, образование, культуру и науку закончился позорным крахом, чередой непрекращающихся кризисов. Наиболее провальным из них стал дефолт (1998 г.) и не преодоленный до конца кризис 2008–2009 гг., перешедший в новую фазу на рубеже 2014–2015 гг.

Анализ номенклатуры направлений и специальностей высшего профессионального образования свидетельствует о том, что в России на протяжении последних лет сохраняется и воспроизводится не только архаичная, но и далекая от подлинных запросов социально-экономического развития структура кадров. Дисциплинарная структура профессиональных кадров современной России сформировалась еще во времена СССР в эпоху индустриального общества и воспроизводит сегодня себя в иных исторических условиях. Она была адекватна индустриальной стадии общественного развития и ей соответствовала. Однако не отвечает современным задачам социально-экономического развития и формирования научно-технологического комплекса страны.

Снижение темпов экономического развития страны обусловило сложности финансового обеспечения образования. На протяжении последних 5 лет наблюдался весьма значительный рост бюджетных расходов на одного обучающегося в среднем почти на 13,5% в год. При этом семейные инвестиции в человеческий капитал детей составляли около 18% совокупного объема затрат на образование [2].

Совокупные расходы на образование из средств бюджетов бюджетной системы России, а также расходы семей в 2010 г. составили более 2,2 трлн р., а в 2012 г. уже 2,4 трлн р., т. е. около 4,9% валового внутреннего продукта [2]. Несмотря на это, по показателю расходов на образование в расчете на одного обучающегося по отношению к валовому внутреннему продукту на душу населения Россия уступает большинству стран Организации экономического сотрудничества и развития. Опыт зарубежных стран показывает, что реализация эффективных программ модернизации экономики требует увеличения доли национального дохода, расходуемого на образование (в целом и в пересчете на одного обучающегося). Образовалась недопустимая в социальном отношении дифференциация между регионами и муниципалитетами в финансовом обеспечении аналогичных услуг, гарантированных законодательством.

По твердому заявлению руководства страны, государство возвращается в образовательную систему. Осуществляется статусная поддержка вузов, которые предлагают инновационные программы развития, ориентированные на серьезные исследования, на интеграцию науки и образования. В результате реализации приоритетного национального проекта «Образование», национальной образовательной инициативы «Наша новая школа», региональных проектов модернизации систем общего образования существенно обновлена инфраструктура общего образования. В последние годы увеличились вклады в инфраструктуру профессионального образования, в том числе в рамках приоритетного национального проекта «Образование». Десятым съездом ректоров России (31 октября – 1 ноября 2014 г.) принята доктрина «Новые университеты – для новой России». Совместными усилиями государства и университетов удалось существенно модернизировать информационно-технологическую инфраструктуру высшего образования.

Однако задача формирования открытой системы библиотечных ресурсов высшего образования еще далека от своего решения. В России лишь небольшая группа университетов имеет современные кампусы, что снижает эффективность образовательного процесса в целом и привлекательность университетов для зарубежных студентов. Мобильность студентов не поддерживается достаточным числом и качеством общежитий. Образование – скрепы государства, а значит, нужна мобильность студентов, аспирантов, преподавателей.

Одним из основных направлений структурных преобразований системы профессионального образования стало выделение категорий ведущих вузов для интенсификации развития всей системы высшего образования (проводников модернизации). Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет, федеральные и национальные исследовательские университеты разработали и реализуют программы развития, поддержанные государством.

Рыночные и плановые регуляторы подготовки специалистов в соответствии с государственными, общественными и личностными потребностями должны формироваться в их взаимодополняемости, взаимосвязи и взаимообусловленности. Негативные последствия отказа от планирования подготовки специалистов выразились в глубокой деформации всей социально-профессиональной и квалификационной структуры современного производства, в изменении мотивации абитуриентов и их родителей при выборе специальностей и направлений подготовки. Возобладали мотивы престижности, успешности и «выгодности» при выборе профессии.

Наиболее тяжелый удар по школе пришелся на последний двадцатипятилетний период – так называемый период перестройки и последующего реформирования и модернизации всей общеобразовательной системы.

Стратегическим направлением «преобразований» стали: идеи свободы, гуманизации и демократизации, плюрализма; установка на непрерывность постоянных инноваций, навязывание школе метода всеохватного тестирования; рынкомизация в организации и функционировании образовательных учреждений; «размыв» образовательного поля, предметного эклектичного набора, подрыв смыслового и содержательного единства образования; разрушение института воспитания учащихся.

С начала 1990-х годов после фактического упразднения государственных институтов воспитания и ухода государства из сферы образования главным воспитателем в стране стали средства массовой информации, особенно телевидение, пропагандирующие культ насилия, пошлости и разврата. Формирование личности, душевного склада молодого человека происходит в условиях общественного кризиса, стихийного воздействия негативных социально-экономических, политико-правовых и социокультурных факторов, под влиянием собственных, ничем не сдерживаемых влечений, инстинктов, страстей. Сегодня молодое поколение, чье детство и юность выпали на годы перестройки и реформ, уже пополняет ряды студенчества. Горькие плоды такого «просвещения», а вернее растления, налицо: распущенность, отсутствие элементарной культуры, неуважительное отношение к преподавателям и вообще к старшим, нежелание трудиться и учиться, чисто потребительское отношение к жизни получили широкое распространение среди учащейся молодежи. Угрожающие масштабы приобрели никотинизация, алкоголизация и наркотизация молодежи, игромания – вот плоды цивилизационных преобразований, оторванных от корней, традиций и духовный основ.

Длительное отсутствие государственной политики в отношении молодежи и высшей школы выразилось, в том числе, и в нежелании распорядиться ресурсами для обеспечения социального, профессионального жизненного становления студенчества. Отдав эту сферу целиком «на откуп» вузам, государство предоставило им почти полную свободу действий, а вступившие в действие законы рынка мотивировали вузы к минимизации издержек и максимизации прибыли. С былой «избыточностью качества» образования было бесповоротно покончено. Ничуть не преуменьшая достоинств и завоеваний советского прошлого, следует все же критически оценить его определенные издержки. Они выражались в нарастающих иждивенческих устремлениях и отсутствии полноценной самостоятельности, в отсутствии подлинной субъектности самих учащихся и студентов, широком распространении «троечного» подхода к учебе, в формализации и бюрократической заорганизованности инициативы учащейся молодежи.

Социализация личности в условиях рыночных отношений и под влиянием чисто рыночных ценностей усложнилась. Ее содержание и формы несут в себе главное противоречие. Оно заключается в том, что рынок ре-

агирует на отдельное, частное, прибыльное, в том числе и в запросе на специалистов. Общество же объективно заинтересовано в образовании и воспитании всесторонне развитого специалиста-интеллекта. Социализация личности студента становится однобокой, противоречивой по характеру и своей направленности. С одной стороны, экономический либерализм и финансовый рационализм, индивидуализм и соперничество пробуждают энергию, инициативность, активность, самостоятельность и тем самым расширяют возможности развития способностей и творчества, способствуют становлению субъектности человека в сфере хозяйственно-экономических отношений, а с другой – в обществе нарастают явления социальной атомизации, дезинтеграции и хаотизации, происходит утрата общности, потеря социально значимых ценностей и ориентиров. И это чревато нарастанием общего взаимоотчуждения и социально-психологической напряженности. По словам И. А. Ильина, «жадный пустит в ход все средства, продажный все продаст, человек, в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление. Внешнее само по себе не обеспечит человеку ни духовности, ни духовного спасения. Никакой государственный строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни благородства» [6, с. 40].

В современных условиях, при всей своей жесткости и прагматизме рыночные отношения настоятельно требуют возврата студента в качестве реального субъекта всего вузовского процесса. Особое значение приобретают вопросы становления, апробации, внедрения и упрочения ответственных самоуправленческих начал в жизни учебных заведений, воссоздания молодежных и юношеских самодетельных организаций.

Необходимо, чтобы студент не только был поставлен, но самостоятельно стал в центре образования, обучения и самовоспитания, самосознания и самостроительства своей личности: человека профессии и дела, человека – гражданина и патриота, человека веры и культуры, человека семьи, духовно-нравственного человека.

Истоки кризиса очень глубоки и духовны в своей основе. Критика и упреки в неэффективности в адрес отечественного высшего образования не учитывают, что при существующем крайне низком уровне вложений оно, по мировым меркам, продолжает оставаться еще довольно качественным. Но именно в последнее время очевидной стала опасность раскола образования на элитное и массовое.

Ряд российских вузов, интегрированных в мировое образовательное сообщество, стали проводниками его интересов. Они противопоставили себя основной массе университетов, академий и институтов. Вузы поделены на те, где получает образование элита, и те, которые готовят для элиты трудовые ресурсы. Особую остроту и актуальность получили вопросы селекции нашей образовательной системы, выделения элитных и второсортных вузов. Обоснование такого деления и разработка програм-

мы урезания высшей школы поручена национально-исследовательскому университету – ВШЭ.

В Екатеринбурге 1 ноября 2010 г. состоялась первая конференция Ассоциации ведущих университетов России. По заявлению ректора Высшей школы экономики Ярослава Кузьмина, лишь 100 российских университетов имеют шанс остаться в качестве таковых. На этой же конференции в оппозиции прозвучало и здоровое выступление ректора МГУ В. А. Садовниченко в противовес Кузьмину: «Поглощение малых вузов большими нарушит не только права абитуриентов, но и деформирует всю образовательную систему. Речь должна идти не о ликвидации провинциальных вузов, а о выполнении особой миссии ведущими университетами страны – научить, помочь, создать условия для научного и творческого процесса провинциальным вузам».

Почему подобный заказ на реструктуризацию образования выдан Высшей школе экономики, которой «без году неделя» со дня основания? Ей было выделено на 2011–2013 гг. более 14 млрд р., а двум первым федеральным университетам – Сибирскому и Южному – менее 6 млрд р. По оценке бывшего министра финансов А. Л. Кудрина, за разработку проекта Федерального закона «Об образовании» ВШЭ было отпущено до 1 млрд р. А ее результаты за время существования, скажем прямо, сомнительны. И это вынужден был признать Д. А. Медведев в статье «Россия, вперед» (сентябрь 2010 г.) и вновь повторить в своем послании Федеральному Собранию в ноябре того же года.

Процесс переосмысления, серьезной оценки итогов и уроков рыночной профессиональной и образовательной системы явно затянулся. За пять последних лет численность семнадцатилетних жителей России сократилась на миллион человек. Семилетних по возрасту стало вдвое меньше, чем семнадцатилетних! В 2009 г. выпуск из 11-х классов составил около 899 тыс. человек (на 578 тыс. меньше, чем в 2002 г.). В следующем учебном году количество выпускников школ в России сократилось еще на 10% (на 200 тыс. человек). По прогнозам, в течение следующих нескольких лет количество выпускников школ существенно сократится. Численность студентов в России падает, и будет падать еще быстрее, ведь с 1990 по 1999 г. в России родилось на 9 млн человек меньше, чем за предыдущее десятилетие [12, с. 67]. Студенческая аудитория за последнее пятилетие сократилась почти на 2 млн человек. И продолжающийся спад придется компенсировать путем повышения качества образования и квалификации уже работающих дипломированных специалистов, а также привлечения студентов зарубежных стран.

Выступая на X съезде ректоров России, Президент РФ В. В. Путин отметил, что в системе высшей школы работают более 300 тыс. человек, обучается свыше 5,5 млн студентов – целая армия. Понятно, что освоить знания высокого уровня может далеко не каждый человек. И когда неко-

торые вузы зачисляют абитуриентов с очевидно неудовлетворительными знаниями, это не просто вызывает много вопросов. Подобная гонка за абитуриентами, а значит, и за финансированием, надо прямо сказать, подчас девальвирует высшее учебное заведение, размывает ценность, престиж, авторитет самого вуза [11].

В высшей школе практически сформирована двухканальная система подготовки. Выделены элитные (престижные) и второстепенные вузы. Устанавливаются категории вузов: федеральный, национальный, исследовательский университет. Конкуренция между вузами разгорается. Поглощение, вытеснение, конкурентная борьба противоречат народному менталитету, противопоказана самому духу отечественной высшей школы. Не просто ошибочной, но социально опасной стала установка на так называемую «успешность», лишенную духовного основания, на голый практицизм и чистый утилитаризм, на потребительскую идеологию и индивидуализм, прикрытый «лично ориентированной» психологией и педагогикой. Само превращение конкуренции в орудие уничтожения ее наиболее слабых (игроков – в рыночных терминах) участников свидетельствует о вырождении конкуренции.

Одной из серьезнейших проблем социального и экономического развития является нехватка трудовых ресурсов, прежде всего высококвалифицированных. Парадоксальность ситуации в том, что дефицит кадров сочетается со значительной и повсеместной безработицей. Оценки численности безработных, полученные по разным методикам, различаются. По данным Росстата, уровень безработицы в I квартале 2013 г. составил 6,3%. Даже с учетом неточности этих оценок приходится констатировать, что безработица затронула примерно десятую часть трудоспособного населения России. Что касается молодежи, то в этой группе безработица более значительна и опасна в социальном отношении. В июне 2013 г. на Петербургском экономическом форуме Президент РФ В. В. Путин сказал буквально следующее: «В отдельных странах Европы безработица превышает 25%, очень тяжелая ситуация в Южной Африке. А среди молодежи – особая тема, вы наверняка это знаете. Так, в Португалии молодежная безработица превышает 40%, в Испании – 56%, в Греции – 60%. Это уже трагедия и просто опасная ситуация». Между тем 17 июля 2013 г. в правительственной «Российской газете» появилась пространная статья с говорящим названием «В России нигде не работают почти 30% молодых людей». По заявлению вице-премьера Ольги Голодец, «в теневом секторе нашей страны занято более 38 млн человек» [10].

Россия переживает невиданную трансформацию базовых социальных институтов, обусловленную «заданным» изменением ментальности народа, его психологии, мировоззрения и социально-демографической структуры. Новая социальная дифференциация в обществе проходит на фоне ценностного конфликта молодого и взрослого поколения. Нетради-

ционный для России конфликт поколений затронул духовные, философские, мировоззренческие основы развития общества и человека, взгляды на экономику и социальную жизнь. Поколение «отцов» оказалось в положении, когда передача опыта и духовного наследия преемникам практически отсутствует. Усиливается разрыв связи поколений на переломе строя общественной жизни.

Гуманитарное образование не выходит из тисков глубокого кризиса и разрушительного плюрализма, духовно-мировоззренческой неопределенности, идеологической всеядности, расколотости общественного и индивидуального сознания, ценностного релятивизма, редукционизма, гипнотической податливости инородным и чуждым манипуляциям. Прямо скажем: плюрализм хорош и допустим на рынке. Но не в голове и сознании человека. Когда внутренний духовный мир человека расколот, а мысли идут в противоположных направлениях, в медицине этот клинический случай диагностируется как шизофрения. А у нас, в обществоведении, плюрализм называется «наукой». Односторонний акцент на свободы и права человека, на так называемые общечеловеческие ценности в отрыве и противопоставлении их интересам и потребностям общества, государства, народа, социальным общностям различного уровня и ответственности перед ними искажает сам смысл свободы. Современный либерально-демократический стандарт жизни утверждает искаженный идеал свободы как высшей, абсолютной, непререкаемой и универсальной ценности. В образовании это воспринимается в качестве исходного основания ложной идеи человекобожия, его бесконечности. Любое «смирение» или ограничение самодостаточности личности считается слабостью души и воспринимается как покушение на свободу человека. Истоки такой гордыни и ложной самоуверенности коренятся в абсолютизации свободы как непререкаемой ценности. Конечно, дух без свободы гаснет, но и свобода без духа разнуздывается. Свобода в грехе и свобода от совести – худший вид рабства человека. Справедливо и глубоко суждение, что человек должен быть господином своей воли, но рабом совести. Такое «рабство» – это не плен души, а ее самоподнятие до идеала объективно сущего и объективно лучшего, не только для себя самого, но и для всех других людей. Его можно рассматривать как своеобразную чуткость и зоркость души. Смирение и благоговение перед Высшим, перед совершенством Божиим в совести, истине, добре, правде-истине, красоте и любви не порабощает, а освобождает человека от греха и злого начала. Поистине, по слову Спасителя – «Иго мое легко».

И. А. Ильин глубоко раскрывает суть свободы. «Тайна свободы, или, как обычно говорят, „свобода воли“, – состоит в том, что сила духа способна сосредоточиваться, укреплять себя, увеличивать свою силу и преодолевать свои внутренние затруднения и свои внешние препятствия. Свобода духа состоит в том, что не его определяют „влечения“

и „обстоятельства“, а он определяет сам себя... Свободы полной, тотальной, абсолютной нет и быть не может... Можно только благодарить Бога за то, что такая свобода не дана человеку. На самом же деле свобода есть сила и искусство человека определять себя самого и свою жизнь к духовности согласно своему предстоянию, своему призванию и своей ответственности» [5, с. 265].

Статус и положение образования в современном обществе требуют принципиальных решений и изменений, начиная с бюджетных и иных форм финансирования, завершая выработкой ясной государственной политики в этой основополагающей сфере общественной жизни. Пока же оно пребывает просителем, сиротой, которому подают то, что остается. От 10% национального дохода, законодательно установленного в нашей стране, образование получает в 2 раза меньше, и то приходится эти крохи буквально выдирать как на местном, так и на федеральном уровне. Обеспеченность образовательных учреждений бюджетным финансированием составляет всего 40–45% необходимых потребностей.

Рыночные отношения, складывающиеся на почве западно-либеральных теорий, напитавшиеся духом протестантизма с его абсолютизацией индивидуализма и прагматизма, в нашей стране накладываются буквально трафаретно путем экономических реформ на совершенно чуждый этому духу менталитет человека. Человека, воспитанного в духе соборности, общинности и артельности, коллективизма и взаимопомощи, укорененного в православную традицию, практически совершенно не имеющего опыта индивидуальной экономической активности. Развитие рыночных отношений в экономике современной России обуславливает появление новых социальных ролей и статусов, «предлагаемых» обществом человеку, проявление у человека таких качеств, как индивидуализм, предприимчивость, самостоятельность, усиленное внедрение установки на достижение личного успеха, понимаемого чисто прагматически, утилитарно и односторонне, ущербно для человека. Ильин называл это «продолженным хаосом», который утвердил себя в качестве жизненной цели в большинстве случаев так называемой «демократический строй». Он писал: «Мы отвергаем и это насилие, и этот хаос. Мы говорим им – нет! Но этого мало. Отвержение еще ничего не определяет. Человек творит, утверждая, а не отвергая» [4].

Поистине, от того, какой ценностный фундамент будет сформирован и предложен молодому поколению, зависит будущее народа и страны. Социализация личности учащегося и студента в условиях рыночных отношений и под влиянием чисто рыночных ценностей приобретает весьма противоречивый характер. Экономический либерализм и финансовый рационализм, индивидуализм и соперничество, с одной стороны, пробуждают энергию, активность, самостоятельность. И тем самым они расширяют возможность для развития способностей и творчества, способствуют

становлению субъектности учащегося и студента в образовательной и учебно-профессиональной деятельности и как будущего специалиста в сфере хозяйственных экономических отношений. С другой стороны, в обществе и в самой среде учащихся и студентов нарастают явления социальной атомизации и хаотизации, происходит утрата социальной близости, общности, социально значимых ценностей и ориентиров, что чревато нарастанием взаимотчуждения и социально-психологической отчужденности. И как быть с решением общих государственных, социально значимых и гуманистических, сугубо человеческих, личностных проблем? Рынок реагирует на частное, единичное, специфическое в производстве товаров и услуг. Общество, в первую очередь государство, в своих объективных потребностях и законных интересах, ориентировано на целостное и сбалансированное развитие. Если речь идет о подготовке специалистов, то рынок, прежде всего рынок труда, ставит и решает задачи профессионального порядка, как правило, узкого и специального профиля. Общество же, согласно широкому социальному и правильно понятому личностному запросу, требует целостной, всесторонней и гармоничной подготовки не только узкого профессионала, но и глубоко образованной, социально компетентной личности – воспитания человека семьи, патриота малой и большой Родины, гражданина, государственника, человека веры, культурного и нравственного человека.

Под воздействием рыночных отношений постепенно складывается система общего и профессионального, особенно, высшего образования, которая начинает воспроизводить, закреплять и усиливать социальную дифференциацию в обществе. Социальная «селекция» и первые «фильтры» начинают срабатывать уже в общеобразовательной школе. Введение единого государственного экзамена только усугубило ситуацию. Но в полную силу механизм социальной селекции начинает работать на пороге высшей школы, особенно в привилегированных и закрытых учебных заведениях. К повсеместно распространенному репетиторству добавилось частное домашнее гувернантство. Непомерно высокой и недоступной для большинства стала плата за обучение в отдельных вузах. В результате складываются две разные системы образования: одна – для социально привилегированных слоев общества, которая готовит руководящие кадры и высокооплачиваемый менеджмент; другая – для средних и низших слоев населения, готовящая специалистов более низкого уровня. Достаточно сослаться на опыт действующих Высших школ экономики в Москве и Санкт-Петербурге со стоимостью обучения до 100 тыс. дол. в год и планируемых к открытию во всех федеральных округах.

Особую остроту приобретают проблемы сохранения ассигнований на образование. Дифференциация вузов на федеральные университеты, национальные исследовательские университеты и остальные институты, университеты и академии, преобразование некоторых из них в государ-

ственные некоммерческие образовательные учреждения с последующим переводом финансирования на региональный и местный уровни порождают новые проблемы. Не разработаны и не внедрены прозрачные механизмы распределения и использования бюджетных средств.

На повестку дня встают неотложные вопросы, такие как материально-техническое переоснащение и приобретение современного лабораторного оборудования, компьютерная база нового поколения, обеспечение программным учебно-методическим продуктом, надежными и передовыми в научно-производственном и технико-технологическом отношении базовыми предприятиями для прохождения учебной и производственной практики, гарантированное трудоустройство выпускников по окончании учебных заведений.

Хронически нерешенными остаются проблемы низкой оплаты труда профессорско-преподавательского и вспомогательного персонала учебных заведений, расширения круга стипендиатов и повышения размера стипендии. Сегодня всей российской образовательной системе, в том числе и на завершающей ступени высшей профессиональной школы при всей диверсификации ее финансирования, хронически недостает средств. Так, по оценке бывшего министра образования РФ Э. Д. Дnepова, расходы государства на образование в России составляют лишь 3,1% ВВП по сравнению с 5–6% советского периода. Крайне низки расходы на одного российского студента: в 20 раз меньше, чем в Финляндии, и в 40 раз меньше, чем в США. На содержание заключенного у нас тратится в 7 раз больше, чем на обучение студента. В нашем образовании произошла селекция, которая начинается со школы и возрастает на последующих ступенях профессиональной подготовки. Объем платных услуг в сфере образования уже десять лет назад достигал 376 млрд р. [3, с. 2]. За прошедшие годы коммерциализация образования и коррупционный навес на него значительно возросли, а с введением обязательности ЕГЭ они все более захватывают, наряду с вузами, и общеобразовательную школу.

В устойчивом развитии и сохранении стабильности общества особо важное место принадлежит образованию. Образовывают человека в соответствии с принятым идеалом – эталоном, образцом, первообразом, образуют в целом человека, во всей полноте его сущности и многомерности существования. В таком плане можно говорить о созидании человека образованием и культурой. Высшая и конечная цель образования неизменна – человекообразование, человекотворение, человекосозидание. Время настойчиво диктует необходимость продуманной стратегии развития общества, обоснованной системы воспитания человека, призванных смягчить и нейтрализовать нарастающий прагматизм в экономике, а политике, и социокультурной сфере и тем более – в образовании и воспитании. Становление и развитие личности в общеобразовательной и профессиональной школе является не вторичным и сопутствующим, а определяющим

моментом образования и обучения, основной целью всего образовательного, профессионально-подготовительного и социально-воспитательного комплекса учебного заведения. Верховенство духовно-нравственных начал, ценностных форм сознания и самосознания призвано определять и направлять развитие всеобщих творческих способностей личности:

высокой культуры мышления, нацеленной на постижение истины;
нравственных волевых способностей и устремлений, помогающих различать добро и зло;

развитие продуктивного воображения, созерцания и способности созидать красоту;

обретение веры как воли и устремленности к совершенству во всех сферах жизнедеятельности человека.

Культивирование (взрачивание) всеобщих продуктивных творческих сил и способностей должно быть доведено до индивидуального, личностного выражения, формирования личностного достоинства и чувства самоценности человеческой личности. Идеи творческой и свободной индивидуальности должны быть восприняты как жизненное богатство и первичный капитал, как ресурс знаний и способностей личности для компетентного решения профессиональных задач, осуществления социальных и гражданских функций, верного служения народу и Отечеству.

«Россия сосредоточивается» – такими словами выразил духовную ситуацию пореформенной России после тяжелого поражения в Крымской войне тогдашний министр иностранных дел князь А. М. Горчаков. К чести страны, ее народа, патриотических и государственно мыслящих деятелей тогда были найдены и осуществлены адекватные ответы на вызовы того времени.

Российское образование, несмотря на все попытки его реформирования и модернизации, продолжает оставаться классическим. Ему присуща фундаментальность, последовательность, системность и полнота, что позволяет ему даже вопреки всем кризисным обстоятельствам занимать высокий мировой рейтинг, оставаясь в первой двадцатке государств по образовательным позициям.

Неоспоримым преимуществом и достоинством российской школы были и должны оставаться основополагающие содержание образования и воспитания принципы:

фундаментальности и универсальности образования;
системности, полноты и целостности становления личности на основе утверждения в образовании верховенства духовного начала;

восстановление, раскрытие во всей полноте определяющей роли и значимости в жизни человека духовной доминанты как сердцевины обучения и воспитания;

соответствие образования отечественным традициям и ментальности народа, великому историческому рангу России в религии и культуре,

в государственности и хозяйстве, деяниях святых и подвижников, героев и творцов, составивших славу и величие уникальной российской цивилизации;

упреждающий ответ на требования, запросы и потребности общества и человека, региона и отрасли хозяйства;

высокое качество образования, воплощенное в общекультурной, профессиональной и социальной компетентности выпускника школы;

обеспечение непрерывности, поступательности, преемственности и практичности обучения, связи с реальной жизнью, ценностного измерения и духовного постижения наиболее важных проблем современности;

развитие и утверждение самоуправленческих начал в школе на основе сотрудничества и сотворчества учителя и ученика на основе педагогики сотрудничества;

восстановление и развитие сотрудничества школы, семьи, церкви, трудовых коллективов и культурно-просветительских структур гражданского общества в образовании и воспитании новых поколений.

Реализация базовых принципов и приоритетов, закладывающих мировоззренческие, теоретические и методологические основы общеобразовательной и профессиональной школы, определяющих выбор предметов и циклов учебных дисциплин, их смысловое и содержательное поле, диктующих порядок, формы и методы обучения и воспитания учащихся, призвана служить повышению качества образования в России.

Библиографический список

1. Герцен А. И. Собр. соч. : [в 30 т]. М., 1954–1965. Т. XX.
2. Государственная программа Российской Федерации на 2012–2020 годы «Развитие образования».
3. Днепров Э. Д. Национальный проект и реальный объект // Сов. Россия. 2005. 15 дек.
4. Ильин И. А. Наши задачи // Собр. соч. : [в 10 т]. М. : Русская книга, 1996. Т. 2. Кн. 2.
5. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч. [в 10 т.]. М. : Русская книга, 1996. Т. 1.
6. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. М., 1992. Т. 2.
7. Об итогах деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации в 2008 году и задачах на 2009 год // Вестник образования России. 2009. № 8.
8. Общевузовская научная конференция «Философия образования» (декабрь 1991 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. «Философия». 1994. № 1.
9. Овчинников Я. Л. Профессионально-образовательная структура регионального вуза // Высшее образование в России. 2009. № 4.
10. Российская газета. 2013. 17 июля.
11. Российская газета. 2014. 1 нояб.
12. СНВ : стратегия в связи с демографической ямой // Вузовский вестник. 2010. № 17(113).

Л. А. Журавлева

Социальная нестабильность кризисного общества: переосмысливая опыт прошлого

Аннотация. В статье рассматриваются природа и причины отклонений от социальных норм, особенности крайних проявлений девиации (фашизма и героизма). Исследованы содержание и роль духовной культуры в развитии полярных экзистенциальных проявлений поведения людей в экстремальных условиях военного времени.

Ключевые слова: девиантное поведение, социальная норма, фашизм, социальные отклонения, кризисное общество, героизм народа, подвиг, социальная нестабильность.

В связи с юбилеем Великой Победы нашей страны над фашизмом уместно обратить внимание на проблему *массовой девиации* – отклонений в поведении людей от общепринятых социальных норм в не стандартных и строго не определенных социально-экономических и общественно-политических условиях. Нарастание проявлений девиации в последние десятилетия в российском обществе обусловлено разными институциональными изменениями, которые охватили сферы экономики, политики, культуры, права. Но, пожалуй, наиболее важной из этих сфер является область исторической и культурной самоидентификации народа.

Народ – Победитель, народ – Освободитель, каким является по праву Истории многонациональный российский народ, на рубеже XX и XXI веков оказался в весьма двусмысленном положении. С одной стороны, развалился Советский Союз – страна, победившая фашизм. С ним в Лету ушел и советский народ – уникальное историческое образование. Причем развалился Союз без единого выстрела со стороны наших геополитических противников, развалился изнутри – стараниями не диверсантов и шпионов, а наших же бюрократов и чиновников – заложников собственных амбиций, властолюбия и алчности.

С другой стороны, народ – Победитель после Великой Победы на протяжении десятилетий жил и живет в материальных и социальных условиях, несопоставимо худших, чем «побежденные» им народы – немцы или японцы. Катастрофически не хватает детских садиков, до сих пор (спустя семьдесят лет!) не все ветераны войны обеспечены собственным жильем и т. д., и т. п.

Как же так случилось, что, одержав Великую Победу, мы проиграли обычное, рядовое сражение по улучшению жизни людей? А ведь сколько битв выигрывали на «пути к коммунизму»: и за целину, и за освоение Крайнего Севера, и за космос. Естественным результатом этой двойственной ситуации и стало нарастание правового нигилизма, идеологического конформизма, социальной апатии подавляющей массы населения. Это породило недоверие к власти, престиж которой, по словам самого президента, упал, как никогда ранее, низко.

В этих условиях другим крайним проявлением девиации стали рост преступности, агрессии со стороны отдельных групп населения и появление таких ранее отсутствовавших в нашем обществе явлений, как экстремизм и терроризм.

Следует также более внимательно изучить исторический опыт Великой Победы, Победы над *фашизмом* – наиболее одиозной и чудовищной формой проявления массовой девиации.

Безусловно, одной из наиболее ярких и нестандартных вариаций девиации был (и остается) *национал-социализм (фашизм)*, который появился и до сих пор время от времени возникает и усиливается при определенных социально-экономических и общественно-политических условиях. Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что в Европе фашизм снова «поднимает голову», что он не ушел в далекое прошлое, а представляет собой реальную опасность для человечества. Его прямой противоположностью в истории является *массовый героизм* (в условиях Великой Отечественной войны – массовый героизм нашего народа), который также является отклонением от долгосрочной социальной нормы поведения и возникает именно на наиболее крутых, переломных моментах существования и развития этносов.

Массовый героизм представляет собой экзистенциально оформленную реакцию основной (подавляющей) массы населения на проявления радикальных форм частной девиации со стороны отдельных социальных и профессиональных групп (политических партий, экстремистских организаций, религиозных сект и т. д.). Следовательно, несмотря на характер самой девиации как противоположности социальной норме, можно выявить два основных *типа* социальной девиации: позитивный и негативный.

Именно *массовый героизм* нашего народа, его жертвенность, самоотверженность стали важнейшим фактором Великой Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне. Строго по логике А. Тойнби «Вызов – Ответ», агрессия германского фашизма и японского милитаризма вызвала к жизни силы Добра, оформившиеся в такое явление, каким стал массовый героизм советского народа.

Историки в разное время по-разному интерпретировали генезис этих двух крайностей девиации. Если говорить о фашизме, то причинами его возникновения называли падение уровня жизни немцев после заключения Версальского мирного договора, чувство их национального унижения после Первой мировой войны и т. д. Еще известный английский экономист Дж. М. Кейнс в работе «Последствия Версальского мирного договора» (1919 г.) предупреждал европейские правительства об угрозе прихода к власти в Германии реваншистов.

Причинами массового героизма считались «мудрое партийное и советское руководство», высокая сознательность советских людей, их мас-

совый патриотизм и т. д. Понятно, что необходимо глубокое переосмысление причин появления крайних форм девиации как в прошлом, так и в настоящее время.

Оба отмеченные выше проявления девиации, при всей их несхожести и несопоставимости, однако, являются *радикальными* (крайними) формами *экзистенции* человека, т. е. его бытия в экстремальных, пограничных и крайне опасных для жизни условиях. Собственно, теория фашизма берет свое начало именно из философии экзистенциализма.

Ясно, что тенденция нарушения стандартного (обычного) социального поведения резко возрастает в кризисные времена, усиливая имморализм, ценностный плюрализм и противоречивость норм в обществе. Социальные отклонения имеют комплементарную природу, обладают синергетическим эффектом (взаимоусиления и взаимоподдержания), релевантны ценностным основаниям социального бытия.

Социальные отклонения проистекают из ризоморфности и гетерогенности социального пространства, воспроизводящего различные, в том числе конфликтные, дискурсивные практики. Будучи социально-культурными конструктами, отклонения появляются и проявляются в процессе социального коммуникативирования, взаимодействия социальных институтов, общностей, групп и отдельных акторов.

Кризисный социум выступает девиантогенным пространством, приводя к амбивалентности сознания, релятивности норм и ценностей, к социальной турбулентности и поляризации ожиданий относительно приемлемого социального поведения. Противоречивость моральных установок порождает оценку некоторых видов аморального поведения как нормы рыночного общества.

Кризисность бытия формирует системную девиантность социальных институтов, воспроизводя социокультурные флуктуации. Наиболее деструктивными для общества выступают культурно-исторически нерелевантные отклонения (привнесенные и неадекватные культуре общества).

Социальная ситуация возлагает на личность социальную ответственность за выбор модели поведения: конструктивной или деструктивной, духовной или бездуховной, моральной или аморальной. Анализ детерминантов социального поведения возвращает нас к проблеме сознания, поскольку, по образному выражению известного героя М. А. Булгакова, «кризис начинается в головах».

Анализ понятий «кризисный мир», «кризисное бытие», «кризисное сознание» отсылает нас к основному вопросу философии – об отношении сознания к бытию, соотношении духовного и материального. В экстремальных условиях (например, в военное время) этот вопрос звучит особенно остро. Проявления силы духа, героизма оказываются прямым следствием таких социокультурных флуктуаций.

Актуализируется в военных условиях и проблема исследования форм проявления кризисного сознания: катастрофического, тревожного, патологического, манипуляционного, иллюзорного, маргинального, амбивалентного. И нет ничего странного в том, что именно в военной ситуации вдруг обнаруживается с наибольшей очевидностью, что подлинный, настоящий человек «есть зеркало Бога, он есть добро в себе» [6, с. 258].

Человеческое сознание интернационально по своей сущности (см., например [19]). В экстремальных условиях войны оно направлено на созидание добра, высшей формой проявления которого выступает достижение мира.

Сознание иерархично по своей сути. В условиях военного лихолетья особую роль в структуре сознания играет самосознание (см.: [17]). Именно посредством самосознания человек задается вопросам: насколько то, что происходит («наличное бытие»), соответствует должному («идеальному бытию»), что он есть для общества, а общество – для него?

Н. Бердяев в работе «О назначении человека» рассматривал социальные отклонения как имманентные атрибуты парадоксальных отношений личности и общества [3, с. 142]. Он отмечал, что мир социальных объектов, лишенный духовности и свободы, поработачивает личность. Личность как средоточие духовности стремится к прорыву, к свободе и творчеству, в объектный феноменальный мир. Именно в войне человек создает мир, а в мирное время чаще всего этот – мир разрушает. Этот парадокс вполне объясним. Как гласит известная пословица, «что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Трагизм и парадоксальность нравственной жизни людей, как считал Н. Бердяев, только на поверхности явлений предстают как столкновение «добра и зла, божественного и дьявольского». Но «внутри себя» это конфликт ценностей, это противостояние «одного добра с другим добром, одной ценности с другой ценностью» [3, с. 139]. Именно в условиях войны наиболее обостряется нравственный конфликт человека, который окрашен трагизмом, поскольку ему предоставлена не просто огромная свобода в разрешении нравственных конфликтов, но и возможность «самоу решить, что хуже и что лучше» [3]. Цена таких решений – жизнь.

«...Никакой закон, никакая норма не в силах помочь разрешить нравственный конфликт» [3]. Свобода ценностного выбора возникает, когда человек внешне свободен. В этом случае, «трагизм из конфликта личности с социальной средой переносится во внутреннюю духовную жизнь» [3, с. 141]. «Человек есть существо, оценивающее и определяющее иерархию ценностей» [4]. В мирное время ценность жизни часто элиминирована. Не осознавая ее, человек и не ценит ее. В военное время, когда смерть рядом, она очевидна, ценность жизни достигает максимума, становится абсолютной. «Ради жизни на земле» советский солдат шел на смерть, шел сознательно и победил.

Социальная объективация современного общества протекает «под знаком господства экономики, техники, лживой политики, яростного национализма» [4]. «Иерархия ценностей определяется по принципу пользы, при совершенном равнодушии к истине. Духовная культура задавлена. Ставится вопрос даже не о ценностях, творимых человеком, а о ценности самого человека. Цели человеческой жизни померкли. Человек перестал понимать, для чего он живет, и не имеет времени задуматься над смыслом жизни. Жизнь человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью.

Подмена целей жизни средствами есть очень характерный процесс человеческой жизни, которым многое объясняется» [4].

Эти рассуждения русского философа о мирном обывательском обществе актуальны и сегодня. «Испытание миром», как показал русский мыслитель, свидетельствует о том, что его недооценка приводит к всеобщему отчуждению личности, кризису культуры и морали. Это идея девятнадцатой (деструктивной, кризисной) социальности.

В противовес ей другой русский философ – И. А. Ильин выдвинул идею *конструктивной социальности*, «перечеркнув» толстовско-бердяевские представления о «несопротивлении злу силой». Он сформулировал тезис о необходимости и даже обязательности противления злу силой. Но не только силой оружия на полях войны. А упреждающее сопротивление силой духа против войны в мирное время. Именно эта идея приобретает особую актуальность в современных условиях, когда снова начинается умиротворение фашизма, забалтывание проблем мира, фарисейство в отношении к поджигателям войны. Мол, это – «рука Вашингтона», но это же наши партнеры... Или, мол, в Киеве – фашисты, но мы же торгуем с ними газом... Это кризис духа, когда приходится выбирать между войной и миром еще до начала войны или крушения мира. И такой кризис связан с неспособностью осуществить данный выбор, с тем, что личность, общество, власть как бы плывут по течению.

И. А. Ильин определял кризис как состояние человека, «в котором выступают скрытые силы и склонности <...> они как бы произносят сами над собою суд и переживают поворотный пункт; это их перелом, перевал; час, в который решается их жизненная судьба; это время их буйного расцвета, за которым начнется – или их преодоление и крушение, или же умирание того человека или того человеческого дела, которое было достигнуто кризисом» [11, с. 332].

Человеку, по мнению И. А. Ильина, дана способность воображать содержание и предметы невещественного характера. К таким предметам невещественного порядка относятся мир человеческой души и мир духовного смысла, мир добра, зла, греха и нравственного совершенства, мир Божественного откровения, религии и таинств. Все это человек переживает нечувственным воображением, созерцанием, духовной интуи-

цией. Наконец, человеку дана сила мысли, которая может осуществляться в формах отвлеченного, плоского, формального рассудка и форме разума, не только не противоречащего вере, сердцу и духовной интуиции, но творчески сочетающегося с ними.

Духовность человека связывается мыслителем с умением человека ориентироваться на идеал, «прилепляться к совершенному, предпочитать его, насаждать его, добиваться его, служить ему, беречь его и в случае надобности умирать за него». При этом И. А. Ильин констатирует, что «большинство людей жаждет не духа, а наслаждений; трепещет <...> от земных, чувственных сладострастий всех родов и видов, пресыщаясь ими и хладея ко всему иному» [11, с. 339]. Деформация личности происходит, по мнению философа, из отсутствия духовной практики человека, стремлений к идеалам и объясняется неверием в Бога.

Идеи И. А. Ильина ориентируют нас на морально-нравственные основания сознания, определяющие духовные ориентиры личности (идеалы). Субъектом сознания выступает человеческая личность, находящаяся в перманентном состоянии осмысления (рефлексии) и преобразования мира в соответствие с ее идеалами, мировоззрением и системой ценностей.

Понимание глубинной сущности девиантности мы находим в работах философа и историка Л. Н. Гумилева. Открыв явление пассионарности и феномен комплементарности, Л. Н. Гумилев разработал пассионарную теорию этногенеза. В его трактовке пассионарность – это непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (зачастую иллюзорной) [8]. Именно пассионарные личности, по мнению мыслителя, стремятся к развитию и усложнению социума, демонстрируя прорывные (девиантные) виды деятельности и стили поведения и заражая своей активностью окружение. Пассионарная индукция связана с риском и возможной гибелью пассионарной личности. Однако преобразующая энергия и жертвенная деятельность пассионария меняет ценности и преобразует среду обитания и образ жизни.

120-летний юбилей Питирима Александровича Сорокина возродил интерес научной общественности к творчеству мыслителя, эвристическому потенциалу его концептуальных подходов и прогнозов, предвосхитивших многие тенденции развития современного мира. Экстраполяция многих его идей на нашу современную российскую действительность представляется весьма продуктивной, особенно при анализе феномена социальных отклонений.

Обращение нашего великого соотечественника к парадоксам кризисных времен, когда «историческая обстановка повелительно возбуждает самостоятельность населения, его инициативу, активность, сознание» [15, с. 483], присутствует на протяжении всего его творчества, но ярче всего проявился в следующих его трудах: «Преступление и кара, подвиг

и награда», «Социология революции», «Современное состояние России», «Кризис нашего времени», «Главные тенденции нашего времени», «Социокультурная динамика», «Человек и общество в условиях бедствия», «Интегрализм – моя философия» и др.

П. А. Сорокин рассматривает социальные отклонения с позиций объективности социокультурных систем, находящихся в перманентном движении по горизонтали, вертикали и в виде флуктуации (колебания от оптимальной величины), так и с учетом субъективного фактора – сложной, интегральной сущности самого человека, его ценностного мира. По мнению П. А. Сорокина, социальные отклонения («преступления») происходят из «вечной цикличности социального развития, динамизма социальной среды и социального взаимодействия, вызывающего необходимость изменения шаблонов группового поведения» [16, с. 261].

«Благодаря неодинаковой эластичности старых шаблонов у различных индивидов группы и благодаря тому, что не все индивиды стоят в одинаковом отношении к новым условиям, приспособление к новым условиям шло и идет не одновременно <...> у различных членов, а разновременно, одни опаздывают, другие опережают...» [16, с. 291]. Отсюда проистекает конфликт шаблонов, принимающий сознательно-мотивированную форму: нарушение шаблона превращается в «преступление», реакция – в «наказание», «сверхнормальный» акт – в подвиг, реакция – в награду [16, с. 262].

Парадоксальность кризисных времен была зафиксирована и проанализирована в творчестве П. А. Сорокина. В переходные периоды общество становится беспорядочным, поскольку система культуры и социальных отношений дезинтегрируются, порождая беспорядки и отклонения в поведении людей (самоубийства, душевные болезни, преступность, рост жестокости наказаний, экономическая нищета) [14, с. 364].

Описывая последствия кризисных периодов, он отмечает: «Когда система норм и стандартов претерпевает шок и становится дезинтегрированной, кривая аномических самоубийств неизменно идет вверх» [14, с. 358].

В книге «Кризис нашего времени» причины роста социальных отклонений П. А. Сорокин связывает с переходом от одной фундаментальной формы культуры к другой, «когда рушится здание старой культуры, а новая структура еще не возникла, когда социокультурные ценности становятся почти полностью „атомизированными“, и конфликт между ценностями различных людей и групп становится особенно непримиримым, неизбежно порождает борьбу особой интенсивности, отмеченную широчайшей вариативностью форм» [14, с. 356–357].

В условиях социального кризиса, экономической нестабильности, когда сама социальная действительность становится девиантной (отклоняющейся от нормы), поведение людей становится все менее предсказуемым, резко увеличиваются масштабы социальных отклонений, нарастает

социальная дезорганизация, серьезно угрожая социальному порядку. Социальный хаос начинается с ценностного релятивизма, преобразуя механизмы нормативности и детерминируя обновление системы значений и смыслов, посредством которых люди осуществляют социокультурное коммуникативное взаимодействие. Кризис, создавая экономическую и социальную напряженность в обществе, способствует искажению аксиологического поля, превращая ценности в простые релятивные конвенции, приводя к деградации личности и увеличивая коммуникативные сбои в обществе.

На уровне индивида ценностный кризис проявляется в отсутствии твердых убеждений «по поводу того, что правильно, а что нет», приводит к смене жизненных ориентиров: приоритетным становится поиск удовольствий и чувственных ценностей [14, с. 356]. «В таких условиях человек теряет всякий моральный или рациональный контроль и даже просто здравый смысл» [14, с. 358]. В обществе, состоящем из таких индивидов, неизбежным следствием будут, по мнению социолога, «умножение конфликтов, жестокая борьба, в которую оказываются вовлечены как локальные группы и классы, так и нации» [14, с. 358].

П. А. Сорокин поставил вопрос о парадоксах и иллюзорности ценностей и идеалов, воспроизведенных в кризисные времена. Анализ исторических фактов позволил социологу сформулировать «особый закон», названный им «законом социального иллюзионизма» [15, с. 430], проявляющийся в революционные и переходные периоды. В обесценивании идеалов и обмане населения властями («верующими иллюзионистами») заключается трагичность кризисных времен: «слепые ввели слепых и все упали в яму» (цит. по: [15, с. 430]).

Анализируя процесс дезинтеграции господствующей суперсистемы, П. А. Сорокин вывел «закон позитивной и негативной поляризации», который позволяет понять причину роста социальных отклонений в поведении людей в кризисные времена [13, с. 214–215]. В бескризисные времена в обществе преобладает ценностное и моральное единство, большинство людей располагает как бы в середине межполюсного пространства. Однако во времена великих кризисов общество имеет тенденцию к поляризации на противоположные моральные полюсы.

Поляризация объясняется П. А. Сорокиным тем, что поведение индивидов и социальных групп в периоды деморализации общества и кризисов проявляется в неоднозначных реакциях: одна часть общества склоняется к негативной девиантности (нравственному разложению, эгоизму, бездуховности, цинизму, преступности, умственным и психическим расстройствам), другая – укрепляет потенциал институциональных обновлений посредством морального возрождения, творчества, мобилизации воли, подвижничества и альтруистического перевоплощения (позитивная девиантность). Причем обычно негативная поляризация превалирует над позитивной в начальный период кризисных времен, в то время как пози-

тивная поляризация становится доминирующей на последнем этапе критического периода и после его завершения, при условии, что общество, о котором идет речь, не погибает в катастрофе [13, с. 241–242].

Высказанные П. А. Сорокиным идеи являются как никогда актуальными и продуктивными для понимания происходящих в России процессов, позволяют увидеть логику и тенденции развития кризисного социума.

Применив методологию и концептуальные подходы мыслителя к анализу отклоняющегося поведения, можно увидеть данный феномен в контексте закономерностей и механизмов социального бытия, как естественный и необходимый результат динамики социокультурных систем. Социальные отклонения представляются в этом случае как один из вариантов и путей адаптации культуры к перманентным социальным изменениям. Отсюда следует вывод о «нормальности» и естественности социальных отклонений в поведении людей.

В кризисном социуме нормы становятся подвижными и противоречивыми благодаря интерференции старых и новых правовых и моральных отношений, провоцируя моральную поляризацию общества. Негативная поляризация становится доминирующей, приводя к нравственной деградации различных слоев населения, порождая массовые отклонения (насилие, агрессия, преступность, эротизацию культуры, сексуальную распущенность, наркотизацию и алкоголизацию).

Кризисное состояние общества затрудняет процесс формирования официальных каналов вертикальной восходящей мобильности (социального продвижения); высшее образование (даже престижное) не выступает гарантом социальной карьеры и материального благополучия выпускников. В современном российском обществе продолжает сохраняться ситуация невостребованности высококвалифицированного интеллектуального труда и низкой его материальной оценки со стороны государства. В то же время «авантюрная» карьера, работа в предпринимательских кругах с «темным» (криминальным) прошлым представляется многим представителям молодежи быстрым «социальным лифтом», каналом, ведущим наверх, к вершине социальной стратификации современного российского общества. В результате этого в обществе происходит расхождение между декларируемыми ценностями и реальными возможностями и мотивами людей, нарушается равновесие между жизненными целями (например, стать богатым) и приемлемыми средствами их достижения.

Особую актуальность в современных условиях вызывает анализ культурных ценностей чувственной суперсистемы, доминирующей в современном российском обществе. Можно констатировать, что в нашем обществе сложился тип потребительского поведения, ориентированный на гедонизм (желание испытать все возможные виды удовольствий), престижно-статусное потребление товаров и услуг. Под влиянием СМИ, рекламы, глянцевого журналов и прочих инструментов информационно-

пропагандистского манипулирования сознанием формируются рецептивные (достижительные) стратегии социального поведения, приводя к замещению ценностей труда, семьи, культуры и нарастанию ценностного конфликта в обществе.

Ситуация нестабильности, социального эквилибризма деформирует сознание, приводит к дисфункциональной (неадекватной, ложной) адаптации личности к изменяющейся кризисной социальной среде. Экстраполируя идеи П. А. Сорокина на современную российскую действительность, можно сделать вывод и о неизбежности кризиса социальных институтов в условиях системного кризиса общества.

Э. Гидденс предлагает интеграционный подход к анализу сознания. В структуре сознания он выделяет три компонента:

1) дискурсивное сознание – рассудочный (понятийный, логический) уровень сознания; это «то, что акторы способны сказать о социальных условиях или дать этому вербальное выражение, в особенности – об условиях своих действий; осведомленность, которая имеет дискурсивную форму» [7, с. 498];

2) практическое сознание – реализуемое практически, не всегда рефлекслируемое знание – «то, что акторы знают (или во что верят) о социальных условиях, включая, в особенности, условия их собственной деятельности, но не могут выразить это в дискурсивной форме» [7, с. 500];

3) бессознательные мотивы – познавательная способность актора, определяющая и санкционирующая деятельность «только в относительно необычных или нестандартных условиях, в ситуациях, которые некоторым образом нарушают привычный (рутинный) ход событий» [7, с. 45].

Данная модель сознания, исходящая из концепции практики и дуальности структур Гидденса, позволяет видеть сознание как активное начало, конструирующее социальные структуры и одновременно находящееся под воздействием этих структур. Опираясь на данную модель, можно сделать вывод, что кризисные времена (нестандартные социальные условия), приводя к социальной «турбулентности» и дезорганизации, формируют кризисное сознание у части населения и парадоксальные формы адаптации человека к кризисному социуму.

Одной из объяснительных моделей причин увеличения социальных отклонений в кризисном социуме является парадигма «играизации», в рамках которой исследуется интеграция игровых социальных практик в жизненные стратегии индивидов. Западные мыслители (З. Бауман, П. Козловски, Дж. Ритцер), анализируя социокультурные реалии современности, показали нарастание в обществе, вступившем в фазу постмодерна, нестабильности и непредсказуемых флуктуаций. Одной из коллективных реакций на происходящие изменения становится играизация социальных практик, означающая «внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии» (см.: [12, с. 145]).

Согласно синергетике порядок, развитие общества не мыслятся без бифуркаций – определенных периодов, в которых флуктуации внешних и внутренних факторов развития, а также непредвиденные последствия действий людей достигают критического уровня, что влечет за собой неустойчивость, возможность различных вариантов развития. В играизированном обществе меняются принципы социальной стратификации. Доступ к тем или иным играизированным практикам выступает и критерием для новой дифференциации. В результате играизация становится новой формой отчуждения, ведет к манипулятивным коммуникациям и регрессии, способствует воспроизводству деструктивности. Регрессия может варьировать от роста алкоголизации и наркотизации населения до усиления тяги к социальным действиям, связанным с повышенным риском и мистикой. Индивиды преступают порог дозволенного, совершают иррациональные поступки. Возникают такие социальные типы, как «авантюристы» и «марионетки».

Играизация представляет собой внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, что позволяет формироваться новому типу социальной адаптации в условиях парааномии. Парааномия предполагает стирание различий между объективной и субъективной реальностью, нарушение целостного мира смыслов, размывание идентичностей, культурных целей и институциональных средств их достижения. По терминологии Ж. Бодрийяра, парааномия – это «мир симулякров (искусственно созданные конструкции, лишенные объективных оснований) и симуляций» (цит. по: [12, с. 38]).

Ежедневные социальные практики включают в себя два основных измерения: социально-экономическое (бедность, снижение качества жизни, ситуация на рынке труда и т. д.) и духовное (набор специфических ценностных ориентаций, установок, мотиваций и интериоризированных норм). В кризисные времена ценностные компоненты сознания обретают вид симулякров.

Каковы основные характеристики кризисного сознания? Над этим вопросом размышляли многие философы – Ницше, Шпенглер, Сорокин, Хоркхаймер, Адорно и др.

Если исходить из этимологии, то слово «*кризис*» в переводе с греческого языка означает «суд, приговор, решение». Кризис изначально понимался как некий момент истины, суд над системой и ассоциировался с возможностью решения противоречий, тормозящих ее развитие.

Изучение феномена кризиса имеет длительную историю, кризис интересовал еще древних греков. Так, древнегреческий глагол *krinein* обозначает ежедневное состояние жизни, которое требует что-то проверять и выбирать, на что-то решаться. Существительное «кризис» происходит от него, и можно найти различные варианты перевода этого слова: «различие», «разные возможности», «выбор или отбор», «разрыв», «недоста-

ток», «решение» и др. Самое содержательное значение слова «кризис» имеет перевод: «точка изменений», «переменный момент» [1].

Интересно отметить, что китайский иероглиф, означающий кризис, состоит из двух образов, первый из которых обозначает опасность, а другой – благоприятную возможность. Если говорить о философии кризиса, то его можно охарактеризовать как элемент динамического цикла, включающего в себя стабильность – кризис – новая стабильность. Кризис обнаруживает себя через череду необратимых изменений в системе, которые запускают инновационные механизмы изменений. Современный кризис обнажил нравственный конфликт между сохранением культуры и достижением сверхприбылей бизнесменов, противоречивость интересов элиты и простых людей, в том числе обозначил потерю контроля власти над социальной ситуацией.

Кризисное сознание в их концепциях соотносится с предчувствием социальными субъектами гибели («заката») определенной социальной системы, культуры, цивилизации. Кризисное сознание противоречиво, поскольку отражает процессы необратимых изменений по замене норм и ценностей и формирующего нового качества системы.

Кризисное сознание как отражение кризисных времен стало и предметом анализа современной отечественной социальной философии. Его особенности, на наш взгляд, достаточно глубоко проанализированы в работе Ж. Т. Тощенко «Парадоксальный человек» и ряде других современных исследований (см.: [5; 9; 10; 18]). Парадоксальность кризисного сознания связана с отражением в сознании субъектов кризисных времен, поэтому проявляется в сочетании противоположных (нередко конфликтующих друг с другом) установок, ценностных ориентаций, в отсутствии идеалов или наличии ложных (или псевдо-) идеалов, в постановке деструктивных целей. Ложные идеалы, как правило, аморальны, амбивалентны, эклектичны, не релевантны смысловым ценностям, потребностям личности и жизненным целям и связаны с противоречиями в процессе социализации личности. При этом ложные идеалы могут быть проявлением дисфункциональной адаптации личности к изменяющейся внешней среде, попыткой выживания в кризисном социуме.

Пусковым механизмом социальных отклонений выступает напряженность потребностей и влечений, сочетающихся с невозможностью удовлетворить их традиционным, социально приемлемым и эффективным способом. В основе причинной обусловленности социальных отклонений находится отчуждение как социальное противоречие, характеризующее состояние современного общества, которое постоянно воспроизводит отчужденную личность, готовую к использованию любых средств и способов ухода от действительности. Именно поэтому в кризисные времена усиливается девиантность во всех ее проявлениях (от позитивных до негативных форм).

Библиографический список

1. *Английский форум* – Мультитран. URL : <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=4&&MessNum=168570&l1=1&l2=2>.
2. *Бабинцев В. П., Бояринова И. В., Реутов Е. В.* Лидерство и аутсайдерство в молодежной среде региона // СоцИс. 2008. № 2.
3. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. М. : Республика, 1993.
4. *Бердяев Н. А.* Царство Духа и Царство Кесаря. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/carstvo.html>.
5. *Вишневский Ю. Р., Шанко В. Т.* Парадоксальный молодой человек // СоцИс. 2006. № 6.
6. *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии : [в 2 т.]. М., 1977. Т. 2.
7. *Гидденс Э.* Устроение общества. М., 2003.
8. *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало : популярные лекции по народоведению. М. : Издательство АСТ, 2004.
9. *Гусейнов А. А.* Негативная этика. СПб., 2007.
10. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008.
11. *Ильин И. А.* Кризис безбожия // Собр. соч. : [в 10 т.]. М., 1996. Т. 1.
12. *Кравченко С. А.* Игнорация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // Обществ. науки и современность. 2002. № 6.
13. *Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997.
14. *Сорокин П. А.* Кризис нашего времени // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. М. : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996.
15. *Сорокин П. А.* Современное состояние России // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М. : Наука, 1994.
16. *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда : социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999.
17. *Стожого К. П.* Экономическое сознание. Екатеринбург, 2002.
18. *Тоценко Ж. Т.* Парадоксальный человек : [монография]. 2-е изд. М., 2008.
19. *Шкуратов И.* Феномен настроения: пути к осмыслению // Философский журнал Phenomen.Ru. URL : <http://phenomen.ru/public/journal.php?article=23>.

Н. В. Каменских

Либеральные ценности и российская действительность

Аннотация. В статье рассмотрены причины краха либеральных ценностей в социально-экономическом развитии России на протяжении последней четверти XX века. Обоснован тезис о негативном воздействии основных установок западного либерализма на институциональные трансформации, происходящие в российском обществе в начале XXI века.

Ключевые слова: институт, либерализм, трансформация, конгруэнтность, самоценность.

Сегодня, в преддверии 70-летия Великой Победы, продолжается борьба за трактовку Второй мировой войны, наблюдаются попытки переписать историю, вычеркивается сочетание «Великая Отечественная война», подменяясь понятием «советско-германская война», а Вторую мировую войну представляют как войну двух человеконенавистнических режимов, приписывают победу «странам демократии». Даже в нашей стране

ведутся споры об обновленных школьных учебниках, в которых избегают порой употребления даже самого словосочетания «Великая Отечественная война». Это явное проявление либерализма, руководимое западным либерализмом. Так, Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» в той части, которая уравнивала роли СССР и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны. Таким образом, Запад демонстрирует отношения с Россией с упором на разрыв отношений.

Происходит агрессивное навязывание чужих ценностей. В мире идет активизация и героизация нацизма. В Эстонии парад в честь Дня независимости проводился в Нарве в 500 м от российской границы, факельные шествия проходят во многих странах Европы. А как расценивать юмористическую выставку, посвященную Холокосту?... Параллельно с неонацистскими шествиями проходят гей-парады, на которых особенно настаивает Запад. Именно по этой причине, еще до присоединения Крыма, главы европейских государств и США бойкотировали открытие Олимпиады-2014 в Сочи, поскольку, по их мнению, нарушаются права человека. Особенность же российского либерализма заключается в том, что он быстро превращается в оппозицию, направленную против как президента, так и России в целом. Когда либералы днями и ночами льют грязь на Россию, они оправдываются тем, что на самом деле ее любят, а показывают неприглядные стороны (при этом лгут, перевирают и т. п.) для того, чтобы привлечь к ним внимание и чтобы их исправили. Так, социологические исследования 2011 г. показали, что самой важной датой для граждан России (58%) и украинцев (53%) является 70-летие начала Великой Отечественной войны против фашизма. «Либералы» тут же протестуют: «За всеми данными стоит Непобежденный советский раб» [3].

Наша задача – рассмотреть идеологию либерализма и ее соответствие (конгруэнтность) российской действительности.

В рамках институционально-эволюционной теории существует понятие «импорт институтов», т. е. ввоз в страну чужих институтов, не свойственных ей норм и правил и возможность их адаптации к существующим условиям.

На фоне споров о терминах и понятиях институционализма кажется правильнее всего было бы придерживаться той терминологии, которая разработана основоположниками этой науки. Необходимо рассмотреть такие понятия, как «институты», «институции» и «организации». Если институты – это в принципе поведенческое понятия, то институции есть нормы. Что же касается структур, банков, бирж, то это организации, которые в институциональной среде выступают как игроки, как единица. Мы можем рассматривать наиболее распространенное определение институтов как устойчивую совокупность формальных и неформальных норм и пра-

вил поведения, или как правила игры, ограничительные рамки, регулирующие поведение людей, и механизмы их обеспечивающие, как группы людей, ведущих себя в отношении какого-либо объекта всегда одинаково, в соответствии с принятыми нормами. Однако нельзя не учитывать и традиционный подход, автором которого является основоположник традиционного институционализма Т. Веблен: «Институты – это привычный образ мышления людей, который имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго» [2, с. 202]. Таким образом, институты – поведение, публичная система правил, распространенный образ мыслей в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью, совокупность ролей и статусов.

Последнее определение наиболее подходит для изучения либеральных ценностей, и главное – их конгруэнтности, т. е. совместимости с российскими ценностями, соответствия этих норм существующим реалиям или менталитету. Конгруэнтность означает наличие общих тенденций развития, господствующих в обществе неформальных и импортируемых формальных норм. Наличие между нормами конгруэнтности позволяет получить их конвергенцию, сближение тренда, траектории институционального развития.

Вопрос заключается в том, насколько успешным может быть внедрение чужих ценностей и насколько это необходимо. В принципе речь идет об идеологии, выработанной на Западе.

А. Н. Олейник дает определение идеологии как «способа восприятия ежедневно возникающих проблем, который позволяет минимизировать количество информации, требуемое для их решения (позитивное определение), и суждение о справедливости или легитимности институциональных рамок, в которых действует индивид (нормативное определение)» [7, с. 194].

«Википедия» дает следующее определение: идеология – система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, которые выражают интересы различных социальных классов, групп, обществ [11]. В основе лежит национальная ментальность как «главный элемент механизма – на основе предшествующего развития» [6].

Соответственно, чтобы разобраться в проблемах совместимости ввозимых и ценностей национального менталитета, влияния либеральной идеологии на российскую действительность, требуется рассмотреть само явление «либеральная идеология».

Идеология либерализма сформировалась более 100 лет назад. Либерализм как мировоззрение возникает в конце XVII века. Его представители – Дж. Локк, Ш. Монтескье, Дж. Милль, А. Смит. В общественно-политический лексикон это понятие входит в начале XIX века, окончательно

сформировавшись к середине XIX века. Провозглашает оно приоритет личных прав и свобод над всеми иными; согласно этому свобода личности рассматривается как универсальная, всеобщая ценность и самоценность, непреходящее благо. При этом права и свободы личности включают в себя и право владеть собственностью, и демократические преобразования, и контроль над властью со стороны общества. В экономическом смысле рынок является единственным регулятором экономики, главное – минимизировать роль государства, которое не должно вмешиваться в хозяйственную деятельность. Либералы защищают эгоистические интересы и считают их основным источником хозяйственной деятельности.

К изложенному выше следует добавить ярко проявляющиеся в последнее время так называемые политкорректность и мультикультурализм. На этом фоне происходит агрессивное вторжение чужой культуры в европейские страны.

Ценности связаны с реальной деятельностью человека. Проблема ценностей неоднократно возникала в истории в периоды ломки традиций, пересмотра сложившихся взглядов на взаимоотношения личности, общества, государства.

Основополагающим принципом либерализма является невмешательство государства в экономику. И эта норма была совершенно не конгруэнтна существующей норме российской действительности. Государственная власть в российском варианте имеет существенное отличие от европейского и американского типа организации государственной власти, где государство выполняет роль демократического института. Государственная власть – особый институт властных отношений, который возникает на основе передачи гражданами добровольно своих прав, в том числе права принуждения и наказания. Государственная власть в странах Запада построена на основе методологического индивидуализма – интересы и поведение индивидов определяют координацию действий данного института. Метод холизма, напротив, предполагает, что институты обуславливают поведение индивидов. Этот тип поведения прямо противоположен методологическому индивидуализму, характерен для России с ее традиционно сильной государственной властью. И поэтому сохранились такие явления, как патернализм, эгалитаризм (социальное равенство), государственность.

Мы рассмотрим два вида несоответствий: 1) человек и общество; 2) человек и государство.

Русский менталитет сложно сравнивать с западным или восточным. Особенности в образе мышления и укладе жизни формировались веками. Кроме того, сказывается неблагоприятная природная среда (географическое положение страны, размеры территории, довольно тяжелый климат, требующий неимоверных условий для выживания), а также православие, которое явно провозглашает приоритет духовных ценностей над материальными, а стало быть, неподготовленность к рыночному пути развития.

Геополитические обстоятельства в русской истории требовали мобилизации всего народа для защиты своих территорий.

Российскую экономическую ментальность можно охарактеризовать как коммунальную общину, рассматривающую человека как часть целого. Типы хозяйственного поведения российского человека и человека западного склада резко отличаются. Корни этих различий кроются в условиях жизни и деятельности, в особенностях менталитета, особенностях экономического сознания и сложившихся стереотипах мышления и поведения. Особенно это касается отношений к государству и предпринимательству. Проблемы, связанные с экономическим сознанием, являются во многом определяющими при рассмотрении трудностей становления рыночных отношений. Это не столько вопросы прибыли, сколько вопросы отношения к государству, предпринимательству, богатству; не столько проблемы получения богатства, сколько проблемы справедливого распределения.

Русский человек привык довольствоваться скромным достатком, чувствовал сильную зависимость от государства, которое «программировало» всю его жизнь, диктовало нормы поведения и даже мышления. Человеку рыночной экономики необходимо, прежде всего, такое качество, как способность выживать индивидуально, опираясь на собственные силы, не рассчитывая на поддержку со стороны государства. В российском человеке генетически заложено стремление к сильной централизованной власти, выработанное за длительные периоды диктаторских правлений. Этого же требовали необъятные просторы страны и постоянная необходимость в защите от внешних врагов. Отсюда и необходимость в сильном правителе. Человек вне себя, для других.

Стоит вопрос о первичности тех или иных ценностей. Если либеральный подход говорит о первичности, главной ценности прав и свобод личности, т. е. личность первична, а интересы общества вторичны, то в российской культуре первичны все же интересы общества, а интересы личности вторичны. Отсюда и понятия жертвенности, необходимости, нужности для общества отдельной личности.

Можно сказать, что истоки современного кризиса кроются в либеральных реформах 1990-х годов. Именно при переходе к рыночной экономике, создании рыночных институтов не были учтены особенности российской действительности. Была выбрана либеральная модель рынка, резкий переход к либеральным ценностям, в том числе и ограничение государственного регулирования экономических процессов, не учтена российская специфика. Фактически государство достаточно резко ушло из управления хозяйственными процессами, лишило предприятия госзаказов. Более того, реформы осуществлялись в соответствии с программой «Вашингтонский консенсус», разработанной американскими экономистами, а для контроля над реализацией реформ в правительстве работал представитель МВФ г-н Сакс. Как результат – развал промышленности, ориента-

ция на импорт (зачем «изобретать велосипед»), сырьевая направленность экономики.

Только сейчас стали очевидными необходимость развития промышленности, переход к инновационному развитию, отрыв от сырьевой направленности экономики, диверсификация экономики и развитие импортозамещающих отраслей. По подсчетам профессора Аузана, для инвестиций в обновление промышленности и инновационное развитие России сегодня необходимо 7 трлн р., которые в свое время были вложены в зарубежные активы, и теперь стоит задача их вернуть [13].

По мнению А. Г. Аганбегяна, когда рынок считается самоцелью, то может возобладать вреднейшая идеология пренебрежения человеком.

Ваучерная приватизация, а позднее залоговые аукционы, проводились с большими нарушениями. Характерен пример акционирования «Уралмаш». Каха Бендукидзе – участник нескольких крупных приватизационных сделок, участвуя в чековых аукционах, скупил к концу 1994 г. пакеты акций более 50 предприятий разных отраслей промышленности. В 1993 г. в июне был приватизирован «Уралмаш». К. Бендукидзе обменял косметику на обесцененные либерализацией ваучеры. «Уралмаш» был куплен за 1,8 млрд р. Гавриил Степанов пишет: «Мы купили завод за тысячную долю его действительной стоимости» [10]. Довольно скоро предприятия резко сократили объемы работ. Ирбитский мотоциклетный завод фактически был продан на металлолом. В современной литературе часто проходит мысль о том, что первые олигархи не столько сознательно хотели развалить экономику, просто они не были профессионалами. Но об этом и речь. Еще раз подтверждается мысль о роли государства.

Е. Примаков в своей книге «Мысли вслух» рассуждает: «В чем ошибка либералов 90-х годов? Кейнсианство отстаивало необходимость государственного вмешательства и лидировало вплоть до 70–80-х годов XX века. Но затем было вытеснено школами неолиберализма, монетаризма, неоклассики. Провозглашались необходимость сокращения государственных расходов, в том числе социальных, всемерное поощрение собственников, частного предпринимательства, усиление роли рынка. Широко известно, что те, кто оказался у руля экономической политики России в начале 1990-х годов, величали себя либералами. К ним значительно больше подходит название „псевдолибералы“ или „неолибералы“. Главное направление их деятельности заключалось в ликвидации всего, что было связано с социалистическим общественным устройством. Ради этого они готовы были принести в жертву и интересы большинства населения России, и демократию, там, где она мешала такой разрушительной деятельности. На словах выступая против роли государства в экономике, утверждая, что все должен решать рынок, на деле они использовали государственные механизмы для обогащения горстки олигархов, получивших в свои руки несметные природные богатства страны» [9].

Рой Медведев отмечал: «Многие апологеты либерализма писали о необходимости „сбросить с плеч государства“ ответственность за управление неэффективными предприятиями. Но главной целью приватизации было скорейшее образование класса или слоя частных собственников, которые могли бы стать прочной опорой создаваемого в стране нового режима» [4, с. 390].

Ж. Алферов убежден, что «мы по многим позициям не уступали, а где-то даже шли вперед», что «если бы во главе страны в те годы были нормальные, думающие люди, многие из бывших союзных министерств – пусть не все, но многие, включая Министерство электронной промышленности, – могли бы стать мощными транснациональными корпорациями. И сегодня успешно конкурировать на рынке с IBM и с Philips» [1].

Сформировались «институциональные ловушки» (термин В. М. Полтеровича), которые возникают как несоответствие импортируемых норм и существующей действительности.

Другой главной ценностью, а возможно, и первой, объявлены гражданские права и свободы человека. Но в условиях, когда интересы общества ставятся, традиционно, выше интересов личности, главной целью являются, в первую очередь, такие, как социальное равенство и социальная справедливость.

Гражданские права и свободы человека, без сомнения, являются важнейшей ценностью. Но ничем не ограниченный либерализм не обеспечивает социальной гармонии и справедливости. В этом и кроется основной камень преткновения.

Можно выделить несколько практик, вытекающих из либеральной системы ценностей и активно проводимых в европейских странах, но вызывающих резкое неприятие в России:

- попытка пересмотра итогов Второй мировой войны;
- размывание традиционной семьи (в частности, ювенальная юстиция, однополые браки, запрет называть родителей «мама и папа», а «родитель № 1» и «родитель № 2»);
- терпимость к пропаганде гомосексуализма;
- легализация так называемых «легких наркотиков»;
- политкорректность и мультикультурализм (исламизация Европы).

Когда В. В. Путин заявил, что продвижение прав геев иллюстрирует «загнивание» западных ценностей, канцлер ФРГ А. Меркель решила перейти к курсу сдерживания в стиле холодной войны. «Геи бегут из России, в том числе в США, – подчеркивается в поисковой системе Yandex со ссылкой на СМИ от 1 декабря 2014 г. – Необходимо поддерживать соседние в ЕС государства, которые разделяют западные ценности». «Семерка – это клуб, построенный на общих ценностях, а Россия-де этих ценностей не придерживается» [12; 13].

Европейские ценности закреплены в «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод». Давление европейских стран и США в области признания европейских ценностей беспрецедентно. Поведение руководителей крупных западных держав подтверждает уверенность в своей непререкаемой правоте. Именно этим объясняется отказ Б. Обамы, А. Меркель и пр. приехать на открытие Олимпиады в Сочи в 2014 г. А. Меркель прямо заявила, что «разногласия касаются разных ценностей, и это принципиально». Но чьи права защищаются? – Разного рода меньшинств, гомосексуалистов; проповедуются однополые браки, а также существование ювенальной юстиции, наказание родителей тюремными сроками, если они не хотят, чтобы их ребенок в четвертом классе посещал секс-уроки, допускают активное проникновение чужой культуры.

А. Подберезкин, профессор МГИМО, член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека пишет: «Россия, как и сто лет назад, оставаясь в Большой Европе, сохраняет свою цивилизационную специфику <...> и не принимает целиком систему европейских ценностей. Соответственно, она остается геополитическим субъектом, а не частью Евросоюза» [8].

В современной российской действительности имеет место противоречивый подход к либеральным ценностям. Представители продвинутой интеллигенции, в основном творческой, считают, что в России недостаточно развиты права и свободы личности, что для преодоления экономического отставания требуется перенимать западный опыт и проводить реформы; активно обсуждается возможность синтеза либерального и национального чувства. Распространяется правозащитное движение. По крайней мере, большинство либералов объявляют себя правозащитниками. Такие представители либерального направления, как Б. Акунин, Д. Быков, К. Собчак продвигают свои идеи очень активно и фактически представляют оппозицию. Вместе с тем большинство населения считает, что конфликт между социальными и либеральными ценностями носит острый характер. Уменьшение роли государства снижает роль государства в социальной сфере (решение социальных задач, таких как повышение уровня жизни, борьба с безработицей, здравоохранение и пр. – это задача государства в силу традиций нашего общества). Ценности западного индивидуализма и рационализма перенимаются с трудом. В массовом сознании попытка резко заменить наши главные ценности на чужие и чуждые, резко проводимые рыночные преобразования, которые оказались болезненными и имели тяжелые социальные последствия, связаны с либерализмом. Копирование западного опыта без учета российских реалий дискредитировало себя.

Либерализм стал чуть ли не ругательным словом. Уместно процитировать Ф. И. Тютчева:

«Напрасный труд – нет, их не вразумить, –
Чем либеральней, тем они пошлее.
Цивилизация для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней не гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы.
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы».

Либеральной идеологии противопоставляется консервативная. Консерватизм – ориентир на сохранение и поддержание исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни, в первую очередь морально правовых ее оснований, воплощенных в нации, религии, семье, собственности, браке. Это – сохранение исторических и культурных ценностей. Европа никогда не поймет народ, способный к жертвенности ради общих целей и героизму.

Правомерно суждение о том, что «под воздействием старых институтов рыночное развитие окажется как бы забегом вперед, а возникающие из-за этого „институциональные ловушки“ будут выливаться в конфликты между новыми организационными формами хозяйствования и старой моралью или, наоборот, между прежними формами организации хозяйства и новыми идеями. Очень многие институты, нормы, правила, ценности достаются поколениям „по наследству“. И переходят из прошлого в новые эпохи. Сохраняя при этом свой „положительный потенциал“» [11, с. 520].

Очень большое значение в варианте импорта институтов имеет соответствие (конгруэнтность) вводимых норм существующим реалиям и менталитету народа. Медленная трансформация институтов обусловлена недооценкой многих факторов, в том числе традиций и менталитета российского народа, и в принципе несоответствия им либеральных западных ценностей.

Библиографический список

1. *Алферов Ж.* Как повенчать науку с бизнесом // Российская газета. 2010. 29 сент.
2. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984.
3. *Кульчитский С. В.* Великую Отечественную войну подменяют «советско-германской». URL : [http:// newsland.com/news/detail/id/696774](http://newsland.com/news/detail/id/696774).
4. *Медведев Р.* Политические портреты. М., 2008.
5. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997.
6. *Нуреев Р. М.* Курс микроэкономики. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2010.
7. *Олейник А. Н.* Институциональная экономика. М. : ИНФРА-М, 2004.
8. *Подберезкин А.* Взаимосвязь евразийской интеграции и развития стран // АТР. Nasled. Ru. 26.09.2013.
9. *Примаков Е.* Мысли вслух. М. : Рос. газета, 2011.
10. *Степанов Г.* Каха, которую заварил Бендукидзе // Профиль. 1998. 23 марта. URL : http://www.profile.ru/arkhiv/item/39852-items_2137.

11. Стожко К. П. В. М. Полтерович : институциональные ловушки на пути к рынку // Стожко Д. К., Стожко К. П. История социально-экономической мысли России : XX век. Екатеринбург : ИД «СТЯГЪ», 2014.

12. «Традиция», свободная русская энциклопедия. URL : http://traditio-ru.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0.

13. *Part dependency*.

В. М. Князев

Духовные основания Великой Победы

Аннотация. В статье показана духовная основа Великой Победы советского народа над фашизмом. Обозначены современные трансформации духовной культуры и всей системы ценностных ориентаций россиян. Сформулирован тезис об обрыве этой связи между традиционными ценностями и стандартами модерна и постмодерна, который привел в образовательной и воспитательной деятельности общества к существенным деформациям.

Ключевые слова: духовность, культура, референтность, симулятивность, игротехника, деконструкция.

Год семидесятилетия Победы СССР над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – очень значимый символ в истории нашего Отечества. Семьдесят лет тому назад произошло невероятное событие мировой истории – непобедимый, беспощадный, лютой враг был остановлен на подступах к Москве, разбит в Сталинграде, на Курской дуге и окончательно добит в Берлине. Мечта врагов России о захвате российских земель, о разрушении российской империи по имени СССР, о порабощении ее народов не сбылась. Произошло чудо, которое сотворили народы Советского Союза, объединенные, организованные политической волей правящей партии, сумевшей в критический момент истории духовно пробудить народ, мобилизовать его на беспрецедентный трудовой и ратный подвиг.

Непобедимого солдата вермахта победил русский солдат, явив миру суворовское, нахимовское умение побеждать, нравственный дух жертвенности, подвига во имя спасения своей земли, семьи, святынь. Победила сила духа солдата, живущего устремлениями, любовью к ценностям благой, справедливой, правдивой в своей истине и красоте жизни. Победил солдат потому, что ненавидел всей душой силы зла, смотрящего на нас с высоты расового превосходства как на скот, как на то, что надо зачистить, убить, превратить в глупых и покорных рабов.

В жизни всегда побеждает тот, кто духовно силен, побеждает тот, кто ради идеалов, ценностей победы готов умереть. То, ради чего человек воевал, воюет и будет воевать – это сущие качества жизни человеческой: ее бессмертие, благо, совершенство, которые даются реально отдельному человеку через родовую жизнь породившего его народа. Поэтому и побеждает тот, за кем стоит народ. А народ стоит за тем, кто является про-

водником его жизненной воли, тот, кто живет и воюет во имя подлинной жизни народа.

Для победы в той, победоносной для нас, войне, на которой погибли десятки миллионов наших соотечественников, трудились в тылу на благо фронта до изнеможения, до последних сил, трудились дни и ночи все от мала до велика, и, конечно, победил народ. Но победил потому, что вся невидимая как множество нолей масса этого народа примкнула к Единице Генералиссимуса, полководца, конструктора военной техники, к учителю, к деятелю культуры, к отважному герою, став множеством единого, духовно спаянного народа.

Тайна победы – в духовном единстве народа, в силе единения народа, которая способна безликое, лишенное качества множество смертных, слабых существ, превращать в качество Единицы – в силу и мощь единого во всем победоносного народа. Чтобы понять суть тайного знания победы, надо ответить на вопрос: как идеальная, не имеющая ни грамма вещественности, мыслительная сила умозрения, убеждения и духовно-созерцательная предметность целевой причины, Идеала, сакральной ценности трансформирует существование смертного человека в бытие его подлинной жизни?

Мы знаем, что таинство этой сущностной трансформации человека осуществляется посредством искусства образовательной, воспитательной деятельности Учителей народа, которые причастны к знанию духовной традиции народа, помнят знание мудрости исторического прошлого своего народа и умеют это знание и его духовный посыл передать своим ученикам. Учителя помнят знание традиции, знают, как его донести до сознания учеников, и как это знание напитать силой духовного чаянья, силой духовных чувств: веры, надежды, любви, силой которых жили и творили наши великие, героические предки. Учителя знают верное построение жизненного образа человека в информационной метрике знания. Они умеют в ментальное пространство образованного человека вдохнуть жизненную силу душевного духа, который духовно преобразит витальную силу чувств, ума и воли человека в силу необратимого движения разумной воли человека к совершенству подлинного бытия жизни. Учителя дают человеку знание (информационную метрику) для разумного образа жизни и напитывают душу человека духовной силой народной культуры. Они одновременно учат и воспитывают. Информация без цели – пустое, безотносительное различие. Цель, не различающая реальности пути, его особенности, – это пустая мечта, обман, иллюзия. Настоящий учитель, дающий знание ученику, – всегда воспитатель, питающий силой любви, силой своего духа надежду, веру ученика в себя и в истину праведного пути жизни. Учитель дает не просто знание, но знание жизни, жизненного пути; он учит учеников умению преодолевать трудности, выдерживать удары судьбы, не терять в моменты опасности цель и смысл своего пути –

учит жить и побеждать. Исходя из этого, мы можем сказать, что наши отцы, деды победили в той великой войне, потому, что у них были хорошие учителя – учителя Победы. Логично предположить, что и сейчас, в трудный момент исторического времени, Россия выстоит и победит, если в ней будет успешно действовать образование Победы, воспитание духовно сильных людей.

Мы с благодарностью преклоняемся перед памятью победителей, и, совершая этот ритуал памяти, мы должны задать себе нравственный вопрос – вопрос совести: а мы, потомки победителей, достойны ли мы своих предков, сможем ли мы встать на защиту своей Родины и отстоять свободу своего народа в беспощадной войне? В войне реальной, а не мнимой, которая не где-то там, в выдуманной виртуальной реальности, а творится здесь и сейчас, разворачивает свое смертоносное действие против нас на всех фронтах.

На финансовом фронте она обесценивает наши рубли до нулевой, бросовой стоимости. Воинственная идеология денег все ценности обесценивает посредством критерия меновой стоимости, затем – критерия симулятивной стоимости обесцененных денег, которые превратились в абстракцию релятивного числа, растворившись в капитале акций, фондовых бирж, в фондах страхового, инвестиционного капитала. Обесценивает произволом действия бинарного кода, где в роли 1 (единицы) выступает мировой финансовый капитал, а в роли 0 (нуля) владельцы «зелененьких бумажек», которые по сути ничего не стоят, если отменить их референтное хождение в суверенном пространстве нашей экономической жизни.

На социальном фронте она лишает людей права на труд, на бесплатное образование и медицинское обслуживание.

На культурном фронте она превращает творческий труд культуры по «возделыванию» витальной природы человека в его социально-историческую активность, в имитацию творчества. Деятели культуры стали творцами симулякров; они создают виртуальную, имитационную, пародийную реальность «второй свежести» продукта для потребителей «второго сорта». Это, в действительности, антикультура, которая выворачивает наизнанку духовно созидательное действие подлинной культуры, чтобы не возделывать из природного человека социально ответственного труженика, воина, творца, созидателя, духовно вмняемого к зову истории своего народа, а гуляку праздного, потребителя, игротехника, прожигателя жизни. Современный конвейер культурного производства – это фабрика грез, мифов, детективных историй, мистических триллеров, улет в пространство космических войн, погружений во тьму и ужас бессознательного. Это массмедийная технология по разрушению психического и ментального мира человека. Это прагматичное и циничное создание человека одномерного, лишенного гармонически выстроенного душевного и духовного мира, живущего силой агрессивного инстинкта в режиме реактивной вир-

туальности. Инстинкт этого человека преднамеренно актуализирован допингом алкоголя, никотина, наркотика и приведен в состоянии слепой и неистовой страсти потребителя, рекламопожирателя, кредитополучателя. В результате такого действия антикультуры мы имеем идеальный образец натурального выродка, мистического оборотня – мы имеем идеальный образчик «человека второго сорта», который в состоянии наркотической ломки с легкостью пойдет на преступление. А человек «второго сорта» из интеллигенции, из сословия чиновников за виртуальный символ престижа, за кратковременный отблеск славы, за звание, орден, денежный грант богатого дяди из США продаст все, что от него потребуют.

На идеологическом фронте осуществлена зачистка идеологии и философии народа. На авансцену общественного сознания властно вступила идеология либерализма – апологетика прав человека, прав индивидуума с развитой витальной силой воли к жизни, воли к власти, безразлично стоящего по ту сторону добра и зла, и для осуществления которого требуется открытое общество (открытое для произвола ТНК), живущее без морали, под управлением правового государства, жрецы которого исповедуют культ мамоны, т. е. культ «золотого тельца».

На духовно-нравственном фронте без особых перемен. Здесь идет вечная борьба духа погибели с духом жизни за жизненность человеческого тела – за душу человека. Особенность нынешнего этапа этой войны в радикальности действия. Сейчас не мелочатся, а работают масштабно, глобально, основательно. Ныне осуществляется деконструкция основополагающих мифологем, с помощью которых конструируется духовная реальность человека. Подвергаются деконструкции дух, душа, тело как телесная целостность товарного существа, а следовательно, и ключевое понятие духовно-личностной идентичности человека. Но если нет духовно-личностного бытия, то нет и точки сборки сущностных сил человека его воли, чувств, ума, нет голографического, аналогового мышления, благодаря которому человек может увидеть свою духовную суть в зеркале Абсолюта, идя к нему по зову совершенства, которое недостижимо как идеал. Однако, недостижимый путь к нему обретает благодаря недостижимости Абсолюта простор бесконечной «свободы к» и ясность видения «свободы от» всего, что мешает самореализации свободы человека, ибо он совершает свой путь при свете идеала, при котором равно видно отклонение со срединного пути спасения как в сторону истины, так и заблуждения, как в сторону добра, так и в сторону зла, как в сторону красоты, так и в сторону безобразного.

На антропологическом фронте провозглашается смерть человека и приход вместо привычного нам человека совершенно иного существа, которое будет «унисексом», человеком третьего пола, подвижным, трансгенным в своей гендерной идентичности, плюральным в сексуальных практиках. Он не будет иметь истории, а будет жить здесь и сейчас до мо-

мента отключения его от видения виртуальной реальности масс-медийного экрана. Для него не будет запретной границы, которая отделяет его от скота и машины. Он будет иметь священное право свободы, чтобы осуществить возможность быть скотом, а если захочет, то и киборгом – машиной. Все будет позволено человеку, кроме одного – быть сыном своего народа, своей истории, быть победителем в войне против его Отчизны.

Если мы признаем факт существования этих военных фронтов в суверенном пространстве современной России, в пространстве нашей субъективности, то как мы их оцениваем, как собираемся по отношению к этой реальности поступить? Можно происходящее назвать буднями прогресса, охарактеризовать как некое неудобство новизны реформаторского времени, пришедшее к нам в результате перестройки, которое существует во благо прогресса, улучшения жизни. Если это – война, то война с отсталостью, совковостью, нецивилизованностью нашего общества, нашего человека. Аксиология – очень лукавая наука философии, всегда релятивно, гибко выносит свой ценностный приговор. Поэтому ценностные суждения аксиологии надо «заземлять» на позицию аксиологического наблюдателя: с какой позиции мы оцениваем, что мы оцениваем из происходящего с нами.

Для нас аксиологическим Олимпом является великое историческое деяние нашего народа – его победа во Второй мировой войне. С высоты этой священной ценности нашей истории и следует оценивать происходящее в современной России, исходя из ее предметной, результативной действенности, из ее несомненной жизненной ценности – ведь благодаря той Победе мы родились, живы и можем говорить о более высоком ранге нашей свободы и приближать день более совершенной жизни. Ценность такой великой Победы – не симулякр, не инновационная выдумка креативного класса, дизайнеров виртуальности, а жизнеутверждающая ценность, исходя из которой и двигаясь в лучах ее совершенства, можно и должно строить путь к более совершенной жизни всего российского народа, а не людей оффшора. Понятно так же, что эта ценность должна быть в основе образовательной и воспитательной политики современной России.

Однако чтобы эту жизненно важную ценность поставить во главу угла, должны быть понимание особой значимости ценностного сознания в деле социального, духовно-нравственного становления и развития человека и решимость это сделать. Сложность и трагизм переживаемой нами ситуации состоит в том, что родовая воля нашего народа, его жертвенные страдания, труды, героические подвиги, свершения во имя жизни детей, внуков не услышаны, не стали целевым, ценностным мотивом жизни и деятельности их детей. Прервалась живая духовно-нравственная связь поколений, и общество распалось на обманутых стариков и на молодых людей, погибающих в безумии себялюбия.

Обрыв этой связи произошел в образовательной и воспитательной деятельности общества. Образование как бы есть – работают школы, университеты, министерство образования разрабатывает новые стандарты, технологии образовательной деятельности и активно внедряет их в практику жизни. Но в этой деятельности нет души, духовно связующих нитей душевных переживаний, устремлений наших предков с духовными интенциями души наших детей – нет ценностного, мотивационного сознания традиционной культуры России. В образовании нет воспитательной деятельности, нет воспитания духовной воли ученика, нет ответа на вопрос: ради каких ценностей он готов жить, и если потребуется, то умереть, защищая эти ценности? Если не воспитывается патриотизм, духовно-нравственная ответственность за судьбу близкого, родного человека, семьи, селения, города, страны, то кто понесет на своих плечах тяготы, свершения, саму жизнь? Циничный прагматик, «подпольный человек» Достоевского, для которого важно чаю попить, а все остальное пропади пропадом, креативный болтун, зовущий в пустоту неведомого ни ему, ни его предшественникам прогресса? Ответ на эти вопросы известен – бремя исторических свершений несут труженики, воины, ученые, имеющие вкус ценности победы, заслуженной трудом и подвигом. Все в этом мире держится на духовном устремлении к совершенству, к торжеству победы.

Современная философия образования – это философия ценностного сознания. Функционал философского знания включает в действие мировоззрение, методологию, этику, эстетику, результативную деятельность по самопознанию человека, искусство духовного преобразования, самосовершенствования человека. Но энтелехией – активной формой индивидуации (не путать с индивидуализацией) человека – является аксиологическое действие философского знания. Схоласты, говоря об актуализации божественного начала в естестве человеческой природы, говорили о действии *aktus essendi* – об актуализированной сущности как способе перевода существования жизни в бытие жизни. Современный российский либерализм, являясь господствующей идеологией, ориентирован на аксиологию философии постмодерна, на его аксиологию радикальной переоценки ценностей. Мировоззренческие, методологические установки постмодерна, его практики телесной культуры человека – технологии трансгуманизма, трансгрессии, «смерти человека» по умолчанию, контекстно «работают» аксиологически, т. е. в режиме актуализации либеральной идеологии, мировоззрения и методологии постмодерна во всех сферах современного общественного сознания России.

В результате, что мы имеем на духовно-нравственном поле борьбы за души и дух нашей молодежи? Сферу действующего образования, где нет деятельности воспитания, а есть практика мультикультурной ситуации (маленький Вавилон в каждом городе), действие плюралистической установки, постмодерное состояние сознания по имени «шизоанализ», реко-

мендованный постмодерном способ мышления – это с одной стороны. А с другой – разливанное море интернетовской информации, которая ничему не научает, если нет умения и понимания в ее различении; есть развлекательное, суггестивно усыпляющее, рекламно повелевающее телевидение, огромная армия миссионеров, гуру, экстрасенсов-целителей, контактеров с инопланетянами и политиков-однодневок, стремящихся во власть. В этом расплывчатом действии информационного, массмедийного поля информации есть своя строгая структура, логика действия и агрессивная форма ее проявления – это действие аксиологии, экспертное оценивание происходящего и переоценка всего традиционного как регрессивного, незаконного. Особенность этой аксиологической агрессии массмедийной и прочей культуры в том, что она осуществляется по алгоритмам «мягкой силы», т. е. в форме игрового, карнавального действия, приперченного шуткой, анекдотом, розыгрышами, подогретого «призами в студию», возможностью «выиграть миллион» и пр. И вместе с тем эта агрессия аксиологии постмодерна прагматически заточена технологией конструктивизма нейролингвистических состояний подпавшего под их влияние человека. Кто же воспитывает наших детей? Вроде бы никто, а в действительности, Левиафан – чудовище информационной войны.

В этих условиях информационной войны очень важна культура аксиологической мысли. В ценностях культуры надо видеть жизненные истоки развития и совершенствования жизни народа. Ценность – это символическая дверь в бытие жизни, где есть сила и полнота жизни, ее совершенство, красота. Поэтому ценность по своему действию на нас есть действие красоты, совершенства, истины и благородства. Говорят: «Красота спасет мир», но не поясняют – почему? Да потому, что совершенство формы, красота явленного выявляют жизненное назначение явленного. В красоте есть жизненный смысл – сила ее адаптивности. Поэтому и ценности культуры, призванные свидетельствовать, быть символическим знаком совершенства и красоты, должны быть адаптивны – быть символической дверью в мир сильной и совершенной жизни. Если мы обратимся к главному Учителю нашей жизни – к жизни естественной природы, то увидим васильковую красоту полевых цветов, восхитительное убранство осеннего леса, целеустремленный, красиво выстроенный полет перелетных птиц, таинственную красоту звездного неба, обезоруживающую красоту улыбки ребенка, зачаровывающую красоту женского тела, красоту труда, духовно возвышающую силу молитвы, дисциплины аскезы. И, наконец, квинтэссенция адаптивной, жизненной силы красоты – в целостном выражении телесно-душевно-духовного человека, собранного в единый, неудержимый жизненный порыв всех его сил в пограничной ситуации между жизнью и смертью, в состоянии перехода от невозможного к возможному – красоте Победы. Если же мы обратимся к рекомендуемым, пропагандируемым ценностям современной массовой культуры для

народа, то увидим отрицание самой адаптивной, жизненной силы красоты. Согласно современному взгляду на красоту красиво то, что престижно, модно, что сделано, является артефактом, а не фактом, то, что изобретено силой воображения работников салонов красоты, модельных агентств и напечатано на страницах гламурных журналов, а не то, что востребовано самой жизнью человека. Человек, прежде всего, должен быть, а уж потом казаться. Ставка на имидж, на престиж, на соответствие капризам изменчивой моды как способ личностного самоутверждения чревата потерей себя, и это может привести к личной трагедии. Огромное количество женщин сделали себе пластические операции, изменили размер груди, припухлость губ, купили модные наряды, израсходовали тонны косметики и ничего не сделали в деле совершенствования своего душевного, духовного состояния, и что в итоге – они не создали семью, твердо, в силе духовно-личностного достоинства не заняли место в престижной иерархии. Прорастает то зерно жизни, которое имеет нутряную силу духа, а не блеск и мишуру внешнего обличия. Верно – «по одежке встречают», но, несомненно, и то, что «по уму привечают». Другой, еще более убедительный пример аксиологического безумия, которое насаждает современная культура российской молодежи, – это антиценности образа, поведения, стиля, способа жизни, усвоив которые молодой человек теряет свое физическое, психическое и духовно-нравственное здоровье и еще, не дожив до призывного возраста, становится стопроцентным инвалидом, иждивенцем, для реабилитации которого требуются непосильные усилия родителей и общества. Наркоманами, потребителями, гедонистическими прожигателями жизни, игроманами, психонавтами, восторженными фанатами, членами тоталитарных сект, расходным материалом для политических игр ищ не рождаются, а становятся под руководством криминальных авторитетов с улицы, «учителей» из благотворительных фондов, из легитимно действующих в нашей стране тоталитарных сект, благодаря доступности любого вида информации в открытом доступе, причем не только в интернете-пространстве, но и на полках магазинов.

Эти примеры убеждают нас, что жизнь человека – это, прежде всего, его духовная жизнь, его воля к совершенной, победоносной жизни. Если у человека нет этой духовной воли, тогда из этого человека можно делать все что захочет с ним делать любой проходимец, который получит власть над образованием и воспитанием людей.

Итак, мы должны определиться с критерием нашего оценочного действия. Этим критерием, ценностно-определенной позицией должна стать реальная, несомненная в своей значимости ценность, а не симулякр общечеловеческих ценностей, не антиценность «тройского коня», табу которых нам пригнали наши враги бесплатно в виде гуманитарной, просветительской помощи для дикарей, решивших вступить в дом европейской цивилизации. Мы должны посмотреть на самих себя и оценить себя с позиции реальной победы, которую свершили наши предки.

Часть фронтовиков еще живы, а дети, внуки этих фронтовиков помнят о подвиге своих отцов и дедов. Правда, есть молодые люди, которые учили историю России по учебникам, написанными за деньги Дж. Сороса. Эти манкуры, Иваны, не помнящие своего родства, могут не принять нашего критерия оценки. Хотя и обидно, что в стране победителей растут люди, не знающее своей истории, но уже научившееся и умеющие презирать свою родину, зато этот позорный факт отрезвляет, и мы начинаем ясно видеть, что верное решение вопросов аксиологии архиважно, спасительно для нашей жизни. И что дело образования и воспитания – это первейшее и важнейшее дело нашей сегодняшней действительности. Именно в сфере образования осуществляется активная фаза уже начавшейся новой войны против России. И что мы должны перестроить современное российское образование по духовным кодам образования Учителей Победы.

Что нам в этом плане необходимо сделать?

1. Взяв за образец опыт советского образования, которое воспитывало тружеников, воинов, патриотов Отечества, победителей, переформатировать современное российское образование, его целевые, смысловые установки и образовательные технологии. Необходимо в современное образование привнести позитив жизненного опыта прежнего советского образования. Что же следует взять из этого состоявшегося мудрого опыта нашей прежней жизни? – Силу возрождения. Советское образование начиналось с неверного шага – с убийственной для русской культуры пролеткультовской вакханалии. Владимир Маяковский, войдя в безумие футуризма, вознамерился повелевать светом Солнца. «В сто сорок солнц закат пылал. На даче было это...», но отважный поэт не испугался царя Небес и пригласил Солнце к себе. Что символизировало для поэта Солнце? А оно было именем А. С. Пушкина – Солнца русской поэзии. Художник Малевич, одержимый страстью нигилизма, идет дальше Маяковского. Он пишет свой знаменитый «Черный квадрат», который по художественному замыслу должен быть водружен в «красный угол» каждого дома и заменить собой иконный Образ. Вот она аксиология в чистом виде, в силе ее агрессивного переоценивающего до основания действия. Пролеткульт начинал с того, что пытался скинуть с «парохода современности» всю классическую русскую литературу, дух православной веры и даже сам русский язык; они подвергли изменению, внося совковый новояз, отменив «ижицу» и вынеся за скобки жизненных возможностей жизнь таких поэтов, как Есенин, Клюев и др.

Когда страна очнулась от революционного дурмана, протрезвела и встала на путь созидания, то ввели всеобщее и обязательное для всех детей образование, стали учить детей рабочих и крестьян, опираясь на язык и духовный строй чувств писателей, мыслителей царской России. Фактически народ учили думать и чувствовать так, как думал и чувствовал дворянин Пушкин, Лермонтов, граф Толстой, выходцы из купеческого, слу-

живого сословия Островский, Чехов, Достоевский и так далее по списку славной когорты русских мыслителей. Появились талантливые педагоги (такие, как Макаренко и его педагогический коллектив), которые могли из беспризорников, молодых уголовников воспитать тружеников, воинов, ученых. Во времена так называемого застоя философ Э. Ильенков в творческом сотрудничестве с психологами мог из слепоглухонемых людей воспитывать аспирантов психологического факультета МГУ. В наше время из нормальных и даже одаренных детей воспитывают то, на что нельзя смотреть без нравственного содрогания. Это, конечно, искусство – из нормального ребенка сделать поп-звезду, легионера, трасвестита наподобие Кончиты Вурст. Но зачем за это давать высшие премии престижа? Ради демонстрации аксиологического всеислия? Да, причина в этом. С помощью искусства аксиологической переоценки ценностей можно управлять развитием человеческого сознания, духовной волей человека.

Генералиссимус Победы Иосиф Сталин это хорошо понимал, и потому военную форму офицерам и солдатам Советской армии шили не по лекалам армии США, Бундесвера, а по образцам армейской формы царской армии. И потому в качестве наград военной доблести ввели ордена Суворова, Нахимова. И потому из лагерей в дни войны были освобождены иерархи Православной церкви, такие как архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. И потому звучали песни от которых стынет кровь, а затем возгорается в душе дух победы «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой...». Это не нынешние песни «Зайка моя», «Пуси муси». Народные, заслуженные певицы не ехали за линию фронта, чтобы петь фашистам. А ехали на передовую к бойцам своей армии. Потому песни Руслановой, Шульженко были всенародно любимы. А голос Левитана – метроном воли, уверенности – был голосом Победы.

В борьбе за ценности жизни нет мелочей, и должна быть общая определенность – позиция аксиолога, который оценивает происходящее и решительно переоценивает, уничтожает смертельно опасные антиценности. Для уверенной оценки и переоценки имеющегося образовательного процесса необходимо уверенно стоять в центре определенного исторического развития. В каком обществе мы живем, какую Россию мы потеряли, куда мы движемся? Без ответа на эти вопросы корабль нашей истории без лощи, без капитана просто погибнет, с него скоро побегут крысы, а нам куда бежать, если мы в бушующем море?

Нам надо определиться с перспективой собственного исторического развития, с местом сборки разрушенного образа нашей жизни. Люди советской эпохи знали, где они живут и куда держат путь. Мы не имеем своего мнения где мы живем, куда идем мы в пространстве пустого времяпрепровождения. Время истории не только имеет длительность, необратимость своего движения в будущее, но и бытийственную статику, зафиксированную в синхронии, цикличности исторических событий. Это творцы исто-

рии бегут по линии прогресса, сама же история в своем бытии просто есть как бытие возможности в границах невозможного для нас всеединого бытия. Экклезиаст мудро рассудил, что наше историческое деяние – «суета сует и ловля ветра», если мы не соблюдаем закон своевременности и воздаяния в своем историческом действии. Аксиология Экклезиаста проверена веками, она учит не спешить в деяниях и поступках. Времена революций, реформ – время безумной спешки, время обмана, подлога.

За какую чечевичную похлебку мы продали общество социализма? За невидимую руку рынка, за бумажку «ваучер», за право быть цивилизованным и свободным. Но что такое «цивилизация» и «свобода», когда есть три процента богатых, остальные – бедные, и среди бедных есть бомжи – люди, которые не имеют качества социальности – асоциальные существа. Идея коммунизма – это идея Платона об обществе, которым управляют мудрецы, способные мудро и справедливо выстроить иерархию общественных отношений. Далее, эта идея в интерпретации графа Сен-Симона обрела форму как народного христианства, живущего по принципу Апостола Павла: «Кто не работает, да не ест». Давайте взвесим на весах аксиологии идею социализма и современного либерализма и посмотрим, что более ценно. Очевидно, что сложнейшее дело по управлению обществом должны совершать мудрые люди, профессионалы управленческого дела, а не крикуны с какой-либо массовки. Очевидно, невидимая рука рынка – это костюм короля, которого раздели догола жуликоватые портные и объявили народу, что голый король одет в сказочно роскошные наряды. Известно по сюжету этой мудрой сказки, что мальчик, который не научился еще верить лгунам-идеологам, воскликнул: «Король голый!», и гипноз обмана улетучился бесследно. Где тот мальчик, который разбудит нас от наваждения обманчивого сна? Сказочный мальчик не придет, и нам предстоит самим конструировать свое ценностное сознание, добиваться его адекватности и в свете его оценок оценивать и переоценивать практику современного российского образования; опираясь на ценностное самосознание, решительно оценивать ход развития системы современного образования по линии диалектического снятия, помня, что всякое истинно результативное движение вперед есть движение к первоистокам. В исторической традиции российского образования и царского периода, и советского есть нетленное духовно-воспитательное начало, в нем есть сила бытийственности, которая при любой исторической формации, фазе развития образовательных практик «есть». Если ее нет, то весь дом образовательной политики построен на песке, и при любой дождливой непогоде дом этот разрушится, так как из основания его уплывет то, что держит его – сила бытия.

2. Осознать, что после того как постсоветская Россия в 1990-х годах стала колониальным придатком развитых стран Запада, США, в начале второго десятилетия XXI века она смогла эволюционировать до статуса транссырьевой национальной компании и после присоединения Крыма

к России встала перед выбором – либо погибнуть, исчезнуть, либо вновь стать великой державой всемирной истории человечества. У нас есть исторический шанс, и мы не должны упустить его. Пришло время «собирать камни» и обустривать свой дом, залечивать раны перестройки и становиться здоровым и победоносным народом.

3. Надо заняться нашим образованием. Его надо сделать суверенным, национальным, народным, государственным в том смысле, чтобы не допускать, чтобы под крышей государственных образовательных институтов работали благотворительные фонды зарубежных государств. Как было на заре постсоветской России, фонд Дж. Сороса «Культурная инициатива» издал учебники, пропагандистскую литературу с целью изменения мировоззренческих, аксиологических, педагогических ориентиров традиционного советского, российского гуманитарного образования. Затем, сменив вывеску «Культурная инициатива» на вывеску «Открытое общество», собрал лучших учителей России, чтобы научить их думать, жить и учить в духе антироссийских учебников. Сейчас действие фонда Сороса прикрыто. Но бродило идеологической закваски доброго дедушки Сороса родит в умах людей Сороса. Многие из них при власти и готовы испечь нужные образцы гуманитарного образования. Поэтому на заминированном поле образовательной деятельности надо действовать осмотрительно. Не все, что блестит, – золото, не всякий красиво говорящий говорит правду. Мы окончательно перешли во времена активно действующей аксиологии, готовой переоценить любую ценность.

4. Надо минимизировать воздействие рыночного фундаментализма на развитие российского образования, обеспечить право каждому человеку на доступное и бесплатное образование. При советской власти школы были в каждом селе, сейчас дети из деревень и сел, где нерентабельно строить и содержать школу, учителей, едут учиться в район. И там живут в интернатах в отрыве от семьи. Бюджетных мест в университетах очень мало, в ряде университетов они сведены к нулевой отметке. Чтобы поступить в университет на бюджетное место надо платить репетиторам; чтобы поступить на внебюджетную форму обучения, – надо платить ежемесячно кругленькую сумму. Образование фактически платное. Среди состоятельных граждан России установилась мода учить своих детей за рубежом. Такое решение родителей – это зримая оценка способности нашего образования. Россия имеет огромные природные богатства, но эти богатства стали частной собственностью, ими распоряжаются транснациональные компании. В Арабских Эмиратах, где много нефти, как и в России, местные арабы не платят за свое образование. В развитых странах мира граждане имеют право бесплатно обучаться в университетах. Как долго мы будем цивилизованными, если многие граждане нашей страны не имеют возможности получить высшее образование?

5. И последнее, что особенно тревожит в современном российском образовании – это его несамостоятельность, включенность его в Болонскую систему образования, бюрократизация, формализация и обезличивание педагогического общения учителя с учеником. Стандарты нашего нынешнего образовательного процесса скопированы за рубежом. Понятно вхождение в ВТО России как сырьевого придатка Запада. Логично по аналогии с вхождением в ВТО включение нашего образования в Болонскую систему объяснить желанием Запада снизить конкурентную способность наших выпускников, понизить качественный уровень всей системы университетского образования. Все, что мы получили от опыта внедрения этой «прогрессивной» системы, имеет отрицательный результат. Кому нужны бакалавры, которые не имеет конкретного профессионализма выпускника техникумов и не являются полноценными специалистами университетов? Зачем было разрушать систему ПТУ, закрывать инженерные специальности в вузах и готовить в невероятном количестве экономистов, юристов, менеджеров сферы сервисных служб? Вероятно, только для прогностического будущего, в котором у России не будет высокотехнологичных заводов, фабрик, научно-исследовательских институтов, а будут огромные дворцы торговых комплексов, стадионы, сценические площадки для проведения международных игр, фестивалей, конкурсов. И будут еще две трубы (газовая и нефтяная), принадлежащие ТНК. Будет много баров, казино и прочих заведений этого плана. Все люди станут туристами, кочевниками. Самой массовой профессией будут охранники ЧОПов, вневедомственной охраны. Увеличится количество полицейских, армия будет частной, солдаты будут служить за деньги. Улицы будут убирать не граждане России, а мигранты. Если это так, то бакалавры в самый раз подойдут для такого положения дел на рынке труда.

Бюрократизация образования выражается в том, что контроль, отчетность превалируют над самим процессом образовательной деятельности. Безнаказанность и всевластие чиновников в сфере контроля и учета душат на корню любые ростки творчества. Что значит оценивать работу студента по 100-балльной рейтинговой шкале оценок? Студент – это звезда фигурного катания, выступление которого оценивают десятки судей, с помощью сверхточной аппаратуры? Зачем студента Федора оценивать так сложно, ему достаточно задать один вопрос на понимание, и по его молчанию, его мычанию или красивой, пространной речи сразу все станет видно и подлежит безошибочной оценке. Федор – прост, а вот Иван – гений: как его оценить? С Иваном надо работать индивидуально, забыв о прокрустовом ложе оценок.

Как может работать компьютерное тестирование по философии? По какой философии? По умолчанию предполагается, что по философии постмодерна, но нынешние учителя его не знают в должной мере. По русской религиозной философии? Но ее тоже знают немногие. По марксизму-

ленинизму? Но и он не в чести. Вопрос даже не в типе философии. Любая философия, если она философия, – это особый, не одномерный тип мышления. Само мышление философии критично, диалектично, обладает герменевтическим ходом мысли. Прежде чем его оценить, его надо иметь, ему надо научить студента, побудив его читать тексты философской классики. Философия рождается в споре, в диалоге. А если студент общается посредством компьютерных технологий, не выходя на живой контакт с учителем, то как он научится творчески, самостоятельно мыслить?

Само мышление человека всегда субъективно – это мышление живого человека, а не машины. Оно всегда в той или иной мере целостно, т. е. не бывает, чтобы человек мыслил разумом, чувствовал чувствами, желал волей. Человек желает не просто Блага, а совершенного, прекрасного Блага и достигает его, если идет к нему умным путем. В живом процессе жизни нет психофизиологического параллелизма. Вот вам, с этой стороны, идеальная душа, с другой – физическое тело, а с третьей – духовно-личностная воля человека. Три в одном, в единой органической целостности жизненного опыта человека. И кто этому может научить? – Только Учитель, который сам является обладателем такого опыта и который обладает искусством образовывать и воспитывать на таком состоянии опыта другого человека. В искусстве педагогического общения есть разум теории, интуиция чувств и дисциплина духовной воли. Только общение духовно зрелых людей, интуитивно чувствующих движение родственных душ, приближает человеческий разум к совершенству истинного знания. В знании истины сокрыта спасительная сила для нашей жизни и для победного шествия нашей России. Этим знанием обладали люди, сотворившие чудо Победы в 1945 г. И мы способны к этому знанию, если возродим наше образование в прежней силе.

Л. А. Коноплева

Мюнхен 1938–2015:

политика «умиротворения» и историческая память

Аннотация. В статье проведена историко-ретроспективная аналогия между политикой «умиротворения» агрессора, взятая на вооружение ведущими странами Европы после Мюнхенского сговора, и политикой уступок современным агрессорам, прежде всего в лице США, со стороны мирового сообщества.

Ключевые слова: политика «умиротворения», толерантность, примиренчество, агрессор, непротивление.

В последнее время все чаще предпринимаются попытки не только подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны, но и принизить роль нашей страны в ее окончании, снова «разыграть» нацистскую карту. Из мировой и отечественной истории, из исторической памяти вычеркиваются словосочетания «Великая Отечественная война», «советский народ».

Великую Отечественную войну подменяют «советско-германской» войной, а Вторую мировую войну представляют как войну двух «человеконенавистнических режимов», приписывая победу в ней странам так называемой демократии.

В 2009 г. на Парламентской Ассамблее ОБСЕ была принята резолюция «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», которая уравнила роли СССР и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны [4]. Немецкий ученый Виктор Бегер отметил, что «ОБСЕ, призванной обеспечивать безопасность в Европе, проще было „назначить“ двух виновников войны (Нюрнбергский трибунал назвал в качестве таковых Германию, Италию и Японию), чем объяснить, почему Гитлер вел против СССР «объединенную Европу», почему «за Гитлера против СССР сражались два миллиона европейских добровольцев». Или понять, почему У.Черчилль характеризовал европейскую реакцию на предложения советских дипломатов по объединению усилий против агрессивных планов Гитлера в сентябре 1938 г. так: «Все время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство. Советские предложения практически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним относились с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатили за это» (цит. по: [1]).

Вновь становятся актуальными вопросы:

какие цели преследуют те, кто целенаправленно чернит Победу;
почему замалчиваются факты, свидетельствующие о попустительстве стран Запада разжиганию войны?

На наш взгляд, ответ не только в том, чтобы найти очередной повод для принижения значения нашей страны в мировой истории и в попытках «выдавить» ее из числа великих держав [1], но и в том, чтобы включить «механизм амнезии» (на это словосочетание В. Ф. Верстюка, одного из современных украинских ученых, ссылается В. Бегер), в том, чтобы превратить людей в манкуртов (манкуртом называли человека, которого враждебное племя еще ребенком похищало у родителей и особым, жестоким образом лишало памяти; так человек превращался в раба, послушного исполнителя чужой воли).

К сожалению, предается забвению правда о предвестниках новой мировой войны, о тех, кого в истории XX века называют не только ее поджигателями, но и непосредственными виновниками глобальной катастрофы.

Для объективной оценки предпосылок и причин Второй мировой войны и ее уроков необходимо обратиться к анализу политики коллектив-

ной безопасности и так называемой дипломатии «умиротворения», осуществляемых на Европейском континенте в 1930 – начале 1940-х годов и сейчас – в начале XXI века. Это становится все более значимо: именно сегодня, как и в 1930-е годы, Запад вновь разыгрывает нацистскую карту и пытается убедить весь мир в том, что именно страны Запада, а не Россия – главный миротворец и защитник Европы от любого проявления агрессии.

Прошло почти восемьдесят лет после подписания в 1938 г. Мюнхенского соглашения. За эти годы все мировое сообщество успело пережить войну, сформировать свои выводы относительно всех событий предвоенного времени. Тем не менее очевидно, что стереотипы в западноевропейском мышлении по отношению к нашей стране (да и к ряду восточноевропейских стран) остались. И как почти восемьдесят лет назад Запад способствовал росту фашизма, так и сегодня не позволяет построить новую мирную модель европейской интеграции. Так, 6 февраля 2015 г. в Мюнхене состоялась 51-я международная конференция по безопасности «*Die Münchner Sicherheitskonferenz*». Формат такой международной неправительственной, независимой конференции по обсуждению важнейших вопросов безопасности был предложен в 1962 г. немецким издателем Эвальдом фон Кляйстом.

В настоящее время Мюнхенская конференция по безопасности – международный дискуссионный форум, собирающий политиков, дипломатов, военных, бизнесменов, научных и общественных деятелей из десятков стран (участников НАТО и Евросоюза, а также государств, играющих важную роль на мировой арене, – России (с 1995 г.), Китая, Японии, Индии и др.).

Повестка дня конференции включала такие актуальные вопросы мировой политики, как противодействие международному терроризму, реформирование ООН и НАТО, урегулирование ситуации в «горячих точках», укрепление региональной и глобальной безопасности. Главной темой был заявлен кризис на Украине.

От данной Мюнхенской конференции наша страна ожидала ответа на главный вопрос: насколько Европа готова вместе с Россией строить коллективную безопасность на Европейском континенте в XXI веке. И вновь, как и в 1938 г., результат тот же: России отказано в совместных согласованных действиях в рамках объединенной Европы.

Очевидно, что современные европейские политики забыли об уроках прошлого столетия, о причинах зарождения фашизма, о причинах Второй мировой войны. Поэтому стоит вспомнить об уроках Мюнхена 1938 г.

В сентябре 2015 г. исполнится 77 лет со дня подписания Мюнхенского соглашения, более известного в мировой истории как «Мюнхенский сговор» – договора, подписанного премьер-министром Великобри-

тании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини при поддержке США. Де-юре это соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области. Де-факто это был первый акт сознательной поддержки Гитлера западноевропейскими странами, фактически развязавший Вторую мировую войну. Документы самой конференции до сих пор анализируются, но споры в основном ведутся вокруг оценок Мюнхенской конференции. Содержание, характер и тональность таких споров во многом определяются международной обстановкой и политическими переменами в тех или иных странах, в первую очередь проблемой этнополитического характера и государственного суверенитета.

Мюнхенское соглашение предусматривало передачу Германии в срок с 1 по 10 октября 1938 г. Судетской области Чехословакии (со всеми сооружениями и укреплениями, фабриками, заводами, запасами сырья, путями сообщения и др.), удовлетворение за счет Чехословакии в течение трех месяцев территориальных притязаний Венгрии и Польши.

30 сентября чехословацкое правительство без согласия Национального собрания приняло Мюнхенский проект, т. е. фактически санкционировало расчленение собственной страны. Оно стало правительством предателей.

Необходимо отметить, что проблема Судетской области связана с тем, что с XII века на ее территории совместно с коренными жителями появились немецкие колонисты. На протяжении семи веков соседствующие народности достаточно мирно сосуществовали. К концу Первой мировой войны на 14 млн человек населения Чехословакии приходилось около 3,3 млн судетских немцев, от лица которых лидер национал-сепаратистской (фактически профашистской) судетско-немецкой партии Конрад Генлейн заявил о дискриминации чешского правительства в отношении них. Этой «пятой колонной» и воспользовался Гитлер, поддержав эти заявления. 22 мая 1938 г. – в день муниципальных выборов – подготавливают путч, для того чтобы превратить эти выборы в плебисцит. Одновременно проводилось выдвижение вермахта к чехословацкой границе. Это спровоцировало первый Судетский кризис. В Чехословакии прошла частичная мобилизация, войска были введены в Судеты и заняли приграничные укрепления. В то же время о поддержке Чехословакии заявили СССР и Франция (как исполнение советско-французского договора от 2 мая 1935 г. и советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г.). Протест по поводу силового разрешения кризиса заявила даже союзник Германии Италия. Попытка отторгнуть Судеты, опираясь на сепаратистское движение судетских немцев, в этот раз не удалась. Гитлер перешел к переговорам с чехословацким правительством при посредничестве специального представителя Великобритании лорда Ренсимена.

Дальнейшая история, завершившаяся подписанием соглашения в Мюнхене, хорошо известна. 22 сентября Гитлер ставит ультиматум: не препятствовать Германии в оккупации Судет. В ответ на это Чехословакия и Франция объявляют мобилизацию. И уже 27 сентября Гитлер перед угрозой начала войны идет на попятную и направляет Чемберлену письмо, в котором сообщает, что он не хочет войны, готов дать гарантию безопасности оставшейся части Чехословакии и обсудить детали договора с Прагой. 27 сентября 1938 г. Н. Чемберлен заметит, что «сколь ужасной, фантастичной и неправдоподобной представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно. Еще более невозможным представляется то, что уже принципиально улаженная ссора может стать предметом войны» [5].

29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась встреча глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии, созванная при активной поддержке США. Целью встречи было определение дальнейшей судьбы суверенного государства Чехословакия, которая на тот момент была одной из наиболее процветающих стран Европы, на территорию которой открыто претендовала милитаристская Германия. Стоит обратить внимание на тот факт, что представителям Чехословакии и СССР было отказано в участии в этой встрече. По результатам соглашения произошли кардинальные изменения в общей картине Центральной Европы: Германии в десятидневный срок передавалась Судетская область Чехословакии площадью в 41 тыс. км² с населением в 4,9 млн человек. Фактически Чехословакия прекратила существование как независимое и суверенное государство, а ее территория была разделена между Германией и новыми агрессорами – Польшей и Венгрией. Мало того, следует учитывать, что из рядов потенциальных противников Третьего рейха была исключена большая и хорошо вооруженная чехословацкая армия: 1 582 самолета, 2 676 артиллерийских орудий, 469 танков, 43 000 пулеметов, 1 млн винтовок, гигантские запасы боеприпасов, различное военное снаряжение, а также военно-промышленный комплекс Чехословакии, который до конца войны работал на Германию. Перестроенная фашистами на военный лад промышленность была очень эффективной: только заводы «Шкода» в Чехии в 1940 г. выпускали столько же вооружения, сколько вся английская промышленность [2].

Американский журнал «Time» 2 января 1939 г. в статье «Человек года-1938 Адольф Гитлер» писал следующее: «Когда Гитлер без кровопролития низвел Чехословакию до статуса марионетки Германии, добился кардинального пересмотра европейских оборонительных союзов и получил свободу действий в Восточной Европе после гарантий невмешательства от Англии (а потом и Франции), он, без сомнения, стал „Человеком года-1938“». По некоторым оценкам, 1 133 улицы и площади,

например Ратхаусплатц в Вене, приобрели имя Адольфа Гитлера. Он раздался с двумя соперниками: президентом Чехословакии Бенешем и последним канцлером Австрии Куртом фон Шушнигом, продал в Германии 900 000 экземпляров „Майн кампф“, которая также широко продавалась в Италии и повстанческой Испании. Его единственной потерей стало зрение: начал носить очки для работы. На прошлой неделе герр Гитлер устроил рождественскую вечеринку для 7 000 рабочих, строящих новую гигантскую Канцелярию в Берлине, сказав им: „Следующее десятилетие покажет этим странам с их патентованной демократией, где находится настоящая культура“ [3].

Так разрушалась Версальская система, и была открыта дорога вооруженной экспансии фашизма. До Мюнхена курс на «умиротворение», проводимый Англией и Францией, выражался в отказе от соглашений с СССР, в постоянных контактах с гитлеровской Германией и в молчаливом согласии с актами германской агрессии. Англия и Франция как бы признали гитлеровский метод «защиты» лиц немецкой национальности, проживающих в других странах, поощряя А. Гитлера на повторение подобных шагов. Мюнхен нанес сильнейший удар по проектам коллективной безопасности, по самой идее объединения европейских государств на антифашистской основе. Мюнхен лишил Европу стабильности. Находившийся ранее в центре политических и дипломатических событий СССР утрачивал возможность оказывать влияние на развитие международных отношений. В марте 1939 г. немецкие войска оккупировали Чехию и Моравию, затем литовский порт Клайпеду (Мемель), заявлено требование Польше о передаче Гданьска (Данцига) <...>, становилось очевидным начало «большой» войны в Европе. Становилось очевидным, что политика «умиротворения» – это политика попустительства агрессии. Ответственность за такую политику несли прежде всего правительства Англии и Франции.

Но было бы неверным сводить западную политику только к политике «умиротворения». В Англии и Франции, как и во многих других странах, имелись значительные силы и влиятельные круги, которые были готовы, хотя и с колебаниями и оговорками, к организации совместного фронта против фашизма. Однако эти силы были разобщены, многие политики и общественные деятели страшились и не хотели контактов ни с коммунистами и левыми кругами на Западе, ни с советскими представителями [6]. Это дало Гитлеру сильнейшее оружие: за пределами Германии оказались миллионы немцев; в Чехословакии, Австрии, Польше – нацистский вождь настаивал на перекраивании карты Европы. Версальская система развалилась под агрессивными выпадами Гитлера, и уставшие от войны «демократии» Запада мало что могли этому противопоставить.

Некоторые «наши» журналисты достаточно своеобразно расставляют акценты в оценке Мюнхенского соглашения. Нельзя не согласиться с признанием ими того факта, что трактовка данного договора как симво-

ла слабости, если не трусости, тогдашних западноевропейских демократических политиков, в основном соответствует действительности.

Интересен взгляд на Мюнхенское соглашение нынешней Германии – с одной стороны, как ни крути, преемницы (пусть разве что в этноязыковом смысле) нацистского рейха, а с другой – демократической страны, давно осудившей нацизм и не перестающей в лице своих государственных деятелей каяться за его преступления. Они на сайте «Радио свободы» ссылаются на публикацию, вышедшую в Германии в 2010 г., историка и литератора Густава Зайбта «Мир для нашего поколения» (озаглавлена известной фразой Невилла Чемберлена). По мнению Г. Зайбта, Мюнхен символизирует одно из самых тяжелых морально-политических поражений западных демократий. Они пошли на него, пишет он, не только по своей слабости, а скорее, из самых достойных и честных соображений – для предотвращения мировой войны, в которую спустя год все равно пришлось вступить. Но эта пацифистская политика, продолжает Г. Зайбт, при всем своем внешнем благородстве была и безумной, и циничной. Ведь внутренне слабая демократическая Чехословакия была принесена в жертву ее союзниками, которые проявили полное отсутствие чувства солидарности, сомневаясь в целесообразности ее защиты [7]. Но дальнейший ход рассуждений журналистов не нов; они утверждают, что «к счастью, они (политики Запада) быстро опомнились, и ни в 1939 г., когда Гитлер напал на Польшу, ни в 1941 г., когда он пошел в атаку на СССР, подобных сомнений уже не питали» [7].

Оставим на совести ангажированных «писателей» эти и последующие оценки; ясно одно, что подтолкнули к большой войне мир все-таки политики, проводившие курс на умиротворение фашистской Германии. Мюнхен – это исторический опыт не только тогдашней Чехословакии, но и всего мира. Ведь речь шла о навязывании воли великих держав небольшой стране. А эта ситуация в истории XX века не раз повторялась, тут можно найти множество аналогий с ситуацией 1938 г.

Прямая аналогия напрашивается в свете событий 2014–2015 гг. Трудно не заметить схожий почерк европейской дипломатии: объявить профашистский режим Порошенко на Украине демократическим, людей, вынужденных защищать свой дом, – сепаратистами, лишать голоса полномочных представителей нашей страны в ОБСЕ, на других европейских площадках, исключать из «восьмерок» и пр. Чем все подобное закончилось в 1938 г., мы все хорошо помним: пламенем мировой войны, страшными людскими потерями для нас и европейских народов, но и Победой в 1945-м, о которой так не хочется вспоминать кое-кому ни в Европе, ни за океаном! Кто выиграл тогда от грандиозного мирового коллапса? Не тот ли, кто и сегодня раскручивает то же колесо, требуя все новых европейских санкций против России, оставаясь в тени?

Как показывает история, политика умиротворения никогда не способствовала достижению мирных результатов. Любые агрессоры, осознавшие, что им уступают, в итоге переходили к более решительным действиям. В конечном счете политика умиротворения приводила не только к краху пострадавшего государства, но и к подрыву общей системы международной безопасности.

Сегодня политика умиротворения способна существовать в разных формах, а компромиссы могут носить не только политический, но экономический характер. Очень важно увидеть грань, за которой агрессор, уверенный в своей безнаказанности, начнет применять силу, свои технические или военные преимущества. Поэтому, соглашаясь на компромиссы, нужно тщательно следить, чтобы потенциальный миронарушитель не получал ни стратегических, ни политических, ни каких-либо других преимуществ. Мюнхен нас подталкивает к мысли, что в современном неспокойном мире можно ожидать любых неожиданных поворотов, а искусство власти – умело лавировать в этом неспокойном море.

Напомним, еще в 1942 г. Великобритания и Франция, в 1944 г. Италия, в 1950 г. ГДР и в 1973 г. ФРГ объявили Мюнхенское соглашение изначально недействительным.

Библиографический список

1. *Бегер В.* Великая Отечественная война 1941–1945 годов // Das russische Portal in der Steiermark. URL : <http://rugraz.net> (дата обращения 12.05.2011 г.).
2. *Колесниченко В.* Мюнхенский сговор, или как начиналась Вторая мировая война. URL : <http://ruskline.ru> (дата обращения 30.09.2011 г.).
3. *Маначинский А.* Мюнхен-1938 : пролог мировой трагедии // Военно-промышленный курьер. URL : <http://vpk-news.ru>.
4. *О воссоединении* разделенной Европы (резолюция) // Википедия. URL : <https://ru.wikipedia.org>.
5. *Победа* на все времена – Политика – Свободная пресса. URL : <http://svpressa.ru> (дата обращения 27.02.2015 г.).
6. *Смирнов В. П.* Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Вестник МГИМО университета. 2009. Вып. № 4. URL : <http://cyberleninka>.
7. *Шимов Я., Каневская Н., Векслер Ю.* Мюнхен-1938 : психология катастрофы. URL : <http://www.svoboda.org/content/article/25119674.html> (дата обращения 28.09.2013 г.).

В. И. Копалов, Л. А. Копалова

Духовный арсенал нашей Победы

Аннотация. В статье приведены и прокомментированы тексты некоторых важных документов военного периода, показано их эмоционально-психологическое влияние на сознание и настроение советского человека.

Ключевые слова: общественное сознание, общественная психология, патриотизм, героизм, национальная стойкость, братство, сборность.

В 2015 г. вся Россия и каждый из нас торжественно отмечает знаменательную дату – 70-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Для нас – поколения детей Великой Отечественной и первого послевоенного поколения – трагические события военного времени и торжество Победы не являются некоей виртуальной реальностью, они преломились через нашу личную судьбу и навсегда вошли в духовный арсенал этих поколений. Но и нынешнее молодое поколение, благодаря устоявшейся традиции, чтит память о тех, кто ковал нашу Победу на фронте и в тылу.

Поэтому столь важно снова и снова обращать внимание на тот «духовный арсенал», который сплотил народы нашей страны в единую волю в борьбе с фашистскими полчищами. По нашему мнению, следует воспроизвести некоторые документы, в которых дана исчерпывающая характеристика начала войны и оценка нашей Победы. Это – речи выдающихся руководителей Советского Союза: И. В. Сталина и В. М. Молотова, маршала Г. К. Жукова, а также обращение к русскому православному народу митрополита Сергия (Страгородского). Эти документы дают возможность вновь и вновь ощутить грозное дыхание эпохи Великой Отечественной войны и торжество Победы.

В духовный арсенал нашей Победы внесли свой вклад писатели и поэты – М. А. Шолохов, А. Т. Твардовский, Л. М. Леонов, К. М. Симонов и многие другие. Особое место в этом духовном арсенале занимают песни, написанные в годы войны, которые поднимали дух народа, стали музыкальной летописью военного времени. И сегодня эти песни формируют чувство патриотизма, передают новым поколениям эстафету традиций нашей Победы.

Выступление по радио В. М. Молотова – наркома иностранных дел 22 июня 1941 г.

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава, товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севасто-

поль, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении, и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора Германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполняют долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

**«Послание пастырям и пасомым Христовой Православной церкви»
митрополита Сергия (Страгородского)
Местоблюстителя Патриаршего Престола 22 июня 1941 г.**

Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батюга, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божию помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за Родину и веру во все времена нашествий. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу.

**Выступление по радио И. В. Сталина –
Председателя Государственного комитета обороны (ГКО),
Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами
СССР 3 июля 1941 г.**

Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, – продолжается.

Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разби-

ты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец была, разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для Советских войск. Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как Советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 г. между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со

стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 г. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, даже если во главе этой державы стоят такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии – если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добила этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии – клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом – германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии – беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины поднимается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего, необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечивание, превращение их в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одиночками. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими законами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление

премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе, и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!

Выступление И. В. Сталина на торжественном приеме в Кремле 24 мая 1945 года, более известного как «Тост за русский народ»

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ле-

нинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой.

Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!

Речь маршала Советского Союза Г. К. Жукова на Параде Победы 24 июня 1945 г.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты и старшины, офицеры армии и флота, генералы и адмиралы!

Товарищи рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники науки, техники и искусства, служащие советских учреждений и предприятий!

Боевые друзья!

От имени и по поручению Советского правительства и Всесоюзной Коммунистической партии большевиков приветствую и поздравляю вас с Великой Победой над германским империализмом.

Сегодня столица нашей Родины – *Москва* от имени Родины чувствует доблестных советских воинов, одержавших эту победу. Сегодня воины-победители, питомцы сталинской военной школы, пронесут по улицам Москвы и мимо стен седого Кремля свои боевые знамена, покрытые бессмертной славой многочисленных побед.

Четыре года назад немецко-фашистские полчища по-разбойничьи напали на нашу страну. Советский народ вынужден был оставить мирный труд и взяться за оружие, чтобы отстоять честь, свободу и независимость своего Отечества. Война с фашистской Германией – этим коварным и сильным врагом – явилась для нас тяжелым и грозным испытанием. Дело шло, как указывал товарищ Сталин, о жизни и смерти советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том, быть нашим народам свободными или впасть в порабощение.

Вначале ход войны был неблагоприятным для нас. Мы терпели военные неудачи, у нас были моменты отчаянного положения. Враг подбирался к сердцу нашей Родины – Москве и готовился торжествовать победу. В то время не только враги, но и многие наши друзья за границей считали, что Красная Армия не выдержит мощного натиска немецкой

военной машины. Однако наш советский народ, наша Красная Армия не падали духом. Вооруженные гениальным сталинским предвидением, вдохновляемые партией Ленина – Сталина, мы были твердо уверены в победе своего правого дела.

Отстаивая каждую пядь родной земли, проявляя в боях чудеса героизма, советские войска настойчиво учились бить врага наверняка, бить по всем правилам сталинской военной науки. И они научились этому. Отразив натиск немецких войск, Красная Армия под водительством своего гениального полководца маршала Сталина перешла в решительное наступление, очистила от врага советскую землю, перенесла войну на территорию Германии, наголову разгромила гитлеровскую армию и водрузила Знамя Победы над Берлином. Так подлые немецкие захватчики разделили участь всех прочих захватчиков, посягавших на нашу священную Землю. Подняв меч против нас, немцы нашли гибель от нашего меча.

Соединенными усилиями великих держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – фашистская Германия повержена в прах. Ее чудовищная военная машина разрушена. Преступное гитлеровское правительство уничтожено. Очаг немецко-фашистской агрессии в Европе ликвидирован. Человечество избавлено от своего злейшего врага – германского фашизма.

Ныне все признают, что в достижении исторической победы над Германией Советский Союз сыграл главную, решающую роль. На протяжении трех лет Красная Армия один на один сражалась против вооруженных сил Германии и ее сателлитов. В течение всей войны основные силы немецкой армии были прикованы к советско-германскому фронту и здесь же Красной Армией были истреблены или захвачены в плен. На советско-германском фронте был растоптан авторитет германского оружия и предрешен победоносный исход войны в Европе.

Война показала не только богатырскую силу и беспримерный героизм нашей армии, но и полное превосходство нашей стратегии и тактики над стратегией и тактикой врага. В победоносном исходе Отечественной войны мы видим торжество нашей передовой сталинской военной науки.

В Отечественной войне Красная Армия с честью оправдала великое доверие народа. Ее славные воины достойно выполнили свой долг перед Родиной. Красная Армия не только отстояла свободу и независимость нашего Отечества, но и избавила от немецкого ига народы Европы. Отныне и навсегда наша победоносная Красная Армия войдет в мировую историю как армия-освободительница, овеянная ореолом немеркнувшей славы.

Отечественная война завершена. Одержана победа, какой еще не знала история. Источниками этой Великой Победы являются наш социалистический строй, мудрое руководство большевистской партии, пра-

вильная политика Советского Правительства, морально-политическое единство народов нашей страны, исполинская сила Красной Армии и доблестный труд советского народа.

Мы победили потому, что нас вел к победе наш великий вождь и гениальный полководец маршал Советского Союза – Сталин!

Товарищи!

Победу над германским империализмом мы завоевали ценою тяжелых жертв. В жестоких битвах с врагом пало смертью храбрых много наших боевых друзей – лучших сынов и дочерей нашего народа. На алтарь Отечества ради победы они отдали самое дорогое – свою жизнь. Сегодня, в день великого торжества, почтим их священную память и произнесем:

Вечная слава героям, павшим в боях за нашу советскую Родину!

После четырех лет ожесточенных сражений мы вступили в период мирного развития. Из тяжелой войны, которую пришлось нам вести, Советское государство вышло еще более могучим, а Красная Армия – самой передовой и сильной армией в мире. Но нам – советским людям не пристало зазнаваться и успокаиваться. Нам нужно и в дальнейшем укреплять военно-экономическую мощь нашей Родины, неустанно совершенствовать свое боевое мастерство, изучать богатейший опыт Отечественной войны, развивать нашу советскую военную науку.

Товарищи!

Сегодняшний день войдет в историю как яркая демонстрация силы и могущества нашего государства и его Вооруженных Сил. Нет сомнения, что и в дальнейшем наша Красная Армия и наш Военно-Морской Флот будут верным стражем наших великих завоеваний, готовым всегда и везде отстаивать государственные интересы Союза Советских Социалистических Республик.

Да здравствует наша победа!

Слава победоносным воинам, отстаившим честь, свободу и независимость нашей Родины!

Слава великому советскому народу – народу-победителю!

Слава вдохновителю и организатору нашей победы – великой партии Ленина – Сталина!

Слава нашему мудрому вождю и полководцу, Маршалу Советского Союза великому Сталину!

Ура!

* * *

Книга про бойца

Поэма «Василий Теркин» – эпическое произведение, в котором А. Т. Твардовский представил трагическую и вместе с тем героическую

страницу истории нашей Родины, страницу, которая нашла свое выражение в образе солдата, воплотившего лучшие черты русского национального характера – героизм, любовь к Родине, удасть, стойкость и безмерную терпеливость, умение мужественно переносить все невзгоды. Именно поэтому поэма имеет подзаголовок «Книга про бойца».

Хотя поэма и невелика по объему, но она кажется всеобъемлющей и монументальной одновременно. Твардовский, бывший все годы Великой Отечественной войны военным корреспондентом, живописует свойства русского солдата в эпической простоте – без идеализации и без упрощения, с выражением полного доверия к солдатской жизни, к нравственной основе, истоки которой сокрыты в глубинах русского национального духа. Известно, что стойкость, мужество русского солдата многократно подтверждены не только выдающимися русскими писателями, но и крупными военачальниками. Так, маршал И. Х. Баграмян говорил, что воинское соединение является небоеспособным, если в нем менее 50% русских.

Согласно Твардовскому, каждая глава поэмы является вполне самостоятельным произведением, а компоновка глав, их хронологическая последовательность не имеет принципиального значения.

Автор говорил, что он может подарить бессмертие герою поэмы, но невозможно гарантировать жизнь рядовому солдату – читателю этой книги. Эта правда – правда реальной солдатской судьбы – доходит до самой глубины сердца читателя.

Путь русского солдата на войне показан Твардовским в самых различных ситуациях – на привале, в отступлении и наступлении, на переправе, в медсанбате, в поединке с врагом при форсировании Днепра, в бою и на отдыхе, при награждении и на грани смерти, в дороге на Берлин. И всюду мы видим русского солдата, терпеливо переносящего все невзгоды фронтовой жизни и безмерно любящего свою великую и свою малую Родину.

Малая Родина – это деревня Красный Мост, что на Смоленщине и речка Лучеса, мимо которых солдат проходит в наступлении на Берлин:

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне
В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне:
Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!
Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что – не знаю,
Только ты прости меня!..

Поэма написана простым, доступным для каждого читателя языком, независимо от уровня образования. Но эта простота сравнима с простотой пушкинской «Капитанской дочки». «Василий Теркин» – это своего рода энциклопедия жизни солдата на войне, это современный русский эпос, русская «Илиада» Великой Отечественной войны.

Это произведение Твардовского имеет огромное воспитательное значение. На нем, как и на других классических произведениях о Великой Отечественной войне, воспитывалось несколько поколений советских людей. При этом сила поэтического слова, подобно резцу скульптора, оставляет в памяти зримые образы, которые запоминаются навсегда. И сегодня, в наше непростое время, следует учиться у Теркина мужеству, стойкости, терпению и патриотизму. Поэтому поэма Твардовского является нашим национальным духовным достоянием, которое, как и всякое классическое произведение, не подвержено влиянию моды и времени.

* * *

Песни нашей Победы

Особое место в песенном творчестве русского народа занимают песни войны. Песни Великой Отечественной... И сразу же на память приходят «Землянка», «Темная ночь», «Соловьи». Почему, несмотря на неоднократную смену моды в эстрадной песне, к песням Великой Отечественной сохраняется теплое, трепетное отношение? Наверное, потому, что они просты, как солдатский быт, и задушевные, как воспоминание о любимой. Они удивительно мелодичны и легко запоминаемы. Их отличает оптимизм, неиссякаемая вера в дружбу и любовь, все лучшее, за что сражались и побеждали.

И сегодня, более полувека спустя после окончания Великой Отечественной, замирает сердце русского человека и трепещет душа, когда раздастся негромкий напев:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Песни Великой Отечественной – пласт духовной жизни нашей страны, нашего народа. Они сродни русской народной песне. Мое личное отношение к военной песне – отношение человека, принадлежащего к поколению, отцы которого погибли на фронте. Поэтому слова из песни – «до тебя мне дойти нелегко, а до смерти – четыре шага» – воспринимаются не как поэтический прием, а как строка из последнего фронтового письма моего отца. Поэтому победу нашей армии, нашей страны я всегда воспринимал и воспринимаю как свою личную победу.

Песня Великой Отечественной отразила события войны, стала ее музыкальной летописью. Темы, образы, содержание песни исключительно полно передают эмоциональную атмосферу военного времени. В ней представлены все оттенки героики и лирики военных лет: высокая гражданская позиция и патриотизм («Священная война»); дух мужества и борьбы («Заветный камень»); солдатская дружба и фронтовое братство («Два друга»); любовь к родному очагу и женщине («Жди меня»); песня-шутка, создающая атмосферу молодецкого задора и веселья («Вася-Василёк»); фронтовая частушка, написанная на злобу дня.

Английский военный журналист А. Верт, находившийся на Восточном фронте, говорил, что по песне можно было определить психологическое состояние Красной Армии. Если «Землянка», писал он, отразила крайнюю степень психологического надлома в 1941 г., то «Темная ночь» стала выражением веры и надежды. Любовь к песне, сознание того, что песня облегчает физические и душевные страдания, предельно ясно выражена в поэтических строках:

После боя сердце просит
Музыки вдвойне.

Человек даже в условиях военного времени не может находиться бесконечно в состоянии постоянной тревоги и душевного дискомфорта. С величайшей пронизательностью эту ситуацию отразил А. Твардовский в поэме «Василий Теркин»:

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ...

Память о военной песне – это память об авторах и исполнителях. Это композиторы А. Александров, В. Соловьев-Седой – автор песен «Вечер на рейде», «Соловьи», «На солнечной поляночке»; Н. Богословский – автор песни «Темная ночь»; Т. Хренников, М. Блантер, И. Дунаевский. Это поэты А. Сурков, М. Исаковский, А. Фатьянов, Е. Долматовский, В. Лебедев-Кумач, Н. Букин. Это известные исполнители Л. Утесов, Г. Виноградов, К. Шульженко, М. Бернес, Л. Русланова, В. Бунчиков и В. Нечаев. Это, наконец, артисты фронтовых концертных бригад, неизвестные авторы и исполнители.

Только профессиональными поэтами и композиторами за первые два месяца войны было написано более тысячи песен. Не все из них получили признание и популярность, но несомненно одно: песенный арсенал войны исключительно велик. Фронтовое песенное творчество породило многочисленные переложения на известные мотивы: «Раскинулось море широко», «Катюша», «Эх, яблочко», «Огонек» и многие другие.

Существуют удивительные сборники песен, сохраненные для нас подвижниками песенного искусства: «Песни Сталинградской битвы», «Песни Южного фронта», «Песни Карельского фронта» и др. Опубликованные в военных газетах, они свидетельствуют о масштабах песенного народного творчества, отражают мотивы фронтовой жизни. Их героями являются защитники нашей Родины. Поэтому и сегодня необходима большая и кропотливая фольклорно-собираТЕЛЬская работа исследователей.

Следует отдать должное наиболее популярным песням о войне, написанным после войны, – «День Победы» (авторы В. Харитонов и Д. Тухманов), «Журавли» (Р. Гамзатов и Я. Френкель), «Он не вернулся из боя», «Братские могилы» (В. Высоцкий). Эти песни воспринимаются нами сегодня как фронтовые. Ясно одно: существует огромное песенное наследие, повествующее о трагических и вместе с тем героических страницах нашей истории. Многие забыто, утрачено, стерто временем, вытеснено модными современными ритмами. Сохранение этого наследия подобно созданию Красной книги, в которую будут занесены исчезающие духовные ценности. Нам следует их сохранить, не растерять в суете и озлобленности. Быть может, песни военных лет помогут нам преодолеть потрясения и невзгоды, выпавшие на нашу долю сегодня.

Пусть в каждый День Победы дорога приведет нас на братские могилы, где «нет ни одной персональной судьбы – все судьбы в единую слиты». Вечная память защитникам нашей Родины! Пусть наша тропа приведет нас к храму, где будет отслужен молебен по павшим воинам Великой Отечественной. Пусть немногие дожившие до наших дней ветераны Великой Отечественной постоянно чувствуют наше внимание и заботу.

Несомненно одно: песни Великой Отечественной войны формировали и сегодня формируют свойства русского национального характера – патриотизм, героизм, национальную стойкость, братство, неистощимое терпение и чувство соборности. Сегодня, в постсоветской России, налицо дефицит этих качеств. Как необходимы они для новых поколений русских людей.

Т. И. Кружкова, О. А. Рущицкая

Социальное государство и Великая Победа

Аннотация. В статье раскрываются проблемы формирования социального государства и социального рыночного хозяйства. Отмечено влияние итогов и уроков Второй мировой войны на эти процессы. Проведен сравнительный анализ экономических систем ФРГ и РФ в плане построения социального государства и гражданского общества.

Ключевые слова: социальное государство, социальная политика, социализм, социально ориентированная экономика.

Идея построения социального государства – государства социальной справедливости – принадлежит крупнейшим мыслителям прошлого.

Можно вспомнить основные вехи генезиса концепции социального государства: идею общественного договора Ж.-Ж. Руссо, правового государства Л. фон Штейна, идеи социалистов-утопистов и т. д. [1; 2].

Однако проблема формирования социального государства как государства общесословного, народного, социально справедливого долгое время оставалась лишь в области теоретических конструкций и не находила своего подтверждения на практике.

События XX столетия отбросили разработку этой идеи и практического формирования социального государства далеко назад. Как известно, в XX веке произошли две мировые войны и почти тысяча локальных военных конфликтов, унесшие в совокупности более полумиллиарда человеческих жизней. О социальном государстве человечество, казалось бы, на время забыло. Хотя, как свидетельствует история, полностью не отказалось. Так, после победы фашизма в некоторых странах Европы, также связанного с идеей о социальном государстве, но быстро выродившегося, появились разного рода социальные программы по улучшению жизни населения. В той же Германии в 1930-е годы стали активно строиться автобаны, выпускался доступный основной массе населения «народный автомобиль»; доступными для населения и массовыми стали туристические услуги; совершенствовалось социальное обеспечение. Но Вторая мировая война перечеркнула все эти начинания, подчинив экономику нуждам военно-промышленного комплекса.

После Второй мировой войны Германия вернулась к идее и ценностям социального государства. Канцлер послевоенной Германии К. Аденауэр и министр торговли Л. Эрхард выступили с планами формирования в стране социального государства и «экономики для всех». Л. Эрхард, в частности, сформулировал основные хозяйственные права личности, которые социальное государство обязано было гарантировать. Прежде всего, речь шла о праве на свободное потребление, т. е. устранении различного рода ограничений со стороны прежнего государства в этой сфере. Это требовало существенного снижения налогообложения в сфере потребления. Помимо того необходимо было ликвидировать или свести к минимуму бюрократизацию системы управления экономикой. Л. Эрхард даже одну из глав своей книги назвал символично: «Против политики письменного стола» [3].

Практически все эти цели были достигнуты. Конституция ФРГ в 1949 г. в ст. 20 провозгласила Германию «демократическим и социальным федеральным государством», а в ст. 23 было записано, что «для создания объединенной Европы ФРГ участвует в развитии Европейского союза, который привержен принципам демократии, правового, социального и федеративного государства».

Примеру Германии последовали и другие государства. С 1958 г. (согласно ст. 1 французской Конституции) Франция является неделимой,

светской, социальной, демократической Республикой. С 1978 г. Испания в своей Конституции записала, что она стала «правовым, демократическим, социальным государством», и т. д.

После окончания Великой Отечественной войны в Советском Союзе началась существенная перестройка всей структуры государства и его внутренней политики. Основные вехи на этом пути: отмена мобилизационного планирования, наркоматов и переход к министерствам и территориально-отраслевому планированию; реформа розничных и оптовых цен 1947–1949 гг.; расширение местного самоуправления и создание совнархозов; развитие бригадного подряда и хозрасчета. Мало кто задумывался, что логика этих преобразований была направлена на приближение к социальному типу государства. Великая Победа стала мощным импульсом на пути отказа от диктатуры пролетариата как изжившей себя модели государственного устройства и перехода к общенародному государству. То обстоятельство, что этот «великий переход» не завершился, обусловлено внутренней борьбой политических элит внутри страны и начавшейся после окончания Великой Отечественной войны так называемой «холодной войной». Именно холодная война, навязанная нам США и НАТО, как известно, потребовала огромных материальных и финансовых ресурсов, которые постепенно обескровили советскую экономику и привели к ее краху.

В конце XX века многие страны вновь вернулись к идее социального государства. Ныне в конституциях большинства стран СНГ общественная сущность их государственности определена как *социальное* государство. При этом конституционные нормы о социальном государстве во многом лишь декларированы и их еще предстоит в полной мере реализовать на практике.

Конституции стран СНГ провозглашают права человека и гражданина неотъемлемыми. Государство выступает гарантом прав человека, его партнером. Государство названо социальным в конституциях Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, Таджикистана и Украины.

Социальное государство современной России находится на самом раннем этапе развития. В п. 2 ст. 7 Конституции РФ перечислены только некоторые из основных направлений деятельности государства в социальной сфере: охрана труда и здоровья людей; установление минимального размера оплаты труда; поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб; установление государственных пенсий и иных гарантий социальной защиты. В то же время в Конституции РФ не отражены многие важные положения, без которых принципы социального государства могут остаться лишь декларацией.

Формирование социального государства и гражданского общества в России также имеет свои особенности. В стране в последние десятиле-

тия во многом разрушены вековые традиции и утрачены органичные связи общественной жизни.

Серьезным препятствием на пути формирования гражданского общества в России сегодня является бюрократия, заменившая настоящие общественные образования экономического и социального порядка.

Отличительной чертой современного российского общества является низкий уровень политического плюрализма. Граждане государств с высоким уровнем демократического развития имеют развитое самосознание, чего пока нельзя сказать о большинстве граждан РФ.

Таким образом, в РФ предстоит создать такие структуры гражданского общества, в которых граждане могли бы решать свои проблемы, выполнять созидательные задачи.

Современный мир живет в условиях перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. В этих условиях изменяются механизмы социально-экономического регулирования, обостряются проблемы глобализации. Глобальные проблемы социально-экономической политики формулируются как экологическая и социальная ориентация экономики, укрепление национальной и международной безопасности, переход к модели устойчивого развития, обеспечивающего равенство интересов настоящего и будущего поколений.

В XX веке государство ввело обязательное социальное и пенсионное страхование; пособия выплачивались из специально созданных государственных фондов, которые пополнялись за счет взносов и налогов и управлялись централизованной бюрократией.

В конце XX – начале XXI века произошла приватизация пенсионных и страховых фондов. В результате этого резко возросло общественное неравенство в области указанных социальных услуг, а значительная часть населения, не обладающая достаточной платежеспособностью, исключается из них.

Социальная политика представляет собой систему, в состав которой в качестве подсистем входят не только отрасли социальной сферы, но и политика в области трудовых отношений, демографическая политика, социальная защита нетрудоспособных и малоимущих слоев населения и т. д.

Структурная целостность социальной политики определяется такими факторами, как:

выбор обществом стратегических целей и задач социального развития, социальных приоритетов;

единое законодательство, формулирующее целостное социальное пространство для всех слоев населения;

протекционизм государства и иных субъектов социальной политики по обеспечению финансирования социальной сферы;

единая социальная инфраструктура, единое кадровое и информационное обеспечение.

В качестве объекта деятельности системы «социальная политика» выступает все население страны. Субъектом деятельности этой системы являются органы власти, общественные организации и объединения граждан. В своей деятельности система использует ресурсы, которые можно подразделить на правовые, материально-технические, финансовые, кадровые и информационные.

На функционирование системы оказывают существенное влияние факторы внешней среды, к которым относятся:

- международные юридические и экономические договоры страны;
- общественно-политическая ситуация в мире;
- экономическая ситуация в мире;
- реакция жителей на деятельность органов государственной власти по вопросам социальной политики;
- реакция общественно-политических организаций (партий, движений) на деятельность властей;
- национальные особенности и межнациональные отношения в стране.

Анализ реализации социальной политики в разных странах мира позволяет выделить два основных направления – сакрально-патерналистское и либеральное.

Сакрально-патерналистская модель реализации социальной политики предусматривает полную ответственность государственных структур за все, что происходит в отраслях социальной сферы, исключает участие и ответственность граждан в выборе направлений и осуществления принципов социальной политики, не оставляя возможности влиять на нее. При такой модели: власть – субъект социальной политики, а общество – объект.

Либеральное направление реализации социальной политики, характерное для многих стран, подразделяется на три основных модели: социал-демократическую, корпоративную и собственно либеральную.

Что касается нашей страны, то формирование социального государства – это задача «на вырост». И для ее успешного решения необходимо сделать еще очень много.

Библиографический список

1. *Всемирная история экономической мысли* : [в 6 т.] / под ред. В. Н. Черковец. М. : Мысль. 1987. Т. 1.
2. *Осиновский И. Н.* Томас Мор. М. : Наука, 1974.
3. *Эрхард Л.* Благополучие для всех : [пер. с нем.]. М. : Начала-Пресс. 1991.

Роль службы разведки в период Великой Отечественной в реализации советского атомного проекта¹

Аннотация. В статье показана роль службы внешней разведки в раскрытии секретных планов США по созданию атомной бомбы и роль в реализации «атомного проекта» в СССР.

Ключевые слова: атомный проект, резидентура, разведывательная деятельность, разведматериалы.

Общеизвестно, что еще до начала Второй мировой войны в условиях большой секретности в США, Франции, Англии и Германии велись работы по получению урана-235, плутония-239 и конструкторские работы по созданию атомной бомбы. К этим работам было привлечено большое число виднейших физиков и техников, а также лаборатории более 20 университетов этих стран.

За всеми этими исследованиями и работами пристально следила советская разведка. Ценнейшая научно-техническая информация поступала по линии Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба (ГШ) Красной Армии (КА), 1-го Управления Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР и 1-го Управления Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) СССР. У каждого управления была своя легальная резидентура – работники посольств СССР, аппаратов военных атташе при посольствах, – и разведчики-нелегалы, работавшие под руководством легальных резидентов.

Наибольшая концентрация резидентов и разведчиков-нелегалов была в странах, которые активно работали по урановой проблеме. Но информация поступала и от резидентур других стран, где также проводились исследования в области внутриатомной энергии учеными-физиками и химиками, между которыми шел обмен научными достижениями.

В 1-м Управлении НКВД СССР проблеме атомного оружия было дано кодовое название «Энормоз» (от англ. *enormous* – огромный) [1, с. 242]. Позднее это кодовое название стало использоваться и управлениями других наркоматов в переписке с резидентурами.

Руководителям резидентур и разведчикам-нелегалам каждое управление направляло оперативные письма с заданиями и поручениями по выяснению и сбору материалов, касающихся работ в области внутриатомной энергии, особенно ведущихся в военных целях. Так, в записке начальника 4-го спецотдела НКВД СССР В. А. Кравченко на имя Л. П. Берии было предложено поручить заграничной агентуре 1-го Управления НКВД СССР собрать конкретные проверенные материалы по постройке опытного завода и об аппаратуре по производству урановых бомб.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-11 66008.

Агенты ГРУ ГШ КА активно передавали информацию о работах по урановой проблеме за рубежом. Передавались материалы через закладку в тайник или через офицеров резидентуры, работавших в аппаратах военных и морских атташе при посольствах СССР. Еще одним каналом передачи отчетов и иной информации агентов была дипломатическая почта, которая шла через несколько стран, кружным путем. В отчетах использовались нестандартные формы передачи информации – иносказание, условные наименования отдельных терминов и т. п.

Агенты подписывались закрепленными за ними вымышленными именами и псевдонимами. Материалы направлялись Уполномоченному Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР С. В. Кафтанову, а позднее – заместителю председателя СНК СССР М. Г. Первухину.

После анализа поступающей информации компетентными в этой области знаниями учеными для получения недостающих сведений ГРУ ГШ КА давало своим резидентурам задания и поручения. Так, 27 июня, 13 августа и 28 сентября 1942 г. руководителю лондонской резидентуры были направлены оперативные письма с заданиями для агента К. Фукса по сбору информации об общей схеме и технических чертежах диффузионной сепарационной установки, полученных результатах, о строительстве диффузионного завода, об объемах добычи урана за 1942 г. и планах на 1943 г., количестве металлического урана и газа «шестифтористый уран», объемах получения тяжелой воды, о других работах по урановой проблеме, проводимых в Германии, США, Англии и Франции.

Сроки для сбора такого большого и засекреченного объема информации были очень сжатыми и жесткими – от 2 недель до 2 месяцев. Передавать материалы К. Фукс должен был через закладку в тайник, а связь с ним поддерживал офицер резидентуры капитан Н. В. Аптекарь (псевдоним «Ирис»), работавший в аппарате военного и морского атташе при посольстве СССР в Англии [2, с. 448–449, 596].

В справке ГРУ за 1945 г. было указано, что за время работы на Разведуправление К. Фукс передал ряд ценных материалов, содержащих теоретические расчеты по расщеплению атома и созданию атомной бомбы. Всего от К. Фукса за 1941–1943 гг. было получено 570 листов ценных материалов.

Неоценимый вклад в сбор научно-технической информации военного характера внес А. А. Адамс – нелегальный агент в США, сотрудник ГРУ ГШ КА (псевдоним «Ахилл»). Находясь в Америке, А. А. Адамс создал группу из более 20 специалистов, работавших в оборонной промышленности. В январе 1944 г. завербовал руководителя одной из секций американской научно-исследовательской лаборатории, имевшего доступ к секретной информации. 23 февраля 1944 г. он передал А. А. Адамсу около 1000 листов секретных документов и образцы урана и бериллия

[2, с. 45]. При последующих встречах были переданы еще около 4 000 страниц документов [3, с. 438].

Из письма агента А. А. Адамса от 7 марта 1944 г. советскому правительству стало известно о планах США по применению атомных бомб по городам Японии еще за полтора года до известных событий.

В начале 1942 г. руководство ГРУ ГШ КА поставило перед разведчиком-нелегалом Я. П. Черняком, работавшим в Англии, задачу по вербовке крупного ученого-физика из Кавендишской лаборатории Кембриджа Аллана Нанна Мэя, который был участником первой группы исследователей, осуществлявших британскую ядерную программу. До конца 1942 г. от А. Н. Мэя (псевдоним «Алек») поступили 130 страниц уникальной информации об английских разработках по проблеме урана [3, с. 453].

С мая по сентябрь 1945 г. от А. Н. Мэя были получены материалы о работах по созданию атомной бомбы и других применениях ядерной энергии в США и Англии. Среди них содержался и его личный доклад о ходе работ по созданию атомной бомбы, с указанием научно-исследовательских объектов США. А также – с указанием исходных материалов для атомной бомбы и с описанием установок по отделению изотопа урана, процесса получения плутония и принципа создания и действия атомной бомбы; часть доклада о технологическом процессе получения плутония и нептуния; доклад американского ученого Е. Ферми об устройстве и действии уранового котла; схема уранового котла; доклад о посещении X-котла и научно-исследовательского объекта в Аргонн Фористе (около Чикаго) группой научных работников Монреальской лаборатории, в которую входил сам «Алек».

Кроме документов, «Алек» переправил образцы урана-235 и урана-233 (162 микрограмма на платиновой фольге в виде окиси), которые с оригиналом доклада 11 июля 1945 г. направлены Л. П. Берии.

В отчете ГРУ от 9 июля 1945 г. по материалам «Алека» было указано, что в США ведутся очень интенсивные работы по созданию атомной бомбы. Из сообщения агента стало известно, что общие расходы по проекту составили около 1 млрд дол. Сотрудничество англичан с американцами осуществлялось через специальную миссию в Вашингтоне, возглавляемую Чэдвиком, а также через ученых, работающих в различных лабораториях. Англо-канадский проект, возглавляемый Кокрофтом, осуществлялся в Монреальском университете. Общее количество сотрудников достигает нескольких тысяч человек.

Агент «Алек» сообщал также, что материалом для создания бомбы будет или отдельный изотоп урана – U-235, или новый элемент, известный как плутоний. U-233 также может быть использован для этого, но в настоящее время он производится в недостаточном количестве. Отделение изотопа урана производится в Клинтоне путем термической диффузии, диффузии через мембраны и путем выделения ионных лучей. По-

следный – наиболее обещающий метод. На первой стадии достигается обогащение в 20 раз, а во второй – производится почти чистый U-235. Производство U-235 три месяца тому назад составляло 200 граммов в день. Завод состоит из 900 установок, каждая из которых дает около 100 мА ионов урана (далее было дано описание самих установок) [2, с. 333–334].

Аналогичную агентурную информацию о ходе работ за рубежом получали и по линии 1-го Управления НКГБ СССР. Агентурно-оперативная работа в странах, занимающихся разработкой ядерного оружия, планировалась 1-м Управлением НКГБ СССР в зависимости от необходимости получения тех или иных недостающих сведений, которые были нужны ученым для анализа и ускорения проведения отечественных исследований в этой области [2, с. 154–155].

Благодаря агентуре, НКГБ СССР были переданы сведения о разработке американскими учеными нескольких методов получения изотопа урана-235 от изотопа урана-238, в том числе: диффузионный, магнетический (электромагнитный и ионный), центробежный.

Кроме материалов, касающихся научных аспектов проводимых работ по атомной тематике, разведывательные органы получали общую информацию о предприятиях и учреждениях, а также должностных лицах, ученых и направлениях их деятельности. Так, 1-м Управлением НКГБ СССР 28 февраля 1945 г. письмом № 1103/м были направлены на имя Л. П. Берии подробные сведения о месте расположения американских лабораторий и заводов, в которых непосредственно велись работы по обогащению урана различными способами. В письме содержались данные об их производительности, выделяемых ассигнованиях, количестве занятых работников, и способах производства взрыва атомной бомбы, и даже приблизительное время проведения опытных боевых испытаний [2, с. 234–236].

Кроме этих сведений, 1-е Управление НКГБ СССР располагало данными о структуре Лос-Аламосской лаборатории, руководителях подразделений, персональном составе научных сотрудников, задействованных в проведении работ, и направлениях их научной деятельности [2, с. 246–247].

Среди активных агентов советской разведки в Нью-Йоркской резидентуре был А. А. Яцков, который занимался сбором информации об американском ядерном оружии. Проявляя инициативу и настойчивость, изобретательность разведчика, молодой стажер советского генконсульства осуществлял связь с ценнейшими агентами и руководил их работой. Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. ему было присвоено звание Героя России.

В Нью-Йоркской резидентуре выделялись и супруги Леонтина и Моррис Коэн. Начиная с 1943 г., Леонтина занималась сбором информации по «Манхэттенскому проекту», получала материалы, подготовленные в Лос-Аламосе для передачи в Москву, и в течение двух лет переправляла их в Нью-Йорк. До настоящего времени детали деятельности супру-

гов Коэн полностью не рассекречены, но награды, которыми они были удостоены, говорят сами за себя. Это ордена Красного Знамени, Дружбы народов, медали, а также оба получили звание «Герой России» [3, с. 445–446].

Поступающие материалы от агентов направлялись в Народный комиссариат химической промышленности (НКХП) наркому М. Г. Первухину, который одновременно являлся заместителем председателя СНК СССР и до назначения Л. П. Берию руководителем атомного проекта фактически курировал вопросы решения урановой проблемы.

Только от ГРУ ГШ КА в адрес НКХП СССР в 1942 г. поступили 288 листов документов, за 1943 г. – 449 листов, за 1944 г. – 124 документа на 3 868 листах. Помимо документов, разведчики передали советским физикам образцы урана, его окиси, тяжелой воды, графита, бериллия и др. [1, с. 266, 380–381].

От 1-го Управления НКВД СССР за 1944 г. было передано 117 наименований работ. От 1-го Управления НКГБ СССР 15 мая 1944 г. поступили разведматериалы на 12 страницах описи и 192 фотолистах английского текста, наиболее важным из которых был проект «атомной машины» (уранового котла) [2, с. 68].

Разведматериалы по проблеме урана от НКВД СССР, НКГБ СССР и ГРУ ГШ КА поступали в таком большом объеме, что М. Г. Первухин был вынужден обратиться в правительство с предложением о создании специального бюро в составе секретариата СНК СССР для их разбора и переработки. Это было оформлено в виде заданий для Лаборатории № 2 АН СССР. Такое бюро было создано в соответствии с Постановлением ГКО от 20 августа 1945 г. № 9887сс/ов, а 27 сентября 1945 г. в структуре НКВД СССР был сформирован отдел «С». В его составе были оперативные и научные сотрудники, переводчики, библиотекарь, шифровальщик и другой технический персонал [2, с. 87–88].

Полученные данные позволяли делать выводы о большом значении, которое придавалось проблеме урана в капиталистических странах, о привлечении к ней первоклассных кадров научных работников, затрате больших средств, большом внимании, которое уделялось вопросам конспирации, организационным вопросам, а также констатировать значительное отставание в этих работах советских научно-исследовательских организаций. Все это диктовало необходимость принятия решительных мер к реорганизации дела по разработке проблемы урана в Советском Союзе.

Эти материалы по своему объему и характеру являлись ценнейшим пособием для работников советских научно-исследовательских учреждений и служили основой для постановки и развертывания в СССР самостоятельных работ в области проблемы использования атомной энергии.

Таким образом, вся приведенная выше информация о получении разведывательными органами сведений от своих агентов о ходе работ по созданию атомной бомбы за рубежом позволяет сделать следующий вы-

вод. Политическое руководство СССР и ведущие ученые в области исследований атомного ядра были подробнейшим образом осведомлены и принимали все зависящие от них меры по ускорению создания отечественного ядерного оружия. За большой вклад в сбор ценнейшей информации о методах обогащения компонентов для ядерного оружия, особенностях конструкции атомной бомбы агенты разведки были награждены высшими наградами страны.

Библиографический список

1. *Атомный проект СССР. Документы и материалы.* Т. I. 1938–1945. Ч. 1. М., 1998.
2. *Атомный проект СССР. Документы и материалы.* Т. I. 1938–1945. Ч. 2. М., 2002.
3. *Герои атомного проекта.* М.–Саров, 2005.

В. Н. Лавров, Д. К. Стожко

Урал в годы Великой Отечественной войны и в современной России

Аннотация. В статье обосновывается тезис о генерирующей роли Урала в развитии отечественной экономики, как в годы войны, так и в современных условиях. Раскрыт вклад Урала в экономическое обеспечение Победы над фашизмом в военное время и его перспективы по выводу российской экономики из кризиса в настоящее время.

Ключевые слова: экономическое обеспечение Победы, регион, региональная экономика, точки роста, мобилизационные планы, эвакуация промышленных предприятий.

«Большое видится на расстоянии» – эта народная мудрость как никогда ранее актуальна сегодня, накануне семидесятилетия Победы нашего народа над фашизмом. В условиях, когда наши оппоненты активно переписывают мировую и отечественную историю, не лишним будет напомнить всем о той роли, которую сыграл наш народ, и в первую очередь уральцы, в *экономическом* обеспечении этой Победы.

Победа многонационального советского народа в Великой Отечественной войне явилась следствием не только боевого, но и трудового героизма. Об этом феномене написано много научных работ, но ни природа трудового героизма, ни его сущность, как нам представляется, так полностью и не раскрыты. Все дело в том, что трудовой героизм и трудовой подвиг советских людей до сих пор рассматривался сквозь призму идеологических пристрастий и политических ориентаций самих исследователей. А вот беспристрастного и не политизированного анализа данного уникального в отечественной и мировой истории явления дано так и не было.

Дело в том, что анализ этого явления необходимо начинать с политэкономических оснований, а именно с вопроса о собственности на рабочую силу и особенностей организации труда в условиях советского строя. Ликвидация наемного труда и его превращение из опосредованно общественного в непосредственно общественный процесс, в труд на себя

и на свое родное государство, породили такой всплеск трудового энтузиазма, который невозможно обнаружить ни в какой иной период отечественной истории. Можно, конечно (как это сегодня делают либеральные экономисты-рыночники), подвергать факт такого превращения сомнению. Но нельзя игнорировать факты. А они свидетельствуют о том, что труженики сумели решить в военное время такие сложнейшие задачи, да еще в короткие сроки, что не видеть природу и содержание трудового подвига невозможно.

Одной из ключевых задач того времени была перестройка гражданской экономики страны на «военные рельсы» и передислокация возможно большего числа предприятий с территорий, оккупированных врагом, в тыл (эвакуация). Обратимся для анализа решения этих ключевых проблем к роли тружеников Урала в их решении.

Урал – это огромный регион страны, который объединял тогда Оренбургскую, Пермскую, Свердловскую, Челябинскую области, Башкирскую и Удмуртскую АССР. Его территория к 1941 г. достигла 856,9 тыс. км². Здесь насчитывалось 122 города, 214 поселков городского типа, 310 районов, где проживало 13,5 млн человек.

Коренной поворот в освоении природных богатств Урала произошел в начале и середине 1930-х годов, когда ударными темпами возводились крупнейшие предприятия. Среди них: Уралмаш, доменные печи Магнитки, строились Уральский завод тяжелого машиностроения, Красноуральский медеплавильный завод, Пышминский медеэлектролитовый завод, Уфалейский никелевый завод, Челябинский цинковый электролитный завод, Челябинский тракторный завод, Уральский вагоностроительный завод и многие другие крупные предприятия. А также реконструировались десятки старых производств, среди которых были: Мотовилихинский, Ижевский и другие машиностроительные и металлообрабатывающие заводы.

К ноябрю 1924 г. под вражеской оккупацией оказалась территория, где добывалось 63% угля, производилось 68% чугуна, 58% стали, 60% алюминия, вырабатывалось 42% электроэнергии от общесоюзного производства.

Именно Урал стал главным регионом страны, который принял участие в эвакуации предприятий с запада на восток страны. Только во второй половине 1941 г. на Урал было переведено 667 заводов, а осенью 1942 г. здесь уже размещалось оборудование 7888 эвакуированных предприятий. В том числе: в Свердловской области – 212, Челябинской – 200, Пермской – 124, Оренбургской – 60, Башкирской АССР – 172, Удмуртской АССР – 20.

Сложнейшей была задача приема, размещения и трудоустройства эвакуированного населения. Тем не менее, и эти вопросы решались оперативно. К тому времени, когда враг захватил практически всю южную ме-

таллургическую базу страны, Урал начал работать на полную мощь. В целом, к концу 1941 г. производство чугуна в стране увеличилось по сравнению с довоенным временем в 4 раза, стали – в 3 раза, проката черных металлов – в 3,1 раза, проката цветных металлов – в 430 раз, производство шарикоподшипников – в 21 раз. На 1942 г. в соответствии с военнo-хозяйственным планом планировалось построить 5 доменных и 27 мартеновских печей, блюминг, 5 коксовых батарей. Наряду с этим на металлургических заводах одновременно осуществлялись реконструкционные работы: восстанавливались бездействовавшие мартеновские и доменные печи на Серовском, Староуткинском, Майкорском и других заводах.

Переход от выпуска рядового металла, составлявшего до войны свыше 70% общего производства, к легированному был сопряжен с большими трудностями. Каждому заводу и его трудовому коллективу пришлось решать конкретные задачи. Перед златоустовскими металлургами, например, была поставлена задача освоить сложные марки стали для боеприпасов и авиационной техники. Уфалейский, Серовский и Саткинский заводы должны были в самые сжатые сроки наладить производство металла для танков и артиллерийских орудий. Лысьвинский завод должен был обеспечить советских солдат касками и иными индивидуальными металлоизделиями защиты.

Ведущая роль отводилась Магнитогорскому металлургическому комбинату, который имел 4 доменных и 15 мартеновских печей, 4 коксовые батареи, 8 прокатных станков. В первые же месяцы войны коллективу комбината пришлось освоить новую технологию выплавки качественной стали в больших мартеновских печах, чего не было раньше.

На нужды фронта быстро переориентировался Чусовской металлургический завод, который освоил 15 новых марок стали и 72 новых профиля проката, начал выпуск высококачественных ферросплавов. Коллектив Серовского металлургического завода за первые месяцы войны освоил выпуск 50 новых марок стали, в том числе – уникальной калиброванной «кислой» для шариковых и роликовых подшипников. Металлурги Златоуста за первые месяцы войны освоили рекордное количество новых марок стали – 163.

Ничего подобного не знала за годы войны экономика ни одной европейской страны и США. Перестройка, которую осуществил наш народ, была быстрой, эффективной и в финансовом отношении наименее затратной. Главным фактором такой перестройки стал как раз трудовой героизм советских рабочих. Почти на всех крупных предприятиях страны, и Урала в том числе, развернулось социалистическое соревнование – агарковское и лунинское движение, стали создаваться комсомольско-молодежные бригады.

Помимо развития промышленности развивалась и сырьевая ее база. На Урале в годы войны были расширены геологопоисковые, разведочные

работы по поиску новых источников топлива, сырья, других полезных ископаемых. Расширились проектные работы по развитию сети электростанций, металлургических и иных предприятий. На всей территории Урала шли поисковые работы по углю, особенно в Кизеловском бассейне. За годы войны было выявлено в 6 раз больше запасов угля, чем за весь довоенный период. Активно шли поиски нефтяных пластов. В Башкирии бурение развернулось на 13 площадках. В годы войны были установлены Карагановское, Кинзебулатовское, Куганакское месторождения, вскрыты Бавлинская и Салиховская нефтяные площади. Развернулась разведка в Оренбургской, Пермской областях, Татарии, Удмуртии и других районах между Волгой и Уралом. Выросли и объемы добычи. В 1945 г. трест «Туймазанефть», например, добывал топлива в 10 раз больше, чем в 1941 г., а трест «Бугурусланнефть» – в 7 раз.

Возраставший объем промышленного производства и добычи ресурсов предъявлял повышенные требования и к работе энергосистем Урала. Развитие электроэнергетики шло по линии расширения мощностей и реконструкции действующих электростанций [5].

В первый период войны были приняты меры по максимальной централизации политического, военного и хозяйственного управления. Вся полнота власти в стране сконцентрировалась в руках чрезвычайных органов руководства страной – Ставки Верховного Главнокомандования и Государственного Комитета Оборона (ГКО).

22 июня 1941 г. была объявлена всеобщая мобилизация мужчин (начиная с 1905 года рождения), что позволило вдвое увеличить численность армии. Появление захватчиков на родной земле на протяжении всей истории нашей страны спланивало людей, которые забывали о трудностях жизни и поднимались на защиту своей Родины. Справедливый характер войны, необходимость защиты своего Отечества породили патриотизм миллионов советских людей, Великая Отечественная война имела поистине всенародный характер. По инициативе москвичей и ленинградцев в стране стало создаваться народное ополчение: в июле–августе в него было принято около 2 млн человек. Проявляя мужество и самоотверженность, ополченцы внесли серьезный вклад в будущую победу. В борьбе за свободу в тылу оккупированной фашистами территории сформировалось мощное партизанское движение.

Для укрепления порядка и дисциплины в войсках, повышения боеспособности, которая резко снизилась в начальный период войны, государство было вынуждено принимать чрезвычайные меры: вводился институт военных комиссаров; были подписаны приказы № 270 и № 227 («Ни шагу назад!»), которые усиливали ответственность за неисполнение приказа, трусость и дезертирство; стали создаваться заградительные отряды.

Мобилизация сил для победы велась не только на фронте, но и в тылу. С началом войны страна была превращена в военный лагерь. Ситуация

осложнялась тем, что летом 1941 г. свыше 80% общего количества предприятий оборонной промышленности, в том числе 94% авиационных заводов, оказались в зоне боевых действий или прифронтовых районах. Поэтому первоочередной, серьезнейшей задачей стала эвакуация предприятий и населения в восточные районы, где необходимо было налаживать военное производство. Летом – осенью 1941 г. на восток было перебазировано 11 млн человек и около 2 тыс. промышленных предприятий, которые зачастую начинали работать, не дожидаясь сооружения стен и крыши над головой. Для обеспечения промышленности кадрами вводилось бронирование от призыва в армию рабочих ведущих профессий, широко привлекались на производство женщины, молодежь, пенсионеры. Уже во второй половине 1942 г. вооружения стало производиться больше, чем до войны [2, с. 154–155].

Как видим из этих данных, нападение немецко-фашистской Германии на СССР не смогло разрушить экономическую мощь нашей страны. Потому что был массовый народный героизм, потому что была вера в свою страну, потому что воевали и трудились ради жизни, а не ради денег.

Что же мы имеем сегодня? Общие потери российской экономики, связанные с распадом СССР, составили более 3 трлн р. Центр как был, так и остается коррумпированным. Именно эта коррумпированность стала одной из причин развала некогда единой великой страны. Ясно, что Советский Союз распался не сам по себе. Его развалили чиновничьи кланы, враждовавшие между собой. «Индекс способности выживания» СССР в 1980-е годы составлял 116%, тогда как в США он был равен 100%, но погиб именно СССР, а не США. И его гробовщиками стали партийные и государственные чиновники. Как свидетельствует лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц, если в период Великой Отечественной войны объем промышленной продукции в нашей стране сократился на 24%, то за период 1990–1999 гг. он упал более, чем на 60%. Сегодня общепризнано, что после распада СССР и начала рыночных реформ экономика России оказалась в глубоком кризисе. Нас убеждают, что к 2010 г. реальный рост заработной платы населения составил 4,9%, промышленного производства – 9,6%, безработица сократилась до 7% экономически активного населения. В действительности, безработица неуклонно растет, а благосостояние – падает. Последние события осени 2014 г. в валютно-финансовой сфере убедительно показали, как крупные корпорации могут обвалить курс национальной валюты и загнать не только население, но и само государство в тяжелейшее положение [4, с. 176].

Последние четверть века «либеральных» преобразований в социальной и экономической сферах российского общества повлияли на развитие внутренних и внешних связей между субъектами экономического сообщества на местном, региональном и федеральном уровнях.

Падение производства, покупательной способности трудовых ресурсов, обесценение национального рынка валюты, утрата интеграционных возможностей между странами постсоветского пространства обусловили резкое снижение социальной мобильности, обострили проблемы занятости, эффективного применения трудовых ресурсов на национальных рынках, оппортунистическое поведение управленческого персонала в ситуации затяжного социального и экономического кризиса.

Необходимо существенным образом изменить все трудовое законодательство в стране. В первую очередь, Трудовой кодекс, который дает слишком много прав собственникам и практически никаких прав – самим работникам. При такой ситуации трудового героизма не дожدهшься, а, следовательно, и из борьбы санкций «с плюсом» (выражение министра иностранных дел РФ) не выйти.

Справедливости ради, необходимо отметить, что в экономике нашей страны, начиная с 2005 г., наконец-то начали обнаруживаться инвестиционные точки экономического роста. И для этого есть все необходимые основания. По разведанным запасам газа, железной руды, алмазов, цинка, тантала, палладия Россия занимает 1-е место в мире. По запасам олова, ртути, висмута, платиноидов – 2-е место. По запасам меди, свинца, циркония, вольфрама, молибдена, лития – 3-е место. По запасам бериллия – 4-е место. На долю РФ приходится 18% мировой добычи калийной соли, 14% борного сырья, 65% мировых запасов апатитов. И это не говоря уже о колоссальных запасах углеводородов.

Несмотря на то, что правительство России до сих пор не опубликовало программно-целевые планы развития промышленности до 2020 г., в практической политике в процессе расходования бюджета каждый год объявляются капиталовложения в крупные проекты.

Отметим крупные расходы на реконструкцию мощных гидроэлектростанций (Саяно-Шушенской – 38 млрд р., Богучанской ГЭС – 116 млрд р.) и атомных электростанций. Так, например, можно назвать проект Балтийской ядерной электростанции с двумя энергоблоками на 1,1 ГВт, каждый потянул на 200 млрд р., Нововоронежскую АЭС-2 с двумя блоками на 1,2 ГВт оценили в 130 млрд р.

На нужды «Запнефтехима» в Тобольске выделили сумму инвестиций, равную 360 млрд р., но это уже нефтехимия по производству полипропилена.

В добывающих отраслях, скажем, разработка крупнейшего в стране Удоканского медного месторождения оценивается в 100 млрд р., горно-обогатительный комбинат на громадном Приоскольском месторождении руд строят за 56 млрд р. Кроме того, были построены верфи для выпуска газовых супертанкеров в Приморске стоимостью 38,5 млрд р.; верфь «Звезда-ДСМЕ» во Владивостоке, заточенная под строительство гигантских крупнотоннажных судов мирового класса, оценивается в 20,5 млрд р.

Реализация масштабной программы переоснащения текстильных предприятий Ивановской области (в швейной промышленности) до 2017 г. обойдется в 6 млрд р., а окончание строительства крупнейшего в Европе комплекса по выпуску тканей из льна в Вологодской области обошлось в 8,6 млрд р.

Как известно, львиная доля бюджетных денег за последние пять лет направляется на оборонные проекты, что вполне логически, политически, идеологически и экономически обосновано. Даже прорывы в фармацевтике – и те не требуют таких больших денег, как нефтехимическая отрасль. Строительство завода по выпуску отечественного инсулина в Переславле-Залесском обойдется в 3 млрд р.

Потребность России в полипропилене – 880 тыс. т в год. Вдобавок каждый год заводят 1 млн т готовых изделий из полимеров. Тем временем внутреннее производство – менее 700 тыс. т.

В результате пластик приходится покупать в Китае, Бельгии и даже в Саудовской Аравии. Благодаря новым мощностям в Тобольске выпуск пропилен в РФ вырастет на 500 тыс. т, полиэтилена – на 1,5 млн т. Комбинат войдет в пятерку крупнейших мировых производителей, российское производство пластиков, наконец, перешагнет планку внутренних потребностей.

Заодно решится проблема сгорающего впустую попутного нефтяного газа. Он станет сырьем для завода-гиганта. Конечно, можно найти проекты дороже 360-миллиардного «Запсибнефтехима». Порт Саббета, который строят за полярным кругом на берегу Обской губы на Ямале, оценивается в 75 млрд р. Зато будущий «газпромовый» завод по выпуску сжиженного газа, ради которого появился порт, обойдется в 850 млрд р. На очень большую сумму обойдется и газопровод «Сила Сибири», который «Газпром» тянет в Китай за 900 млрд р.

Программу модернизации БАМа до 2020 г. оценили в 864 млрд р. Центральная кольцевая автодорога в Москве «потянула» на 470 млрд р., питерская кольцевая обошлась в 567 млрд р. [1].

Таким образом, инвестиционные вложения – это и есть точки экономического роста территории Российской Федерации. Безусловно, в каждом отдельном регионе, как, например, в Свердловской области имеются свои научно-целевые программы, экономические кластеры, которые требуют ускоренной реализации, после полнометражного финансирования, как со стороны областного бюджета, так и федерального. Но очень хотелось бы, чтобы инвестиции поступали от зарубежных спонсоров, а не увеличивали нагрузку на бюджеты разного уровня и не вели к образованию известного бюджетного дефицита.

В современных условиях развитие экономического потенциала Урала, включая научно-целевые программы Свердловской области, опирает-

ся, как всегда, в нехватку финансовых средств. Тем не менее, такой средни глобальным проектам, как проект «Урал промышленный – Урал полярный», идет к своей реализации до 2020 г.

Кроме того, если взять для примера Свердловскую область, то здесь в настоящее время формируется сразу несколько новых кластеров: «Титановая долина», «Фармацевтический кластер», «Белая металлургия», «Туристическая дорожная карта», а также «Три Агрохолдинга» и кластер «Утилизация твердых отходов», «Добыча нефтегазовых ресурсов» в западной части области.

Все вышеперечисленные точки экономического роста региональной экономики являются по сути дела новыми кластерами федеральной экономики России. Но для их осуществления, т. е. реализации данных инвестиционных проектов по стадиям жизненного цикла каждого требуются миллиарды и даже сотни миллиардов рублей, которые в условиях наступившей рецессии российской экономики можно решить кредитным способом, взять у банков Китайской Народной Республики.

Сохранение конкурентоспособности национальной экономики страны означает поддержание темпов ежегодного роста ВВП хотя бы на уровне 2–3%. Увеличение валового продукта на душу населения даст возможность осуществлять, как известно, расширенное воспроизводство факторов производства и, в частности, рабочей силы, трудовых ресурсов.

Гносеологически повышение благосостояния народонаселения предполагает трансформацию качества человеческого капитала и прогрессивного развития главных институтов цивилизации – государства, собственности, семьи, а также дальнейшего разрешения двух главных методологических проблем: уменьшения степени эксплуатации субъектов хозяйственной деятельности, а следовательно, увеличения уровня справедливого распределения материальных и духовных благ в обществе. Согласно учебникам макроэкономики, речь должна идти об изменении кривой Лоренца и сокращении коэффициента Джинни.

В реальной практике, т. е. в онтологическом плане, рассматриваемую проблему можно представить в виде схемы повышения не только арифметического количества видов благосостояния людей, но и – это главное – роста качества образа жизнедеятельности людей в обществе.

Категорию «благосостояние», как нам кажется, следует классифицировать по следующим основным направлениям развития научно-технического и социального прогресса: физическое, материальное, духовное, экологическое, политическое и идеологическое. Комментарии для специалистов, может быть, и не требуются, но хотелось бы подчеркнуть некоторые важные моменты. Так, например, физическое благосостояние человека во многом совпадает с медицинскими показателями, но к ним не сводится. Материальные блага включают денежные и другие показатели внешнего благосостояния людей.

Что касается индексов духовного, экономического, политического и идеологического благосостояния, то здесь имеются в виду, прежде всего, качественные характеристики человека как личности с учетом образовательного и воспитательного уровней культуры *«homo economics»*. Хотелось бы подчеркнуть, что под духовным благосостоянием мы имеем в виду уровень историко-филологической культуры человека, под экологическим – уровень качества природно-социальной среды (окружения).

Но особо следует подчеркнуть политико-идеологическое благосостояние человека в социуме. Все встает на свои места, если уточнить термины «политика» и «идеология». Мы неоднократно и настоятельно предлагали политику определять как науку о законах поведения людей, наделенных собственностью и властью, а идеологию – как науку о системе идеалов и ценностей общества и законах их трансформации.

Именно рассмотренная в таком ключе схема классификации видов благосостояния приобретает законченный логически, гносеологически и онтологически правильный вид, не требующий никаких дополнительных интерпретаций.

Обобщая сказанное, можно с большой долей уверенности и ответственности утверждать, что главными объектами и целями инвестирования, безусловно, являются не кластеры и не предприятия, а кадры. Как и когда-то в годы Великой отечественной войны, сегодня именно *«кадры решают все»*.

Только высокопрофессиональные кадры могут «поднять» те точки экономического роста, которые и в первую, и во вторую, и в третью очередь могут повлиять количественно и качественно на вышеназванные направления и индексы благосостояния всех категорий населения Российской Федерации.

С точки зрения вклада российских ученых в совершенствование технологических процессов добычи, переработки и производства ресурсов и изделий, можно обратиться к фактам экономики, которые получили мировую известность в последние 2–3 года.

В перечне примеров можно назвать изобретение и использование снаряда-генератора плазменной добычи нефтяных пластов, фотоаппараты и кинескопы, которые выпускает ЛОМО. Сейчас в 20 странах используют более 100 российских комплектов оптики для профессиональной киносъемки.

На Урале, в Ирбите возродили производство мотоциклов и колясок с моторным приводом. В 2013 г. продажи автомобилей «Урал» в Северной Америке подскочили на 40%, в ЕС – на 20%. В 2014 г. успех повторился. И это при цене машины от 10 до 14 тыс. дол. (550–770 тыс. р.).

1 декабря 2014 г. началось движение по обновленному Гимринскому автотоннелю, соединившему г. Буйнакск и с. Гимры в Дагестане. При длине 4 285 м это самый длинный автомобильный тоннель в РФ.

Северомуйский железнодорожный тоннель на БАМе имеет длину 15,3 км, он проложен под горным хребтом на глубине до 1,5 км.

Это самая грандиозная стройка на БАМе, работа заняла 27 лет, и вот она закончена.

Можно добавить, что в январе 2011 г. рекорд побила российская скважина на проекте Сахалин-1, добравшаяся до отметки 12,345 км. Кроме того, Россия получила участок для разведочного бурения от Международного комитета по морскому дну и в районе Магеллановых гор, суда «СевморГео» к концу 2014 г. пробурили 150 скважин и обнаружили невероятные запасы кобальта – более 1 млн т. В целом технологичные отрасли не устают радовать мировыми успехами.

За науку взялись и аграрии. Новостью года в животноводстве стало то, что Россия вывела уникальную породу мясного скота – на 20% продуктивнее легендарной абердинской породы.

Другие заметные достижения села: начало массового строительства огромных садов-теплиц на крайнем Севере. В 2014 г. крупные овощеводческие хозяйства открылись на Ямале и в Ханты-Мансийске.

Наконец, в 2014 г. ошеломили даже ювелиры. Россия огранила два уникальных бриллианта весом 52 и 54 карата. Якутские камни оценили – один в 10,7 млн р., другой – в 53,5 млн р.

Изменились и приоритеты социально-экономического развития Урала. Как и в военное время, в условиях «войны санкций» его значение неуклонно возрастает. Среди главных направлений развития региона сегодня выделяют:

- развитие инфраструктуры;

- развитие институциональной среды;

- новую индустриализацию старопромышленного региона.

Среди отраслевых приоритетов это: атомная энергетика, военно-космический комплекс (ядерно-ракетная и авиакосмическая подотрасли); подотрасли, обслуживающие ТЭК, горно-металлургический и энергетический комплексы; производства нефтехимической отрасли; и только на четвертом месте традиционное машиностроение [3, с. 470].

В целом, можно сделать вывод о том, что российской экономике требуется разработка долгосрочной программы развития, в первую очередь, тех отраслей, которые требуют немедленных инвестиций и могут послужить в дальнейшем точками экономического роста народно-хозяйственного комплекса.

В качестве спонсоров могут выступать как гособоронзаказы, так и гражданские министерства в соответствии с реализацией научно-целевых планов и концепций.

По цепочке системного подхода «инвестиции – производство – сбыт – прибыль» необходимо возродить и увеличивать темпы оживления

и роста машиностроительных отраслей, учитывая, что время для переходного периода уже ушло и потеряно безвозвратно.

Таким образом, сущностью и ядром новой экономической политики, которая необходима сегодня, являются:

перестройка системы трудовых отношений в стране и переход к полной занятости (кейнсианская модель);

качественная интенсификация ведущих отраслей промышленности в условиях укрепления влияния государства на всех уровнях управления (мобилизационный подход).

Некоторые последние заявления отдельных политиков настораживают. Похоже, они до сих пор не осознали всей опасности сложившейся ситуации и рассчитывают на то, что можно обойтись без этих мер. Предложенные нами меры становятся острой необходимостью в ситуации обострения торговой и инфляционной войны против российского государства, которые развязали западные державы». Нельзя выиграть войну, даже если это экономическая война, «в белых перчатках». Исторический опыт «военной экономики» в этой связи становится крайне актуальным.

Библиографический список

1. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. А. Человеческий капитал в транзитивной экономике : формирование, оценка, эффективность использования. СПб. : Наука, 2010.
2. История : [в 2 ч.] / под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2013. Ч. 2.
3. Срединный регион : теория, методология, анализ / ред. Е. Г. Анимидца. Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2009.
4. Стиглиц Дж. Глобализация : тревожные тенденции : [пер. с англ.]. М. : Мысль, 2003.
5. Урал – фронту / под ред. А. В. Митрофановой. М. : Экономика, 1985.

Т. В. Лазутина, Д. К. Стожко

Духовный потенциал русского народа

Аннотация. В статье раскрыто содержание духовного потенциала русского народа, роль духовной культуры в его историческом развитии. Особое место уделено формированию субъектных способностей личности: продуктивно-творческого воображения, воли к совершенству, силы духа, патриотизма.

Ключевые слова: культура, духовная культура, личностный потенциал, субъектность, духовный опыт, вера, интеллект.

Анализ духовности давно интересует ученых. Общепринято, что дух – это «свободная, самоустремленная, самостоятельная и знающая себя надприродная реальность». Ему свойственны: а) *субъектность* и б) «бытие – для – себя». Поэтому дух познается только духом. Встречающиеся порой в литературе рассуждения о духе как о бессубъектной «тонкой лучистой энергии» или «биоциполе», являются упрощенными и отвлеченными от реальности.

Своеобразие духа обусловлено тем, что он содержит многомерную модальность – логическую, эстетическую, этическую, теологическую и т. д. Поэтому встречаются различные толкования духа: «святой дух», «злой дух», «душевный дух», «объективный дух», «чистый дух», «нечистый дух» и т. п. Многомерность понятия «дух» обуславливает и многомерность понятия *духовности*, в понимании которой мы считаем более продуктивным опираться на классическую традицию, идущую от Платона, Аристотеля к Гегелю, и далее – к С. Л. Франку, Е. Н. Трубецкому, Н. О. Лосскому, И. А. Ильину. В рамках этой традиции духовность представляется как преобразование души духом. Действительно, когда душа преобразуется духом, тогда возникает и сама духовность (одухотворение души), тогда человек начинает жить *по существу* и не только внешним, чувственным опытом, но и *внутренним, сверхчувственным, смысловым*. Душевное переживание духа в его абсолютных и высших проявлениях как раз и формирует духовность личности. Но такая духовность уже не может рассматриваться антиномично, как дихотомия добра и зла в человеке. Истинная духовность есть совершенная реальность, поскольку абсолютными в духовной реальности являются совершенство и любовь. Следовательно, душа, одухотворенная этими абсолютными проявлениями духа, есть духовная душа (подлинная духовность). Известна формулировка И. А. Ильина о том, что дух есть любовь к совершенству, есть воля к совершенству и есть духовное делание. В этой триаде любовь *первична*, что соответствует известному изречению Св. Павла о том, что «в начале были Вера, Надежда и Любовь; но Любовь – первая». Раскрывая диалектику любви и воли в структуре духа, И. А. Ильин писал: «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности». И далее, русский философ отмечает, что дух «накапливается в душе», формируется «духовный опыт», который играет важнейшую роль в жизни человека: «Через духовный опыт человек общается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом... Пренебрегающий духовным опытом – теряет доступ ко всему этому. Он – как бы сам заклепывает себе духовные очи и предается слепоте и пошлости. От всех вещей он видит только внешнюю видимость и довольствуется тем, что превращает ее в пустую, абстрактную схему. Глубина и тайна жизни уходят от него... Только духовный опыт – опыт, открывающий человеку доступ к любви... может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть... Только духовный опыт делает человекообразное существо – воистину человеком, т. е. духовной личностью...» [5, с. 112–113].

Но духовный опыт не только *субъектен* (его носителем выступает сама личность), но и *деятельствен* (проявляется в деятельности). Он

побуждает человека к деятельности. Ибо «вера без дел мертва». В основе этой деятельности «пребывает» Любовь: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Евангелие от Матфея, 22, 37).

«Одни люди, – пишет И. А. Ильин, – живут в этой *духовной интенции*; они пребывают в ней, любят ее, дорожат ею; укрепляют и углубляют, очищают ее в себе; и затем, исходя из нее, *веруют и действуют*. Напротив, другие пренебрегают ею, не дорожат ею, не умеют освобождать для нее ум и свое сердце – и потому бредут по диким и случайным тропам своего неразборчивого права или своей прихоти и похоти» [5, с. 119].

Но когда приходит время «собирать камни», оказывается (как по Тургеневу), что «жизнь пуста и проходит». И это – наказание человеку за его *бездуховность*, за его *духовную слепоту*. Поэтому полнота жизни, обретение в ней подлинного смысла неразрывно связано с созиданием в себе духовности (духа).

Формирование духовного опыта или, говоря иначе, духовности, обычно связывают с такими понятиями, как *добро, совесть, честь, доверие, альтруизм*. Но формирование и развитие такого духовного опыта в душе человека есть определенный (трудовой) вид *самодетельности* – а именно духовное производство, духовный труд, или, как принято сегодня выражаться, γ -труд (труд, осуществляемый в координатах *добро* и *зло* и основанный на развитии таких духовных качеств личности, как ее совесть, доброжелательность, стремление к справедливости и т. д.), в отличие от α -труда (нормированный, регламентированный, репродуктивный труд) и β -труда (инновационный труд по созданию материальных и интеллектуальных продуктов). Отмечая особую важность «духовной компоненты» труда, Б. М. Генкин пишет: «Результат γ -труда зависит от особого ресурса, который, насколько нам известно, еще не упоминался в экономической литературе. Этот ресурс – не что иное, как *совесть* – то, что И. Кант называл «нравственным законом во мне» [3, с. 150–155]. При всей справедливости этих рассуждений необходимо отметить, что многие философы и экономисты еще в конце XIX – начале XX веков обращали внимание на значение совести, честности, справедливости и других понятий в организации труда и его результативности. Еще В. В. Берви-Флеровский замечал, что «нигде рабочий не отличается в такой степени нравственным развитием, как в России» [13, с. 514]. Другой крупный ученый И. И. Янжул в начале XX века выступил с отдельной статьей «Экономическое значение честности: забытый фактор производства», в которой доказал, что «народ, который честен, тем самым силен не только *нравственно*, но и экономически» [18, с. 418].

Многообразные проявления духовной любви человека и его воли к совершенству и есть духовность как таковая. Вместе с тем, в повседневной жизни духовность проявляется не только сакрально, но и в секуляр-

ном плане, не только через веру, но и через любовь. И в этой связи, мы считаем ошибочным мнение о том, что определение духа и духовности через стремление и реализацию совершенства является, якобы, слишком общим и абстрактным. Вера соединяет три проекции Совершенства (Истину, Добро и Красоту) в целое, воспринимает Совершенство *духовно-целостно*. Тогда как любовь воспринимает совершенство *эмоционально-целостно*, через воображение, волю и мышление. Духовная любовь, однако, не противостоит Вере, поскольку сама Вера также есть особая *ипостась* духовной любви, в которой ценностная иерархия несколько иная: в вере любовь обращена на Творца (Бога); в духовной любви, в ее обыденном понимании – на Божьи творения. Любить отца (мать) и не любить его (ее) дитя не только не логично, но и бессмысленно. В мирской жизни такие браки, как правило, быстро распадаются. В религиозной жизни механизмом предотвращения такой коллизии является монашество с присущими ему формами жертвенности, служения, отшельничества.

В связи с этим считаем справедливым суждение С. Л. Франка о том, что люди разъединены между собой только *на поверхности* общественных явлений. Но глубже – все люди органично-едины. Эта мысль созвучна постулату о том, что «дары различны, но Дух один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как ему угодно. Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело; так и Христос» (1 Кор., 12:4–6, 11–12). Суждение С. Л. Франка, основанное на Св. Писании, обращает наше внимание на *единство* человечества, на социальный аспект его духовного бытия. Но такое единство мыслится как *реальное*, а не мистическое, лишь на основе духовной любви, которая поднимает значение самого человека, его жизни, свободы, благополучия, счастья и т. д. до божественного (богочеловеческого) уровня. В таком *духотворении* (одухотворении) человека становится возможным преодолеть ограниченные рамки антропоцентризма, социоцентризма и теоцентризма, скорректировав их конкретными идеями космолизма и идеал-реализма – двух наиболее интересных, в контексте исследуемой проблемы, течений русской философии. В частности, особую роль в комплексном и адекватном понимании места и роли духовности в формировании целостной личности играет идея духовной доминанты, которая, по существу, вытекает из работ таких русских философов, как И. А. Ильин, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, Н. О. Лосский. При всех расхождениях в их взглядах на сущность, содержание, смысл и характер духовности, общим в их сочинениях было понимание той выдающейся роли, которую играет духовность в формировании целостности человека. Признавая, что природа человеческой целостности не унитарная, а многокачественная и многоуровневая, А. А. Богданов еще

в конце XIX века высказал идею об изоморфизме различных структур. Он также сформулировал положение о различных видах целостности: централистской (*эгерессия*), скелетной (*дегрессия*) и т. д. [2, с. 49].

Но необходимо отметить, что формирование целостной личности ученый связывал с духовно-нравственным развитием самого человека. В статье «Проклятые вопросы философии» он отмечал, что по мере одержания решительных побед над природой человек становится существом логическим и этическим» [1, с. 86].

На эту же взаимозависимость между уровнями духовного и материально-вещественного развития указывал митрополит Иоанн, утверждавший, что внешняя судьба русского человека и всей страны в целом всегда соответствовала внутреннему состоянию духа, а упадок, смута, раскол всегда были сопряжены с упадком духа, его временным угасанием [7, с. 333–334]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что разные по своим убеждениям люди (атеист и революционер А. А. Богданов и православный священнослужитель Иоанн) указали на зависимость состояния социальных отношений, всего состояния общества от состояния духа самого человека.

Но духовность *сама по себе* не формирует целостную личность. Целостность личность обретает в процессе собственного духовного делания, т. е. освоения и усвоения высших ценностей бытия, абсолютных значений духовности. Это освоение и усвоение предполагает адаптацию содержания духовности к возможностям самой телесности: пониманию, способностям к обобщению, восприятию и т. п. Доведенная до своей крайности (фетишизм, идолопоклонство и т. п.), превращенная в *чистый символ* веры, духовность может способствовать превращению человека в аскета, изгоя, отшельника. Символизация духовности в виде ритуалов, процедур, артефактов может оказаться оторванной от подлинных смыслов – содержательных ее аспектов. Можно согласиться с мнением о том, что «образы обладают всеми характеристиками символов» [9, с. 130]. Но далеко не всякий символ адекватно отражает образ. Радикализм в отношении индивидуума к духовности есть духовная слепота, чем-то напоминающая наркотическое опьянение. Захваченный конкретным духовным фетишем *эмоционально*, индивидуум не *работает со смыслами*, а увлекается формой фетиша. Данная метаморфоза будет свидетельствовать о том, что человек не обрел себя в «этом» мире и пытается компенсировать неполноту своего бытия в «другой» реальности. Эта метаморфоза, на наш взгляд, будет свидетельствовать о неустойчивости и, следовательно, нецелостности человеческого бытия, его нетождественности человеческому существованию. Исследуя понятие «реальности», С. Н. Лобанов полагает, что бытие и реальность суть одно и то же. Но еще задолго до него С. Л. Франк указывал, что реальность есть не что иное, как *единство бытия и истины*: «Реальность как единство бытия и истины, создаваемого и переживаемого

бытия с самым началом сознания или жизни, есть сама непосредственность» [16, с. 286]. В другой работе, рассуждая о «раздоре» между человеком и миром, С. Л. Франк отмечает, что «человек страдает не только от последствий своей греховной воли, но и от разлада между упованиями его сердца и слепым ходом мирового бытия» [17, с. 407].

Но ведь именно «греховная воля», а не «воля к совершенству», и делает ход мирового бытия слепым, а разлад между человеком и миром – реальностью. Отсюда следует, что духовность является основой гармонии между человеком и миром, без которой никакая целостность личности просто не возможна. Но это предполагает формирование в человеке определенной *духовной культуры, как внутренне субординированной иерархии ценностных ориентаций, посредством которой личность достигает равновесия (гармонии) с миром и обретает в нем себя во всей своей полноте.*

Понятие «культура» является фундаментальной общеисторической категорией. Поэтому даже в обыденной жизни смысл и значение феномена культуры часто связывается не только с уровнем развитости, образованности и воспитанности человека, но и с его устремленностью к высшему, абсолютному, к идеалам Добра, Истины и Красоты.

Неисчерпаем и необозрим созданный человеком мир культуры, разнообразны и разнородны формы и средства его проявления. Культура – это не только художественные ценности и научные знания, не только артефакты (книги, произведения искусства, кинофильмы и т. д.), но и институты (библиотеки, музеи, театры и т. д.). Это также и богатство языка, обычаев и традиций социума-этноса. Это также и технический уровень вооруженности труда, качество продукции (культура техники), облик крупных городов и небольших населенных пунктов (культура среды обитания).

Различая материальную и духовную культуру, современная наука, как нам представляется, еще только пытается выработать некую универсальную морфологию культуры. И здесь следует отметить, что особое значение для разработки такой морфологии и глубокого понимания сущности категории «культура» имеет культура человеческих (социальных) отношений, культура нравственная и правовая, экономическая и политическая, эстетическая и экологическая.

Культура (от лат. *cultura* – возделывание, обработка, воспитание) – феномен, рожденный открытостью человеческой природы, развертыванием творческой деятельности человека, направленной на поиск сакрального смысла бытия. В самом толковании смысла данного термина обращает на себя внимание некоторая двойственность этимологии: с одной стороны, под культурой подразумевается вполне земная деятельность человека по возделыванию, обработке неких (природных) ресурсов (благ); с другой стороны, под культурой понимается воспитание (т. е. восприятие, «питание» от чего-то, уже имеющегося, существующего).

И в самом деле, понятие «культура» изначально соотносилось с понятием «культ» и ассоциировалось с культурой чего-то: культурой души, культурой разума, культом богов или предков. Однако представляется проблематичным утверждение о том, что понятие «культ» является производным от понятия «культура» [10, с. 61]. Исследования Дж. Фрэзера, Э. Тайлора, К. Леви-Стросса по вопросам первобытной культуры свидетельствуют о том, что культ и культура формировались и развивались практически одновременно. Поэтому выводить культ из культуры или культуру из культа было бы исторически некорректно. Об этом же свидетельствует и развитие культа и культуры у древних славян. Поклонение различным идолам в пантеоне славянских богов (Даждьбог, Стрибог, Перун, Купало, Ладо, Велес, Переплут и др.) сопровождалось формированием культуры (культуры труда, культуры земледелия и т. п.) [12, с. 9–10]. Признаки, раскрывающие суть языческого культа древних (восточных в том числе) славян – это идолы богов, святилища, кладбища – «поля погребений», курганы и многое другое. Культ отражался и в развитии языка: появлялись такие названия, как «Святая гора», «Лысая гора», «Святое озеро» и пр. Через культуру языка культ формировал и культуру человеческих (социальных) отношений. И не только ее, но и культуру труда, культуру потребления, культуру власти и т. д.

В свою очередь, культура, как система ценностных ориентаций человека, регламентирующая его поведение (деятельность), оказывала воздействие на формы и содержание культа: «волхвы», «чародеи», «ведуны», «потворы» и другие субъекты культовых процедур (ритуалов, обычаев, традиций, празднеств) сыграли свою роль в формировании не только первых древнейших культур на территории нашей страны («черняховская», «зарубинецкая», «скифская», «чернолесская» и т. д.), но и в том, что развитие культов и культур «хронологически плотно смыкалось друг с другом» [11, с. 3–13]. Тем самым, в традициях русского (а шире – всего славянского) мировоззрения понятие «культура» всегда было тесно переплетено со смыслом самого культа и выражало способность человека общаться с высшими, абсолютными силами. Религиозный аспект здесь наиболее очевиден.

Несколько иначе обстояло дело в античном мире. В античном сознании понятие «культура», как правило, отождествлялось с образованностью. Согласно платоновскому подходу к пониманию культуры, под нею понимались способности человека к самосовершенствованию, саморазвитию. Известная идея об *«интелехии»* вообще сводила культуру к чисто интеллектуальной (научной) деятельности. Философами в Древней Греции, как известно, называли мудрецов, ученых, чей интеллект и составлял сущность культуры как таковой. Все остальное население, в соответствии с учением Платона о классовом устройстве общества, считалось некультурным, т. е. не интеллектуальным. Именно поэтому греческий философ

полагал, что управлять государством как раз и должны были именно философы.

В такой интерпретации культуры Платон был далеко не одинок. В Древнем Риме Цицерон так же называл философию – культурой ума, ставя знак равенства между культурой и интеллектом. Тем самым, можно констатировать, что в античном мире понимание культуры было все-таки оторвано от сакрального мышления и оказалось достаточно секуляризованным.

Многообразие трактовок понятия «культура», которые появились в эпоху Средневековья и Нового времени, свидетельствует о том, что соотношение между «культом», «духовным началом» и «культурой» (ценностно-детерминированной деятельностью человека) всегда оставалось в центре внимания человека. Там и тогда, где увеличивался разрыв между этими аспектами (сторонами) явления, возникали социальные конфликты и возрастала нестабильность общества; там и тогда, где происходило сближение и синтез этих аспектов (сторон) явления, возрастала социальная стабильность и эффективность социального взаимодействия в обществе.

Религиозно-философский взгляд на культуру, конечно же, не является единственным и тем более универсальным. Но он связан *в первую очередь* с анализом ее сущности, происхождения, природы, тогда как все остальные, имеющиеся в науке подходы, *в большей степени* обращены на изучение структуры, функций культуры, ее места и роли в жизни общества. Тем самым, религиозно-философский подход *существенно* предваряет и дополняет все другие подходы к исследованию культуры и способствует более глубокому освоению и усвоению понятия «духовность». И здесь во всей своей полноте встает проблема различий между культурой и цивилизацией, которая прослеживается по их отношению именно к духовной цели человеческой жизни.

Существует мнение о тождественности понятий «духовность» и «религиозность». В соответствии с этим утверждается, что «культура – религиозна, цивилизация – атеистична. Культура органична в противовес механистичности цивилизации. В культуре выражается целостность душевно-духовного опыта личности, цивилизация воплощает в себе рационалистическое начало в человеке. Культура иерархична и аристократична и создается „духовной аристократией“ человечества, индивидуальностями. Цивилизация не любит индивидуальное, цивилизация обращена к массе. Цели культуры – за ее собственными пределами. Она – „предпоследнее“ в этом мире, она символизирует иные миры. Цивилизация – „последнее“ в мире, сама себе цель, она ничего не символизирует, потому что не знает иных миров» [4, с. 31].

Несмотря на полноту и убедительность этих рассуждений, с ними все-таки нельзя согласиться в полной мере. Противопоставление религи-

озного и светского подходов к постижению «духовности» является, на наш взгляд, искусственным. И дело здесь не в отношении человека к религии (вере). На наш взгляд, нельзя объявлять религиозность единственным основанием духовности как таковой. Ведь еще русский религиозный философ И. А. Ильин писал о том, что «дух – это, во всяком случае, лишь те *душевные состояния* (выделено нами – *авт.*), в которых человек живет своими главными силами и глубокими слоями, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра или на общение с высшей сущностью, – словом, на то, что *объективно значительно* в душе» [6, с. 457].

Обращает на себя внимание то, что И. А. Ильин в объяснении смысла духовного употребляет союз «или» и что «или» именно союз. Отсюда следует, что противопоставлять религиозное и светское толкование духовности бессмысленно потому, что в предельной своей полноте духовность есть именно синтез (*сизигия* по П. А. Флоренскому) веры и разума, интеллекта и совести, Любви, Красоты и Добра. А «предстоять» высшему, верховному есть жизненное дело не только священнослужителя, но и художника, и ученого, т. е. любого культурного человека [6, с. 455].

Понятие «культура» позволяет осознать, что обнаруженное в человеке и обществе не может быть сведено лишь к природному порядку или божественному началу. Мир культуры – это мир человека, от начала и до конца создаваемый самим человеком, определяемый его способностями и творческими возможностями. Для того, чтобы создавать (творить) культуру и жить в ее пространстве (аксиологическом поле культуры), человек должен обрести дар творить (т. е. свое ключевое субъектное свойство). А это связано с выходом самого человека за пределы его «видовой (природной) программы», за границы своих собственных инстинктов и рефлексов, за рамки органической (биологической, физиологической, психологической) предопределенности своего вида.

И здесь важно иметь в виду, что не всякая деятельность порождает культуру, а только та ее часть, которая обращена к абсолютным ценностям человеческого бытия. Можно, с определенной долей условности, называть такую обращенность религиозностью, но нельзя фетишизировать саму религиозность как таковую. Не случайно еще П. А. Флоренский, в высшей степени религиозный философ и мыслитель, отмечал, что культ есть лишь *один из видов* различных культурных деятельностей. Он, в частности, писал: «Культ постигается *сверху* вниз, а не снизу вверх... Снизу вверх рассматриваемый культ есть некоторая деятельность человека, именно вид *культурной* деятельности, существующий наряду с другими... Чтобы сопоставить культ с другими культурными деятельностями, надо сопоставить его орудия с орудиями других деятельностей...» [14, с. 343–344].

И далее, философ вводит критерий культурной деятельности – творчество, созидание, строительство. И далее: «Ближайшим примером такой деятельности можно представить *художественное творчество*. В нем соединяется *практическая сторона – воплощение* разумом своих замыслов, с теоретической деятельностью – осмысливанием деятельности» [14, с. 348]. Иначе говоря, надо «ведать, что творишь». В этом «ведании», т. е. понимании, осмыслении, ответственном отношении и состоит конструктивное начало самой деятельности, обращенной к абсолютным ценностям бытия. Тогда как сама по себе такая обращенность деятельности вовсе не тождественна религиозности. Не случайно поэтому другой религиозный философ С. Франк утверждал, что «со своей стороны религия рассматривает «Абсолют» как опасного и пагубного конкурента истинной идеи Бога, потому что, как полагают (священнослужители – *авт.*), Абсолютное подменяет личного Бога безличными средствами, делая невозможной молитву, веру в откровение и надмирность Бога» [15, с. 380].

Беспочвенность таких утверждений (со стороны отдельных священнослужителей) становится очевидной при непосредственном общении человека с Красотой – одним из абсолютных конструктов нашего бытия. Когда у альпиниста, поднявшегося на гору, захватывает дух от открывшейся панорамы, он обращается к Богу с возгласом: «Боже, какая красота!». Когда у больного обнаруживается опасная болезнь, он также обращается к Богу с молитвой: «Господи, спаси и сохрани!». Эти и многочисленные другие примеры *типичного* отношения человека к абсолютным ценностям его бытия в условиях экстремальности убеждают в том, что Абсолютное, *во-первых*, не тождественно религиозному, а, *во-вторых*, не мешает человеку (в условиях «обезличности» Бога) творить молитву или быть откровенным.

Мы привели аргументы религиозных философов в пользу того, что сама по себе культура не исчерпывается религиозностью и не тождественна ей, равно как и духовность не тождественна религиозности и не сводится к литургии и т. д. *Литургия* как сакральный процесс приобщения человеческой души к *абсолютному совершенству* проходит именно через душу. Переживая душевно значения и ценности абсолютного совершенства, человек не просто приобщается к ним, но и созидает их. И здесь правомерно выделить секулярный аспект духовности – превращение (метаморфоза) значений и ценностей абсолютного совершенства в самом человеке (формирование его идеалов) и посредством его деятельности в результаты этой деятельности – артефакты. Отсюда следует, что понятие духовной культуры много шире и содержательнее понятия религиозной культуры, хотя, с точки зрения религиозных философов, «святыни – это первичное творчество человека; культурные ценности – это производные культа, как бы отслаивающаяся шелуха культа, подобно сухой коже лукавичного растения» [14, с. 365].

Конечно, газовую камеру или электрический стул никак не отнесешь к разряду культуры. Можно также вспомнить, что комендант Освенцима, большой любитель музыки и сам – изрядный музыкант, посылавший тысячи людей в газовую камеру, никак не может быть отнесен к категории культурных людей. И дело здесь не в религиозности или отсутствии таковой. С именем Бога на устах когда-то крестоносцы сжигали города и села, а несколько позже религиозные фанатики вешали своих же сограждан на деревьях. Но без Бога творилось еще большее беззаконие. И не важно, какого рода была инквизиция – классового или религиозного, жертвами ее становились миллионы людей, а результатом – не созидание, а разрушение самой жизни – высшей ценности христианского общества. Заповедь о необходимости «возлюбить ближнего как самого себя» девальвировалась крайностями радикализма до уровня безответственности.

И здесь необходимо подчеркнуть, что все дело в понимании, осмыслении того, что делает человек *как человек*; все дело в ответственности самого человека как перед Абсолютом (Богом), так и перед самим собой, и перед другими людьми. Именно фактор ответственности, как внутренней, так и внешней, как нравственной, так и социальной, как административной, так и уголовной, делает человеческую деятельность культурной деятельностью. Быть ответственным за результаты своей деятельности – значит поступать адекватно, эквивалентно, так, как того требует «золотое правило» этики и нравственный императив, сформулированный И. Кантом, или принцип эквивалентного обмена результатами своей деятельности, сформулированный еще Аристотелем. И, в связи с этим, необходимо подчеркнуть, что духовная культура – это не просто культурная деятельность, *обращенная* к высшим, предельным, абсолютным ценностям бытия, а деятельность, *наполненная* духом ответственности, солидарности, сопричастности, сопереживания, совести. Одной обращенности, как известно, бывает мало для реализации замысла: благими намерениями часто мститися путь в ад. А вот конкретная *наполненность* деятельности переводит ее из интенционального состояния в состояние актуальное, из *должного* в *сущее*, действительное. Интериоризация замысла в деятельности позволяет выявить степень одухотворенности самой личности человека как субъекта культуротворения.

Отметим наиболее характерные черты культуры. Культура как человеческое творение надстраивается над природой. В чем-то ее прерастает и даже превосходит. Но природа была и остается источником, исходным материалом человеческой жизнедеятельности, как материальной (хозяйственной, производственной и т. д.), так и духовной (интеллектуальной, религиозной и т. д.). В таком своем качестве культура выступает связующим звеном между природой и обществом. В самом общем виде культуру часто определяют как «вторую» природу, мир рукотворных (человеческих) созданий. Но известно, что человек есть не только природное, но

и социальное существо. Иными словами, человек есть, *помимо всего прочего*, результат развития социальных отношений, совокупность этих отношений. В связи с этим возникает закономерный вопрос: если природа остается исходным материалом для культурной деятельности человека, то чем же для этой деятельности выступает социальная среда, социальные отношения?

Думается, что здесь необходимо провести определенную коррекцию употребляемых дефиниций. Природа отнюдь не является исходным материалом для культурной деятельности человека. Исходным материалом для этой деятельности являются *природные ресурсы*. При этом, *природная среда* является *условием* для культурной деятельности людей, поскольку вне природной среды сам человек существовать не может. Что же касается *социальной среды*, то она является только *условием* для культурной деятельности человека, поскольку представлять социальную среду как *исходный материал* для культурной деятельности человека означало бы девальвировать природу самого человека. Иначе говоря, социальная среда есть не источник, а условие культурной деятельности. И здесь встает еще один интересный вопрос: а что является источником духовной культуры человека? На этот вопрос вполне убедительно ответил еще Ф. М. Достоевский, который утверждал, что «красота спасет мир». Именно красота самой природы является фундаментом духовной культуры. Поэтому умозрительные религиозные конструкции следует, на наш взгляд, рассматривать исключительно как рефлексию нашего мышления (сознания) на красоту мира. Ведь ясно же, что именно абсолютная красота порождает любовь, а любовь – добро. Эта триада абсолютных ценностных приоритетов в системе человеческой деятельности не может существовать внесоциально: она сугубо социальна и, вместе с тем, производна от природного начала в самом человеке. Тем самым, культурная деятельность все-таки формируется и развивается *снизу вверх*, от природы – к духовности, а никак не сверху вниз, как полагал П. А. Флоренский. Ведь духовность, лишенная природного основания, есть фантом нашего сознания. И такой фантом не имеет ничего общего ни с культурой вообще, ни с духовной и социальной культурой в частности.

Вместе с тем, вопрос о соотношении духовной и социальной культуры не так прост, как кажется на первый взгляд. Сегодня в науке имеются различные теоретико-методологические подходы, рассматривающие культуру с разных точек зрения: как творчество и особую сферу деятельности; как сумму человеческих достижений; как многообразие и самобытность и т. д. Порой утверждается, что культура всегда имеет социальный характер, поскольку вне социальной среды и вне социальных отношений она существовать не может. Но как-то не поворачивается язык назвать проявлениями социальной культуры ни культурную революцию в нашей стране, развернувшуюся в 1920-е годы, ни сексуальную револю-

цию, охватившую западные страны в 1970-е годы. Скорее, это были проявления антисоциального или, на худой случай, асоциального характера. Сексуальная распущенность оказалась столь же далека от ценностей подлинно культурного общества, как и эмансипация женщин, которых в советское время уравнивали в правах с мужчинами, определили на вредное производство и благополучно об этом забыли.

Рассматривать культуру исключительно в качестве социального феномена (Б. С. Ерасов) или антропологического феномена (Н. И. Глазунова) безотносительно к «истории духа» больше нельзя. Прошедшие с момента развала СССР годы свидетельствуют о существенных духовно-нравственных трансформациях в российском обществе и значительном воздействии таких трансформаций на сам характер человеческой деятельности. И здесь философия культуры может должна быть дополнена историей культуры, поскольку философско-исторический подход к культуре как раз и заключается в том, чтобы раскрыть механизмы зарождения, развития и совершенствования различных видов культурной деятельности.

Видимо, в человеческом существе есть некие качества, которые отрицают (отвергают) животность в самом человеке и обеспечивают движение человека от стадности в историческое пространство, от животности, через социальность, к высшей духовности. Не случайно поэтому уже в эпоху Просвещения (не будем здесь говорить о культе индивидуального) термин «культура» использовался в качестве центральной категории философии истории, понимаемой как «история духа», т. е. суть духовного развития человека (Аделунг, Гердер, Кант и др.). Именно в эпоху Просвещения слово «культура» становится не просто синонимом интеллектуального, нравственного, эстетического развития человека, но и истолковывается как «второе рождение» человека. Собственно говоря, так и возник *деятельностный* подход к исследованию культуры, которая стала рассматриваться как результат всей человеческой деятельности. Когда же исследователи осознали, что далеко не всякая деятельность созидает культуру, они снова обратились к религиозности и сакральности.

Даже, казалось бы, в сугубо прикладных вопросах современные исследователи вновь и вновь обращаются к религиозности и пытаются духовное содержание культуры свести к сакральным аспектам. Чего, например, стоит заявление о том, что «не всякая деятельность порождает культуру, а только та ее часть, которая носит сакральный характер» [10, с. 62]. Получается, что всем атеистам из числа наших сограждан такие авторы одним махом просто отказывают в способности к культурной деятельности, а, по большому счету, в культуре как таковой. Но такая социальная «сегрегация» не имеет ничего общего с наукой: вместо религиозности, в качестве критерия культуротворения нужно брать другие ориентиры: совершенствование и ответственность. И тогда все встает на свои места. Если деятельность человека действительно ведет к улучшению объекта

и предмета его деятельности и если сам человек ответственно относится к своей деятельности, тогда он творит культуру ничуть не меньше (а, может быть, даже в большей степени), чем аскет или церковный иерарх. Попытки же противопоставления секулярного и сакрального подходов к пониманию культуры в целом, а духовности в частности, следует признать ненаучными.

Культура, в общем и целом, может быть определена как социально значимая творческая (духовная и материальная) деятельность людей, включающая в себя как *предметные* (материально-вещественные) результаты такой деятельности (машины, сооружения, технологии и пр.), так и *институциональные* результаты такой деятельности (правила, нормы, традиции, законы и пр.), а также человеческие силы и способности, являющиеся условием такой деятельности (знания, навыки, умения, креативные и инновационные способности и пр.). Культура, по нашему убеждению, является системой связи и единства природного, духовного и социального в человеке. Кроме того, культура – это система связи между прошлым, настоящим и будущим, это основа накопленного человеком многообразного (в первую очередь – духовного!) опыта, который оформлен в традиции и представлен во всех сферах культурной деятельности людей.

И, в этой связи, уместно вспомнить слова И. А. Ильина о том, что «судьба каждого отдельного человека, целых поколений и национальных культур зависит от того, живут ли люди духовным опытом, умеют ли они его ценить, развивать и творчески пользоваться его источниками... Весь современный кризис, переживаемый человечеством, объясняется тем, что человечество вот уже в течение нескольких поколений пренебрегало источниками этого опыта и отвыкло, отучилось пользоваться ими. Только духовный опыт может открыть человеку, что такое истинное знание... Пренебрегающий духовным опытом теряет доступ ко всему этому... он как бы сам залепляет себе духовные очи и предается слепоте и пошлости» [5, с. 109]. Обращая с горечью внимание на то, что «люди нового времени изошрились в изучении материальной природы и в технических изобретениях и незаметно оказались в состоянии детской беспомощности в вопросах *духовного опыта, духовной очевидности и духовных умений*», русский философ полагал, что «преодолеть этот кризис можно только одним способом: *вернуться к этим благородным и чистым источникам духовного опыта, пробудить их и творчески зажечь ими*» [5, с. 109–110].

Обратим внимание на то, что И. А. Ильин рассматривает духовность и духовный опыт как *источник* развития всей культуры. Это тем более важно и интересно, что многие исследователи творчества И. А. Ильина видят в его суждениях исключительно созерцательную направленность, а не деятельностный характер. Хотя сам тезис «о сопротивлении злу силой» уже предполагает именно деятельностный подход к пониманию культуры.

Очевидно, что культура *охватывает* собой практически все стороны жизни общества и человека. Она предстает как процесс воспроизводства человека во всем богатстве его сущностных сил и способностей, как жизненное пространство и проявление свободы и творчества, как выражение универсальности и, вместе с тем, уникальности самого человека. Культура в ее социальной оформленности и опредмеченности (социальная культура) понимается нами как порождаемое людьми содержание общественной жизни. При таком многомерном и многозначном понимании культуры в нее включаются:

объекты и предметы, создаваемые людьми в виде разнообразных артефактов материального, социального и духовного назначения; различные теории, художественные образы, обыденные представления и т. д.;

природные объекты, включенные в хозяйственно-экономическую и социальную жизнь людей (пашни, сенокосы, парки, заповедники, водохозяйственные сооружения, звероводческие хозяйства и т. д.);

способы деятельности и поведения людей, содержание и формы различных типов социокультурных коммуникаций и общественного взаимодействия (знания, навыки, нормативные представления, общественное разделение труда, социальные институты, общественные объединения и т. д.).

В таком *расширительном* толковании культура рассматривается как всеобщая социальность: она как бы сливается с обществом, растворяется в нем. Но следует учитывать, что это – лишь методологический прием для исследования культуры как явления не только духовной, но и социальной реальности.

Мир культуры как *многомерное* явление предполагает и такое сугубо общественное, социальное восприятие культуры, в соответствии с которым она может быть рассмотрена как общественное явление в совокупности своих духовных, материальных и социальных ценностей, способов и форм их осуществления, использования и дальнейшего совершенствования. Такой подход к культуре вовсе не отрицает значимость духовной культуры как таковой, как основы социальной культуры в целом. Больше того, такой пример характеризует понимание *ранга* культуры, масштаб и уровень творческих сил человека, меру становления в нем собственно человеческого, возможности его свободы.

И, тем не менее, понятие «культура» нельзя свести к понятиям «общество» и «человек». Дело в том, что культура представляет собой определенный атрибут человека и общества, их определенную характеристику, определенное свойство, специфический срез их функционирования. «Культуру, общество и человека можно представить в виде определенных подсистем, которые как бы наслаиваются друг на друга, переходят друг в друга, пронизывают друг друга и, при этом, могут быть вычленены лишь в результате абстрагирования от двух других» [8, с. 46].

При всем многообразии определений понятия «культура», сложившихся в современной науке, большинство из них фиксирует ее (культуры) сущностные свойства, характерные принципы и черты. И тем самым эти определения выражают специфический способ производства (воспроизводства), сохранения, трансляции и освоения ее (культуры) ценностей, смыслов, символов, образцов и норм жизнедеятельности людей в системе общественных институтов, в структуре межлических (как межлических, так и социальных) взаимоотношений и во взаимодействии человека и природы.

Важным при этом представляется сохранение и восстановление изначального, подлинного и глубинного смысла культуры как возвращения, культивирования подлинно человеческого в человеке, подлинно прекрасного в мире, подлинно истинного и ценного в мироздании. В системе воспитания, образования, производства и распределения такой подход к объективно верным, подлинно правильным, сущностно значимым смыслам бытия есть квинтэссенция культуры, ее внутренняя интенциональная определенность и качественная предметность. Ведь культура как атрибут личности и общества в той мере соответствует им, в какой содержание культуры соответствует объективным интересам людей, понимаемым не как субъективные потребности, а как императивы человеческого бытия.

Для иллюстрации данного тезиса обратимся к понятиям «потребность» и «интерес». Под *потребностями* современная наука подразумевает *субъективную* необходимость человека в определенных благах (ценностях) культуры. Будь то культура материальная или духовная, любые ее достижения рассматриваются как блага в той мере, в какой они соответствуют субъективным потребностям самого человека. Это – сугубо порочный подход, ставший основой для формирования потребительской психологии и общества потребителей. Иное дело – *интерес*, который представляет собой *объективную* необходимость человека в каких-либо достижениях культуры. Интерес не сводится к потреблению, он гораздо шире и по смыслу, и по содержанию. Интерес включает и мотив развития самой природной среды, и самого человека, и, что важно, самой культуры. Уход от практики потребительства предполагает отказ от ориентации в культурной деятельности людей на удовлетворение *потребностей* и переход в культурной деятельности человека и общества на реализацию подлинных, объективных *интересов*.

И здесь крайне важно понимать различия между понятиями «потребности» и «интересы». Именно ориентация на объективные интересы человека не просто объективирует культуру, но превращает ее в систему абсолютных ценностей, в систему подлинно верных координат человеческой жизнедеятельности. При всех многообразных значениях культуры именно такой подход к ее пониманию и развитию обеспечивает подлинную ее востребованность, ее конструктивную определенность и объектив-

но верную предназначенность. Сущностное понимание культуры как возделывания и улучшения тех ценностей-благ, которые служат объективным интересам, а не субъективным потребностям человека, позволяет синтезировать культуру и культ, сакральное и секулярное, освящать обыденное и поднимать повседневное до статуса святости. Клерикализм в данном вопросе будет иррациональным именно потому, что почитание устремленности человеческого духа на совершенное окажется не только и не столько функцией самой Церкви, сколько функцией каждого культурного человека. Монополия на духовность разрушается не потому, что разрушается культура, а потому, что вся культура, взятая в целом, впитывает в себя эту самую нацеленность на совершенное, на прекрасное, на лучшее.

Тем самым, вся культура обретает признак духовности в той степени, в какой она ориентируется и реализует замыслы совершенства. Живая субстанция культуры – продуктивно-творческие способности человека – обуславливают сам процесс устремленности человечества к совершенству. Из потустороннего замысла о райском (совершенном) бытии именно культура ориентирует человека на реализацию этого замысла в мире. Духовная культура призывает нас к совершенствованию мира и самих себя здесь и сейчас. Ибо, как написано в Екклесиасте, пока ты не умер, «что руке твоей по силам делать – делай». И в этом одухотворенном призыве состоит истинный смысл духовной культуры человека и человечества.

Библиографический список

1. *Богданов А. А.* Вопросы социализма : работы разных лет. М. : Наука, 1990.
2. *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. М. : Наука, 1989.
3. *Генкин Б. М.* Экономика и социология труда. М. : Норма, 2006.
4. *Ермичев А. А.* Основные мотивы русской философии конца XIX – начала XX века // Русская философия: конец XIX – начало XX века. Антология / под ред. Б. В. Емельянова, А. А. Ермичева. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993.
5. *Ильин И. А.* Путь к очевидности. М. : Эксмо-Пресс, 1993.
6. *Ильин И. А.* Философия как духовное делание // Русская философия: конец XIX – начало XX века. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993.
7. *Иоанн митроп.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб, 1994.
8. *Коган Л. Н.* Философия культуры. СПб., 1996.
9. *Лангер С.* Философия в новом ключе : [пер. с англ.]. М.: Республика, 2000.
10. *Митин А. Н.* Культура управления персоналом. Екатеринбург : Уралвнешторгиздат, 2001.
11. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М. : Наука, 1988.
12. *Стожожо К. П.* История русской экономической мысли. Екатеринбург : [Урал. гос. ун-т], 2008.
13. *Флеровский В. В.* Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В. В. Сочинения : [в 2 т.]. М., 1958. Т. 1.
14. *Флоренский П. А.* Разум и диалектика // Русская философия : конец XIX – начало XX века. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993.
15. *Франк С. Л.* Абсолютное // Русская философия : конец XIX – начало XX века. Антология. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993.

16. Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.
17. Франк С. Л. С нами Бог. М. : АСТ, 2003.
18. Янжул И. И. Экономическое значение честности : забытый фактор производства // Янжул И. И. Избр. тр. М. : Наука, 2005.

В. П. Леднев

Конвергенция «народного капитализма» и социализма как основа современной национальной безопасности

Аннотация. В статье сформулирована гипотеза о возможности конвергенции основных идей социализма и «народного капитализма» как условия укрепления национальной безопасности страны. Показаны просчеты и ошибки современного либерализма в перестройке политической и социально-экономической системы в России на рубеже XX–XXI веков.

Ключевые слова: социализм, капитализм, народный капитализм, либерализм, демократия, перестройка.

В настоящее время в России периодически появляются статьи и книги, в которых авторы говорят о необходимости разработки национальной идеи, мобилизационных проектов, которые бы позволили определить стратегию социально-политического и экономического развития России, преодоления перманентного кризисного состояния олигархического капитализма и мировой деградации. Стратегическая неясность остро поставила вопрос о необходимости создания принципиально новой идеологии, которая бы позволила найти свое место в мире, государстве, семье, личности и стране в целом.

Хотелось бы подчеркнуть при этом, что мы полностью разделяем идеи Изборского клуба и положения Российского национального мобилизационного проекта, подготовленного академиком РАН, известным экономистом С. Ю. Глазьевым, директором Института проблем глобализации, доктором экономических наук, профессором М. Г. Делягиным и директором Центра русских исследований А. И. Фурсовым, представленного в их книге «Стратегия большого рывка».

Члены Изборского клуба и авторы Российского мобилизационного проекта сделали справедливый вывод о том, что либеральный проект ведет Россию к катастрофе. В своей статье мы делаем попытку доказать, что начинать реализацию этого мобилизационного проекта следует с превращения олигархического капитализма в народный, о чем писали еще дореволюционные экономисты. Среди них: С. Ф. Шарапов (1855–1911), И. Х. Озеров (1869–1942), А. П. Игнатъев (1842–1906), В. А. Кокорев (1817–1889), Д. И. Менделеев (1834–1907), А. Д. Нечволодов (1864–1938).

Нельзя не заметить того, что в настоящее время многие средства информации и социологи справедливо отмечают массовое недовольство олигархическим капитализмом и олигархатом. Своевременно и остро ставится вопрос о том, что больше нельзя терпеть дикое социальное расслое-

ние в обществе, ежегодный отток за границу сотен миллиардов долларов, которые вывозятся в иностранные банки, где они работают на чужую экономику, порой враждебную России. Так, если в 2013 г. из России было вывезено 61 млрд дол., то в 2014 г. – 151, 5 млрд дол. То есть отток увеличился в 2,5 раза. И это несмотря на некоторые ограничения в 2014 г. Социальное неравенство в России достигло своего предела. По данным журнала «Форбс», в 2013 г. совокупный доход первых 25 высокооплачиваемых топ-менеджеров России составляет 325 млн дол. Обладатели первых пяти позиций являются руководителями корпораций, связанных с государством. Между тем, минимальная зарплата на территории России составляла в 2013 г. – 5 544 р. в месяц, а прожиточный минимум – 7 372 р. Вполне естественно, что рано или поздно эта грубейшая разница в оплате труда выльется в тяжелейший социально-политический конфликт, а возможно и новую не нужную революцию.

Здесь следует вспомнить, что рабочие, крестьяне, часть интеллигенции России пошли за Лениным и его соратниками-авантюристами по аналогичным причинам. Царь и его бюрократы не хотели, да и не сумели повернуться лицом к народу. Российская монархия точно также не реагировала своевременно на идею народного капитализма, которая высказывалась многократно славянофилами, народниками, в том числе такими выдающимися русскими мыслителями, как П. Лавров, В. Воронцов, Л. Тихомиров, А. Хомяков, И. Аксаков, К. Аксаков, И. Киреевский, Ю. Самарин, М. Катков, С. Ф. Шарапов, И. Х. Озеров, которых марксисты – ленинисты безосновательно «выкинули» из истории общественной мысли России. Важно отметить при этом, что в отличие от современников-радикалов, не все из них отрицали самодержавие. Они пытались его усовершенствовать, реформировать, но царь и его бюрократы никак не реагировали на идеи народного капитализма или, с ограниченным дворянским «зазнайством», считали носителей этих идей людьми, оторванными от реальности. В справедливости этих идей они, в том числе и царь, убедились только тогда, когда троцкисты – ленинисты стали их безжалостно ставить к стенке. Рабочие, крестьяне и карьеристски настроенная, малограмотная интеллигенция пошли за Лениным и его соратниками-авантюристами. Они дошли до мифических идей защиты мировой революции, классовой борьбы, диктатуры пролетариата и пролетарского интернационализма. Потребовалось 70 лет, чтобы их внуки и правнуки убедились в сущности их деяний и лживости теоретического обоснования.

Беда состоит в том, что нынешние псевдо-либералы пока тоже не могут понять, что в России уже теперь созрела точно такая же революционная ситуация, которая объективно подготовлена сторонниками олигархата. То социальное неравенство, о котором говорилось выше, достигло того предела, за которым неминуемо должны последовать такие поступки высшей власти, которые пока еще могут снять это опасное во всех отно-

нениях социальное напряжение. По данным «Левада – центра», 67% опрошенных в 2014 г. граждан не верят в совпадение интересов власти и общества. При этом 60% полагают, что власть либо обманывает народ, либо имеет принципиально иные интересы [6, с. 3]. Об этом же свидетельствует и явка населения к избирательным урнам на выборах всех уровней. Дело дошло до того, что в некоторых областях и краях принимают участие в голосовании 20–30% избирателей, но власть считает выборы состоявшимися, а себя объявляет легитимной.

О какой либеральной, народной экономике можно говорить, когда крупный олигархический бизнес создал невыносимый монополизм, беспощадно пожирающий средний и малый бизнес. По данным генерального директора Совета по национальной стратегии, он «душится безудержными чиновничьими поборами». Он убедительно свидетельствует, что в США доля малого бизнеса и ВВП – более 50%, в странах АТЭС – около 60%, а в России – только 13% [5, с. 2].

По всем демократическим меркам нынешний олигархический капитализм себя изжил, так как он неэффективен, а торжество олигархов – не что иное, как пир во время чумы. Русский и другие народы России не приняли чиновничье-олигархический капитализм и его псевдо-элиту, воспитанную на чуждых идеалах и чужой, грабительской философии жизни. В стране нет механизма ответственности за результат. Иначе, почему мы увозим из России деньги в США и размещаем их под 2–4%, а кредиты получаем под 8%, т. е. платим за свое неумение рационально использовать собственные деньги. Позорным является и подоходный налог с населения. Мы повторяем все то, что было у нас в стране в конце XIX – начале XX века. Потребности олигархов выходят за пределы разумного. Они компрометируют демократию, власть Президента, Совета Федерации, Государственной Думы, всей представительной власти в стране.

Никакой привлекательной демократии коррумпированная власть предложить не сможет. Произошло полное сращивание власти и капитала, а реформы не дают так необходимых результатов. Весь народ хорошо знает о несопоставимости роста цен и «повышениях» заработной платы. Нам снова требуется справедливая экономика и справедливое государство, тем более в Конституции объявили его социальным. В отличие от дореволюционных (1917 г.) купцов, нынешние олигархи не имеют той любви к человеку, даже России, которую демонстрировали Морозовы, Мамонтовы, Рябушинские, Поляковы, Коньшины, Третьяковы, Строгановы, Демидовы, Яковлевы, Лугинины и т. д. Они не везли капитал за границу, не предавали тем самым свой народ и страну. Нынешние же «скоробогачи» за период 1990–2010 гг. из России только в офшоры вывезли 800 млрд дол. [2, с. 17]. Страна уверенно идет к банкократии и становится частью мировой финансовой пирамиды.

Все выше отмеченные народники, славянофилы и часть социалистов имели отличное друг от друга понимание будущего России, но их мысли в сумме составляли национальную идею, которую не улавливали царь и царедворцы. Поэтому некоторые из них выступали за свержение самодержавия, другие ратовали за социальную или политическую революцию, третьи были противниками общинного землевладения, четвертые отрицали возможность развития капитализма в России, пятые призывали к социализму и т. д.

Но всех их объединяло чувство подлинно народного патриотизма, служение России, поиск справедливого общественного устройства, в котором были бы заинтересованы все граждане. Для них на первом месте, в отличие от «гайдаро-бурбулистов», стояли нравственность, честь и достоинство правящего слоя, справедливое распределение материальных благ, достигнутых всеми сословиями страны. Все их прогнозы будущего строились на этой духовной основе, а не грабеже народа и рассовывании национального богатства по своим карманам.

Разработанные ими проекты были пропитаны нравственностью и честью, как составными частями их менталитета и национального мышления. Популярный теперь С. Ф. Шарапов (1855–1911), осознав последствия развития капитализма в России в конце XIX – начале XX века, предложил свою альтернативную модель народного капитализма. В своем проекте он на первое место поставил первичную ячейку общества, т. е. семью, крестьянское или рабочее хозяйство. Чтобы обуздать монополистов, он предложил изменить всю финансово-кредитную систему. Он своевременно понял, что введение золотой валюты пагубно тем, что она лишила крестьян и всех земледельцев оборотного капитала. Для ликвидации этого недостатка он предложил ввести бумажные деньги, запасные капиталы, государственные банки, казенные монополии в ряде отраслей экономики, регулируемый государством валютный курс рубля. При наличии бумажных денег всегда можно самому прибегнуть к эмиссии, а после возвращения кредита изъять бумажные деньги из обращения.

С. Ф. Шарапов выделял три главные функции государственной денежной системы: 1) функция счетчика народного труда; 2) «организатора и направителя» народного труда; 3) функция защитника государства от соседей-конкурентов и хищной бюрократии. Он был противником реформ С. Ю. Витте в денежном обращении, называя его разорителем. Наперекор Витте, он создал научную систему денежного обращения, в основу которой было положено нравственное начало. В отличие от нынешних псевдолибералов, грозящихся «на мелкие кусочки разорвать» Ф. М. Достоевского, в 1907 г. С. Ф. Шарапов издал книгу «Россия будущего», в которой есть раздел «Самодержавие и самоуправление», где, по словам Л. А. Тихомирова, есть подтверждение всевластия и порочности отечественной

бюрократической системы. Он одним из первых в тогдашней России понял, что в стране стала царить религия денег и устанавливается извне денежная спекулятивная цивилизация, которая, по мнению известного современного экономиста В. Ю. Катасонова, накидывает «золотой ошейник человечеству». Он справедливо отмечал, что высшая власть изменила своей истории и народу. Отсюда шло его отрицательное отношение к уничтожению общины П. А. Столыпиным, хотя он справедливо считал его более государственным человеком, чем С. Ю. Витте.

Другим автором народного капитализма в России, он называл его «культурным капитализмом», был Иван Христофорович Озеров (1869–1942), известный в то время русский экономист, доктор экономических наук, профессор Московского и Санкт-Петербургского университетов, член Государственного Совета России от Академии наук и университетов. Любопытно то, что И. Х. Озерова не оценили царские мудрецы и не принял В. И. Ленин. В одном из писем И. Сталину он называл его и его единомышленников врагами а как «великий интернационалист» призвал: «Всех их вон из России».

И. Х. Озеров является автором примерно 100 книг. Особенно популярной была его книга «Что такое общество потребителей? Как его основать и вести», которая была удостоена Золотой медали Всемирной выставки в Париже (1896) и премии Московского университета. Известными в России стали его сочинения «Фабричные комитеты и коллективный договор» (1902), «Нужды рабочего класса в России» (1905), «Как расходуются в России народные деньги» (1907), «Исповедь человека на рубеже XX века» (под псевдонимом Ихоров) (1904), «Разгром нашей экономической жизни» (Пг., 1917), «Развитие общечеловеческой солидарности» (1902), «Горные заводы Урала» (1907), «На новый путь к экономическому освобождению России» (1914). Он был одним из главных разработчиков идеи народного, «культурного капитализма» в России. Даже В. Ленин, видевший в нем своего врага, признавал, что И. Х. Озеров был противником монополизма, сторонником усиления общественного контроля в экономике, особенно в крупных промышленных, торговых и банковских корпорациях.

Его симпатии всегда были на стороне малого и среднего бизнеса, личной инициативы и кооперации. Он уже тогда критиковал противостояние олигархического, малого и среднего бизнеса. Именно олигархический капитализм беспощадно эксплуатирует всех граждан, диктует им потребительскую психологию и философию жизни. Это он порождает «прихватизацию», вывоз капитала за границу, дикое социальное расслоение, примитивную налоговую и пенсионную системы. Наша беда состоит в том, что об этом в начале перестройки ничего не знали М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, да и их советники. «Гайдари-бурбулисты» «уперлись» в рынок, как панацею от всех пороков современного общества. Они не поняли, а возможно и не предполагали, не хотели знать, что олигархический капи-

тализм доведет Россию до нищеты, кризисов, неустойчивости экономики, зависимого управления, неконтролируемой коррупции, огромнейшего социального расслоения, небывалого оттока капитала за границу, эксплуатации со стороны резервной финансовой системы США. Российский вице-премьер Дворкович считает даже, что «Россия должна платить за финансовую стабильность США» [1, с. 8].

И. Х. Озеров как в воду смотрел, отмечая нерациональность и антипатриотичность хранения денег за границей, хищническое использование национальных богатств, коррупцию чиновничества. Он много писал и пропагандировал кооперацию, призывал к постоянному совершенствованию налоговой системы, отрицал спекуляцию, многократно призывал к созданию более совершенной финансовой системы страны.

Все положительные достижения ранее отвергнутых русских мыслителей должны быть непременно учтены и скорректированы с учетом современного понимания народности капитализма. Он должен вобрать все положительное и из советского социализма. В нем было много ценного, особенно в плане распределения материальных благ, воспитания детей и духовности граждан. Нынешний народный капитализм должен быть конвергируемым, объединяющим все положительное, достигнутое в странах традиционного капитализма, других социально-политических укладов и новейших тенденций современного мира. Это касается видов собственности, методов организации промышленного и сельскохозяйственного производства, распределения материальных благ, лучших налоговых и пенсионных систем, внутреннего и внешнего инвестирования и т. д. Национальная идея современного народного капитализма – полный разрыв с олигархическим, отрицание сверхбогатства за счет грабежа народов, мошенничества в ходе приватизации и национализации. Это позволит, наконец, уйти от дикого, несправедливого социального расслоения, коррупции чиновничества, изматывающего бюрократического управления, игнорирования трудящихся бюджетной сферы.

Власть государства при народном капитализме должна распространяться на формирование заработной платы, в соответствии с редукцией труда, отменой права начальников на определение размера зарплаты самим себе, должна взять под контроль процесс ценообразования, уровень налогообложения и установку тарифов. Народный капитализм предполагает участие органов местного управления в формировании бюджета страны, размера отчислений Центру, распределения бюджетных ассигнований по отраслям, пропорциональность отчислений автономных республик, краев и областей.

Народный капитализм в многонациональном государстве предполагает наличие единой государственной идеологии, которая объединяет интересы большинства народа, всех больших и малых наций, интересы высшей, областной, краевой, республиканской и местной власти. Трудность

формирования современной, общенациональной идеи состоит в том, что псевдолиберальная власть, представляющая интересы крупного капитала, объективно не способна достичь социальной гармонии. Она настолько расколола интересы олигархата и остальных социальных слоев и народов, входящих в федерацию, что добиться гармонии властей она просто не в состоянии. Для этого она должна уйти от олигархического капитализма, прекратить вывоз из России капитала, возратить ранее вывезенные денежные средства и ценные бумаги, привлечь к уголовной ответственности виновных, во многом поменять аппарат управления в центре и на местах, критически пересмотреть сложившуюся финансовую систему, вывести ее из под контроля Резервной финансовой системы США. Нынешних управленцев никак нельзя признать элитой, ибо олигархи оценивают людей не по совести, качеству интеллекта, а по уровню доходов. Это противоречит всем традициям русской культуры и нравственности, что проявляется во всеобщем презрении к олигархам. Поскольку именно они вывозят капитал за границу, то их обвиняют в предательстве интересов России. Для них Россия является только местом больших заработков, местом эксплуатации граждан и недр.

Что касается типа государства, то с народным капитализмом больше других гармонирует корпоративное государство, которое имеет капиталистические и социалистические черты. Следует отметить, что корпоративное государство в Японии эффективно функционирует уже 1500 лет. В 1930-е годы корпоративный строй существовал в Испании и Португалии. В настоящее время корпоративными государствами стали Китай, Тайвань, Сингапур, Малайзия, Швеция, Куба, некоторые страны Европейского Союза. Мы согласны с точкой зрения на корпоративное государство доктора экономических наук В. А. Персианова, который первым предложил заменить олигархическую государственность на корпоративную. Он прав в том, что и в СССР существовало корпоративное государство, но оно базировалось на марксистской идее враждебности классов. Мы же предлагаем положить в основу идею содружества сословий, классов, наций, работающих в одном трудовом коллективе на благо хозяев, наемных работников и государства. Национальное государство при этом является высшей ценностью для всех людей, живущих в стране. В СССР власть принадлежала номенклатуре, которая отрицала частную собственность. Мы же на первое место ставим частную и личную собственность, в которых заинтересованы человек, семья, корпорация и государство.

Созданное ельцинистами олигархическое государство не оправдало себя в том, что в реальной жизни олигархи всегда стояли, и будут стоять на позициях нардофобии, безжалостной эксплуатации людей и естественных ресурсов России. Вся их экономическая практика, особенно вывоз капитала за границу в столь трудное для страны время, отрицание справедливого подоходного налога, свидетельствуют об отсутствии у них

подлинного понимания чести, достоинства, демократии и патриотизма. Философия их жизни не совпадает с интересами большинства граждан страны. В основе их мировоззрения лежат совершенно отличные от всех людей ценности. Известный специалист в области новейшей истории России, профессор В. Д. Соловей, обобщая опыт жизни современных олигархов и близких к ним бюрократов, еще в 2008 г. предупреждал, что «есть серьезные основания полагать, что наша элита в социальном отношении не вполне относится к человеческому роду <...> Внешне это, безусловно, люди <...> Но вот по социальному поведению, по своей глубинной (даже не осознаваемой ими самими) мотивации они уже перестали быть людьми» [8, с. 444–474].

Если кто-то сомневается в обоснованности им этой правды о нашей псевдо-элите, то прочитайте его аргументацию в указанной книге. Тем более, что он не одинок в этой мысли. Уж слишком много зверского было в ходе приватизации и появлении скоробогачей. Это было глубоко девиантное поведение с предательством народа, безжалостным его ограблением и даже уничтожением себе подобных.

Вполне естественно, что мы помним о неудачном использовании корпоративной государственности в Италии, Германии и СССР. Зная об этом, вполне можно преодолеть недостатки того отрицательного опыта. Кроме того, всем известно, что там господствовала диктатура, которую мы решительно отрицаем. На первое место мы ставим социальную солидарность, нравственность, честь и достоинство, т. е. высшие критерии измерения элиты, о чем «гайдаро-бурбулисты» думали мало. Их личный менталитет не гармонировал с русской культурой, этикой, традиционной духовностью. В ходе приватизации они совсем не случайно разочаровали абсолютное большинство граждан России. В таком случае, чтобы быстрее исправить допущенные ошибки, народный капитализм и корпоративное государство должны стать настоящей национальной идеей, которая станет первым этапом безотлагательного мобилизационного проекта, форсированным формированием идеологии Общего дела и современного Общественного Договора.

Нашу точку зрения подтверждают и социологические исследования. По данным известного социолога Л. Бызова, который сообщил, что в ходе исследования институтом социологии РАН проблемы «Русская мечта», проведенного в 2014 г., опрашиваемым был задан вопрос: «Какой социально-политический строй в наибольшей степени подходит для России?». Выяснилось, что за рыночный капитализм высказались лишь 20% опрошенных, за социализм, который был в СССР, – 16%, а большинство, чуть более половины, высказались за строй, который бы совмещал в себе рыночные и социалистические отношения. Очень сильно убеждает и опыт Китая, да и многих других стран, которые давно используют лучшие черты капитализма и социализма.

В заключение отметим, что как в России, так и за рубежом начинают появляться авторы, которые используют понятие «государственно-олигархический капитализм». Нам этот термин представляется не очень удачным, а главное, не имеющим исторической перспективы. Олигархат не пользуется популярностью в научных кругах и у большинства населения мира. Одним из первых его употребил профессор финансов Школы бизнеса им. Бута при Чикагском университете Р. Г. Раджан [7, с. 412]. В 2003–2006 гг. он был главным экономистом МВФ. В России первым его использовал доктор экономических наук, профессор Н. А. Кричевский [4, с. 320; 3, с. 215], активный сторонник создания социально-планового рыночного хозяйства, экономики «с российским лицом», что видно по его последним работам. Хотя он и озаглавил так одну из глав в своей только что опубликованной монографии, но по всему ее содержанию чувствуется, что это получилось у него случайно.

Библиографический список

1. *Завтра*. 2015. № 4.
2. *Катасонов В. Ю.* Золотой лохотрон. Новый мировой порядок как финансовая пирамида. М. : Алгоритм, 2013.
3. *Кричевский Н. А.* Россия: сквозь санкции к процветанию! М. : Дашков и К°, 2015.
4. *Кричевский Н. А.* Экономика во лжи. М. : Эксмо, 2014.
5. *Литературная газета*. 2014. № 06(6449). 12–18 февр.
6. *Литературная газета*. 2014. № 07(6450). 19–25 февр.
7. *Раджан Р. Г.* Линии разлома: скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013.
8. *Соловей В. Д.* Кровь и почва русской истории. М. : Русский мир, 2008.

А. И. Матвеева

Культура и социализация: к вопросу о природе массового героизма в период войны

Аннотация. В статье поставлена проблема развития духовной социализации в современном российском обществе на основе традиционной русской культуры и ее фундаментальных ценностей. Показана роль духовного единства и традиционной культуры в формировании массового героизма советских людей в военное время.

Ключевые слова: духовная социализация, культура, духовность, патриотизм, героизм, традиция.

Массовый героизм советского народа является одним из важнейших факторов Победы нашей страны в Великой Отечественной войне. И это – общепризнанный факт. Однако этот исторический и духовный феномен до сих пор остается полностью не исследованным. В прошлые десятилетия он получал свое освещение исходя из идеологических соображений. В массе публикаций утверждалось, что его основой было единство партии и народа, что именно Коммунистическая партия и ее идеология стали главными основаниями массового трудового и боевого героизма. При

этом миллионы беспартийных граждан, которые не были коммунистами или даже не разделяли коммунистическую идеологию, также проявляли героизм и отвагу на фронтах войны и в тылу. Но они как бы «выпадали» из «общего явления», а их подвиги оставались часто в тени.

В действительности, отнюдь не коммунистическая идеология стала основой массового героизма советского народа, а его любовь к своей Отчизне, к Родине. Известно, что идеология, как и правительства, приходит и уходит, а вот Родина остается. Утратив ее единожды, почти невозможно вернуть ее снова. И хотя такие случаи в мировой истории все-таки бывали (как, например, произошло с оккупированными фашистами странами Европы), но это, скорее, исключения из правил, чем сами правила. Что же касается массового героизма, то ни партизанская война в Югославии, ни маки во Франции не могут быть поставлены в один ряд с тем удивительным и великим героизмом советских людей, благодаря которому черная чума фашизма была уничтожена.

Именно любовь к Родине стала основанием формирования духовного единства советских людей, удивительных исторических феноменов в истории нашей страны – «советского народа», «советской культуры». Эти феномены обладали важнейшими признаками единства и целостности. «Советский народ», будучи многонациональным, доказал и показал свое единство именно в условиях военных испытаний. «Советская культура», как духовный стержень существования советского народа, также оказалась в военный период нашей истории фактором победы, обеспечив духовное единение (духовную социализацию) советских граждан. Сегодня само слово «советский» стыдливо замалчивается многими современными либеральными историками, хотя этимология этого слова имеет большое значение для понимания феномена трудового героизма. Слово «советский» означает «советоваться», «действовать сообща», «общее дело». И Победа над фашизмом действительно стала «общим делом», результатом общих действий нашего народа, а не заслугой партийного или государственного руководства.

Обратимся к вопросу о духовной культуре нашего народа и ее особенностям в военное время. Духовная культура по своим конкретным формам исторична, т. е. меняется и должна меняться для того, чтобы органично определять содержание и динамику социального взаимодействия, а через него – самого социального творчества.

Духовная культура может быть представлена тремя модусами духовного:

1) объективированным духом, охватывающим все вневременное, идеальное, сверхисторичное;

2) объективным духом, являющимся носителем истории в строгом первичном смысле; и относящимся, как и первый модус, к явлению внеиндивидуализированного духовного;

3) личностным духовным, которое индивидуализировано и которое только и может любить и ненавидеть, нести ответственность, вину, заслугу, иметь сознание, волю, самосознание.

Противоречие, возникающее порой между духовной культурой и социальными технологиями такого взаимодействия и творчества, – свидетельство догматического отношения со стороны отдельных субъектов социального творчества к содержанию и структуре в самой духовной культуре. Выход из подобных противоречий заключается в правильном структурировании и выборе иерархии собственных ценностных ориентаций (приоритетов) личности. Ценности высшего порядка (абсолютные ценности) должны быть и в поведении любого человека социальными его регуляторами.

Термин *регулятор* (лат. *regula* – правило, *regular* – приводить, налаживать) выражает процесс упорядочивания, настройки некоего фрагмента универсума, обозначает нечто, что задает характер его процессуальности. Система ценностных ориентаций, ее структура и иерархия как раз и должны выступать таким социальным регулятором. К несчастью, это происходит далеко не всегда. Люди, например, знают правила дорожного движения, но часто их нарушают. То же самое происходит порой и с требованиями (техникой) противопожарной, санитарно-эпидемиологической, экологической безопасности, когда люди бездумно или осмысленно идут на их нарушение и создают для себя и для окружающих дополнительные опасности, угрозы и риски.

Модусы духовного бытия, выделенные Н. Гартманом, позволили нам установить общую структуру системы ценностных ориентаций личности как ядра личностной духовной культуры. Мы пришли к выводу, что система ценностных ориентаций субъекта духовной социализации представляет собой модус личностно духовного, в котором находят свое отражение и модус объективированного духа (абсолютные ценности), и модус объективного духа (ценности группового бытия).

Определить характер становления духовной социализации личности возможно через оценку ее духовной культуры (системы ценностных ориентаций субъекта духовной социализации) по степени проявления в личностно духовном модусе – модуса объективированного духа (абсолютные ценности) и модуса объективного духа (ценности группового бытия – ценности народа, нации и т. п.). А также – по производительности духовного труда личности. Такая «духовная производительность» является показателем активности человека, направленной на воплощение его ценностей, и проявляется в социальной ответственности).

Создание каждой личностью своего социокультурного регулятора как раз и иллюстрирует тот факт, что в основе социального творчества человека находится именно культура. Ведь, строго говоря, выработка некоей моральной нормы и ее превращение в социальный регулятор – это и есть

культивирование. Если такими регуляторами становятся Вера, Надежда, Любовь, Красота, Истина, Честь, Совесть, Доброта – то социальное творчество получает общесоциальную и общую духовную основу, минимизирующую возникновение конфликтов между участниками социального взаимодействия – субъектами социального творчества. Знаменитая фраза о том, что «красота спасет мир», получает в этом смысле свое вполне практическое наполнение: для восприятия и сохранения Красоты необходимо научиться грамотно (оптимально) структурировать свои ценностные (культурные) ориентации. Подобно тому, как мы структурируем наше питание (диеты) или рабочее время (график), наши доходы и расходы (бюджет, смета), мы обязаны для достижения наилучших результатов в своей деятельности и формирования эффективного социального творчества структурировать собственные ценностные установки. Когда, например, представители церкви начинают заниматься бизнесом, то вспоминается известный евангельский постулат о том, что нельзя одновременно служить Богу и мамоне. Но что мы наблюдаем в современных условиях? В католических костелах, например, для привлечения молодой паствы уже десятилетиями устраивают рок-концерты и ночные клубы [3, с. 326]. При православных храмах и церквях – торговые ярмарки и платные аттракционы. Аналогично обстоит ситуация и с чиновниками, которым вроде бы запрещено одновременно сочетать государственную службу и занятия бизнесом. Но разве это требование выполняется?

Причиной такой аберрации ценностных ориентаций личности является неструктурированность (аморфность) и объективно неверная иерархия ее ценностных ориентаций, которые в силу такой деформации просто перестают выполнять регулируемую роль. Следствием этого является отсутствие или крайне низкий уровень социальной ответственности личности, ее неспособность к четкому духовно-нравственному самоопределению, диверсифицированность ее самодеятельности.

Именно социокультурный регулятор лежит в основе всех внешних социально-институциональных регуляторов, которые отражают уже формальную сторону социального творчества. В качестве примеров таких внешних социально-институциональных регуляторов назовем религиозные запреты, правовые нормы, обычаи и традиции, да хотя бы расписание движения поездов или административные предписания. Ясно, что все они действуют в той мере, в какой сама личность культурна, освоила и усвоила подлинные (в первую очередь, абсолютные) ценности культуры. Личность, освоившая и усвоившая в процессе своей духовной практики высшие ценности духовной культуры и правильно их структурировавшая в своем сознании и поведении, становится самоопределившейся, социально ответственной личностью, способной к успешной самодеятельности и нормотворчеству. Ведь она уже осуществила это нормотворчество внутри себя и для себя, выбрав определенные ценности духовной культуры

как регуляторы своего поведения. И наоборот, чем более бескультурна личность, чем меньше она внимания уделяет своему собственному «духовному делу», тем более она социально безответственна и не способна к самоопределению, самодеятельности и нормотворчеству, тем более она удобна для внешнего манипулирования. Только духовная культура делает человека подлинным субъектом социального творчества и наполняет социальное взаимодействие между людьми высшими ценностями самой культуры.

Придание статуса главного (основного) регулятора нашего поведения, нашей деятельности именно духовной культуре, ее высшим (абсолютным) ценностям, позволяет раскрыть специфику социокультурной динамики и всей социальной жизни личности на разных этапах ее развития. *Первым* этапом развития культурной личности как субъекта социального творчества является этап предварительного знакомства с ценностями культуры. Здесь личность лишь *осваивает* (узнает, знакомится, изучает) ценности, которые уже сложились до нее. В рамках первого этапа социокультурного генезиса личности субъекта социального творчества вопрос о формировании практических способностей к такому творчеству не стоит. Здесь требуются лишь внимание и заинтересованность, желание и любопытство, послушание и дисциплина. Маленький ребенок не осуществляет полноценного самоопределения потому, что еще не может этого сделать; он не отвечает в полной мере (и не должен отвечать) за свои поступки просто потому, что уровень его сознания и культуры еще достаточно низкий.

Однако за первым этапом генезиса личности будущих субъектов социального творчества следует *второй* этап, который можно было бы обозначить как этап усвоения (восприятия, понимания, признания, принятия) тех ценностных установок и норм, которые сложились раньше. На этом этапе решается крайне сложная задача превращения полученных ранее знаний – в убеждения, информации – в установки, ценностных ориентиров – в регуляторы поведения человека.

Далее следует *третий* этап развития субъектов социального творчества, который связан уже с *переработкой* (творческим переосмыслением и *креативным* усовершенствованием, обновлением) прежних ценностей культуры и переходом человека к культуротворению (созиданию) новых и более совершенных ценностей культуры. Конечно, это не касается высших (абсолютных) ценностей духовной культуры, которые потому и считаются высшими, что они совершенны. Но существуют и другие уровни ценностей в структуре духовной и материальной культуры, которые человеку еще только предстоит улучшить. Этот этап – самый сложный в генезисе субъектов социального творчества именно потому, что он связан с переходом от *простого* труда к *сложному*, от репродуктивной деятельности – к собственно творческой деятельности. И от того, насколько спо-

собна личность дорости (врасти) до (в) само творчество, как специфическую форму улучшения и обновления самой себя и окружающего ее мира, зависят степень (мера) эффективности и качество всей ее будущей деятельности как таковой.

Как справедливо указывает В. Н. Финогентов, «регулятор – понятие большой общности, применимое к миру неживой природы, к миру жизни, к социальным системам и процессам». Но буквально несколькими строками ниже он заявляет: «К сожалению, применительно к социальным регуляторам возможны не только мысленная их отмена, но и реальное их разрушение» [4, с. 111]. Но почему, собственно, к *сожалению*? То, что мы не можем отменить дождь или наоборот, вызвать его, когда это необходимо – это действительно к *сожалению*. Но если культура способна создать новое, то почему надо сожалеть о реальном разрушении устаревшего регулятора поведения личности? Тогда было бы бессмысленным всякое творческое развитие ценностей самой культуры, и личность никогда бы не доросла до третьего (творческого) этапа в своем генезисе. Тогда человек не смог бы проявить свою подлинную субъектность и стать реальным субъектом социального творчества; он просто обрел бы себя на репродуктивное бытие.

Другое дело, что разрушать (верифицировать, отказываться, заменять и т. д.) надо с умом: можно организовать некий «духовно-нравственный» вакуум «на месте» бывшего регулятора; а можно его спокойно убрать из личностного и общественного сознания, заменив новой, более совершенной установкой. «Убирать» также можно по-разному: не только путем мысленной временной отмены, но и реального (окончательного) уничтожения. Игнорировать, забывать и не принимать в расчет – это мыслительные формы отмены прежних регуляторов социального поведения. Запреты, наказания (санкции) – это вполне физические формы такой отмены. И сожалеть о том, что приходится использовать порой именно реальные (физические) формы отмены (разрушения) социальных регуляторов поведения человека – это примерно то же самое, что пенять на плохую погоду самой же погоде.

В. Н. Финогентов прав в том плане, что мыслительная отмена часто все-таки предпочтительнее физической (реальной), поскольку обращена не на тело, а на дух, душу, сознание личности. Мы бы добавили, что для *реального* социального творчества личности свойственны именно *мыслительные* формы отмены старых регуляторов, а для *формального* социального творчества – *физические* формы такой отмены. Как говорится, выпороть ремнем не трудно, даст ли, однако, такая порка хоть что-то для развития субъектных свойств и способностей пострадавшему. Будет ли такое физическое обновление регуляторов способствовать развитию системы социального взаимодействия между тем, *кого* наказали и тем, *кто* наказал? Или это породит озлобленность, скрытую или явную ненависть

и полную обструкцию? И здесь следует вспомнить слова из Св. Писания: «В начале было Слово. И это Слово было Бог».

Мыслительные (идеальные) формы верификации устаревающих социальных регуляторов позволяют, на наш взгляд, все-таки более успешно формировать и развивать субъектные способности личности к социальному творчеству. Не случайно же большинство психологов утверждает, что физически наказывать ребенка нельзя. Здесь необходимо понимать, что гораздо более продуктивным будет формирование в процессе социального взаимодействия (родителей и детей, учителей и воспитателей и их учеников, администрации предприятия и его работников, органов власти и граждан страны и т. п.) не системы формальных (*физических*) санкций (наказаний), а нормальной *прикладной этики*. Рассматривая такую прикладную этику как нормативно-ценностную подсистему, В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов, например, связывают процесс ее разработки прежде всего необходимостью конкретизации морали. Они пишут: «Из какого же духовного материала «лепятся» нормативно-ценностные подсистемы? Например, профессиональная мораль? Чаще всего авторы... представляют дело таким образом, что с незапамятных времен существовала некая, *уже сложившаяся*, «общественная мораль»... Так ли это?» [1, с. 41]. И далее указанные авторы с этим не соглашаются, полагая, что «в таких представлениях дает о себе знать инертное, не отрефлексированное должным образом понимание и общества, и самой морали» [1, с. 42].

Идея о том, что воздействие культуры на социальное поведение людей развивается в сторону конкретизации этики, формирования прикладной этики или, пользуясь словами П. Сингера, «практической этики», представляется нам вполне обоснованной и заслуживает поддержки. Но этим трендом не исчерпывается вся социокультурная динамика феномена социального творчества личности. Куда более важным и проблемным представляется такой тренд, как интеграция и интернационализация самих культур, а через это универсализация и унификация наших представлений о самой сущности социального творчества. Спор сторонников общечеловеческих ценностей со сторонниками традиционализма ведется уже давно: но аргументы «за» и «против» такой интернационализации есть у каждой из сторон. Тем не менее, в условиях глобализации национальных экономик, политической интеграции и конвергенции национальных культур было бы наивным просто отмахиваться от этого проявления социокультурной динамики в контексте изучения феномена социального творчества.

Конечно, выявлением этапов в генезисе данного феномена и его внутренних и внешних трендов развития сама проблема анализа его социокультурной динамики далеко не исчерпывается. Но можно, думается, вполне уверенно обозначить определенные закономерности в процессе развития способностей личности к социальному творчеству.

Первой закономерностью такого процесса как процесса развития не только поведения человека, но и самой его сущности, является преумножение и возвышение его сущностных сил, а, значит, его субъектных свойств; это преумножение и возвышение включают не только *количественный* рост таких свойств, но, прежде всего, *качественное* их совершенствование.

Второй закономерностью развития способности личности к социальному творчеству является опережающее развитие таких ее способностей, которые служат основным источником общественного (человеческого) богатства; среди таких способностей первостепенное значение приобретают способности к труду и самоуправлению, благодаря которым осуществляется духовное (а не только материально-вещное) воспроизводство и создание новых ценностей культуры.

Третьей закономерностью процесса развития способностей личности к социальному творчеству является нелинейный, достаточно противоречивый, порой скачкообразный или даже циклический характер данного процесса, что связано с противоречивым влиянием на личность факторов внешней (социальной, природной и информационной) среды; алгоритм процесса развития данного феномена обусловлен широким спектром и диапазоном возможностей и препятствий, которые обнаруживаются на пути к реальному социальному творчеству.

Четвертой закономерностью данного процесса может быть названо все более растущее влияние информации на его содержание и динамику; поскольку современный человек живет в условиях *информационного общества*, то следует иметь в виду тот факт, что он получает все чаще и чаще образовательные (воспитательные) импульсы не от самой системы образования (школ, библиотек, вузов и т. п.), а от средств массовых коммуникаций (от СМИ). Поэтому он (человек) часто как бы остается на поверхности явлений и не прилагает умственных усилий для системного и критического усвоения необходимого для успешного социального творчества объема знаний [2, с. 45]. Это – тревожный момент, который требует серьезной коррекции деятельности всех СМИ, равно как и личного отношения каждого человека к тому, что и как они делают. А это означает необходимость разобраться во всей аксиологии современных социокультурных коммуникаций и провести серьезную ревизию тех установок и регуляторов, которые внушаются через них нашим согражданам. Механизмы и способы такой ревизии – вопрос отдельный и в большей мере технический. Но известно, что «весь дьявол – в деталях».

Итак, подлинный онтогенез духовности осуществляется посредством духовной деятельности, духовного производства. В этом смысле именно *деятельностный* (а не атрибутивный, символически-интеракционистский, социологический или даже структурно-функциональный) подход к анализу духовной культуры является наиболее адекватным в контексте выявления

ния подлинной *роли* духовной деятельности в процессе социализации личности. Развитие духовной деятельности неразрывно связано с мировоззренческой функцией максим культуры. Максимумы культуры (от лат. *maxima regula* – высшее правило) – это регуляторы социального поведения личности, определяющие и конкретно-исторические формы, и системы социального взаимодействия.

Регулятивный характер максим культуры зависит от их ранга. Универсальные максимумы духовной культуры, сформулированные на основе высших ценностей человеческого бытия, по определению имеют созидательный характер. Однако, ценности более низкого (конъюнктурного и цивилизованного) уровня могут вступать в противоречие с высшими (абсолютными) ценностями человеческого бытия и приобретать разрушающий характер. Это становится наиболее очевидным в условиях либо культурного застоя, либо культурной инверсии, когда вместо диалога культур наблюдаются ревайвализм (фундаментализм) и экспансия.

Библиографический список

1. Бакитановский В. И., Согомонов Ю. В. Этика и этос воспитания : [науч.-публ. монография]. Тюмень : НИИ прикладной этики; Центр прикладной этики, 2002.
2. Моль А. Социодинамика культуры : [пер. с фр.]. М. : Прогресс, 1973.
3. Рашкова Р. Ватикан и современная культура. М. : Политиздат, 1989.
4. Финогентов В. Н. Онтологический статус и методологическое значение понятия «социальный регулятор» // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии. Альманах / под ред. В. И. Кашперского. Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 1999.

А. Г. Михайлов

Хлестаков из «Цепелина»: история несостоявшегося покушения

Аннотация. Материал посвящен одному из интересных, но малоизвестных фактов военного времени – попытке организации покушения на И. В. Сталина. В научно-публицистической и даже художественной форме раскрываются малоизвестные обстоятельства этого эпизода прошлых лет.

Ключевые слова: разведка, контрразведка, покушение, оперативная разработка, вербовка, агентурная связь.

1944 г. Военное счастье отвернулось от Германии. Удары, которые были нанесены ей один за другим в течение 1943–1944 гг.: капитуляция армий под Сталинградом, поражение африканской армии в Тунисе, высадка союзных войск в Сицилии, падение Муссолини и его арест, капитуляция Италии и, наконец, вторжение во Францию, – повергли Гитлера и его ближайшее окружение в растерянность, близкую к шоку.

Летняя резиденция рейхсминистра иностранных дел Иоахима Риббентропа в замке Фушель (Австрия). Сюда срочно вызван шеф германской разведки Вальтер Шелленберг.

«Я был полон мрачных предчувствий, – вспоминал в своих мемуарах Шелленберг, – я ничего не слышал о нем (Риббентропе) в течение несколь-

ких месяцев и был почти уверен, что он вынашивает очередной план, который решит все проблемы и поможет выиграть войну одним ударом».

В отличие от прежних встреч, Риббентроп принял Шелленберга весьма приветливо, поинтересовался, как идет работа, и подчеркнул, насколько важным для него стало управление, которым руководил Шелленберг.

После этого разговор пошел о задачах секретных служб в США, где должны состояться президентские выборы, и интерес немцев состоял в том, чтобы препятствовать избранию Рузвельта. Когда эта тема была исчерпана, и шеф разведки готовился покинуть кабинет, Риббентроп встал и, подойдя к собеседнику, с очень серьезным видом потянул его в угол.

– Одну минуточку, Шелленберг. Мне нужно поговорить с вами об очень важном деле. Необходима строжайшая секретность. Никто, кроме фюрера, Бормана и Гимmlера, об этом не знает. – Остановив на Шелленберге пристальный взгляд, он продолжил: – Нужно убраться Сталина.

Риббентроп объяснил, что режим в СССР держится на способностях и искусстве одного человека, и этим человеком является Сталин.

– В личной беседе с фюрером, – продолжал он, – я сказал, что готов пожертвовать собой ради Германии. Будет организована конференция, в работе которой примет участие Сталин. На этой конференции я должен убить его.

– Один? – спросил Шелленберг.

Из воспоминаний Шелленберга:

«Риббентроп резко повернулся ко мне.

– Фюрер сказал, что одному этого не сделать. Он просил назвать человека, который сможет помочь мне. – Риббентроп пристально посмотрел на меня и добавил: – Я назвал вас.

Риббентроп сказал также, что Гитлер приказал ему обсудить этот вопрос со мной с глазу на глаз, и выразил уверенность, что я найду практический способ выполнения этого плана.

– Теперь вы понимаете, – закончил Риббентроп, – зачем я вас вызвал...

Я считал, что план Риббентропа, мягко выражаясь, результат его нервного и умственного переутомления. Однако обстановка была неподходящей, чтобы возражать, и, кроме того, я понимал, что каждое сказанное мною слово сейчас же будет передано Гитлеру. Наконец мне показалось, что я нашел выход из тупика, в котором оказался... Я предложил, чтобы он прежде создал необходимые условия для осуществления плана и добился согласия Сталина участвовать в работе конференции. Если же ему это удастся, я буду готов поддержать его словом и делом.

– Я еще подумаю над планом, – сказал Риббентроп, – поговорю с Гитлером...

Больше о своем плане он мне не напоминал.

Мне как-то пришлось говорить с Гиммлером об этом. После обсуждений с Гитлером, Гиммлер предложил свой план, очень напоминавший план Риббентропа. В соответствии с ним, наши специалисты изготовили мину для убийства Сталина. Мина размером с кулак имела вид кома грязи. Она должна была быть прикреплена к машине Сталина. Мина имела запал, управляющийся с помощью коротковолнового передатчика, и была настолько мощной, что когда при испытании мы взорвали ее, то от нашей машины почти ничего не осталось...

Двое бывших военнослужащих Красной Армии, находившиеся до войны в ссылке в Сибири, взялись выполнить это задание (один из них был знаком с механиком из гаража Сталина). Ночью на большом транспортном самолете они были доставлены к тому месту, где, по сообщению, переданному нашими агентами, находилась ставка Сталина. Они спрыгнули с парашютом и, насколько мы могли установить, точно приземлились в указанном месте. Однако это было последнее, что мы о них слышали...».

К блиндажу командира полка командир пулеметной роты старший лейтенант Таврин подходил в приподнятом настроении. Ласково пригрело майское солнце. Безоблачное небо слепило глаза яркой голубизной. Вокруг стояла непривычная тишина.

Таврин на мгновение остановился, вслушиваясь в эту тишину и вдыхая аромат набухших березовых почек. Только сейчас он по-настоящему осознал, а точнее почувствовал присутствие весны. Побуждаемый каким-то, давно забытым, чувством, он прикоснулся ладонью к стволу ближайшего к нему дерева. Кора была прохладной и липкой. Посмотрев вверх, Таврин заметил торчащий из коры небольшой осколок снаряда. Отсюда, из нанесенной березе ранки, сочился розоватый сок. Не удержавшись, Таврин попробовал его на вкус. Сок был и сладким, и горьковатым одновременно...

Около блиндажа уже собрались несколько знакомых Таврину офицеров. Смолили, у кого что было, в основном, махорку, и оживленно переговаривались. Причина сбора всем была известна – поступили награды за предыдущие бои.

– Время «Ч», – сказал кто-то.

Сделали еще по одной затяжке, поправили ремни. Командир полка всегда был точен.

Однако в этот раз приглашать их в блиндаж не спешили.

Наконец появился комиссар.

– Награждение, товарищи командиры, откладывается. Дивизионное начальство решило сделать это в более торжественной обстановке. На нашем участке пока относительно спокойно, так что случай, надо полагать, скоро представится. А сейчас прошу разойтись и заняться своими обязанностями.

На опушке Таврина нагнал оперуполномоченный особого отдела капитан Васильев. Пошли рядом.

– Жаль, что комдив переиграл с награждением, скажи? – Не то спросил, не то посочувствовал Васильев.

– Ничего, потерпим. Награда найдет героя, – отшутился Таврин.

– Само собой. Только я уже на «наркомовские» губы раскатал, – рассмеялся Васильев.

Помолчали немного. А дальше произошло то, что не только изменило беззаботное настроение Таврина, но и перевернуло всю его дальнейшую жизнь.

– Послушай, Петро, – обратился к нему Васильев. – Там почта пришла. По-моему, и тебе письмо есть. Вот только адресовано оно почему-то Шило-Таврину. Ты что, двойной фамилией обзавелся?

Как Таврин не споткнулся при этих словах, он потом и сам понять не мог. Но в душе так екнуло, таким жаром обдало, как если бы рядом мина разорвалась.

– Что еще за письмо, откуда? – автоматически спросил он, выигрывая время.

– Тыловое. Из родных твоих краев, надо думать...

– Ладно, доставят письмо, посмотрим, кому в голову пришло нагородить такое. А вообще, странно...

– Вот и я говорю – странно, – пожал плечами Васильев. На том они и расстались.

Причин, которые заставили Таврина встревожиться, было более чем достаточно. Не Таврин, а Шило была его настоящая фамилия. Шило Петр Иванович. 1909 года рождения. Сын сапожника-кустаря. Украинец. Уроженец села Бобрин Нежинского района Черниговской области. До 1930 г. батрачил у местных кулаков, а после того, как власть тех поприжала, уехал в Нежин, где устроился в отдел труда, который занимался вербовкой рабочей силы для строительства промышленных предприятий. В качестве уполномоченного этого отдела был послан в Глуховский район Черниговской области. Там проиграл в карты 5 тыс. казенных денег. Попытался скрыться, но в Саратове был арестован.

Однако сиденье в камере не входило в его планы. Взломав вместе с находившимися с ним уголовниками кирпичную стену тюремной бани, Шило бежал.

Скрывался в Иркутске, потом в Воронежской области, у жены, которая работала учительницей в тихой станице. Однажды в их хате случился пожар. Шило воспользовался этим, чтобы выправить себе новые документы. Обжег верх своего паспорта и получил новый на фамилию своей жены. Стал Гаврин. Под этой фамилией устроился на учебу в Воронежский юридический институт. После окончания первого курса был принят на должность старшего следователя в Воронежскую прокуратуру. Через год

самовольно оставил работу, уехал в Киев, где был арестован, обвинен по ст. 111 УК РСФСР и этапирован в Воронеж. Убежал и из воронежской тюрьмы. Теперь его временным убежищем стали Ташкент, потом Уфа. В 1940 г., подправив в паспорте первую букву фамилии Г на Т, и таким образом став уже Тавриным, уехал в Свердловск. Устроился на работу в трест Урал-золото, откуда 14 июля 1941 г. и был призван в Красную Армию.

Попав на фронт, отличился в боях, за что был награжден орденом и представлен ко второму. Казалось, это был шанс забыть прошлое, начать писать биографию с чистого листа...

И вдруг этот разговор с капитаном Васильевым. Он, как заноза, застрелял в мозгу Таврина. Если контрразведка обратила внимание на письмо, то станет копать, полагал он. И чем черт не шутит, докопается. А это ничего доброго ему не сулит. Что делать?

Решение подсказал случай.

Вскоре Таврин с двумя бойцами был послан в разведку. Дожидаясь подходящего момента, разведчики затаились в ложине вблизи немецких позиций. И тут Таврину приспичило. Сказав бойцам, что оставит их ненадолго по нужде, он укрылся в чаще кустов. И надо же такому случиться, там, в траве на глаза ему попался лист бумаги. Оказалось, что это немецкая листовка с призывом к красноармейцам сдаваться в плен, и припиской, что листовка является пропуском для тех, кто решит ею воспользоваться.

«Это судьба!» – и Таврин, крепко зажав листовку в кулаке, резво пополз к опушке леса, где находились немецкие блиндажи. Это произошло 30 мая 1942 г. под Ржевом.

У немцев Таврин сразу же заручился справкой о том, что на сторону германской армии он перешел добровольно, и изъявил готовность отвечать на все вопросы.

Разумеется, он не собирался распространяться на счет своего уголовного прошлого.

Будучи сыном сапожника, немцам он говорит, что его отец – полковник царской армии, и поэтому, дескать, он, Петр Шило, постоянно преследовался органами советской власти. Чтобы набить себе цену, рассказывает небылицы о положении советских войск на том участке, где воевал. Врал самозабвенно, не задумываясь о последствиях. Чем выше уровень допросов, тем шире был размах вранья. Слушая его, немцы только покачивают головой. Наконец, офицер, осуществлявший опрос, не выдерживает. Он расстилает перед Тавриным карту.

– Вот данные вчерашнего дня нашей авиаразведки. Они не подтверждают такого числа советских войск в местах, которые вы назвали. Разрешите вас спросить: чему же верить?

«После этого, – показывал позже уже советским следователям Таврин, – меня больше никуда не вызывали, и ни о чем больше не спрашивали».

Это по военным вопросам. Но ведь Таврин выдавал себя еще и за инженера-геолога, который стоял у истоков строительства Магнитогорского мартеновского завода, разведывал запасы горы Магнитной.

«И вот однажды, – рассказывал Таврин, – майор, который меня допрашивал, велел мне подробно описать мартеновский завод, сделать на листе ватмана его эскиз, а также изобразить разрез горы Магнитной. Вот тут-то я и подзадумался...

Художничал три дня, писал и рисовал, что в голову пришло. Майор посмотрел мою писанину и спрашивает: „А где же рудодробильная фабрика?“ Я же и понятия не имел, что есть такая. Хотел возразить майору, что, мол, нет такой фабрики на Магнитогорском заводе, но майор только рукой махнул... Что касается горы Магнитной, то по моим расчетам, общий баланс выражался в миллиардах тонн руды, в то время как у майора в его справочнике значилось всего в десятках миллионов...»

Может вызвать недоумение вся эта колготня вокруг перебежчика, интерес немцев к вопросам, казалось бы, далеким от фронтовых. Но не все так просто.

В первые месяцы войны Россия эвакуировала за Урал десятки стратегических предприятий. На востоке за Уралом вырос гигантский промышленный район. Его площадь была больше территории всей Германии. Это беспокоило немцев. Так, один из секретарей Альберта Шпеера, министра вооружения, отправил на имя Гимmlера секретный меморандум о стратегической важности многочисленных доменных печей Магнитогорска. В тот же день рейхсфюрер издал приказ: «Специальному подразделению „Фриденаль“. Предпринять немедленные меры к организации диверсионной операции в Магнитогорске. Цель операции – выведение из строя или полное уничтожение доменных печей. О ходе подготовки докладывать лично мне ежемесячно».

В недрах спецслужб был разработан план под кодовым названием «Операция Ульм», предполагавший выведение из строя важных оборонных объектов на Урале силами диверсионно-десантных подразделений. Аналитики пришли к выводу: сколько-нибудь объективная информация о Магнитогорске и его промышленных предприятиях недоступна, потребуются месяцы напряженной работы, чтобы раздобыть ее.

Воздушная разведка и аэрофотосъемка географически удаленных от рейха объектов не могла проводиться достаточно часто, поэтому немцы использовали и другие источники информации, в частности, опросы пленных и перебежчиков. Протоколы допросов военнопленных архивировались, а их показания систематически проверялись и перепроверялись.

Таким образом немцы обработали и подвергнувшегося им под руку Таврина. Другое дело, что его вранье вряд ли им пригодилось.

Вранье было второй натурой этого человека. Одна знакомая Таврина по Свердловску рассказывала, что женщинам он представлялся сотрудником НКВД. «Меня, правда, удивляло, – добавляла она, – что такой ответственный товарищ не упускал случая слямзить что-нибудь по мелочам. Пользуясь моим отсутствием, унес мою кожаную куртку, кое-что из белья. Хозяйка квартиры лично приготовила ему из моей муки на дорогу булочки...»

В общем, после того как немцы насытились враньем Таврина, они отконвоировали его в Сычевский пересыльный пункт для военнопленных. Там ему было предложено послужить в качестве начальника военизированной охраны железнодорожной станции Сычевка.

Снова становится под ружье и рисковать жизнью?

Таврин настроился на иное. «Я бы желал быть полезным на гражданской работе где-нибудь на Украине», – заявил он.

«Nein, So geht das nicht», – сказали немцы и отправили перебежчика в специальный лагерь для военнопленных, размещавшийся в Восточной Пруссии на территории Летценской крепости.

Поместили его в казарму, в которой находилось свыше 40 человек. Соседом оказался некто Георгий Жиленков, как выяснилось, земляк, уроженец Воронежа, да и были они почти ровесниками – Жиленков родился в 1910 г. Правда, Жиленков был птицей более крупного полета. Перед войной вырос до секретаря райкома партии Ростокинского района Москвы. Был членом Московского городского комитета ВКП(б). На фронте носил звание бригадного комиссара и являлся членом Военного совета 32-й армии.

В плен попал осенью 1941 г. в районе Вязьмы. Выдал себя за рядового бойца – шофера Максимова. И в качестве шофера служил в германской 252-й пехотной дивизии.

Бежал.

Участвовал в сопротивлении, устраивая диверсии в тылу германских войск. Однако в мае 1942 г. при подготовке взрыва гжатского армейского склада был предан лесником Гжатского лесничества Черниковым и арестован немцами. На допросе назвал действительную фамилию и занимаемую должность в Красной Армии – член Военного Совета 32-й армии, при этом изъявил готовность бороться против Советской власти.

В мае 1942 г. написал план создания на оккупированной немцами территории русского правительства, в котором предусматривалась организация борьбы против Советской власти. После этого и был переведен в Летценский лагерь в отдел военной пропаганды вооруженных сил германской армии, где редактировал брошюры и листовки, которые распространялись на фронте и в тылу действующих советских войск.

Таврин, чтобы поднять свой престиж в глазах Жиленкова, представился ему бывшим сотрудником Воронежского управления НКВД, началь-

ником личной охраны тогдашнего секретаря Воронежского обкома – Варейкиса. В рассказах приписывал себе заслуги, которых не было, врал, например, что на фронте служил командиром батальона. Плел и другие небылицы.

Три недели они провели бок о бок, внушая друг другу, что их переход на сторону немцев – это не предательство, а прозрение. В качестве доводов Жиленков вспоминал негативные моменты своей партийной жизни, рассказывал сплетни о советских вождях, говорил, что сталинское руководство антинародное и против него надо бороться, и что в этой борьбе каждый должен найти свое место.

Таврин внимал Жиленкову, внутренне признавая его превосходство над собой, и как бы предчувствуя, что его дальнейшая судьба будет зависеть от этого человека.

В первых числах июля 1942 г. Жиленков внезапно исчез. Узнав о формировании немцами добровольческой бригады так называемой Русской народной армии, он попросил откомандировать его в эту бригаду.

Добровольческая бригада формировалась исключительно из антисоветских элементов, командир – бывший полковник Красной армии Боярский. Жиленков был назначен на должность начальника организационно-пропагандистского отдела.

Поначалу дела складывались не слишком благоприятно: бригада не выполнила приказ командующего центрального фронта немцев фельдмаршала фон Клюге – выступить в район Великих Лук для участия в боях против Красной Армии. За это Боярский и Жиленков были арестованы и приговорены к расстрелу. Но за Жиленкова поручился полковник генерального штаба Ронне, которому Жиленков дал клятву искупить свою вину.

После этого он был откомандирован в Берлин, где встретился с бывшим командующим 2-й Ударной армией Андреем Власовым, который занимался в то время организацией Комитета освобождения народов России – КОНРа, деятельность которого направлялась и руководилась рейхсфюрером Гиммлером. Жиленков был включен в состав этого комитета, и приступил к изданию антисоветской газеты «Доброволец», распространявшейся среди военнопленных, а также выступал с лекциями на курсах фашистских пропагандистов в Дабендорфе.

Спираль его карьеры на немецкой службе стала стремительно раскручиваться.

В 1943 г. он был послан в Псков для формирования так называемой гвардейской ударной бригады РОА с целью последующего использования ее в качестве базы для подготовки террористов и диверсантов. Там же он составил план формирования гвардейской ударной бригады, в котором предусматривалась заброска в тыл Красной Армии террористов, шпионов и диверсантов для проведения антисоветской подрывной деятельности. Этот план был направлен в имперский отдел безопасности. После этого

Жиленков был командирован в Берлин, где написал докладную записку на имя Гимmlера, в которой доказывал необходимость передачи всех анти-советских формирований, находящихся в Германии, в распоряжение Власова и русского комитета.

13 июня 1944 г. Жиленков с группой пропагандистов был откомандирован в район Львова в распоряжение доверенного офицера Гимmlера – штандартенфюрера Д'Алькена, который исполнял должность начальника специальной пропагандистской бригады Гимmlера. Жиленкову была поставлена задача – организовать издание антисоветской газеты «За мир и свободу» и листовок, которые разбрасывались немцами с самолетов над расположением частей Красной Армии. Однако командировка была недолгой. Через две недели началось наступление Красной Армии, и Жиленков вернулся в Берлин. Перед этим он уговорил Д'Алькена помочь Власову встретиться с Гимmlером, который Власова не принимал, называя его «перебежавшей свиньей» и «дураком». При посредничестве Д'Алькена 16 сентября 1944 г. такая встреча состоялась.

Чуть позже Жиленков организовал встречу Власова и с Геббельсом, в которой и сам принял участие.

Одним словом, он выслужился у немцев и стал достаточно влиятельной особой.

Но вернемся к нашему герою.

В Летцене Таврин был определен в отдел пропаганды, где занимался разбором писем, захваченных немцами в полевых почтах Красной Армии. По указанию «зондерфюрера» он отбирал письма с фронта и на фронт, в которых содержались какие-либо фразы, подходящие для использования в антисоветской пропаганде. Иногда в письмах имелись и денежные вложения...

Натуру не изменишь. Читатель, надеюсь, помнит о проигранных Тавриным в молодости 5 000 р., с чего и начались все его невзгоды. Вот и здесь Таврин, мягко говоря, «утаил» от надзирателей 130 р., поставил их на кон в карточной игре, был избит в шулерстве и избит партнерами. Избит жестоко.

От греха подальше немцы перевели его из Летцена, перевели в Хамельбургский лагерь, или, как его еще официально называли, «Центральный офицерский лагерь для военнопленных 13 „Д“». В этом лагере, в отличие от Летцена, бывшие генералы и полковники Красной Армии жили в отдельном доме, остальные же ютились в бараках и несли трудовые повинности. Уже на третий день Таврин был определен в рабочую бригаду и направлен в лес на заготовку дров.

Военнопленные вкалывали на вырубке весь световой день, в лагерь возвращались поздно вечером, наспех поедали скудный ужин и обессиленные валились на нары. И так изо дня в день.

Таврину такая жизнь была не по нутру. Он явился к коменданту лагеря и предъявил ему справку о добровольном переходе на сторону немцев.

Тот развел руками:

– Указаний на ваш счет, герр Таврин, не имею.

– А кто может решить вопрос?

– Обратитесь к господину Арналю.

Человек, к которому комендант адресовал Таврина, не занимал никакой официальной должности в лагере, носил гражданскую одежду, но всем было известно, что этот немец имел большое влияние на лагерное начальство. Поговаривали, что он из гестапо. Позже Таврин узнал, что агенты гестапо и СД были назначены фактически во все лагеря для военнопленных, но числились чаще всего на фиктивных должностях. Шеф гестапо Мюллер в своей директиве от 17 июля 1941 г. предписывал им выявлять «все политические, уголовные и другие по каким-либо причинам нежелательные элементы», а также «всех лиц, которые могли бы быть использованы для возрождения оккупированных территорий», с целью их устранить или подвергнуть «специальному лечению». Приказ рекомендовал агентам подбирать среди военнопленных также и тех, кто «заслуживает доверия», для организации шпионажа внутри лагеря и выявления тех военнопленных, кого следовало устранить.

«Арналь так Арналь», – решил Таврин.

Гестаповец принял Таврина. Небрежно взглянул на справку, гораздо внимательнее выслушал его рассказ об обстоятельствах перехода к немцам. Задал несколько уточняющих вопросов. После чего заявил:

– Хорошо, в лес вы больше не пойдете, переселитесь в «особую комнату».

Что это за комната, Таврин интересоваться не стал. Лишь бы не на лесоповал.

Как оказалось, в «особой комнате» немцы содержали не просто бывших командиров Красной Армии, а тех из них, кто имел какую-либо специальность. Были здесь: инженер-химик, инженер-строитель, военюрист 1-го ранга, военинженер 2-го ранга и т. п. С какой целью осуществлялась эта селекция, какие виды немцы имели на обитателей «особой комнаты», никто не знал. Пока же инженер-химик ежедневно переводил на русский язык и печатал на машинке сводки германского верховного командования, которые затем вывешивал на щите во дворе лагеря. Чем-то подобным занимались и другие. Таврину было поручено изготавливать металлические бирки для военнопленных.

Но, как поется в известной песне, «у кавалергардов век недолог»... Проработав в канцелярии комендатуры на изготовлении бирок немногим больше недели, Таврин попался на краже продуктов из каптерки. Мелочь, в общем-то, – несколько картофелин, кулек вермишели. Все это он принес

в комнату и пытался тайком съесть. Не получилось. Товарищи углядели и донесли коменданту лагеря. В тот же день Таврина препроводили в общий барак, а на следующее утро он уже махал в лесу топором.

Нельзя не обратить внимания на то, что гитлеровцы обходились с Тавриным как с шаловливым ребенком. Спрашивается: с какой стати они с ним так церемонились?

Будучи начинающим опером, я как-то высказал недоумение по поводу того, что некоторые наши агенты были, мягко говоря, людьми не очень чистоплотными. «На нем же клеймо негде ставить, – негодовал я в отношении одного такого типа, – и алкаш, и бабник, и плут...».

«Заруби себе на носу, – осадил меня мой более опытный наставник. – За идею мы с тобой служим. А агенты, как правило, народ завербованный. Одному из коммуналки надо перебраться, другому родное чад в институт устроить, третьему за границу поехать... Чем зависимее кандидат на вербовку от жизненных обстоятельств или от пороков, которым подвержен, тем лучше»...

Похоже, полное отсутствие моральных устоев у Таврина как раз и импонировало немецким спецслужбам.

День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем тянулась беспроблемная лесоповальная жизнь. Казалось, так будет всегда. Таврин клял себя почем зря. Недобрым словом поминал и картошку, и вермишель, и товарищей-стукачей, и лагерную администрацию. Как вдруг однажды, уже после вечерней поверки, по лагерю прошла команда всем построиться во дворе. Из бараков высыпало около 2 тыс. человек. Отдельно построили генералов, затем старших командиров, и на левом фланге тех, кто был рангом пониже.

Спустя некоторое время в свете прожектора появилась группа военных во главе с начальником лагеря и человеком в генеральской форме, в котором Таврин с изумлением распознал Георгия Жиленкова.

Дойдя до середины плаца, группа остановилась. Прозвучала команда «Achtung!»

Вперед выступил Жиленков.

«Соотечественники! Друзья и братья! – прокричал он с надрывом в голосе. – Большевизм – враг русского народа. Неисчислимые бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек Русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина. История нашей Родины не знает таких поражений, какие были уделом

Красной Армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому – гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его главного штаба. Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время.

Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу. Место русского народа в семье европейских народов, его место в Новой Европе будет зависеть от степени его участия в борьбе против большевизма, ибо уничтожение кровавой власти Сталина и его преступной клики – в первую очередь дело самого Русского народа. Для объединения Русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в борьбе с большевизмом за построение Новой Европы, мы, сыны нашего народа и патриоты своего Отечества, создали русский Комитет. Мы призываем немецкие власти опереться на русских в борьбе со Сталиным и создать русскую национальную армию. Сегодня я обращаюсь к вам, попавшим в плен офицерам, – вступайте в ряды этой армии!»

После этих слов Жиленков и вся лагерная свита пошли вдоль строя военнопленных, остановились около колонны генералов. Кто-то скомандовал:

– Желающие с оружием в руках бороться против большевиков, три шага вперед!

Желающих оказалось двое.

Человек двадцать отделились от группы старших командиров.

А вот со средним звеном вышла заминка. В ответ на приглашение сделать три шага вперед, раздался громкий мат: «Вы, мать вашу, двадцать лет там одно талдычили, а здесь пластинку сменили...».

В строю началось движение. Пытавшихся выйти вперед, удерживали, заталкивали назад. В одном месте завязалась драка.

Таврин сумел протиснуться к Жиленкову. Тот его узнал, по-приятельски обнял.

– Георгий, вызволи меня отсюда, – чуть ли не со слезами на глазах взмолился Таврин.

– Так записывайся, не пожалеешь. Я тебе место хорошее подберу.

– Да не хочу я под ружье. Мне бы что-нибудь по административной части...

Жиленков махнул рукой:

– Ладно, хрен с тобой, попробую что-нибудь сделать.

Обещание свое он выполнил. Буквально на следующий день Таврин получил распоряжение незамедлительно явиться в лагерную канцелярию. Таврин, естественно, мешкать не стал. Быстренько отыскал указанную ему комнату № 7 и предстал перед двумя немцами в штатском.

– Проходите, присаживайтесь, господин Таврин, – сказал один из них на хорошем русском языке. – Беседа, я полагаю, у нас будет долгой. – И протянул Таврину портсигар. – Курите.

Выждав, пока Таврин закурит, продолжил:

– Перед вами сотрудники «Абвера» – германской военной разведки. Мы бы хотели больше узнать о вас...

Беседа действительно была долгой. Точнее это был допрос. Немцы дотошно выспрашивали у Таврина о его прошлой жизни в СССР, о службе в Красной Армии, об обстоятельствах перехода к немцам. В итоге вопрос был поставлен ребром: «Согласны ли вы, господин Таврин, сотрудничать с „Абвером“, выполнять задания германской военной разведки?»

Вопрос абверовцев не застал Таврина врасплох. Уже в ходе разговора он понял, к чему шло дело, и для себя решение принял.

– Согласен! – был его ответ.

Спустя некоторое время Таврина и еще 28 человек отправили поездом из Хамельбурга в Вену, а оттуда на машинах в венский лес, под Брайтенфурт, в разведывательную школу «Абвер». Там ему предстояло пройти специальное обучение. И не только.

Таврину была поставлена задача негласно поработать в группе, в которую он был зачислен, на предмет выявления среди завербованных агентов людей, недостаточно лояльных к Германии, колеблющихся, одним словом, не совсем надежных.

Таврин принялся за выполнение этого задания с усердием. В один из первых же вечеров, когда члены группы собрались вместе, он исподволь завел разговор о предстоящей учебе и заброске в СССР, сказал, что немцы поступают очень доверчиво, осуществляя такую массовую вербовку агенты из числа военнопленных. Ведь не все они добровольно с оружием в руках перешли на сторону германских властей...

– Если человек хочет обмануть немцев, то при таких обстоятельствах это легко сделать, – поддержал его присутствовавший при этом бывший лейтенант Красной Армии Алексей Анастасьев, и добавил: – Пребывание в школе можно использовать для того, чтобы немцы доставили на извозчике до самого дома...

На рассвете Анастасьева увели.

Исчез из школы и Таврин. Ему предстояло выполнить следующее, более сложное задание.

Немцы заподозрили, что в концетрационном лагере Матхауз среди заключенных ведется антифашистская деятельность, готовится массовый

побег. Таврин должен был втереться в доверие, выявить руководителей подполья, предупредить администрацию лагеря о побеге.

Таврин справился и с этим заданием, проявив себя как незаурядный провокатор. Он подбил группу военнопленных на побег, сам с ними бежал. После нескольких дней плутания по лесам беглецы были задержаны немецкой полицией и препровождены в венскую тюрьму. Там послужной список провокатора пополнился еще несколькими делами, а личное досье записью: «ненавидит советский строй, хитрый, изворотливый, умело ориентируется в любой обстановке, любит деньги».

Сам Таврин, скорее всего, удовлетворился бы ролью стукача и провокатора – и от фронта вдалеке, и риск минимальный, и стопроцентный шанс выслужиться. Но у немцев были на него другие виды. Тавриным серьезно заинтересовалось гестапо.

25 августа 1943 г. его переводят в Занбергский лагерь «СД», расположенный в окрестностях Берлина, зачислят в особую команду – засекреченное подразделение, личный состав которого содержался отдельно от остальных обитателей лагеря, по существу, находясь на конспиративном положении. Здесь готовили агентов для действий в тылу Советского Союза – террористов, диверсантов, разведчиков-нелегалов. Отбирали сюда людей не старше 30–35 лет, преимущественно специалистов в какой-либо отрасли. Так, в одной группе с Тавриным обучались два бывших полковника Красной Армии, один в прошлом связист, другой – инженер-нефтяник, был среди них даже доктор технических наук.

Вначале будущие агенты проходили общую подготовку. К ней относились умение водить автомашину, мотоцикл и даже паровоз, прыжки с парашютом и получение навыков в изготовлении средств для проведения терактов. В программу обучения входили также изготовление взрывчатки, фотографирование, снятие чувствительного слоя фотопленки для облегчения его сокрытия.

Наряду с этими общими знаниями, проводилось также специальное обучение в соответствии с задачами и личностью каждого агента. Поскольку предполагалось, что каждый из них будет пользоваться фальшивыми документами, он должен был зазубрить свою легенду, в любой ситуации безошибочно рассказать не только о себе самом, но и о своей семье и родственниках. Особенно это касалось сведений, поддающихся проверке, например, адреса, описания местности. Ему следовало знать, как выглядит предприятие, где он якобы работал согласно документам, кто были его соседи по месту жительства, с кем он вместе ходил в школу и т. д.

Время от времени агентов вывозили в Берлин в управление «СД» на индивидуальные собеседования – *Beschaung von Kandidaten*.

Дошла очередь и до Таврина. Принял его начальник восточного отдела 6-го управления главного управления имперской безопасности Германии оберштурмбанфюрер доктор Грейфе.

Сотрудник Кальтенбруннера пребывал в скверном настроении: провалилась операция «Француз», общее руководство которой было поручено ему. Операция предусматривала организацию вооруженного восстания в Иране.

Сразу после начала войны нефтяной район на юге Ирана был оккупирован британскими войсками. На севере страны закрепились советские дивизии. Сотни эшелонов везли оборудование, снаряжение, продовольствие – союзническую помощь России. Большая часть ее поступала из Америки, которая вступила в войну с декабря 1941 г.

Немцы планировали широкомасштабную операцию специального диверсионного подразделения, которое должно было перерезать эти линии снабжения. Одновременно они подталкивали к вооруженному выступлению мятежные племена горного Ирана. Небольшие оперативные группы должны были обеспечить повстанцев оружием и боеприпасами, а немецкие военные советники – инструктировать и проводить необходимые тренировочные занятия. Несколько месяцев диверсанты изучали персидский язык с помощью инструкторов-иранцев. В состав каждой боевой группы входил проводник из числа местных жителей.

Все было готово, и оставалось только дожждаться сигнала от резидента немецкой разведки в Тегеране.

Местом приземления первой группы было выбрано побережье большого соленого озера на юго-востоке Тегерана. Шесть человек, среди них два офицера, были подготовлены к выполнению задания. Люфтваффе выделила в их распоряжение Юнкерс-290. Вес снаряжения, экипажа и топливных баков – все было тщательно подсчитано.

Группа должна была взлететь с аэродрома в Крыму. Для перегруженного самолета взлетная полоса оказалась слишком короткой. Пришлось уменьшить взлетный вес за счет снаряжения. Несколько дней прошло в ожидании благоприятной погоды – лететь над Россией было лучше в темную безлунную ночь. Когда погода установилась, оказалось, что самолет не может взлететь: ливни размыли и размягчили взлетную полосу. Наконец, Юнкерс оторвался от земли... Прошло долгих 14 ч, прежде чем по радиации пришел условный сигнал о благополучном приземлении.

Диверсионная группа, заброшенная в Иран, добилась определенного успеха: вошла в контакт с мятежными племенами и сделала все возможное для выполнения поставленной боевой задачи.

Была подготовлена вторая группа из шести солдат и офицера. Из-за неполадок в работе двигателя старт Ю-290 был отложен (к счастью, как показали дальнейшие события). Из Тегерана спешно бежал агент. От него стало известно о провале разведывательной сети в Иране и аресте всех агентов.

Вылет группы был отменен. Через несколько недель горцам надоело воевать. Немцы, несмотря на возможность уйти, не отважились путеше-

ствовать через весь Иран, дабы добраться до нейтральной Турции. Британские войска потребовали их выдачи. Один из немецких офицеров застрелился, другие оказались в английских концентрационных лагерях на Ближнем Востоке.

Провалилась в Иране и другая операция. Осенью 1943 г. в Тегеране должна была состояться конференция руководителей стран антигитлеровской коалиции – Советского Союза, США и Великобритании – «Большой тройки». Планировалось нападение на американское и советское посольства в Тегеране и ликвидация глав трех великих держав. Провести эту акцию было приказано Отто Скорцени.

Много позже, в 1964 г., в интервью парижскому «Экспрессо» Отто Скорцени поведал: «Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные – это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции – той, что проходила в Тегеране... Но бац! (смеется)... из-за различных причин этого не удалось сделать с достаточным успехом».

Причина же неудачи заключалась в следующем.

Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы. Советский разведчик Николай Кузнецов под видом старшего лейтенанта вермахта установил приятельские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, занятым поиском людей, имеющих опыт борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников. Советская контрразведка незамедлительно предприняла меры по обеспечению безопасности участников конференции. Чего нельзя сказать о спецслужбах союзников. Вот как пишет об этом Уинстон Черчилль.

«Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моему прибытию на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти трех миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой».

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в сопровождении уси-

ленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкали к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия, охраняемая американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всего периода конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 ч до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший целью убийство одного или более членов „Большой тройки“, как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разезжать туда и обратно, вызвала у него глубокую тревогу. „Если что-нибудь подобное случится, – сказал он, – это может создать самое неблагоприятное впечатление“. Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение».

В день открытия конференции в окрестностях Тегерана были сброшены с самолета шесть немецких диверсантов во главе с помощником Скорцени штурмбанфюрером Рудольфом фон Холтен Пфлюгом. Приземление прошло успешно, и диверсанты отправились на одну из городских явок – на квартиру некоего Эбтехая. Однако этот человек был агентом-двойником и помимо немецкой разведки работал еще и на американскую...

Акция против «Большой тройки» не состоялась...

И вот новое задание. Идея изменить ход войны путем теракта в Москве высказывалась некоторыми горячими головами и ранее. По правде сказать, у Грейфе она не вызывала особого энтузиазма. Но теперь она созрела наверху и спустилась к нему в виде готового решения. Оставалось одно: прибегнуть к так называемому «золотому правилу Шелленберга». Во-первых, любое, пусть и самое идиотское начинание начальства ты должен встречать с восторгом и демонстрировать неумемное рвение. Во-вторых, ты должен систематически информировать начальство

об успехах в деле разработки плана операции. Самый сложный и ответственный третий этап: нужно дожидаться того момента, когда начальственный пыл поугаснет и тогда начинать регулярные, но микроскопические «инъекции правды». Ас дипломатии – это человек, который может повернуть дело так, что начальство забывает о своих инициативах.

– Я внимательно изучил ваше досье, – вперив в Таврина тяжелый взгляд, сухо произнес Грейфе, – и полагаю, что вы доказали свою преданность Рейху. Мы это ценим. Но борьба с большевизмом продолжается, она вступает в решающую стадию. Германская армия готовит сокрушительные удары, и долг каждого из нас ей помочь. Мы поразим большевиков в самое сердце. Мы намерены совершить террористические акты в Москве.

Грейфе выдержал небольшую паузу, и, подойдя почти вплотную к Таврину, сказал с нажимом в голосе:

– Я полагаю, вы – тот человек, который способен сделать это.

Это был удар, что называется, ниже пояса. «Коготку увязть – всей птичке пропасть», – мелькнула мысль.

– Не скрою, задание весьма трудное, рискованное, но мы постараемся сделать все, чтобы обеспечить успех, – как сквозь вату доносился голос Грейфе. – Впрочем, вы можете отказаться...

Таврин не был настолько наивным, чтобы не понять, какая судьба его ждет в случае отказа.

– Яволь, оберштурмбаннфюрер! – заученно вытянув руки по швам, ответил он.

В расположение лагеря Таврин вернулся заметно подавленным. Разговор с Грейфе вывел его из того душевного равновесия, к которому он с некоторых пор стал привыкать. Он понимал, что задание, на которое он согласился, обрекает его на неминуемую гибель. Теперь его изворотливый ум был постоянно занят поиском спасительной лазейки.

И тут на горизонте опять появился Георгий Жиленков.

Зандбергский лагерь «СД» являлся базой формирования так называемых «русских легионов», которые позже стали именоваться отрядами «Русской освободительной армии» (РОА) Власова.

Власов полагал, что ему удастся собрать пленных и всех сражавшихся в германской армии добровольцев в единое русское национальное формирование и выставить его против Сталина на самостоятельном участке фронта. Однако у Гитлера была иная точка зрения. «Мы никогда не создадим русской армии – это фантазия первого разряда, – категорично заявил он на совещании со своими военачальниками в горной резиденции 3 июня 1943 г. – Мне не нужна русская армия, которую мне придется целиком пронизывать чисто немецким скелетом. Если я взамен этого получу русских рабочих, это меня вполне устраивает».

Затею Власова немцы рассматривали как пропагандистское средство, рассчитанное на перебежчиков. Если какие-то легионы и формировались из русских, то использовались они не на восточном фронте, а во Франции, на Балканах или где-нибудь еще.

Решать судьбу одного такого батальона, сформированного в Зандбергском лагере, и явились однажды Власов с Жиленковым.

Таврин не упустил своего шанса.

«Наконец-то я увидел тебя там, где ты должен быть давно!» – одобритительно сказал Жиленков, услышав рассказ Таврина о том, что тот зачислен в «особую команду». Когда же тот рассказал и о предложении Грейфе, а также о своих сомнениях, Жиленков посоветовал: «Надо, Петр, соглашаться. Это для тебя великолепный шанс отличиться. Сейчас война, риск есть везде. А в случае удачи тебя ждут слава, почести, карьера. Сам себе завидовать станешь»...

Он достал из кармана записную книжку и сделал в ней какую-то пометку. «Вернусь в Берлин, приму меры, чтобы ускорить твою заброску».

5 сентября 1943 г. Таврина доставили в Берлин, на Потсдамерштрассе, 29, к оберштурмбаннфюреру Грейфе.

На этот раз эсэсовец проявил больше любезности, предложив сигареты, кофе. Беседа носила неторопливый характер и содержала больше конкретики о роли Таврина в предстоящей операции. Правда, Грейфе по-прежнему не раскрывал всех карт. Он говорил о теракте против руководителей Советского государства и партии вообще. Упоминались фамилии Молотова, Ворошилова, Берии, Кагановича...

«План операции нами тщательно прорабатывается. Думаю, что пришла пора и вам вплотную подключиться к этой работе. Вы лучше знаете особенности советской системы, существующий там порядок, психологию большевиков, жизнь русских, так сказать, изнутри.

Завтра жду вас с предложениями. Переночуете в нашей гостинице, куда вас сейчас же и отвезут», – закончил разговор Грейфе.

Таврина отвезли на машине в гостиницу «СД» «Курфюрстенгоф» и разместили в отдельном номере.

Он обалдел от той обстановки, в которой вдруг оказался после длительных лагерных мытарств. Подумать только! Один, совсем один в аккуратно прибранной комнате, где есть застланная накрахмаленными белоснежными простынями постель, мягкое кресло, телефон, и даже свежие фрукты в вазе.

Приняв горячий душ и облачившись в пижаму, Таврин расслабленно упал в кресло и несколько минут с умилением взирал на портрет фюрера, висевший на стене. Но чем дольше он смотрел на портрет, тем суровее становилось лицо Гитлера. Взгляд фюрера требовал действия.

Отыскав в ящике стола бумагу и карандаш, Таврин принялся за исполнение данного ему Грейфе задания. В верхней части белого листа он

твердой рукой вывел слово «План», подчеркнул его несколько раз и задумался...

И тут, как черт из табакерки, на пороге появился Жиленков. Взяв из рук Таврина лист бумаги, он прочел там следующую запись:

«1) 500 тыс. р.; 2) документы; 3) пистолеты».

– Да, брат, не густо, – сказал он, не скрывая иронии. – И затем решительно предложил: – Одевайся, и поехали ко мне на квартиру, там помакуем.

И вновь Таврин пережил потрясение. Его поразила роскошь квартиры Жиленкова.

Жиленков, не скрывая своего довольства, с сибаритским радушием показывал Таврину комнаты, рабочий кабинет, ковры, картины, хрусталь, фарфор. Всего было в избытке.

«Везет же Жоржу!» – с черной завистью думал Таврин. (31 июля 1946 г. Жиленков вместе с Власовым и еще десятью их сподвижниками, по совокупности совершенных ими преступлений, Военной Коллегией Верховного Суда СССР были приговорены к смертной казни через повешение.)

Нашелся у хозяина квартиры и шнапс.

– Жаль, что не могу попотчевать нашей русской водочкой, – посетовал Жиленков.

Отвыкший от спиртного Таврин быстро захмелел. Вскоре ему море было по колено.

– А что! – ударил он себя кулаком в грудь. – Кто сказал, что до них нельзя добраться? Подумаешь, кремлевская стена. И через нее доберусь! И перебью всех к чертовой матери...

– Задача на самом деле вполне выполнимая, Петр, – подливая шнапс в рюмки, говорил Жиленков. – Я как секретарь райкома партии в Москве близко к ним был, знаю, где бывают, как их охраняют. Лучше всего было бы проникнуть на какое-нибудь торжественное заседание. В правительственных учреждениях много б... работает. Познакомишься с какой-нибудь, она тебе и пропуск поможет раздобыть. – Жиленков поднялся с места. – Пройдем, Петр, в кабинет, набросаем все это на бумаге.

– Итак, первое, – сказал он, беря ручку, – проникнуть на торжественное заседание с участием членов правительства. Для этого установить необходимые знакомства. Далее – обзавестись документами Героя Советского Союза, а также военной формой и соответствующими знаками отличия, что облегчит пропуск на торжественное заседание. В случае невозможности проникновения на торжественное заседание, следует выявить маршруты движения правительственных машин и там организовать теракт.

В подобном духе Жиленков сформулировал еще несколько предложений, после чего протянул бумагу Таврину:

– Перепишешь собственноручно и отдашь Грейфе.

На следующий день Таврин явился на доклад. Оберштурмбаннфюрер внимательно прочитал записку, несколько секунд о чем-то думал, глядя поверх головы замершего на краю стула агента, и вдруг совершенно неожиданно для Таврина благосклонно улыбнулся:

– Я одобряю ваш план. Думаю, он вполне осуществим.

– Оберштурмбаннфюрер, здесь изложены только узловые моменты, – воодушевился Таврин. – Над деталями я еще подумаю.

– Гут! У Вас для этого будет возможность. В ближайшее время Вы будете доставлены в Псков в распоряжение штурмбаннфюрера Крауса.

Отто Краус, о котором говорил Грейфе, возглавлял филиал разведывательного органа «Цепелин» («Русланд-Норд»). Это был опытный разведчик, специализировавшийся на подготовке шпионов и диверсантов. Майор был одним из немногих, кто изначально был посвящен в замысел предстоящей операции и кому было поручено под личную ответственность подготовить исполнителя террористической акции.

Спустя несколько дней, Таврин прибыл в Псков. Было в нашем герое что-то такое, что изначально располагало к нему. Лицо – простое, добродушное, лучезарный взгляд. Добавим к этому радушную улыбку, умение, подобно известному гоголевскому персонажу, «пули отливать» и «узелки завязывать». Вот многие и принимали его «совершенно за главнокомандующего».

Краусу он тоже показался. «Неброская внешность. Общительный, ловкий, изворотливый. Судя по всему, тертый. И что немаловажно, обстрелянный. Как раз то, что требуется», – заключил он после знакомства с агентом.

– Времени у нас с Вами, Петр Иванович, в обрез, – предупредил штурмбаннфюрер, подчеркнуто уважительно обращаясь к Таврину по имени и отчеству. – Подготовку начнем немедленно. Жить будете на легальном положении в городе на частной квартире. На работу оформим инженером на завод. В Вашем пользовании будет легковая машина. Адаптируйтесь, вживайтесь в роль... Специальную подготовку будете проходить в учебно-тренировочном центре. Под Псковом у нас хорошая база. Ваша обязанность – обрести хорошую форму, научиться стрелять без промаха, стать хорошим взрывником. При этом имейте в виду, что придется осваивать новейшие образцы оружия.

Один из таких образцов вскоре был продемонстрирован Таврину. Это был «панцеркнакке» – портативный гранатомет, специально сконструированный немецкими оружейниками. Аппарат состоял из короткого ствола – примерно 30 см, ударного механизма, бронебойно-зажигательного снаряда и небольшой электрической батарейки. С помощью кожаного манжета он закреплялся на правом предплечье и мог быть легко замаскирован в рукаве пальто. Снаряд приводился в действие нажатием специ-

альной кнопки, соединенной проводком с батареей, спрятанной в кармане одежды.

Таврин рот открыл от изумления, когда из этой «игрушки» на его глазах была пробита бронированная плита толщиной в 45 мм.

Продемонстрировали Таврину магнитную мину с дистанционным радиовзрывателем и радиоуправляемый фугас, которые также предусматривалось использовать при теракте.

В общем, он убедился, что его хозяева не шутят, и средств на свою затею не жалеют.

И начались регулярные индивидуальные тренировки под руководством опытных инструкторов, а зачастую и самого Отто Крауса. Был задействован весь арсенал морально-боевой подготовки террориста. Таврин показал себя человеком обучаемым: терпеливо переносил физические нагрузки, упорно тренировался в стрельбе из автоматического пистолета, закладывал и взрывал мины, совершенствовал водительские навыки, прыгал с парашютом...

Успешно адаптировался он и к условиям гражданской жизни. Таврин никогда не был заморышем, а тут, спущенный с поводка, на довольно сытных хлебах, он быстро нагулял жирок, и, как следствие, стал приударять за женщинами, а затем завел себе и постоянную подругу. Звали ее Лидия Шилова. Работала она бухгалтером на том же заводе, на котором с некоторых пор стал появляться «инженер» Таврин. Дело дошло до женитьбы. Немцы не возражали против брака, и вскоре Петр Иванович поселился у своей новой жены.

Поначалу Лидия принимала Таврина за русского инженера, кем он ей представился – русского инженера, который неплохо ладит с германской администрацией и находится под ее покровительством: ведь он разрезжал на автомобиле, был одет в дорогое кожаное пальто и приносил домой дефицитные продукты.

Между тем из Берлина пришла команда: штурмбаннфюреру Краусу вместе с агентом Тавриным явиться на Потсдамерштрассе, 29.

В назначенный час оба переступили порог кабинета Грейфе. Вначале оберштурмбаннфюрер выслушал доклад Крауса о том, как идет подготовка агента. Затем обратился к Таврину: «Теперь, господин Таврин, я скажу основное. Вашей мишенью в Москве должен стать Иосиф Сталин! Надеюсь, вы понимаете, что его устранение окажет решающее воздействие на ход войны. Вам выпала великая миссия. Я призываю вас действовать в высшей мере решительно. Вы можете стать героем».

Что мог ответить Таврин? Разве что снова повторить про себя пословицу о птичке, у которой «коготок увяз».

Далее Грейфе сообщил о решении перевести Таврина в Ригу, так как, по имеющимся данным, в Пскове много русской агентуры, и она может узнать о Таврине и готовящейся переброске его через линию фронта. Туда

же, в Ригу, предполагалось передислоцировать в ближайшее время всю команду «Щепелин».

Активность русской контрразведки возрастала с каждым днем. Практически уничтоженная накануне войны, она стремительно набирала силы. Отряды «Смерша» эффективно уничтожали разрозненные группы диверсантов. Многие не успевали даже приступить к выполнению задания. С помощью внедренной в гитлеровские разведдиверсионные школы агентуры НКВД проваливались явки, разоблачалась агентура, завязывались радиоигры.

Многие помнят фильм пятидесятых годов «Подвиг разведчика». О отважный разведчик, которого играет прекрасный актер Павел Кадочников, дурит головы немцам, добывает секреты, которые добыть почти невозможно, а в конце похищает гитлеровского генерала.

Аналогичной должна была стать операция, задуманная на Лубянке. Там было известно об одной из школ подготовки диверсантов для проведения акций в Москве и Подмосковье. Ряд перевербованных немецких агентов были возвращены, от них советская контрразведка получала самую свежую и полную информацию. Чекисты решили пойти дальше – выкрасть начальника школы. Помимо собственно плана операции был изготовлен макет разведшколы, со всеми подъездными путями, площадками для возможной посадки самолета. Дело было за малым – решением Сталина.

Доклад Берии Сталин выслушал с интересом. С интересом осмотрел макет. Операцию одобрил, но с некоторым уточнением.

Хирургическим.

– Мы знаем координаты школы?

– Знаем, товарищ Сталин.

– Поручите воздушной армии, пусть проведут бомбардировку.

Сталин был лишен эстетских изысков, вопросы решал кардинально и по существу. Через некоторое время после авиационного удара школа перестала существовать, как перестал существовать начальник школы, которого хотели выкрасть чекисты. Как перестала существовать и агентура, с помощью которой чекисты получали информацию.

Лес рубят – щепки летят.

В Берлине у Таврина состоялась еще одна знаковая встреча. Его принял штурмбаннфюрер Отто Скорцени – «отец немецких командос», родоначальник стратегии и тактики диверсионных операций. Несмотря на сравнительно молодой возраст, к моменту описываемых событий ему исполнилось 35 лет, за спиной у этого человека было богатое прошлое и выдающиеся заслуги перед Рейхом.

Родился 12 июня 1908 г. в Вене. Отец и старший брат были инженерами. После окончания Технического университета специальность инженера получил и Отто Скорцени.

С детства самозабвенно занимался спортом и никогда не пропускал «занятия на свежем воздухе», потому что считал физические упражнения своего тела необходимостью. После поступления в университет стал членом «Гимнастического союза». «В ходе упорных тренировок мы готовили себя во всеоружии встретить грозное будущее, – вспоминал он позднее, – учились воевать и побеждать в суровых битвах жизни. Нас учили тому, что физическая сила необходима, чтобы подчас одними голыми руками защитить свои слова и дела».

Летом 1932 г. под впечатлением от выступления Йозефа Геббельса на ассамблее сторонников НСДАП в Вене вступил в австрийскую нацистскую партию. Когда год спустя в Австрии была запрещена правительством Дольфуса НСДАП, стал членом тайной организации «Германская гимнастическая ассоциация» и бойцом одного из созданных этой организацией «подразделения самообороны».

Впервые отличился во время политического кризиса в февралемарте 1938 г. – один отправился в Президентский дворец в Вене и предотвратил вооруженное столкновение между старой гвардией и новым формированием – эсэсовцами.

Его военная карьера началась в период польской кампании в одной из инженерных частей Ваффен СС (Waffen SS – войска СС, были созданы для ведения боевых действий вместе с армейскими соединениями). 30 января 1941 г. произведен в офицеры. Боевое крещение получил в Югославии. В составе дивизии «Рейх» участвовал во вторжении в Россию. В числе отличившихся в сражении под Ельней был представлен к «Железному кресту» 2-й степени.

Интересны воспоминания о русском походе, оставленные Скорцени. Они разительным образом разнятся с расхожими утверждениями о якобы триумфальном шествии германских войск по советской территории в начальный период войны. Вот лишь некоторые фрагменты.

«На следующий день мы медленно двинулись вперед и по правому берегу реки Буг вышли к Брест-Литовску. Русские, оборонявшие центральную крепость города, оказывали яростное сопротивление. Внешний гарнизон был взят в плен, но я передвигался по городу со всеми предосторожностями – русские снайперы били без промаха! На все предложения капитулировать и прекратить бессмысленное сопротивление русские отвечали решительным отказом. Потерпели неудачу и все попытки незаметно проникнуть в крепость и взять ее приступом. Убедительным доказательством этому были трупы солдат в серой полевой форме, лежавшие на подступах к вражеской цитадели. Прошло еще очень много времени, прежде чем был уничтожен последний солдат гарнизона. Русские сражались до последнего патрона и до последнего человека».

«Мы переправлялись через Березину южнее Божинка. Русские сосредоточили здесь большие силы. Они яростно оборонялись, поэтому форсирование водной преграды заняло у нас три дня.

За две недели русской кампании мы очень хорошо познакомились с „госпожой Саперной Лопаткой“. Мы по-настоящему учились окапываться – рыли маленькие, но глубокие «норы», чтобы разместить командный пункт и узкие окопы для сна.

В воздухе свистели пули, русские стреляли часто и точно, а мы, как кроты, зарывались в землю, чтобы не стать мишенью для русских снайперов».

«Прямой наводкой была по нашим укреплениям тяжелая артиллерия противника. Нам не оставалось ничего другого как глубже и глубже зарываться в землю... Мы зарывались на 2 м вглубь земли – там были наши гостиные и спальни. Везде мы перекрывали свои „норы“ в 2–3 наката: 2–3 слоя срубленных деревьев укладывались крест-накрест, а свободное пространство между ними засыпалось землей.

А потом последовал сюрприз! Русские бросили в бой танк такого типа, который до сих пор ими не использовался. Позднее они стали известны как Т-34. Наши противотанковые орудия оказались малоэффективными против этих монстров. С невероятным напряжением нам удавалось отсечь эскортирующую пехоту, а вот танки прорывались. На наше счастье этот танк еще не был запущен русскими в массовое производство, но нам с головой хватало двух или трех десятков русских чудовищ. Обычным явлением для нас стало объявление тревоги по поводу танкового прорыва за линию обороны».

«История не сохранила автора рецепта «коктейля Молотова», одного из самых эффективных противотанковых средств. Солдат заливал горючую смесь в обычную бутылку. Через отверстие в пробке в нее погружался фитиль из пакли, который поджигался перед броском. В случае попадания в цель бутылка разбивалась о раскаленную броню, прикрывавшую мотор танка, жидкость растекалась и моментально воспламенялась. Танки горели как факелы!»

«Мы несли огромные потери в ходе непрекращающихся ожесточенных боев с противником».

«Здесь нам довелось на себе испытать русскую тактическую новинку – ночные атаки. Небольшими группами русские просачивались через нашу передовую линию, концентрировались в тылу наших войск. Ночью они снимали боевое охранение и наносили внезапный удар.

До тех пор, пока мы не отыскивали противоядие, русские наносили нам жесточайший урон своей выматывающей нервы тактикой ночного боя».

«Мы очень многому научились у русских. Так, осматривая одну из захваченных позиций, я впервые в жизни увидел то, что называется у них «индивидуальная стрелковая точка». Это была настоящая «лисья нора» диаметром 80 см и глубиной около 2 м. Извлеченная земля была тщательно рассыпана вокруг, а сама нора была замаскирована так, что прежде чем

увидеть ее, туда вполне можно было свалиться самому! Та тщательность, с которой «стрелковая точка» была сработана, заставляла задуматься об объеме вложенного труда и времени. Однако позже во время допросов русских пленных я с удивлением узнал, что от начала и до конца вся работа не занимает больше часа. Русские оказались великими мастерами маскировки, они и в самом деле были ближе к природе, чем, например, мы».

«Яростное сражение развернулось вокруг переправы через Десну. Южнее нас, в нижнем течении реки, русские захватили и удерживали сильно укрепленный плацдарм на нашем берегу. Это доставляло нам немало хлопот. И уже совсем таинственно происходило снабжение войск. Мы никак не могли понять, каким образом русские переправляют через реку живую силу, снаряжение, продовольствие и боеприпасы. Самолеты Люфтваффе напрасно искали мост. Ответ на загадочный вопрос мы нашли только после форсирования Десны. Русские сконструировали своего рода „подводный мост“! Невидимые с воздуха и суши фермы моста находились на глубине 30–40 см от поверхности воды. Русские использовали его только в ночное время. На меня произвело огромное впечатление безупречное инженерное решение этой гениальной идеи».

«Фатализм и полное безразличие русских к вопросам жизни и смерти ввергали нас порой в весьма близкое к шоку состояние».

Восточный поход Скорцени окончился в районе Истры. Здесь его застало контрнаступление советских войск. И если бы не внезапный приступ «желудочных колик», кто знает, не разделил бы он печальную участь многих тысяч германских солдат, павших на заснеженных полях Подмосковья.

Далее началась служба в 6-м Управлении РСХА (Главное Управление имперской безопасности. 6-е Управление – Аусланд-СД (служба внешней разведки), в функции которого входило обеспечение «политической разведывательной агентуры для всего Главного управления. Впоследствии для выполнения самых сложных заданий в любой точке земного шара из курсантов этой школы было сформировано специальное подразделение «Фриденталь».

Самой известной специальной операцией, осуществленной Скорцени и его людьми, стало вызволение итальянского диктатора Бенито Муссолини.

Это было персональное поручение фюрера. «У меня есть очень важное задание для вас, гауптштурмфюрер, – сказал Гитлер, обращаясь к Скорцени, когда тот по его приказу был доставлен в ставку „Волчье логово“. – Муссолини, мой друг и наш верный товарищ по оружию, был предан вчера своим королем и арестован соотечественниками. Я не могу и не оставляю величайшего сына Италии в беде. Для меня дуче – это воплощение величия древнего Рима. С новым правительством Италия боль-

ше не будет нашим союзником. Я сохраню верность своему старому другу. Он должен быть незамедлительно освобожден, иначе они выдадут его союзникам. Я доверяю вам дело его освобождения».

Скорцени выполнил приказ фюрера. В короткие сроки ему удалось установить место, где под охраной содержался дуче. Это был высокогорный отель «Кампо Императоре» в Италии. Команда эсэсовцев во главе со Скорцени на планерах приземлилась на крохотном пятачке у самого отеля на высоте 1 500 м в горах Абруцци, и без единого выстрела справившись с охраной, на самолете эвакуировала дуче в безопасное место, откуда он был переправлен в Берлин. Скорцени буквально из рук в руки передал его Гитлеру.

Фюрер был на седьмом небе: «Скорцени, вы и ваши люди совершили настоящий подвиг. Он займет достойное место в истории германской нации. Вы освободили моего друга Муссолини. Я вручаю вам „Рыцарский крест“ и присваиваю звание штурмбаннфюрера СС».

Отныне Скорцени окружал ореол славы, его авторитет как мастера спецопераций стал непререкаем.

«Удача улыбается только смелому, – наставлял Скорцени Таврина. – Если вы хотите выполнить задание и при этом остаться живым, то должны действовать решительно и смело, и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость могут погубить». Для примера Скорцени рассказал эпизод из операции по освобождению Муссолини. «Наш планер приземлился всего в каких-то 15 м от отеля. При ударе о землю задвижку люка вырвало с корнем. Выскочив наружу, я увидел в трех шагах от себя стоявшего на посту карабинера. Если бы я тогда хоть на секунду замешкался, то погиб бы. Я действовал без колебаний»...

Проект физического устранения советского лидера, как, впрочем, и его похищения, Скорцени рассматривал как вполне реальный. Если удалось выкрасть плотно охраняемого Муссолини в окрестностях Рима, то почему не попытаться решить аналогичную задачу в Москве? Подобную операцию он и его люди готовились осуществить в Югославии против Тито. Югославские партизаны стали источником серьезного беспокойства для немецкого Верховного Главнокомандования, начиная с 1943 г. Как полагали германские руководители, обнаружение и уничтожение штабквартиры Тито способствовало бы стабилизации в этом районе.

По характеру вопросов, которые задавал Скорцени, у Таврина сложилось впечатление, что тот еще полностью находится под впечатлением успешного «вызволения» Муссолини и теперь вынашивает план похищения кого-то из советских руководителей. В частности, его интересовало, кто из членов Политбюро живет в Кремле, где расположены их квартиры, дачи и тому подобное.

Надо сказать, что если Скорцени и вынашивал подобную идею, то она не была столь бредовой, как это могло показаться на первый взгляд.

Взять хотя бы один из особо охраняемых объектов в Москве – ближнюю, Кунцевскую дачу Сталина. Читаем воспоминания бывшего телохранителя вождя А. Рыбина: «Забор был обыкновенный – из досок. Без всякой колючей проволоки сверху. Правда, высотой в 5 м. А в 1938 г. появился второй – внутренний. Трехметровой высоты, с прорезями смотровых глазков. Заставили это сделать явные угрозы оппозиции. Диверсанты могли легко преодолеть единственную преграду и захватить Сталина. Особенно трудно было их заметить в ночной тьме. Ведь в лесу на расстоянии 2–3 м уже совершенно ничего не видно. Вся надежда лишь на возможный шорох лазутчика. А если ветер? Жуткое состояние! Сам переживал его много раз».

А вот свидетельство переводчика Сталина В. Бережкова: «Некоторые авторы сейчас утверждают, что всех посетителей, даже Молотова, перед кабинетом вождя обыскивали, что под креслами находились электронные приборы для проверки, не спрятал ли кто оружие. Ничего подобного не было. Во-первых, тогда еще не существовало электронных систем, а во-вторых, за все четыре года, что я приходил к Сталину, меня ни разу не обыскивали и вообще не подвергали каким-либо специальным проверкам. Между тем в наиболее тревожные последние месяцы 1941 г., когда опасались заброшенных в столицу немецких агентов, каждому из нас выдали пистолет. У меня, например, был маленький „вальтер“, который легко можно было спрятать в кармане. Когда около шести утра заканчивалась работа, я, взяв его из сейфа, отправлялся в здание Наркоминдела на Кузнецком, где в подвале можно было немного отдохнуть, не реагируя на частые воздушные тревоги. В осенние и зимние месяцы светало поздно, и улицы были погружены во мрак. Правда, часто попадался комендантский патруль, проверял документы. Но ведь мог встретиться и немецкий диверсант. Вот на сей случай и полагалось оружие. По приходе в Кремль на работу следовало спрятать пистолет в сейф. Но никто не проверял, сделал ли я это и не взял ли оружие, отправляясь к Сталину».

Да что уж говорить о тех днях. Вспомним событие недавнее – беспосадочный перелет через всю советскую территорию немецкого хулигана Руста на спортивном самолете, его посадку на Красной площади, на Васильевском спуске. Только и остается, что затылок почесать.

В Пскове Таврин больше не появился. Из Берлина его направили в Ригу. А там уложили на госпитальную койку.

Как уже отмечалось, к проведению операции немцы готовились в высшей степени тщательно. По первоначальной легенде предполагалось отправить Таврина за линию фронта под видом инвалида. Хирургами рижского военного госпиталя была разработана методика проведения операции, в результате которой агент должен был стать хромым. Была разработана и методика ликвидации этой хромоты – после войны.

Таврин решительно воспротивился. В чудеса он не верил, и калекой оставаться не желал. После длительных уговоров согласился лишь на про-

ведение нескольких косметических операций на теле. Под наркозом Таврину сделали большую «рану» на правой части живота и две небольших на руках. Через 14 дней их было невозможно отличить от настоящих ранений.

К тому времени, в Ригу передислоцировалась и вся команда «Цепелин» и вместе с нею Лидия Шилова, которую Краус зачислил себе в штат секретарем-машинисткой. Картотека агентуры «Русланд-Норд» пополнилась еще одним формуляром – на агента Адамчик. «А что мне оставалось делать, – оправдывалась позже перед следователями на Лубянке Шилова-Адамчик. – Я последовала вслед за мужем. Куда иголка – туда и нитка».

После внимания, которое было уделено Таврину в Берлине, более доверительными стали взаимоотношения с Краусом. Теперь штурмбаннфюрер регулярно посещал Таврина на «комрадабенд» – товарищеских ужинах, в которых участвовала только доверенная агентура. На этих ужинах обсуждались очередные операции «Цепелина» и определялись конкретные исполнители заданий. Одной из таких операций была выброска типографского оборудования для издания подпольной газеты «Новое слово» в Вологодскую область. 32 тюка уже были приспособлены к грузовым парашютам, был подобран редактор. В Вологодской области работала диверсионная группа. Она и должна была обеспечить плацдарм, организовать выпуск газеты. Но задерживала авиация. Не хватало транспортных самолетов: дела на фронте были не так хороши, как хотелось бы.

Именно на этих «комрадабендах» Таврин узнал, что разведслужбы Германии переходят к новой тактике массированной диверсионной деятельности. К заброске предполагалось готовить не маленькие, численностью 7–8 человек группы, а прекрасно обученные группы по 100 человек и более с задачей проведения крупных диверсий: разрушение коммуникаций, проведение массовых террористических акций, уничтожение партийного и советского актива в русском тылу. Было решено включать в группы по несколько особо подготовленных агентов для выполнения наиболее ответственных задач.

Действия диверсионных групп предполагалось осуществлять под видом вооруженных формирований Красной Армии. Портняжные мастерские СД задыхались от работы. Им предстояло изготовить много сотен комплектов обмундирования военнослужащих Красной Армии. Не меньшая работа ждала специалистов по изготовлению фальшивых документов. Новые образцы таких документов доставлялись в мастерские еще «тепленькими»; военные книжки, справки воинских частей и гражданских организаций. Изготавливалось большое количество фальшивых орденов и медалей СССР.

В январе 1944 г. случилось «ЧП». Оберштурмбаннфюрер доктор Грейфе попал в автомобильную катастрофу и погиб. Вместо него долж-

ность начальника восточного отдела СД занял штурмбаннфюрер Хенгельгаупт. В январе же ему был представлен Таврин.

«Меня поразило то, – вспоминал позже Таврин, – что Хенгельгаупт принял меня не в своем служебном кабинете, а пригласил в ресторан. А в следующий раз к себе на квартиру, где мы ужинали вместе с его женой, русской, рожденной в Германии. Из разговоров я понял, что он хорошо обо мне осведомлен и глубоко вник в замысел операции».

По мнению Хенгельгаупта, на советскую территорию Таврин должен быть заброшен под видом Героя Советского Союза. Он согласился с Краусом, который считал, что проникнуть в Москву легче всего по документам «Смерш». Но при этом подчеркнул, что эти документы, хотя и очень надежны, но пользоваться ими следует лишь до Москвы, а в столице их сменить на другие и на учет в комендатуре стать под видом майора Красной Армии.

«По прибытии в Москву, – показывал на допросе на Лубянке Таврин, – я должен был установить знакомство с лицами, преимущественно женщинами, работающими в правительственных учреждениях. При этом Хенгельгаупт рекомендовал мне устанавливать с женщинами интимные отношения с тем, чтобы расположить их больше к себе и исключить подозрения. Он лично снабдил меня возбуждающими средствами, которые при подмешивании их в вино вызывают у женщин сильно половое возбуждение.

Через своих знакомых я должен был в осторожной форме выяснить место и время торжественных заседаний с участием членов советского правительства, а также маршруты движения правительственных машин.

Узнав точно, где происходит торжественное заседание с участием членов правительства, я должен был проникнуть в помещение, приблизиться к Сталину и стрелять в него из автоматического пистолета отравленными пулями. Если бы я не смог приблизиться к Сталину, я должен был стрелять в Молотова, Берия или Кагановича...».

Нелепость задания и организации его исполнения сегодня выглядит очевидной, но характеризует истинное представление о возможностях гитлеровской разведки и в определенной степени о поверхностности той информации, которой они пользовались.

Понимал ли это Таврин? Пожалуй, да. Думал ли это задание исполнять? Вопрос остается открытым...

В отличие от прочих агентов, отправленных в русский тыл, Таврин получил максимально надежные документы, орденами он был обеспечен настоящими. Два ордена «Красного Знамени», орден Ленина, орден «Александра Невского», орден «Красной Звезды», две медали «За отвагу».

Настоящая золотая звезда Героя Советского Союза дополняла иконостас. Были изготовлены не только орденские книжки, но и специально сфабрикованные вырезки из газет с текстами Указов о награждении Та-

врина. Для оперативного изготовления фальшивых документов ему изготовили 116 мастичных печатей на все случаи жизни. Для приобретения и изготовления всего этого Краус и Таврин выезжали в Кенигсберг и Марцефельд в разведывательные органы «Абвера». Позже в Берлине сотрудники Хенгельгаупта проверяли качество этих подделок.

Продумана была и система связи. Несколько явок в Москве ждали Таврина.

К весне 1944 г. подготовка Таврина была почти завершена.

Первая попытка перебросить Шило-Таврина через линию фронта была предпринята в июне неудачно. Самолет, вылетевший с аэродрома, был обстрелян, получил повреждения и вынужден был вернуться.

Вскоре был назначен новый срок, но он несколько раз переносился из-за неготовности самолета. Таврин стал нервничать. По свидетельству его жены – Шиловой-Адамович, однажды вернувшись домой в особо подавленном состоянии, он сказал: «Не знаю чего дождешься от этих немцев – то ли самолета, то ли пули»...

Именно в это время Таврин поставил перед Краусом условие, чтобы в советский тыл в качестве радистки вместе с ним летела жена.

Из показаний Шиловой-Адамович:

«Спешно стали меня обучать радио. И в 16 дней сделали радисткой, проверили меня, как я могу держать связь. В последний момент перед отъездом (за 2 ч) устроили мне связь с Берлином. Но связаться-то я связалась и телеграммой обменялась, а принять – половину не приняла. Какой-то страх нашел, руки совершенно не повиновались. Не смущаясь этим, они сами (т. е. по приказу Крауса) ответили за меня Берлину. Сказали, что я настоящий радист, работала раньше. И Берлин дал тоже разрешение на мой отъезд с мужем...».

Вечером 5 сентября 1944 г. на рижском военном аэродроме стоял в готовности к вылету четырехмоторный военно-транспортный самолет специальной конструкции. Как заключили позже советские авиационные специалисты, самолет подобной конструкции являлся ноу-хау, ни в советской, ни в зарубежной печати описан не был. Самолет мог покрывать значительные расстояния, имел весьма малую посадочную скорость. Специальное вездеходное шасси, состоящее из 20 колес, помимо основного трехколесного шасси, позволяло использовать для взлета и посадки любое поле или луг. Глушители на моторах, деревянные лопасти винтов, пламегасители, матово-черная защитная окраска нижних и боковых поверхностей делали самолет малозаметным во время ночных полетов. Специальный трап, а также лебедки, передвигавшиеся по потолку кабины, обеспечивали быструю погрузку и разгрузку судна. К этому следует добавить хорошее вооружение и запас кислорода для высотных полетов.

Вокруг самолета суетились солдаты. По металлическому настилу они вкатили в салон мотоцикл с коляской, забитой чемоданами, грузили тюки и коробки.

Вскоре на аэродром прибыли Таврин с Шиловой. Их сопровождал Отто Краус, который понимал, что Таврина он видит в последний раз, но он ободряюще похлопывал того по плечу, пытаясь шутить.

Но вот последние слова сказаны, люк закрыт, загудели моторы, короткий разбег, и самолет взял курс на восток...

Из показаний Шиловой-Адамович:

«К месту посадки мы прибыли где-то около часу ночи. Перед посадкой самолет сделал несколько кругов и начал снижаться. Но пилот, видимо, не рассчитал площади посадки, да и для четырехмоторного самолета место было выбрано неудачно.

Казавшийся сверху ровным луг на самом деле был весь в глубоких канавах, поросших высокой травой. Когда самолет приземлился и побежал, то нас несколько раз подбросило вверх, потом что-то затрещало. Я подумала, что полопались колеса, но нет, самолет бежал. На пути стояли ели – он их поломал и продолжал катиться дальше.

Летчик дал полный газ, намереваясь взлететь, но поздно – впереди совсем рядом был лес. Видя нашу гибель, я ухватилась за мужа и опустилась на дно кабины. Раздался сильный треск, посыпались стекла и машина остановилась...

Прошла, видимо, одна секунда, когда все молчали. Потом я услышала: „Прыгай!“ Я выскочила, муж, состав экипажа, а их было 6 человек. Все ожидали взрыва, но нет, бензинный бак выскочил раньше и отлетел в сторону, это нас спасло.

Немцы помогли вытащить мотоцикл, потом стали бросать свои документы в огонь. По радио они не смогли сообщить о произошедшей катастрофе.

Как только мы немного отъехали от самолета, муж выбросил в кусты радиостанцию, потому что она лежала сверху и была тяжелая, а дороги не было и темно»...

Из показаний Шило-Таврина:

«Отъехав от самолета, я уперся в овраг. Обогнув его, заметил впереди деревню и поехал в этом направлении. В деревне я встретил девочку и спросил у нее дорогу на Ржев. Она села на мотоцикл и показала дорогу. На пути встретилась еще одна деревня, на окраине которой меня окликнул какой-то мужчина, я ответил, что мы «свои» и поехал на Восток вслепую.

Часов в 6 утра, когда уже стало светло, у села Карманово навстречу нам попался вооруженный мужчина на велосипеде. Я снова справился о дороге, он показал, но я, очевидно, проскочил мимо поворота. Пришлось возвращаться обратно, и тут мы снова встретили того же мужчину. Он предъявил документы на имя начальника Кармановского РО НКВД Ветрова и сказал, что в этом районе приземлился самолет и от него отделился мотоцикл с людьми. Я предъявил ему свои документы и предупредил, что

спешу. Но Ветров потребовал, чтобы я поехал с ним в РО НКВД. Я подчинился»...

Конечно, Таврин выложил перед Ветровым все свои «козыри» – погоны майора, грудь в орденах, среди которых своим блеском завораживала золотая звезда Героя Советского Союза, наконец, удостоверение заместителя начальника отдела контрразведки «Смерш» 39-й армии 7-го Прибалтийского фронта, командировочное предписание в Москву... Однако провести чекиста не удалось. Операция по уничтожению Сталина сорвалась.

Материалы уголовного дела оставляют странное впечатление. Перед нами появляется фигура, которая не раз описана в художественной литературе. Хлестаков и Ноздрев, Бендер и Ходжа Насредин в одном лице. Правда, ни один из них не ставил на кон свою собственную жизнь. Таврин играл по-крупному, как может играть человек, напрочь лишенный чувства самосохранения. В его показаниях мы не найдем мотивов. Материалы уголовного дела свидетельствуют о ненависти к Советской власти и жажде мести Сталину. Поступки зачастую не мотивированы и вызывают изумление. Ну, например, зачем было столь самозабвенно врать гитлеровцам, чтобы всего лишь пересечь линию фронта и скрыться на необозримых просторах СССР? Ведь он имел дело с людьми жесткими и решительными. Одног косога взгляда могло хватить, чтобы от Таврина не осталось даже воспоминания. А во лжи его уличали. И уличали не раз.

Почему он потащил за собой жену, которую намеревался бросить сразу после пересечения линии фронта? Почему на его условие пошли немцы, зная, что Шилова не умеет работать на рации?

Почему он, подготовленный к самому серьезному делу, оснащенный немислимым арсеналом вооружения, дал себя арестовать несколькими полугодным сотрудиникам НКВД?

Почему, покинув самолет, первым делом избавился от радиостанции – важнейшего атрибута его миссии? Ведь и Шилову послали вместе с ним именно для того, чтобы была обеспечена надежная связь с диверсионным центром.

Почему, имея на руках надежные документы, даже не пытался выкрутиться, выложив сразу и свое задание и «сдав» своих хозяев?

Примечательно, что и советской контрразведке он врал самозабвенно, как может врать только прирожденный Хлестаков. Полтома его показаний перечеркнуто жирной красной чертой – «липа».

Практически до мая 1945 г. советская контрразведка вела с абвером радиоигру, передавая от имени Таврина и Шиловой донесения. 8 мая ушла последняя, оставшаяся без ответа шифрограмма.

1 февраля 1952 г. Шило-Таврина и его жену Шилкову-Адамович судили как изменников родины и приговорили к расстрелу.

К вопросу социальной определенности героизма

Аннотация. В статье рассматривается феномен народного героизма и основные его модальности: боевой героизм и трудовой героизм. Рассмотрены его природа, роль и социальная определенность. Раскрыты конкретные его детерминанты и содержательные компоненты: мужество, храбрость, патриотизм.

Ключевые слова: героизм, подвиг, мужество, храбрость, идеалы, убеждения.

Характеристики любого общественного явления определяются с учетом системности общества. Системность последнего нами рассматривается в единстве его личных и вещественных элементов. Во-первых, это социальные субъекты различных уровней (индивид, человек, личность, индивидуальность, персона, различные социальные группы, объединения, этнические общности и т. д.), и, во-вторых, различные формы социальной предметности.

Определение конкретных характеристик всех элементов социального требует реализации системного подхода в их познании. Только таким образом можно построить систему определенностей личных и вещественных элементов социального, существующую в определенном социальном пространстве и времени. По отношению к рассматриваемому вопросу это означает исследование и выяснение природы массового героизма советских людей во время Великой Отечественной войны на основе анализа социальных определенностей ведущего элемента социального – социальных субъектов.

Для системного подхода общество не есть нечто принципиально внешнее, хотя оно и может выступить как таковое по отношению к определенному конкретному субъекту. Реальное общество, его конкретно-исторический тип без субъекта – пустая абстракция. Поэтому в принципе все характеристики общества и личности, социального и индивидуального научно определяемы лишь при использовании принципа конкретного историзма, который и устанавливает конкретные параметры их корреляции.

В тот или иной период развития общества будут затребованы определенные социальные качества. Такие свойства, как сила, ловкость, выносливость, храбрость, находчивость, быстрота и др., имели исключительно важное значение в жизнедеятельности предлюдей. Именно они обеспечивали победу в борьбе за существование со стихийными силами природы и другими себе подобными. Им же принадлежит немаловажная роль в становлении и возникновении собственно социальных характеристик людей. В ходе объективации этих свойств происходит их обезличивание, опускаются единичное и особенное, внешнее, случайное, стихийное и т. д. Осуществляется как бы очищение их от субъективности и, в результате, они приобретают статус объективно-обязательного для всех требования и поддерживаются мнением сообщества. В сущности, таким образом возникают основные социальные императивы. Постепенно вы-

кристаллизовывалось нынешнее содержание человеческого, часто сводящееся только к положительному значению, хотя первоначально «социальный портрет» наших далеких предков включал в себя различные, порой даже противоположные характеристики: «На низшей ступени варварства начали развиваться высшие свойства человека. Личное достоинство, религиозное чувство, прямота, мужество, храбрость стали теперь общими чертами характера, но вместе с ними появились жестокость, предательство и фанатизм» [5, с. 45].

История человечества свидетельствует о том, что героизм как общественное явление возникает вместе с возникновением общества. Первоначальные общественные отношения родов и племен обязывали вести борьбу за свою территорию, отстаивать относительную автономию. В ходе этой борьбы постепенно вырабатывались такие качества, как военная доблесть, храбрость, смелость, презрение к трусости, малодушию. В то же время поощрялись насилие и убийство членов других родов, общин. Со временем эти феномены общественной практики закреплялись в соответствующих представлениях, затем в понятиях о героизме, а также в обычаях, в обрядах и в ритуалах. Следует отметить, что такая интегральная характеристика первобытного человека, как добродетель, главным образом сводилась к силе и храбрости. О многом также говорит факт восхождения значения слова «нравственность» в индоевропейских языках к слову «храбрость», т. е. «нравственным человеком» первоначально считался «храбрый человек» [9, с. 217]. Греческое слово «*agatos*» и латинское «*bonus*» означают «сильный, мужественный, храбрый, благородный, добрый» [3, с. 90]. Устные и письменные исторические памятники тюркоязычных народов также свидетельствуют об органическом единстве моральных и героических качеств людей: «Нағыз ер кім? Еркек көп қой, мейілі, «Ер» де соны – таза болсын пейілі (Настоящий герой – человек с добрыми помыслами)» [7, с. 206]; «Елдің ері – болсын батыл, білекті, Жауға қойса, жұлып алар жүректі» (Патриот Родины – отважный с добрым сердцем) [1, с. 2226]; в современном толковом словаре казахского языка слово «Ер» определяется в единстве нравственных и героических значений: «Жаужүрек батыр, қаһарман (бесстрашный, доблестный)». Русский историк-исследователь Казахстана XIX века А. И. Левшин в своей книге «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей» также отмечает традиционное наделение казахами своих батыров высокими нравственными качествами [4].

Истоки критерия героического содержатся в общественной практике доклассового общества, где постепенно закреплялись представления и идеи о самоценности различных форм проявления самопожертвования ради физического существования других. Подобная готовность первобытного человека затем перерастает во внутреннюю мотивацию поведения, в форму проявления опережающего отражения социальной действитель-

ности, в императивы первоначального гуманизма. Таким образом складываются элементы общечеловеческого содержания в критерии героического. Становление и возникновение классового общества обуславливает выдвигание в нем на передний план элементов классового. В целом, критерий героизма соответствует самоотверженной деятельности людей, классов, индивидуумов, объективным законам развития общества, общественному прогрессу.

Следовательно, в научном критерии героического представлено единство двух оснований: 1) объективно-практического и 2) субъективно-духовного. Первое указывает на социальную обусловленность героизма, на недопустимость сведения его к субъективному, переоценки роли индивидуального сознания. Следствием отрицания объективно-практического основания героизма может стать произвольная трактовка его критерия, когда в качестве ведущих мотивов героического поступка признаются долг, врожденная идея добра, субъективные чувства и качества (терпение, обязанность, сострадание, подражание и т. п.). Тем самым критерий героического становится произвольным, зависимым от действующего субъекта и от того, кто оценивает его действия. В таком представлении герой – любой, кто чем-либо выделился из массы, толпы, в частности, благодаря везению, удаче, судьбе и т. д.

С другой стороны, в героизме важное значение имеет субъективно-духовный фактор, который включает в себя представления, мнения, понятия о героическом, героический идеал. В содержании этих идеальных образований содержатся как общечеловеческие, так и классовые, а также этнические элементы. Так, у каждого народа, этноса имеются свои специфические представления, идеалы о героях, которые передавались из поколения в поколение такими средствами социального наследования, как творения устного народного творчества, традиции, обычаи, обряды, ритуалы и т. д. Они выполняли и выполняют существенную роль в решении задач патриотического воспитания молодежи. В них героизм представляется только как положительное социальное качество, высокое нравственное поведение, как соответствие категории героического идеала героическому действию. Как писал русский историк В. Соловьев: «Мужество сознается человеком не как преобладание только хищнического инстинкта, а как способность духа возвышаться над инстинктом личного самосохранения, причем присутствие этой силы духа является добродетелью, а отсутствие ее осуждается как постыдное» [8, с. 131].

Героизм – это доблесть, бесстрашие, стойкость, самопожертвование, проявляемое ради достижения высоких общественных и нравственных целей. Его источники различны: защита родины, верность гражданскому долгу, поиски правды, чувство любви, красоты и дружбы. Истинный героизм утверждает величие человека, его духовную силу и благородство, он неотделим от возвышенного.

Методологическое значение данного утверждения ярко проявляется при разграничении героизма от псевдогероизма, героя от антигероя. К примеру, не всякая смелость, отвага, бесстрашие и другие человеческие качества, входящие в состав героического идеала и связанные с готовностью идти на самопожертвование, могут стать формами проявления героизма. Другими словами, не всякая смелость героична. Она может быть просто частным моментом поведения, не вытекать из всех условий жизни и глубокой сущности данной личности, у которой отсутствовали даже отдаленные намерения о совершении героического поступка. Более того, смелыми могут быть действия асоциальных типов – воров, бандитов, киллеров и т. д.

Настоящий героизм выступает как такое интегральное социальное качество, в котором общественное стоит на первом плане и реализуется самоотверженными действиями людей, классов, индивидуумов. В нем общественная потребность проявляется как настоятельная необходимость, связанная с ведущими тенденциями общественного развития, а также получает индивидуальную, коллективную или массовую форму выражения. «Герой – человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества» (Юлиус Фучик).

В целом, системная, интегральная природа и сущность героизма объединяют в себе духовные и практические основы. Духовные основы, мотивы рассматриваются только в органической связи с практической деятельностью масс, классов, социальных групп, в объективном результате их действий. Они проверяются теми действиями, в которых они раскрываются для народа, этноса, передовых социальных сил. Героизм – не только в героических помыслах, настроении, в идеях самих по себе, а в органическом их воплощении в практике общества, класса, социальной группы, индивида. Степень зрелости единства духовных и практических основ героизма определяет степень зрелости самого героизма как важнейшей качественной определенности социальных субъектов. Очевидно, что нельзя признать героем человека с низменными или асоциальными чувствами, идеями, взглядами, идеалами, теориями, ибо в них отсутствуют положительные духовные основы и практические действия, призванные обеспечивать общественный прогресс.

Социальные качества общества не могут быть определены без учета характеристик социальных качеств отдельных единичных субъектов. В определенном смысле, каковы вторые, таковы и первые. Все положительные и негативные характеристики того или другого в конечном итоге объясняются сложной диалектикой взаимодействия системных по своей природе, социальных качеств индивидуального и совокупного субъекта истории. Поэтому взаимно коррелируемы массовый героизм и индивидуальный героизм.

Для отстаивания своих убеждений, идеалов и в теории, и на практике, в повседневной, порою рутинной, жизнедеятельности необходимо не только интеллектуальная, но и гражданская смелость как важное социальное качество. По существу она выступает как своеобразная разновидность героизма.

Герои – гордость каждого народа, носители общечеловеческих ценностей – общечеловеческих качеств. Они – убедительные доказательства объективного существования подобных качеств, преимущества таких социальных форм, которые работают на консолидацию народов, лучших образцов разных культур. Вместе с тем, они служат эталоном, образцом для подражания, способствуют очищению людей, предупреждают малодушие, трусость, раболепие и другие негативные качества, т. е. выполняют как созидательную, так и профилактическую роль. Теория и практика воспитания должны всемерно использовать эту возможность социальных качеств конкретных личностей. К примеру, наука и общественная практика при определении содержания героического идеала, героизма как социальной определенности различных социальных субъектов, должны всесторонне анализировать весь спектр факторов, содействующих их проявлению. Героическая личность здесь выступает в роли творца истории. Следовательно, знание истории предполагает, а не исключает знание биографии субъектов истории. Как утверждал Т. Карлейль, «общество основано на почитании героев» [2, с. 17], а «история мира ... – биография великих людей» [2, с. 19]. Тем самым история перестанет быть перечислением дат, бессубъектных событий. Сама по себе событийность исторического процесса без должного акцента на его носителей превращает субъекта в предикат якобы независимого от него, имеющего свою «объективную» логику, социального времени. Тем самым снимается проблема свободы, активности личности, частной и весьма важной формой проявления которой являются героическая доблесть, героизм.

С самого начала социалистического строительства советский идеологический дискурс утверждал, что революционные массы должны с течением времени породить яркую исключительную личность, героя и оптимиста. Построение социализма в трактовалось как созидание истинно человеческого общества, а человечность воспринималась как сущностная социальная определенность, свойственная социалистическому обществу как таковому.

Практика проявления себя героическими и общественно-полезными делами вошла в инструментарий специфически советских способов действия, задававших фон осмысления феноменов повседневной жизни советских людей. «То была эпоха героизма, когда героями становились самые обычные люди. Героическая эпоха требовала героических личностей и подвигов и прославилась ими... Слово «герой» в 1930-е годы встречалось повсеместно, так называли летчиков – рекордсменов дальних переле-

тов, полярников, пограничников, стахановцев и всевозможных Героев Труда... Советского героя часто именовали «богатырем», используя старинное слово из русских былин, и наделяли его теми же качествами: дерзостью, отвагой и величием духа» [10, с. 89]. Феномен героизма советского человека включал в себя самовоспитание, самопожертвование, самодисциплину как выражение нравственной свободы человека и господства над самим собой, борьбу со всем чуждым советскому образу жизни. Именно такие социальные качества должны были выработаться у советского человека в целях цивилизационного выживания в условиях жесточайших реалий Великой Отечественной войны и последовательного утверждения человечности как интегрального качества социальных субъектов.

Война стала моментом наибольшей сплоченности власти и общества за всю историю существования СССР. Борьба с фашистской Германией объединила народ, придала осмысленность существованию каждого человека, побуждала на героические поступки. Стремление сохранить социальные достижения времен советской власти наполняло смыслом общественную жизнь, давало стимулы к труду для всех граждан во время войны. Основное место в идеологической работе занимали призывы жертвовать всем ради победы, пропаганда самоотверженного труда и беззаветной преданности социалистическому государству.

Война научила советских людей пониманию того, что выживание советской цивилизации в этих экстремальных условиях возможно лишь при неуклонном обеспечении приоритета общественных интересов над личностными, групповыми, национальными интересами, проявлении истинного патриотизма, массового героизма и трудовой доблести.

Как пишет В. Мединский в книге «Война. Мифы СССР. 1939–1945»: «Урок Великой Отечественной, который нам следовало бы усвоить по-лучше, – это урок массового героизма. Само выражение «массовый героизм» звучит как-то странно, ведь героизм просто по определению – это то, что должно быть исключительным, уникальным. Но что тут поделаешь, если он действительно был массовым? То, что всегда, во всей мировой военной истории, было исключением из правила, у нас стало правилом, нормой» [6, с. 221].

В годы войны массовое мужество и героизм солдат, тружеников тыла играли судьбоносную роль. Эти же важнейшие социальные качества субъектов не утратили свою значимость в условиях современного общества. Пока существует угроза военных конфликтов, необходимость защиты и укрепления независимости – не теряет свою актуальность и разработка теоретических и практических вопросов патриотического воспитания, формирования у молодежи научных представлений о героическом идеале, военном и трудовом героизме.

Библиографический список

1. *Жусип* Баласағұн. Құтты білік. Алматы : Жазушы, 1986.
2. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. М. : Эксмо, 2008.
3. *Лафарг П.* Измышление ада // Экономический детерминизм К. Маркса. Соч. Т. 3. М.–Л., 1931.
4. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. Алматы : Санат, 1996.
5. *Маркса К., Энгельса Ф.* Архив Маркса-Энгельса, изданный в 1930–1940-е годы : [в 12 т.]. М., 1954. Т. IX.
6. *Мединский В. Г.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011.
7. *Сөз атасы.* Алматы : Жазушы, 1987.
8. *Соловьев В. С.* Сочинения : [в 2 т.]. М. : Мысль, 1988. Т. 1.
9. *Спиркин А.* Происхождение сознания. М. : Госполитиздат, 1960.
10. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы : город. 2-е изд. М., 2008.

С. Н. Некрасов

Искушение фашизмом в современном мире и российский традиционализм

Аннотация. Показаны причины и особенности возрождения фашизма (национал-социализма) в современной Европе, угрозы, которые несет в себе национализм и идея расового превосходства. Статья написана в контексте уроков Второй мировой войны и обращает внимание читателей на необходимость помнить их в современных условиях.

Ключевые слова: фашизм, нацизм, расизм, сегрегация, национализм, насилие, агрессия.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, то нам нужна наука и научная культура, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных модернизационных или восточных традиционалистских схем. Также нужно свое обществоведение, а точнее – социальные системологии повседневности для каждой крупной исторической системы и, разумеется, для такого традиционного общества, как Россия в различных ее ипостасях – российской империи, СССР и РФ. В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, свой набор дисциплин, свой язык. Так, как показывает А. А. Зиновьев, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма – науки о Западе. Именно поэтому книги А. А. Зиновьева о Западе, как неангажированный взгляд на западную повседневность извне как на «западнизм», востребованы на Западе, несмотря на их шокирующие названия и авторские неологизмы: «Глобальное сверхобщество», «Глобальный человек», «Западнизм», «Западоиды». Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал

ориентализм – науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это в свое время сделал К. Маркс в «Капитале».

Научная культура, создание новой картины мира станет главным условием победы в битвах XXI века за будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с ее универсалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет. Что остается? Остаются и вновь проявляются так называемые миры в современном глобальном мире. Всего выделяется семь таких миров, или институциональных подсистем: рыночный мир, индустриальный мир, традиционный мир (к нему относится возрождаемый «русский мир»), гражданский мир (формируемый в недрах затопленной миграционными потоками западной цивилизации), мир общественного мнения, экологический мир, мир вдохновения и творческой деятельности.

Сложившаяся западная наука об обществе с ее методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором четко обособлены экономическая (рынок), социальная (гражданское общество) и политическая (политика, государство) сферы. Это индустриальное общество «второй волны» (О. Тоффлер), в котором власть отделена от собственности, религия – от политики. Естественно возникает вопрос: как можно с помощью такой науки – слепка с классического буржуазного общества – с ее мультикультуральными дисциплинами, методами и понятиями изучать не буржуазные, не капиталистические (докапиталистические, антикапиталистические, социалистические) социумы? Речь идет в первую очередь о евразийских социумах, где власть не отделилась от собственности, где есть некая целостность. В таких обществах в XX веке развивались собственные науки, которые довольно успешно обеспечивали динамику и конкурентоспособность этих обществ. Так, в Советском Союзе в период строительства социализма развивались оправдавшие себя в управлении массами культурно-идеологические конструкции: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм; в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Аненербе, а в начале XXI века в Северной Корее торжествует неконсюмеристская идеология чучхе, в КНР – технологии маоизма, в Венесуэле – идеи просвещенного боливаризма, в Чили вернулись к власти сторонники С. Альенде и идеи обновленного социализма. Все эти технологии носят мессианский народный характер и имеют глубокие научные корни. Если не учитывать эти корни, то остается лишь бессильно разводиться руками.

В сущности, отказ от западной понятийной научной рамки и отказ от западного повседневного правосознания предполагает возникновение искусства фашизма – ожидание общества нового тоталитарного типа.

Западная наука нашего времени, как идеология модернизации отсталых обществ и технология формирования постиндустриального общества, не пригодна для понимания мира и жизни в становящихся и живых евразийских социумах, в которых рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения в капитализм. Между тем официальная наука только из вежливости не использует термин «капитализм», но, говоря о рыночной экономике, все же подразумевает капитализм западного типа. В этих условиях применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества, к обществам не буржуазным искажает реальность последних, превращает их в негативный слепок западного общества, записывает в разряд туземных варварских обществ, пополняя список держав «оси зла». В научном плане это ведет к ложным схемам, а с точки зрения практики может привести и приводит к катастрофическим последствиям вроде подписания договора ЕС с другими «периферийными» странами. Как, например, с Украиной, где сейчас реализуется бандеровский проект фашистского государства.

Угроза возникновения фашистского государства как продукта наложения дисциплинарной и понятийной (идеология, мифология, класс, бюрократия) сеток западной науки на советское общество существовала и до сих пор сохраняется и у нас. В результате утраты культурного и научного суверенитета мы в СССР получили ряд странных бесперспективных и не способных к развитию наук-мутантов: «политэкономика социализма», «социология советского общества», «политология советской элиты». По ту сторону «железного занавеса» нас изучали не при помощи этих наук и не в терминах западной академической социологии, но при помощи практических гуманитарных технологий советологии.

Именно поэтому генералами-победителями в войне с СССР 1946–1992 г. были объявлены социологи и советологи. Генералами-победителями в этой войне с СССР, как отмечалось на торжественном заседании Конгресса США в 1992 г., были именно женщины-социологи, советологи, и именно они после «парада победы» в Вашингтоне были награждены постами и медалями за победу в этой войне.

Сегодня на планете существует несколько мировых систем, и все они обладают собственными культурными технологиями и требуют для понимания в системе русского евразийского сознания обучения переходным программам-трансформерам. В противном случае – в случае непонимания специфики систем – можно утратить собственную евразийскую систему ценностей, запустить в нее чужие программные коды под видом новых

гуманитарных технологий. В середине 1980-х годов западные политологи говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество», и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» не хватает двух-трех социальных характеристик. М. С. Горбачев по совету западных советников попытался добавить в наш социум нужные характеристики: «права человека», «демократию», «рыночные реформы», «общечеловеческие ценности», «новое мышление». Эти характеристики возникавшего нового перестроечного режима ограничили закон о кооперации, привели к разрушению системы управления предприятиями, к отмене монополии государства во внешней торговле, уничтожению Госплана и Госснаба.

В системе науки, высшего образования и пропаганды в условиях конституционного запрета на единую государственную идеологию нужны принципиально новые науки о России, Западе и разных социальных системах, а также научная переходная евразийская интегральная гуманитарная дисциплина, делающая эти науки универсальными. Именно они нуждаются в нашу эпоху в инновационных технологиях и формах обучения. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку (повторим: как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это в свое время сделал К. Маркс в «Капитале» – этой «критике политической экономии») и использовать ее в качестве оружия в борьбе с чужими гуманитарными технологиями. В столкновении объединенной нацистской Германией фашистской Европы с СССР наше идейное оружие позволило отличить немецкий народ от гитлеровцев, фашистов от иноземных захватчиков, нацистов и немецких расистов от фашистов-традиционалистов. И такое же сильное оружие понадобилось политической элите России уже в 2012–2013 гг. при сохранении стабильности страны, когда возникла необходимость обретения полноты политического, военного, дипломатического, экономического, культурного суверенитета России. Мы снова заговорили о «русском мире».

Наиболее перспективным и общечеловеческим направлением сегодня является евразийская цивилизация с неоиндустриальным вектором развития на исторической территории обитания русского народа.

Пора вспомнить себя и опыт предков, понять, что мы живем не в «конце истории», но в начале подлинной истории человечества, переходом к которой может стать разрыв с веригами постиндустриализма и движение к русскому новому и реальному индустриализму. В сущности, нам часто рассказывают транслируемые СМИ сказки для взрослых. Сами названия философских, политологических, геополитических статей в философских журналах или бестселлеров на книжных прилавках свидетельствуют о том, что мы де «разочарованы в культуре». Будто мы ожидаем «смерть человека», предпринимаем деконструкцию перформативного

дискурса, слушаем «новых философов» на их «философском базаре». Э. Тоффлер рассуждает о том, что мы накрываемся «третьей волной» и живем в «мегатенденциях», страдая от «футурошока», от «великого разрыва» и «мутации культурной парадигмы», ужасаемся упадку «физической экономики» и объявляем неизбежный «финис мунди». Из всего этого разочарованные массы могут сделать и делают будто бы выводы о неизбежности прихода «железной пяты», громящей заговор сионистов-олигархов и реализующей социалистические неомальтузианские идеалы избранной нации и расы.

На самом деле, первый старт новое общество уже сделало в Парижской коммуне. Старт длиной в 70 дней. Второй старт – октябрь 1917 г. на 70 лет. Третий старт неизбежен, можно предположить его начало в 2017 г. (сравните менталитет нашего общества в 1915 и в 2015 г. и спросите: что ждет впереди?). Старт возможен в отдельной стране или в группе стран, а возможен как *бриколлаж* – наложение на стартовую площадку второго старта (Китай, Куба, КНДР, страны ШОС, страны БРИК, страны Таможенного союза). В любом случае третья форма нового мироустройства устоит всерьез и надолго и на весь мир. Возможно, расчет пройдет по геометрической прогрессии – 70 дней, 70 лет и 26 000 лет. Вообще переход к новому мироустройству следует сравнивать с переходом от первобытности к классовому обществу, а это период многих тысяч лет. Новое общество третьей решающей попытки организации глобального управления совокупного работника будет носить синтетический характер, поскольку строится на неоиндустриальной базе. И Россия, как страна-мессия, призвана возглавить движение человечества к прогрессу и свободе от стихийных природных сил и манипулируемых социальных групп, упрямо ведущих к регрессу и фашизму.

На протяжении своей истории Россия реализовывала особый тип государственно-национального строительства, благодаря которому она непрерывно расширяла свою территорию. Построение государства по модели страны-убежища для угнетаемых и преследуемых народов и индивидов позволило утвердить тот особый антифашистский русский менталитет, в котором все люди – братья, а эксплуатация национальных окраин как колоний за счет метрополии-центра принципиально невозможна. Не раз Россия подвергалась иноземной оккупации, и каждый раз освобождалась в ходе национально-освободительной войны наших предков, в конкуренции цивилизаций наша Родина победила восемь великих империй, а в XX веке части большой России (царской России и СССР) трижды подвергались иноземному вторжению и частичной оккупации. Только извращенный ревизионизм истории не позволяет новым историкам видеть, что все сформировавшиеся на просторах СССР так называемые независимые (недоразвитые, а официально – «развивающиеся») государства на самом

деле являются частями единого народа и фрагментами единой территории русского мира.

Национально-освободительное движение (НОД) полагает, что в 1991 г. наша Родина – СССР потерпела поражение в «холодной войне» и стала колонией оккупантов – элит англосаксонского мира США и Великобритании. Точнее, вся территория СССР была расчленена на совокупность формально независимых государств, на части которых разместились оккупационные войска НАТО, а все новые государства, за исключением России, утратили ядерный статус, некоторые из них разместили иноземные войска и военные базы на своей территории. Причем большая Россия была не просто побеждена и расчленена, но утратила государственный суверенитет. Полное уничтожение РФ как основного обломка бывшего стратегического соперника Запада было отложено на 25 лет. За это время 15 независимых государств как 15 колоний прошли через снижение уровня жизни, катастрофическое сокращение населения, уничтожение науки, промышленности, сельского хозяйства. После принятия в 1993 г. разработанной американскими советниками и одобренной США (о чем не раз публично по ТВ заявлял первый Президент РФ Б. Н. Ельцин) оккупационной «конституции на крови» Россия оказалась в более сложном положении в сравнении с прочими колониями.

В стране была построена англосаксонская политическая система с безответственной театральной партийной игрой в сфере законодательства, формальным президентским постом, премьер-министром, сформирована муниципальная власть с сити-менеджерами, мэрами, действуют губернаторы: все эти термины англосаксонского происхождения. На территории, оккупированной Третьим рейхом, те же должности более 70 лет назад именовались как бургомистры, старосты, гауляйтеры, рейхскомиссары, рейхсминистры. Сегодня, хотя и с заметным опозданием, актуально звучат слова генерала А. Макашова, сказанные им во время народного восстания в центре Москвы в октябре 1993 г. перед расстрелом восставших в Останкино: «Отныне ни мэров, ни сэров». На текущий момент, к 70-летию Великой Победы РФ обладает территориальным суверенитетом (флаг, герб, гимн), частичным политическим и военным суверенитетом, однако утратила культурный и экономический суверенитет.

В РФ официально зарегистрировано 650 НКО – фирм-агентов иностранного влияния, финансируемых США и странами ЕС и работающих в их интересах. Только в 2013 г. на деятельность НКО, направленную на разрушение России, было выделено более одного миллиарда долларов. В одной Москве более 20 тыс. грантополучателей получают еще и зарплату Госдепа США и работают против России. Еще в 1990-х годах американский гражданин В. Познер открыл в Москве школу, которая стала готовить журналистов и ведущих для российских СМИ. Центральные СМИ

с тех пор систематически искажают информацию и замалчивают проблему суверенитета. Более 600 школьных учебников были написаны на зарубежные гранты, первая волна учебников для вузов была издана за счет соросовского фонда «Открытое общество» и разослана по российским учебным заведениям. В стране открывались разработанные как проект США для России и стран третьего мира «Центры планирования семьи» – детоубийственная машина, созданная для сокращения населения развивающихся стран. В стране лоббируется закон о ювенальной юстиции, позволяющей изымать детей из семей, пропагандируется гомосексуализм и сексуальные извращения. Идет атака на традиционные и религиозные ценности, предпринимаются попытки разрушить РПЦ посредством протестантизации русской церкви и так называемого православного банкинга.

Все сказанное показывает, что нам нужна новая суверенная Конституция, написание и принятие которой требует широкого участия масс народа на всей территории СССР, всенародного обсуждения, референдума, с тем чтобы разрушить механизм внешнего управления странами, образовавшимися в результате уничтожения СССР. В первую очередь необходимо в ст. 75 ч. 2 отменить независимость ЦБ РФ, с тем чтобы его национализировать. Центральный банк из филиала ФРС США и МВФ-ВТО должен стать полноценным государственным органом. В настоящее время ЦБ не подотчетен и не подчиняется российскому государству и его правительству. На наших деньгах вместо герба РФ красуется орел после февральского временного правительства 1917 г., в то время как на дензнаках СССР было начертано «государственный казначейский билет» и гербы совпадали.

В ст. 9 ч. 2 необходимо убрать право частной собственности на природные ресурсы, т. е. национализировать их. Необходимо вернуть государству и народу ресурсы, утраченные посредством махинаций и приватизации 1990-х годов. И, важно, в ст. 15 ч. 4 следует отменить превосходство общепризнанных принципов и норм международного права над российским законодательством. Известно, что общепризнанные принципы и нормы права это нормы, для принятия которых требуется 10 стран (по пакту ООН о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 41–42). На практике это нормы, которые принимаются США для колоний, протекторатов и доминионов без прямого введения в законы внешне управляемой страны. Подобная статья есть в основном законе Германии, введенная в результате поражения во Второй мировой войне. Япония, оккупированная, как и Германия, в результате поражения в войне, также подчинена международной юрисдикции. Через общепризнанные нормы легко ввести пропаганду ЛГБТ, педофилии, зоофилии, эвтаназии, поскольку в ряде стран это принято как норма.

Однако самое главное, и с этим соглашается патриотическое большинство России, РПЦ, патриотические партии, в ст. 13 ч. 2 надо отменить

запрет на государственную идеологию. Без идеологии у страны нет стратегического планирования. Нет цели, нет национальной идеи, нет плана жизни, воспитания детей, строительства. В. В. Путин, в отличие от призывавшего ученых РАН в течение месяца сформулировать национальную идею Б. Н. Ельцина, в выступлениях 2014 г. призывал к формированию национальной идеи в ходе суверенной жизни нашего народа. Наша страна – наши правила! Буквально, наш Президент говорит: «Медведь свою тайгу никому не отдаст». Только независимая Россия освободит Украину и мир от фашизма навсегда.

Руководство страны должно перестать быть иностранными марионетками. Известно, что попытки прямой манипуляции романовской династией перед Первой мировой войной оказались несостоятельными, результатом этого стали прямые диверсии иностранных разведок (убийство Распутина и т. п.), финансовый перехват революционных партий и сил, а также прямое вбивание клина между родственными европейскими династиями. Особую опасность представляет внедрение иностранных структур государственного и общественного управления в социум своего противника. Сегодня опасна иностранщина, которая видна и проявлена в конституционных названиях должностей. В первую очередь новой и иностранной для России с 1991 г. стала должность президента. Нашим людям к 1991 г. было более понятно слово резидент – в смысле главный иностранный шпион на территории из приключенческих фильмов «Судьба резидента», «Ошибка резидента». Знали мы и американских президентов, знали, что от президента многое зависит у них там, за океаном, а потому и убили президента Джона Кеннеди. В русской культурной традиции есть слово «правитель» (верховный), обыденным у нас является слово «руководитель» – от слова «рука» – водить рукой, подписывать и т. д. А рука в случае руководства должна быть твердой. Всем памятен президент, который в пьяном угаре подписывал Беловежские соглашения. По сути, он со своим окружением совершал преступление против народов СССР! Плюнул на всенародный референдум, на мнение подавляющей части населения СССР, где 87% проголосовало за сохранения СССР. После этого все решения клики, захватившей власть в РСФСР, по демонтажу СССР незаконны и противоречат волеизъявлению народа! Все это означает, что после референдума марта 1991 г. все указы и приказы президента РСФСР-РФ и его администрации не имеют юридической силы! Впрочем, по воспоминаниям пресс-секретаря П. Вощанова, президент даже в состоянии угара четко различал цвета: подписывал документы, скрепленные золотой скрепкой, на материалах с алюминиевой писал «рассмотреть и предложить решение», а на бумагах с пластмассовой скрепкой ставить подпись отказывался. Спрашивается: кто манипулировал президентом, кто готовил бумаги и формировал их в папки, кроме его дочери и ее супруга, кто стоял

за ними и кто давал указания американскому послу, предлагавшему законодательные проекты для агентов влияния в органах власти?

Преступная ельцинская клика привела народ к вымиранию, гибели большей части промышленности и экономики в целом (от 22% мирового уровня до сегодняшних 2%), закрытию атомных реакторов и передаче расщепляющихся материалов США, и т. д. Действия Б. Н. Ельцина в их совокупности должны получить свою адекватную историческую и идеологическую оценку. Ведь и сегодня его сторонники все еще составляют главный стержень в так называемой «пятой колонне». Обязанность очистить страну от пятой колонны лежит прежде всего на руководителе России В. Путине. Ему выпала доля Ивана Грозного, Петра Великого и И. В. Джугашвили (Сталина). Повторим, если он не примет их традиционную форму прямого правления и достижения полного суверенитета страны, расчистки Родины от предателей, его ждет участь Николая II. Даже позорная доля Януковича ему не выпадет: бежать некуда. Как говорили фронтовики-победители поколения моего отца, «дальше Сибири не пошлют, меньше взвода не дадут!» Но при потере России подполковник КГБ не получит взвода, утратит и Сибирь.

Ему остается только сталинский путь расчистки. Лес рубят – щепки летят. Но зато оставшимся достанется лучшая жизнь, и далее не будет повадно другим, наследникам пятой колоны, совершать в корыстных интересах преступления против народа России. Ведь забирают они природные богатства и ресурсы, жизнь потомков и душу русского мира не просто у собственного народа. Поскольку нет чьей-либо собственности на людей как лучшую часть природы и любимую тварь Бога. Есть один собственник – это создатель Вселенной (Вселенных и нас живых существ). Только высший разум может претендовать на слово народа, его волю и собственность.

Сегодня необходимо ставить вопрос о том, что никакие указы и приказы той или иной формы власти не имеют верховенства над всенародным волеизъявлением. Тем более что президент как функция англосаксонской формы правления в индивидуализированном обществе не имеет никакой власти, кроме власти нотариуса или «гаранта конституции», следящего за соблюдением процедуры принятия законов. Кроме власти представлять страну за рубежом, власти «висящего на стене портрета». Кроме власти уговаривать своих чиновников и депутатов, подчиненных заокеанскому и вполне конституционному влиянию. Президенту пора перестать быть президентом, пора стать председателем России, секретарем страны и государства, верховным правителем и т. п. Названия могут быть любые, лишь бы они соответствовали народному менталитету, ласкали ухо и главное – выражали полноту власти, которой обладал царь, великий князь, император всея Руси, председатель Совнаркома, председатель ВЦИК, секретарь ЦК, первый секретарь, генеральный секретарь правящей

партии. Иными словами, он должен на деле стать национальным народным лидером. Такой вердикт должен быть записан в преобразенной Конституции России, и деяния тех, кто покушается на народное волеизъявление, должны квалифицироваться как преступление против человечества, за которое наказанием должна быть смертная казнь. Этот вердикт никто не должен иметь права отменить, его не может отменить даже волеизъявление следующего поколения. Это поколение можно обмануть, напоить боевыми бесплатными наркотиками, как это было на киевском майдане, обучить на зарубежных стажировках или в лагерях боевой и пропагандистской подготовки. Наконец, при смене поколений молодежь в результате конфликта с отцами может забыть их заветы и отвергнуть их завоевания. Может появиться лиса и как в сказке «Два жадных медвежонка», съесть при дележе головки сыра у глупых медвежат их достояние.

Мы приходим к выводу, что эта статья Конституции должна быть вечной! Только так можно сохранить нашу Родину Россию как государство и воплотить цементирующую роль русского человека! Президент В. Путин после 15 лет власти уже делает первые робкие шаги в этом направлении. Он ставит вопрос о введении земского самоуправления – реальной, а не формальной власти на территориях нашего народа. Ставить так вопрос – значит вводить выборы прокуроров, судей, начальников полиции-милиции, участковых инспекторов, требовать у них отчета перед жителями того или иного избирательного формирования! Третьего не дано. Мы обнаруживаем новейшую опасность для России – феномен экономического и политического терроризма чиновников и пятой колонны против народа России. Именно эти аксиомы должны стать основополагающими при составлении новой Конституции и идеологии русского мира.

Россия трижды испытала иноземное вторжение и дважды отразила его в XX столетии. Она должна быть свободной в XXI веке или она прекратит свое существование вместе с русским народом. Все сказанное предполагает необходимость обязательного уничтожения пятой колонны внутри страны, обуздание уличной компоненты «шестой колонны», контроль за состоянием умов «седьмой домашней колонны» чиновников и госслужащих. Особо опасным сегодня, повторим, является экономический терроризм, реализуемый пятой колонной внутри чиновничьего состава госаппарата РФ против существования самой российской государственности. Этот терроризм, снижающий уровень жизни народа, сокращающий его численность, широко известен населению РФ, которое унижается и оскорбляется действиями чиновников различных уровней, направленными на свержение национального лидера РФ, ее Президента В. В. Путина, на уничтожение утратившей после 1991 г. экономической и культурный суверенитет России. Напомним, что действия чиновников обусловлены тем, что в стране сформирована англосаксонская политическая система с безответственной партийной театральной игрой, внешним

управлением, а значит и судебной ответственностью за невыполнение распоряжений «оккупантов». Указания Президента РФ для них лишь личное мнение гаранта Конституции, своего рода нотариуса, невыполнение указаний которого не грозит даже административными взысканиями.

Сегодня РФ, как остаток и правопреемник СССР, обладая территориальным, частичным военным и политическим суверенитетом, утратила экономический и культурный суверенитет. Для врагов России дело остается за малым – работа подчиненных внешнему управлению высших и средних чиновников нацелена на окончательное решение вопроса с Россией как самым крупным и еще опасным остатком геополитического соперника Запада.

Однако идеология НОД до сих пор неопределенна. Сегодня она мало отличается от идеологии наших предков, сбрасывавших монгольское иго, отражавших удары рыцарских орденов, польско-литовскую оккупацию, шведскую агрессию, поход двенадцати языков Наполеона, агрессию кайзеровской Германии и Австро-Венгерской империи, план «Барбаросса» бесноватого фюрера, новый «крестовый поход» Б. Обамы и ЕС. Идеология предков блестяще себя оправдала, однако аморфность государственного устройства и его принципов после победы над оккупантами каждый раз создает угрозу для новой государственности. Речь идет об идеологии социальной справедливости, которая каждый раз скрывалась теми, кто побеждал в национально-освободительном движении и получал от него дивиденды, становясь новой правящей элитой. Эта новая идеология, которая побеждает уходящий либерализм и столкнувшиеся национализм и исламизм, может быть только социалистической и коммунистической. Проект мононациональной России как государства некоего российского народа не состоялся в постсоветский период российской истории, прежде всего вследствие идеологической несостоятельности носителей буржуазной транзитологии страны.

Либеральная идеология с протестантским основанием: «Мы верим во Всевышнего – все остальное наличными», «Читаем две книги – по воскресеньям Библию, всю неделю гроссбух», не прижилась в русском народе. Она оказалась в противоречии с его принципами «не иметь сто рублей», «до Бога высоко, до царя далеко».

Семидесятилетие Великой Победы над объединенными силами фашистской капиталистической Европы позволяет нам ставить вопрос о смене идеологического вектора в нашей стране. Ситуация повторяет ту, с которой встретила социалистическая Россия в 1941 г. – пришлось менять идеологию пролетарского интернационализма на идею защиты Отечества.

И если лозунг защиты Отечества не нашел признания у широких народных масс, то лозунг «За нашу Советскую Родину» и результирующие слова «Наше дело правое, мы победили!» показали правильность

смены вектора, намеченного еще тезисом Сталина 1931 г. о том, что мы должны пробежать путь Европы за 10 лет, иначе нас сомнут. Все это значит, что идеология НОД сегодня должна быть откорректирована, с тем чтобы получить признание всего народа, а не только активистов движения. Говорят, даже при использовании административного ресурса в ноябре 2014 г. таковых откликнулось на призыв выйти на улицы всего лишь 75 тыс. Вот и ополчение Донбасса никак не может преодолеть планку в 30 тыс. Между тем война – дело серьезное, и в плане «Барбаросса» было задействовало 11,5 млн человек из всех армий объединенной Европы, а противостоящая на первом этапе войны Красная армия насчитывала 5,1 млн человек. Чтобы избежать фашизации России и оккупации большой России новым фашистским Западом, власти необходимо срочно делать выводы об административном ресурсе и новой национальной идеологии.

Т. С. Орлова

Влияние духовно-нравственных ценностей на формирование патриотизма россиян

Аннотация. В статье поднята проблема ценностного сознания и трансформации ценностных ориентаций современного человека. Выделены универсальные, социальные, этнические и иные ценности. Показана их роль в развитии креативного мышления и сознания.

Ключевые слова: ценность, аксиология, креативность, сознание, культура, мышление.

В наше время, время преобразований в социальной и духовной жизни общества, актуальность проблем формирования духовно-нравственных ценностей, обучения и воспитания подрастающего поколения привлекает внимание не только государства, но и всего сообщества. Современное состояние социально-экономического развития России со всей очевидностью свидетельствует о том, что успешность современных преобразований в экономике, направленных на ее устойчивое и независимое становление, во многом зависит от того, кто и как их осуществляет.

Забота о духовном развитии общества не может ограничиться лишь реализацией социальной политики государственных органов. В период кардинальной ломки устоев общества возрастает значение общественных движений за сохранение духовных основ, в первую очередь на базе общечеловеческих ценностей.

По общим понятиям, ценностью считается то, что обладает для человека (и общества в целом) неким положительным значением и вследствие этого предпочитается чему-то другому.

Как правило, ценностью оказывается то, что помогает человеку добиваться поставленных целей или содержит в себе представления о достойной жизни. Разумеется, у людей могут быть весьма разные представ-

ления о достойной жизни и соответственно разная иерархия ценностей. Во многом это обуславливается воспитанием и социокультурными традициями среды, в которой сформировалась личность человека [3].

Основа полноценного духовного развития человека, понимание условий, способствующих или препятствующих этому, – это проблема осмысления жизни, составляющая стержень процесса формирования сознания.

Осмысление мира ценностей началось в философии достаточно давно.

В этом плане, на наш взгляд, сегодня заслуживают внимания идеи нравственно-религиозного воспитания Л. Н. Толстого (1828–1910). Свое понимание полноценно функционирующего человека, человека духовного и нравственного, деятельного и творческого, постоянно преодолевающего противоречивость своего существования, устремленного к смыслу и ценностям, духовно свободного и ответственного, умеющего устанавливать личную форму общения с Богом, он воплотил в своем учении [13].

Безусловно, эти идеи в свое время подвергались жесточайшей критике. Среди оппонентов были такие знаменитости, как С. А. Франк, Л. З. Слонимский, Д. С. Мережковский, И. А. Ильин, В. В. Вересаев, П. А. Кропоткин, А. Белый, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский и многие другие.

Нельзя не согласиться с тем, что каждый человек сам формирует свои представления о красоте, добре, правде, смысле жизни и др. Ценности, признаваемые одним человеком, не менее значимы, чем ценности других людей. Причем человек вправе произвольно изменять свои представления о ценностях, менять их иерархию.

Таким образом, ценности выступают как единство объективного и субъективного, связанное с человеческой практикой, которая также соединяет в себе субъективное и объективное. Ценности представляют собой одно из средств теоретического и практического освоения действительности. При помощи системы ценностей происходит преобразование природы, социума и человека в сторону их совершенствования. В определенной степени ценности относительно и изменчивы, зависят от исторической ситуации, социокультурных традиций и установок; но вместе с этим следует отметить и достаточно большую степень устойчивости ценностей, поскольку они имеют в своей основе общечеловеческое содержание.

Общепринято к ценностям относить добро, а не зло. Красоту, а не безобразие. Истину, а не ложь. Жизнь, здоровье, справедливость, а не их противоположности. Как правило, ценностями является то, что удовлетворяет насущные потребности людей, сплачивает социальные группы и общество в целом, содействует развитию, совершенствованию и самореализации человека на благо общества. Причем степень значимости для че-

ловека той или иной ценности может существенно варьироваться в зависимости от конкретной ситуации.

Все потребности человека иерархически располагаются по уровням (от базовых к высшим):

- физиологические потребности;
- потребности в безопасности и защите;
- потребности в принадлежности к социальной группе, в поддержке с ее стороны;

- потребность в уважении и признании;

- потребность в самовыражении, в том числе посредством творчества.

Как только удовлетворяется одна группа потребностей, человек начинает ощущать необходимость в удовлетворении потребностей, располагающихся на следующей ступени.

Сегодня принято выделять также определенные *виды* ценностей. В частности, *«общечеловеческие ценности»*, к которым традиционно относятся базовые принципы нравственности, выражаемые в национальной традиции, религиозных кодексах (например, 10 заповедях Моисея), правовых документах, этических теориях. К *национальным ценностям* можно причислить то, что обусловлено духовным складом (менталитетом) того или иного народа, его историческим прошлым. Так, традиции православия являются национальной ценностью России. К разряду национальных ценностей относятся артефакты культуры народа, социально-политические идеи, сплачивающие нацию. *Социально-групповые ценности* отражают систему идеалов и видения мира неких социальных групп (классов, сословий, профессиональных групп). Существуют также *локально-групповые ценности*, которые разделяют относительно небольшие группы людей (по месту поселения, по возрастным категориям). Ценности можно подразделить на витальные, социальные и духовные. Витальные ценности являются базовыми и относятся к обеспечению условий выживания человека. К разряду витальных ценностей относятся жизнь, здоровье, качество жизни (полноценное питание, благоустроенное жилье), экологически безопасные условия окружающей среды.

Социальные ценности обеспечивают полноценное и безопасное существование человека в обществе, а также гарантируют цельность и прогрессивное развитие самого общества. Социальные ценности можно подразделить на социально-экономические и общественно-политические.

К *социально-экономическим ценностям* относятся, в частности, природные ресурсы, орудия труда, технологии производства, результаты материального производства, деньги, драгоценности, ценные бумаги и пр.

К числу *общественно-политических* ценностей могут быть причислены социальные институты (семья, государство, образовательные учреждения), социальный статус, права и свободы, законность, гражданский мир, стабильность.

Духовные ценности отвечают за формирование устойчивых положительных качеств личности. К духовным ценностям можно отнести верования, нормы, идеалы. Особенно важными в числе духовных ценностей следует признать этические и эстетические ценности. Главной этической ценностью признается благо (добро). Категория блага признавалась в философии воплощением высшего идеала стремлений людей.

Также к *этическим ценностям* относятся счастье, благородство, любовь, дружба, долг, верность, справедливость и пр. Этическими антиценностями выступают зло, несчастье, подлость, ненависть, предательство и пр.

Главной эстетической ценностью является прекрасное (красота), воплощающее в себе высшее эстетическое совершенство. С категорией прекрасного связана также ценность возвышенного и других эстетических категорий: изящного, грациозного, комического, трагического и др. Эстетическими антиценностями считаются безобразное, низменное, пошлое, вульгарное, ужасное.

Кроме того, автор (М. В. Грачев) условно подразделяет ценности на абсолютные и относительные. Абсолютные ценности имеют общечеловеческий характер и признаются высшими, т. е. теми, которым остальные ценности подчинены. Обычно наивысшей абсолютной ценностью для человека является жизнь, однако не всякая жизнь, не просто существование, а достойная добродетельная жизнь, исполненная высшим смыслом служения Родине, семье, творчества и стремления к высоким идеалам. Все остальные ценности, так или иначе, соотносятся с этой абсолютной ценностью и выступают как относительные. В контексте этой конкретной проблемы взаимосвязи сознания и практической деятельности хозяйствующего субъекта мы считаем, что важнейшим фактором выхода национальной экономики в стадию устойчивого развития является креативность экономического сознания хозяйствующей личности [14].

Данная проблема стоит в контексте более общей проблемы исследования структуры и содержания современного экономического сознания, его морфологии, особенностей процессов мышления и понимания, собственных представителям различных социумов и этносов. Однако, будучи приложена к проблематике экономического сознания, проблема креативности выходит далеко за границы собственно психологии и педагогики и становится вполне самостоятельной онтологической и гносеологической темой исследования. Необходима «новая философия», «новое сознание», т. е. практически новое понимание сущности человека и иное понимание целей обучения и воспитания, связанных со становлением собственно человеческого в человеке.

К сожалению, сегодня отсутствует собственный теоретико-методологический подход к выработке комплексной экономической стратегии. Долгие годы это было связано с активным инкорпорированием в наше

экономическое сознание инокультурных, часто просто несовместимых по объективным обстоятельствам с национальной экономикой, ценностных ориентаций и приоритетов. Поэтому анализ в содержании и структуре нашего экономического сознания ценностных координат, смыслов и установок, адекватных тем задачам, которые стоят сегодня перед российским обществом, становится первоочередной задачей. Сделать это можно лишь с помощью формирования такого общественно значимого свойства нашего сознания, как креативность [9].

На наш взгляд, креативность, и прежде всего экономического сознания, представляет собой ключевой фактор целостности сознания человека и важное условие в возникновении нового знания и критического продуктивного мышления. Репродуктивное мышление перерастает в творческое мышление посредством актуализации креативного потенциала личности. Содержательные компоненты креативности сознания и их внутренняя иерархия определяют алгоритм и эффективность формирования творческих способностей личности и их практическое применение.

По мнению автора статьи, ценностными предикатами креативности, определяющими ее социально-онтологические основания, выступают как *общие, так и специфические ценности* человеческого бытия. К общим ценностям отнесены морально-этические характеристики, такие как социальная справедливость, человечность, доброжелательность, благочестие, характеризующие человека как духовное, морально-нравственное существо. К специфическим (экономизированным) ценностным основаниям креативности сознания нами отнесены полезность, эффективность, рациональность, утилитарность, характеризующие сугубо хозяйственный аспект человеческого бытия. Синтез указанных оснований формирует векторы и координаты развития (актуализации) креативности хозяйствующей личности, творческий характер экономической деятельности людей.

Актуализация креативности в структуре и содержании экономического сознания предвдвряет ее предметно-вещественную конкретизацию в поступках и действиях. Вместе с тем такая актуализация осуществляется контраверзивно. Это обусловлено ограниченностью экономических ресурсов, определенностью ценностных установок хозяйствующего субъекта, характером его мировоззрения. В связи с этим хозяйствующая личность субъективно осуществляет объективно поставленный перед нею выбор в пользу *конкретной иерархии ценностных ориентаций*, стилей экономического поведения и мышления, характера собственной хозяйственной практики.

Творческий подход, обусловленный психологическими, физиологическими, физическими и социальными детерминантами, формируется в нашем обществе крайне медленно и неэффективно. В связи с этим и само экономическое сознание многих представителей российского бизнеса оставляет желать лучшего. Формирование системы социально ответствен-

ного бизнеса в нашей стране невозможно без актуализации креативного потенциала в мыслительной практике, а затем и в материально-предметной хозяйственной деятельности. Стратегически мыслить, оптимизировать действия, принимать адекватные решения, эффективно управлять социально-экономическими процессами можно, лишь развивая в себе креативность, превращая ее в базисный признак своего экономического сознания и хозяйственного поведения [12; 16]. Только решение данной задачи позволит от homo economicus – «экономического человека» (теоретической модели хозяйствующей личности, созданной на заре промышленной революции в XVIII веке Д. Локком, А. Смитом и Д. Юмом) перейти к социально ответственной экономической личности, теоретически разработать данную модель и реализовывать ее на практике. Наряду с интеллектом и рационализмом в структуре экономического сознания такой личности важнейшее место должны занимать духовность, культура, лояльность, патриотизм и гуманизм [4].

Синтез этих оснований при правильно избранной иерархии данных компонентов позволит сформировать и социально ориентированное хозяйство, то, что вслед за В. Ойкенем и Л. Эрхардом называется социально ориентированной рыночной экономикой. Переход к такому типу экономической системы станет возможным как по субъективным основаниям (формирование социальной ответственности личности, ее социальной компетентности, высокой духовности и экологичности), так и по объективным причинам (снижение рисков, неопределенностей в экономике, комплексное и пропорциональное развитие хозяйственной инфраструктуры, совершенствование системы социального партнерства, демократизация отношений собственности и капитала).

Нельзя не согласиться с тем, что подъем экономики, формирование развитого цивилизованного государства без реанимации наших исконных традиционных ценностей невозможен.

Глубокие изменения, происходящие в российском обществе, напрямую затронули и образование, которое переживает сегодня, по оценкам ученых и преподавателей, государственных и общественных деятелей, глубокий кризис, выражающийся не столько в материально-финансовом аспекте, сколько в неопределенности целей и содержания образования.

Желание научить детей творчески мыслить, формировать их духовные потребности и нравственные качества заставляет задуматься о пути реформирования образовательной системы.

Вместе с тем сегодня перед системой экономического образования РФ стоит важнейшая задача: формирование системы гражданского, патриотического, духовно-нравственного воспитания [8]. С другой стороны, государственное регулирование в сфере образования также преследует, казалось бы, сугубо рациональные цели и задачи. Государство рассматривает образование как «процесс воспитания и обучения в интересах чело-

века, общества, государства, ориентированный на сохранение и передачу знаний новым поколениям в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, постоянного совершенствования нравственного, интеллектуального, эстетического и физического состояния личности и общества» [10, с. 173].

Однако если образовательный процесс строится на неверной системе ценностных координат, основывается на заведомо искаженной, неэффективной иерархии ценностных ориентаций самих участников данного процесса, то получаются «сапоги всмятку», «прививка оспы телеграфному столбу». Одним из признаков такой неверной системы ценностных координат в сфере профессионального (и прежде всего экономического) образования является абсолютизация принципов рационализма, прагматизма, гедонизма, выхолащивание из образовательного процесса подлинно духовного, гуманистического начала, пустое декларирование в теории и несоблюдение на практике задач нравственного совершенствования.

В конце XX – начале XXI века все мы были свидетелями несостоятельности рационализированного экономического образования, да и самих макроэкономических теорий, основанных на принципе рациональных ожиданий. Главной причиной стало то, что голый рационализм и гедонизм привели к тому, что в сфере экономического образования стал формироваться даже не специалист-прагматик, а часто просто циничный эгоист, которому внушили в качестве главной установки задачу «минимизировать издержки и максимизировать прибыль». Окончательно репутацию многих апологетов общей концепции рационализма разрушили произошедший в 1987 г. крах фондовой биржи, российский дефолт 1998 г. и другие глубокие потрясения (финансовые кризисы), которые произошли, как казалось, без каких-либо явных причин. Это послужило началом того, что в экономическую науку и сферу экономического образования стали постепенно допускаться идеи, учитывавшие реальную возможность нерационального поведения. Сегодня многие экономисты, занимающиеся осмыслением тенденций в развитии экономического образования, используют последние достижения экспериментальной психологии, подвергая при этом жесткой критике саму идею рационального поведения, как отдельно человека, так и целого сообщества.

В целом очевидно, что за прошедшие десятилетия реформ система воспитания в высших учебных заведениях (а именно здесь готовят кадры высококвалифицированных менеджеров, финансистов, экономистов) оказалась изрядно разваленной. И главное в том, что оказались девальвированными, размытыми ценностные основания самой воспитательной работы. Сегодня мало кто из педагогов знает, каким образом можно было бы соединить, сочетать в учащемся требования, которые предъявляет к субъекту современная хозяйственная практика, и те ценности, на которые ориентирует нас национальная доктрина образования в РФ. Здесь необходимо

отметить, что наряду с вышеприведенными характеристиками предпринимательского типа экономического сознания нашему обществу требуются сегодня и такие признаки сознания, как патриотичность, человеколюбие, ответственность.

По мнению автора, конкретными основаниями актуализации креативности в структуре и содержании экономического сознания хозяйствующего субъекта выступает его образование (как общее, так и экономическое), характер его воспитания, его опыт (как практический, так и духовный). Все формы и виды знания (научное, обыденное, специализированное и т. п.), мышления (аналитическое, интуитивное и т. д.), все полученные в ходе образования, воспитания и осуществления собственной практики (обретения опыта) умения, навыки и способности создают необходимую «критическую массу» для перехода креативности из потенции (состояния покоя) в актуальность (хозяйственную деятельность). Однако сам этот «переход» есть акт духовного и социального становления личности, «акт духотворения» (Л. Флоренский), «результат работы со смыслами» (В. Соловьев), «духовного делания» (И. Ильин).

В нашем обществе идеология общности, семейственности, родительское чувство и преданность детей – реальные характеристики российской ментальности. Другое дело, что в современных условиях эта идеология общности, солидарности, всеединства выветривается, деформируется под натиском пропаганды западного образа жизни. Не приходится удивляться, что классовая идеология, идея классовой борьбы пришла в Россию именно с Запада. Марксизм был импортирован в нашу страну с Запада так же, как сегодня импортируются оттуда идеологемы и стереотипы «американского образа жизни» или идеи «борьбы с авторитетами», нигилизма и т. п. В поисках идеала западное общество само постепенно зашло в тупик, выход из которого до сих пор не найден.

В современных условиях происходит переосмысление классового характера идеологии. Представляется, что мы долгие десятилетия просто сталкивались с путаницей в понятиях, отождествляя идейность, т. е. приверженность определенным, строго отграниченным в социальном плане идеям и установкам, и идеологию, т. е. систему всеобщих (общесоциальных) ценностных ориентаций, ценностей и установок. Отказываясь от старого догматизированного представления о классовой идеологии вообще, необходимо корректировать и представления об экономической идеологии, тем более что идеология и идейность соотносятся как общее и частное. Иногда говорят: «идеология наживы», «идеология денег», «идеология прибыли» и т. п. Гораздо реже слышишь сегодня об идеологии труда, хотя философия труда в истории русской философской и экономической мысли отражена довольно глубоко и имеет давнюю традицию.

Идеология в экономике есть выстраивание таких систем хозяйственных приоритетов и ценностей, которые присущи (одинаково необходимы)

обществу в целом, могут действительно быть общественной идеологией, т. е. выполнять объединяющую и созидающую функции в сфере хозяйственной деятельности людей [2, с. 135–292].

Все остальные «заявки» остаются только отдельными «кирпичиками», из которых следует выстроить целостное здание «идеологии». При этом важно подчеркнуть, что метафизика хозяйственного духа, воплощающаяся в виде духовности самого экономического сознания, выступает собственно как идеология экономики. Не случайно С. Н. Булгаков и С. Н. Трубецкой рассматривали именно метафизику как «систематическую идеологию сущего» [1, с. 31]. Именно системность и метафизичность выступали для этих философов определяющими признаками идеологии.

Экономическая идеология пронизывает все известные науке экономические системы: патриархальное, натуральное хозяйство; простое товарное хозяйство; рыночную экономику; индустриальную и постиндустриальную системы. В каждой из них складывается своя особая экономическая идеология, выступающая как функция экономического сознания. Но «кистинным и притом трансцендентальным субъектом хозяйства, олицетворением *чистого хозяйства* или самой функции хозяйствования является не человек, а человечество» [1, с. 94]. Это суждение справедливо в том плане, что хозяйство есть общественный феномен, все люди являются его участниками, поэтому и функция общественного сознания, каковой выступает экономическая идеология, должна быть общей, общественной, общенациональной, общенародной. Не случайно поэтому конечной целью в рамках коммунистической идеологии провозглашалось формирование бесклассового общества, а на этапе «зрелого социализма» – формирование новой социальной общности – «советского народа» и т. п. Это было связано, как нам представляется, с одной стороны, с глубинными противоречиями между толкованием коммунизма как новой бесклассовой общественно-экономической системы (формации) и идеологией как узко классово-групповой, корпоративной функцией общественного сознания, а с другой стороны, с противоречиями между догматизированным марксизмом и реальной хозяйственной практикой.

В самом деле, вряд ли нашему обществу сегодня необходим такой предпринимательский тип экономического сознания, который основывался бы на *бессердечной свободе*. Не случайно в связи с этим еще И. А. Ильин писал, что «*бессердечная свобода* стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации», что «беспредметная и противопредметная свобода стала свободой беспринципности, разнуздания, безверия, „модернизма“ (во всех его видах) и безбожия» [6, с. 179–180]. Важным признаком предпринимательского сознания в нашем обществе должны стать *предметность и ответственность*. Только ответственное

сознание хозяйствующего субъекта есть сознание и профессионально, и социально компетентное. Полагать, что может быть профессионально, компетентное сознание без адекватной социальной компетентности, все равно что решать спор о том, что же было первым: курица или яйцо. Аналогично обстоит дело и с беспредметным сознанием. «Жить предметно, – указывал И. А. Ильин, – значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придает моей жизни высший последний смысл» [6, с. 182].

Связывая предметность с патриотической традицией и православной духовностью, И. А. Ильин, по существу, указывал на религиозный смысл воспитания [6, с. 182]. Однако отметим: неважно, мусульманин, православный, иудей или буддист является предпринимателем; важно чтобы в основании их экономического сознания покоился «особый дух – дух искания, ответственности и служения» [6, с. 186]. Именно этот дух объединяет людей разной веры в одном истинно правильном понимании экономики, хозяйства. Именно этот дух формирует в человеке чувство собственного духовного достоинства, превращает его из раба в свободного человека, из твари в творца, из временщика в радетеля и хранителя своей Родины. Высокопарный слог, которыми пронизана вся речь И. А. Ильина, не затемняет того обстоятельства, что сама эта речь вполне конкретна и убедительна. Творение без духовности мертво, лишь *духотворение* есть основание хозяйственного творчества, предпринимательства.

В связи с этим достойно сожаления то обстоятельство, что в российских учебных заведениях до сих пор крайне мало внимания обращается на необходимость осмысления духовных оснований. Формируя профессионала своего дела в сфере предпринимательства, экономики, бизнеса, следует помнить, что профессионализм, оторванный от существенных духовных первооснов человека, может быть использован не во благо, а во зло ближним.

Следует также иметь в виду, что духовность есть особое качество человека, который руководствуется идеалами, волей к совершенству, стремлением жить по правде. Выбирая те или иные идеалы в качестве святынь, он в своей хозяйственной практике относится к ним как к ценностям предельного, высшего порядка. Мы считаем необходимым осуществлять в системе образования синтез двух основных характеристик в структуре и содержании сознания будущего специалиста: ценностей предпринимательского сознания и ценностей нравственного сознания. Соединив эти характеристики, мы можем рассчитывать на формирование такого предпринимательского типа экономического сознания, который одновременно будет и нравственным. А тем самым мы могли бы рассчитывать на формирование и такой национальной, хозяйственной системы, в основе которой лежали бы духовные основания, а не только чисто предпринимательские характеристики. Фактически речь идет о новом экономическом

синтезе, но не неоклассическом синтезе современных зарубежных исследователей (П. Самуэльсон, Ф. Махлуп и др.), а о синтезе свободы и нравственности, духовности и прагматизма, оптимизма и расчета [5].

Креативность, таким образом, выступает как динамическая способность предпринимателя сначала медленно, в сознании, а затем и предметно, на практике, осуществлять качественно новые комбинации, иерархии, выстраивать качественно новые системы и структуры из уже имеющихся элементов и дополнять их новыми. Если первая часть данной фразы понятна, то со второй частью тезиса не все обстоит так просто. Создание «новых» элементов знания есть не что иное, как расширение объема нашей информированности (экстенсивный горизонт) и углубление (конкретизация) наших прежних знаний (интенсивный горизонт). И здесь необходимо выделить два важных аспекта.

С одной стороны, психофизиологическую детерминированность творчества, а с другой стороны, его социально-культурную детерминированность. Й. Шумпетер, например, второй детерминант в анализе предпринимательства полностью и сознательно игнорировал. Справедливо отмечая, что «предприниматель – это не персонификация капитала, не наделенный плотью и кровью капитал», Й. Шумпетер добавлял: «Право собственности на промышленное предприятие или вообще на любое „имущество“ не является для нас существенным признаком предпринимателя» [15, с. 170].

С таким суждением нельзя согласиться. Социально-классовую детерминированность хозяйственных процессов достаточно убедительно доказали классики марксизма. Кроме того, в современных условиях мы также обнаруживаем эту детерминированность. После того как в начале XIX века французский экономист Ж.-Б. Сэй сформулировал свою концепцию факторного анализа экономики, многие экономисты конкретизировали научные представления о детерминированности хозяйственной практики. Так, К. Маркс создал однофакторную теоретико-экономическую модель, в которой источником творчества, создания новой стоимости был объявлен только труд.

С другой стороны, Л. Келсо предложил двухфакторную модель хозяйства, которая основывается на соединении двух факторов – труда и капитала с целью приобщения возможно большего числа граждан к получению дохода одновременно и от труда, и от капитала. Движущим мотивом в модели Л. Келсо является совокупный доход, включающий в себя одновременно прибыль и заработную плату. Массовое акционирование и распространение акций среди миллионов держателей – мелких собственников постепенно превратило некогда наемных работников в совладельцев крупных компаний. И пусть личная доля каждого конкретного работника в общем капитале предприятия ничтожна, но это пробудило к жизни их креативность, создало необходимые условия для творчества.

Детерминированность творческой активности работника сопряженностью, доступом к собственности, властным функциям (управлению, распоряжению, контролю) позволяет быстрее формировать не только необходимую фирмам психологию, но и особый менталитет, корпоративную культуру и, конечно же, экономическое (а именно – предпринимательское) сознание. Представляется полезным изучение данного опыта в этой области и его использование в нашей стране на благо Отечества. На этом пути мы видим возможности создания и развития в РФ системы социально ответственного и творчески эффективного отечественного предпринимательства.

Таким образом, актуализация креативного потенциала экономического сознания хотя и детерминирована ценностным выбором, но отнюдь не сводится к нему. Креативный потенциал посредством творческого воображения актуализируется в виде замыслов, установок, идей, требующих своего предметно-практического воплощения. Поэтому на смену ценностному выбору приходит инновационный процесс, когда замыслы и идеи обретают конкретные формы и черты (в виде проекта, композиции, теории, формулы и т. д.). Характер конкретизации креативного потенциала в виде идеологии, будь то вульгарный экономизм или размытый гуманизм, секулярный культурологизм или сакральный догматизм, детерминирован не только той системой ценностей, сквозь которую он проходит, но и той внешней культурой, социальной, хозяйственной средой, в которой человеку предстоит свои замыслы осуществлять в будущем. Хозяйствующая личность должна учитывать не только отвлеченные, общие, абстрактные, но и сугубо экономические и организационные факторы для актуализации своего креативного потенциала: наличие или отсутствие необходимых ресурсов, социальную компетентность как у себя, так и у окружающих, характер спроса и предложения, уровень культуры потребления и т. п. Иначе говоря, общий эскиз, замысел должен обрести признаки законченного рисунка, свои четкие контуры, которые в будущем станут основой для апробации и внедрения уже конкретных идей в сферу хозяйствования. Креативный потенциал посредством инновационной деятельности обретает свою экономическую реальность.

В целом, креативность экономического сознания, внимание к развитию которой необходимо уделять на всех этапах системы непрерывного образования, позволит существенно скорректировать место и роль самой творческой личности в системе производства и распределения национального богатства, улучшить качество человеческой жизни и повысить индекс человеческого развития. Духовные образования личности – это фундамент и смысловой аспект всей научной картины мира. Чтобы сберечь свою национальную самобытность, нужно обратиться к своим традициям и истокам. Важно помнить, что есть ценности, которые выше любой политической принадлежности [11]. После любых общественных потрясе-

ний и деформаций, кризисов и нравственных трагедий общество выходит на новый виток своего бытия путем возвращения к своим истокам, осмысления и широкого использования накопленного предшественниками морального капитала.

Библиографический список

1. *Булгаков С. Н.* Сочинения в двух томах. Том 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М. : Изд-во «Наука», 1993.
2. *Ветошкин А. П., Стожко К. П.* Философия экономики. Екатеринбург : Полиграфист, 2001.
3. *Грачев М. В.* Философское учение о ценностях. URL : <http://grach-ucheny.ucoz.ru/publ>.
4. *Духовно-нравственный* путь развития России : материалы V Всерос. науч.-богослов. чтений // Русский экономический вестник : науч.-публицист. журн. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.
5. *Иван Ильин и современная Россия* : материалы IV Междунар. Ильинских науч.-богослов. чтений «Царские дни» // Русский экономический вестник : науч.-публицист. журн. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006.
6. *Ильин И. А.* О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Собрание сочинений: [в 10 т.]. М. : Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 2.
7. *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб. : АО «Комплект», 1993.
8. *О национальной доктрине образования в РФ* : постановление Представительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751.
9. *Орлова Т. С.* Креативность экономического сознания : [монография]. Екатеринбург : [Изд-во Урал. ун-та], 2004.
10. *Правовые* проблемы модернизации образования / [отв. ред. А. И. Родков]. М. : ГУ-ВШЭ, 2002.
11. *Путин В. В.* О высших ценностях патриотизма. URL : <http://www.oboznik.ru/?p=23358>.
12. *Стожко К. П.* Экономическое сознание. Екатеринбург : УрГУ, 2002.
13. *Толстой Л. Н.* Избранные философские произведения / [сост. Н. П. Семькин]. М. : Просвещение, 1992.
14. *Философия* российской экономики : [в 2 т.] / под ред. Н. Н. Целищева, Т. С. Орловой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005.
15. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития : [пер. с нем.]. М. : Прогресс, 1982.
16. *Экономическое мышление в XXI веке* : [монография] / [Х. У. Астамиров и др.] ; под ред. М. А. Пивоваровой. М. : Моск гос. ун-т печати, 2005.

Ю. В. Савельев

«Вначале было слово»: информационные предшественники войны

Аннотация. Материал статьи посвящен политико-ретроспективному анализу генезиса утраты информационной безопасности страны и гибели Советского Союза. В острой полемичной форме автор излагает свое видение событий недавнего прошлого и дает их оценку. Обоснован тезис о способности русского мира к преодолению тяжелейших полиморфных кризисов в силу его глубинной специфики: культурно-генетического характера нашей цивилизации.

Ключевые слова: перестройка, модернизация, информация, дезинформация, аппарат.

Вначале приведем слова известного германского политика О. фон Бисмарка: «Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины... Необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное – дело времени».

Теперь несколько предварительных замечаний по поводу заголовка данной статьи. Он выбран не случайно. Последние столетия характеризуются все увеличивающимся потоком раздоров самого разного уровня и технологий.

И все эти конфликты, будь то уличная драка, теракт или война, имеют информационную подоплеку.

Слово – символ информации, ее смысловой квант, элемент, содержащий порой огромную и даже исчерпывающую смысловую нагрузку отдельно взятой ситуации. Так, крик «Ура» полностью характеризует неистовство атаки, а слово «омерта» олицетворяет целый кодекс мафиозных отношений...

Из отдельных слов складываются предложения, а те, в свою очередь, собираются в заметки, сочинения, статьи, книги, альманахи и энциклопедии. Отдельные изречения из точно подобранных слов становятся «крылатыми выражениями», принципиально отражающими те или иные явления. Так, в приведенных выше словах Бисмарка сказано о том, как можно подорвать могущество России. Однако есть и другие его высказывания. Приведу их в конце...

Информация – это всё, что окружает нас в виде ощущений, передаваемых через органы чувств, однако словесная информация, особенно превращенная в звук, является по вибрациям наиболее близкой для восприятия человеческим организмом. В отличие от осязательной, обонятельной (не работают на больших расстояниях), зрительная и слуховая очень тесно связаны в образы, символы, которые работают на уровне и подсознания, и родовой, или генетической, памяти.

Так, в индийской традиции считается, что мысль, превращенная в зрительный и слуховой образ, диктует телу то, что впоследствии выражается в чувствах и действиях человека. «Тело – пособник».

Не касаясь древних информационных традиций, которые по сравнению с современными не были так технически и методологически обеспечены, замечу только то, что по силе своего воздействия они несколько не уступали современным, просто были ограничены в пространстве и времени, были другими.

До возникновения религий информационная составляющая носила, если и не случайный, то несистематический характер. Так, исходя из исторических данных, наиболее грандиозный поход Александра Македонского основывался на харизме самого Александра, который постоянно подпитывал свою значимость военными победами и теми или иными властными и политическими манипуляциями. И даже «татаро-монгольское» нашествие не имело идеологического характера...

Информационная составляющая пришедшего с Востока христианства показательно проявила себя во время крестовых походов. Ее идеология была основана на вере и оправдывала войну с мусульманами освобождением гроба Господня и Иерусалима. Думаю, с этого времени информационная составляющая оформилась в виде идеологии религиозной и стала служить не только духовному продвижению человека, но и обоснованию войны и разрушения, а идеологии стали разнообразны и не только религиозны. С этой, информационной, точки зрения феодальные «столетняя война» или война «алой и белой роз» были анахронизмами, имея своей целью борьбу за территории, власть и освобождение от неугодных соперников-феодалов без особой идеологической подоплеки.

Впоследствии войны, а их становилось все больше, уже имели идеологическую подоснову, они стали опираться на общественное мнение и тщательно готовиться. Этим стали заниматься люди, которые сегодня у нас зовутся политологами и информационными, социальными технологами.

Со временем информационные технологии приобретают все большее социальное, религиозное и политическое значение. Они не только обеспечивают подготовку социума к войнам, но и обслуживают мировую закулису. И это придает идеологиям и их оформителям порой зловещую окраску.

Так, если проследить, как мировая закулиса начинает завоевывать власть над миром хотя бы в последние полтора–два века, очевидно, что ей служат не только средства массовой информации, но и специалисты различного профиля. Все они связаны с воздействием на общественное сознание. И нет никаких моральных и нравственных ограничений, которые остановили бы их у той черты, за которой начинается расчеловечивание. Серьезным препятствием для представителей мировой закулисы являлись

монархии. Принципиально все очень просто: монархия складывается в процессе борьбы за власть и опирается на ближний круг верных, который исключает свободный доступ в этот круг чужака. Такой союз неразрушим, пока не появляются внутренние противоречия, основанные на людских пороках: алчности, желании власти, коррупции и т. д. И тут вступают в игру информационные технологии. Примеры есть: 30 июня 1649 г. был казнен король Англии Карл I. Монархия пошатнулась, но устояла. 21 января 1793 г. был казнен король Франции Людовик XVI. Монархия была раздроблена и осталась в этом виде до сих пор в виде почетных представителей, не имеющих власти. А почему? Да потому, что подготовка была более тщательной.

Все вопросы захвата и использования власти были систематизированы на съезде сионистов в Базеле в 1898 г. Это было мощное информационное методическое подспорье, после которого во всем мире, и в частности в России, возникло множество партий, направленных именно на эти цели.

Так 17 июля 1918 г. в доме Ипатьева в Екатеринбурге были убиты император России Николай II и вся его семья. В ходе спецоперации под названием «гражданская война» были уничтожены не только дворянство, но и купечество, крепкое крестьянство, казачество, офицерство, духовенство, интеллигенция. Причем все было «выкошено» безжалостно, с большой кровью.

А предварительная подготовка прошла огромная, начиная с раскола Русской православной церкви при Алексее Михайловиче Романове, Тихоном, и заканчивая организованным террором ближнего круга в конце XIX, начале XX века. Нужно принять во внимание, что партия социал-демократов возникла в 1903 г., т. е. через пять лет после упомянутого съезда.

Во время этого террора, организованного будущими большевиками, были целенаправленно выбиты самые верные слуги и сподвижники государя-императора, начиная с его брата Великого князя Сергея Александровича и заканчивая незаслуженно забытым губернатором Санкт-Петербурга Владимиром Федоровичем фон дер Лауницем, который был убит выстрелами на выходе из освященной богослужением клиники. И это было уже 15-е покушение на него.

В этом ряду и Петр Аркадьевич Столыпин, и крестьянин Григорий Ефимович Распутин, и многие другие опоры монархии в то смутное время.

Россия и ее народ были приговорены к тому, чтобы стать «навозом для произрастания цветов мировой революции», и если бы к власти пришел Троцкий, а не И. В. Сталин, так оно и могло бы случиться...

XX век характеризуется постепенным развитием информационных технологий. Совершенствуются разведки всех стран, проходит идеологическая борьба на всех уровнях. Не дремлет и мировая закулиса: Бильдер-

бергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Бнай-Брит, несть им числа. И СССР им стоит «поперек горла», так как вернулся, по сути, к монархии.

У объявленной Советскому Союзу «холодной войны» свои законы. И здесь нет никаких правил и нравственных норм. А технология уже отработана на ряде «банановых» республик:

- покупка лидеров страны;
- привязка к внешним долговым обязательствам;
- устранение ближайшего верного окружения лидера государства;
- военное вторжение и свержение власти.

Тем или иным способом, а иногда их сочетанием создается зависимость стран и народов от международных структур, которые правят миром.

Однако СССР не «банановая» республика, здесь нужна тщательная подготовка. И вот Н. С. Хрущев на XX съезде обличает «культ личности И. В. Сталина». Проводит реформы армии, народного хозяйства (в народе получает прозвище «кукурузник»). Но на развал страны даже он пойти не может, а своим изощренным умом понимает, какую силу представляет Союз, страны СЭВ, да и народ еще не развращен. Все нужно делать постепенно. И вот в моду входят западники, стилиги, любители Битлов, рока «на ребрах», поклонники импорта. А в управление страной вводятся свои люди.

«Сегодня все очевиднее становится тот вред, который был нанесен России в период правления Хрущева. Вошедший в историю как борец с „культурой личности Сталина“, он сам раздул такой же культ собственной личности. При этом умудрился «надорвать пупок» страны из-за глобального соревнования с самой экономически мощной державой мира и одновременно подточить основы имперского мировосприятия, позволил заразить умы подрастающих поколений заимствованной с Запада либеральной идеологией. Удар по Сталину был и ударом по империи (советской), которая является единственной формой существования России с ее многонациональным населением...» – пишет о нем Вячеслав Румянцев [2].

11 лет «процарствовал» Хрущев. Это время активной потери авторитета КПСС. В нее начали вступать ради карьеры и обретения теплого места. Идеология коммунизма была подорвана.

Пришедший на смену ему Л. И. Брежнев правил 18 лет. Его попытки вернуть страну к былому состоянию наткнулись на сопротивление созданных при Хрущеве 5-й и 6-й колонн и заранее были обречены на неудачу. В последние годы он был малодеспособен, а «цветы зла», посеянные предшественником, начали давать свои плоды.

Существует две версии краха СССР. С точки зрения первой версии, Советский Союз рухнул потому, что «его экономика была нежизнеспособной, военный бюджет подломил советское хозяйство, стоявшее на глиняных ногах, народ хотел свободы, на полках ничего не было, война в Афга-

нистане нас разорила» и т. д. ... С точки зрения второй версии, Союз распался, потому что его тупо слила его же собственная партийная элита.

Так, многие думающие и читающие уверены, что перестройка, конечной целью которой была экспроприация народной собственности и передача ее в руки партийных бонз, была инициирована даже не Горбачевым. А гораздо раньше него, еще в конце 1970-х годов Горбачев был просто исполнителем чужого замысла. Настоящий же автор проекта под названием «перестройка» не кто иной, как Ю. В. Андропов. Он давно разочаровался в советском строе. Он задумал отстранить партию от управления государством, отделить от СССР ряд южных республик, и самое главное – провести в Советском Союзе капиталистическую реставрацию («План М»).

Надо отметить, что с июля 1954 по март 1957 г. Андропов был послом СССР в Венгрии и сыграл одну из ключевых ролей во время подавления Венгерского мятежа 1956 г. и установления просоветского режима.

По возвращении из Венгрии Ю. В. Андропов начал весьма успешно и динамично продвигаться по партийной иерархической лестнице. На XXI съезде КПСС (1961) его избирают членом ЦК (1961–1984), после чего следует назначение секретарем ЦК (1962–1967). Уже в 1967 г. его назначили Председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Андропов встал во главе страны в ноябре 1982 г. Многие подпали под его обаяние. Контраст с немощным Брежневым оказался резким. Юрий Владимирович покорила сердца словами о повышении производительности труда, о том, что нужно серьезно изучать общество, в котором мы живем и каковое совсем не знаем. Материалы июньского (1983 г.) пленума ЦК КПСС изучались с интересом. Теперь, годы спустя, понимаешь: то было обаяние зла. Андропов и его «партнеры» хотели реформировать страну не через ее победу, а через поражение. И конкретные дела Андропова сие доказывают: за пятнадцать месяцев его правления было смещено 18 министров СССР, переизбрано 37 первых секретарей обкомов КПСС. При Андропове выдвигаются на высшие посты такие будущие перестройщики, как Михаил Горбачев и азербайджанский партийный лидер Гейдар Алиев? Позже, после КРАХА, этот деятель будет признаваться в том, что он всегда был против Советского Союза, мечтал о независимости Азербайджана и на работе в Москве делал все, чтобы использовать глупых русских, закачав в Азербайджан как можно больше капиталовложений. А Горбачев при Андропове становится центром сплочения В. Рыжкова, Е. Лигачева, Н. Яковлева, Э. Шеварднадзе... Надо ли говорить, какую роль сыграют все эти деятели впоследствии?

Многие обратили внимание, что в тюрьмы при Андропове сажали в основном писателей-государственников, за границу выссылались русофобы-либералы (их в тюрьмы не сажали), такие как Аксенов, Бродский,

Буковский... Характерна его странная дружба с будущим ярим антисоветчиком, придворным поэтом Ельцина, Евгением Евтушенко! Доходило до курьезов. Бывало, пьяный Евтушенко в кругу друзей-писателей демонстративно звонил Андропову по прямому телефону.

Именно Андропов был тем человеком, чье слово окончательно убедило Брежнева решиться на ввод войск в Афганистан. Напомню, что на совещании у Брежнева по афганскому вопросу руководство Генерального штаба ВС СССР (Н. В. Огарков, С. Ф. Ахромеев, и В. И. Варенников), а также главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии И. Г. Павловский выступали против ввода войск. Однако Андропов сумел убедить Брежнева, что ЦРУ США в Турции проводит операцию по созданию «Новой Великой османской империи». С включением в нее южных республик из состава СССР. Что США уже подготовили батареи ракет «Першинг» к тому, чтобы в ближайшие месяцы развернуть их в Афганистане, и это ставит под угрозу наши стратегические объекты, в том числе космодром Байконур. На последовавшем затем 12 декабря 1979 г. заседании Политбюро Андропов вместе с Устиновым, Громыко и Тихоновым были основными разработчиками постановления по вводу войск.

Кстати, наши будущие «экономисты», которые и провели «приватизацию», тоже «птенцы гнезда Андропова». По указанию Андропова внешняя разведка организовала в Австрии еще в конце 1970-х годов учебный центр для тайной подготовки «молодых экономистов», которые должны были разработать и осуществить в будущем экономическую реформу в СССР (так называемая команда Гайдара – Чубайса). Назывался он Международный институт проблем системного анализа (МИПСА). В СССР еще полным ходом ведется строительство коммунизма, гремят ленинские лозунги, проходят пятилетки, а в Австрии с 1982 г. экономисты Чубайс и Гайдар (агенты КГБ) уже пишут по заказу Андропова сценарий рыночных реформ.

Что же мешало Андропову реализовать свой «План М»? Во-первых, неполный комплект команды, во-вторых, наличие мощных противников внутри партии. Команду Ю. В. Андропов начал подбирать еще с 1960-х годов, выдвигая на нужные посты нужных людей. И также планомерно он начал устранять своих личных врагов. К ним, без сомнения, можно отнести Суслова, Щербицкого, Цвигуна, Кулакова, Щелокова, Машерова.

Личные враги (и будущие возможные конкуренты) Андропова начали умирать один за другим. В 1980 г. в странной автомобильной катастрофе на сельской дороге погиб П. М. Машеров, первый секретарь БССР, которого рассматривали как одного из возможных преемников Брежнева.

19 января 1982 г. вроде бы застрелился первый заместитель Андропова Цвигун (поставленный Брежневым на должность первого зама начальника КГБ, чтобы «пасти» Юрия Владимировича). Причем при

очень странных обстоятельствах. По словам охранника, Цвигун подошел к нему в саду и спросил: «Пистолет есть?» Тот ответил: «Да». Цвигун попросил: «Дай посмотреть, работает или нет». Поднес пистолет к голове и застрелился. В итоге Брежнев лишился очень важной подстраховки.

Через день «умирает» Сулов (второй секретарь ЦК, фактически «серый кардинал» СССР и второе лицо в государстве). Сулов отличался аскетическим образом жизни (всегда ходил в резиновых галошах), советским патриотизмом, нелюбовью к Западу и западной культуре и отменным здоровьем.

Как пишет один человек, операция по его устранению разрабатывалась при непосредственном участии начальника всей кремлевской медицины Чазова, давно являвшегося личным агентом Андропова. Членам Политбюро, достигшим 70 лет, полагался зимой дополнительный двухнедельный отпуск. Сулов провел его в «люксе» Центральной клинической больницы («кремлевки»). В последний день перед выпиской Сулова пришла навестить дочь. Он ей сказал, что чувствует себя хорошо и завтра прямо из больницы поедет на работу. В это время лечащий врач принес какую-то таблетку. Михаил Андреевич, человек сталинской школы, никаких таблеток в больнице никогда не принимал. Однако врач так настаивал, что пришлось согласиться. Почти сразу же после приема лекарства Сулов сильно покраснел и сказал дочери: «Иди домой, что-то мне худо». Через несколько часов он умер. А через месяц врача, давшего роковую таблетку, нашли в петле в собственной квартире.

Брежнев своим преемником хотел видеть Щербицкого, на тот момент Первого Секретаря УССР. Это очень не нравилось Андропову.

КГБ пыталось «завалить» Брежнева несколько раз. 23 марта 1982 г. во время посещения Ташкентского авиастроительного завода он и ряд сопровождавших его людей попали под «обвалившуюся» площадку в сборочном цехе. У Л. И. Брежнева была сломана правая ключица, и, невзирая на это, на следующий день он пошел читать доклад на торжественном заседании! Сами же обстоятельства смерти Леонида Ильича таковы. Как я уже говорил, Л. И. Брежнев хотел видеть на своем посту В. В. Щербицкого. Сам он хотел уйти на покой, заняв чисто формальный пост – Председателя Партии, передав бразды правления другому человеку. На ближайшем Пленуме ЦК КПСС планировалось выдвинуть кандидатуру Щербицкого. С этой целью Л. И. Брежнев пригласил 9 ноября 1982 г. на 12 часов к себе Ю. В. Андропова – для консультации и чтобы заранее обеспечить себе поддержку. А утром 10 числа, после того как Андропов узнал о планах Леонида Ильича, Брежнев уже был мертв. Брежнева давно мучила бессонница, и «Юра» принес ему какие-то таблетки. Таким образом, Андропов достиг своей цели, стал генсеком, хотя и был к этому времени уже большим человеком.

Когда Ю. В. Андропов получил полную власть, он отправил на пенсию своего давнего и заклятого врага – генерала Щелокова, главу МВД.

Вместо него был назначен бывший Председатель КГБ Федорчук. Освободил Федорчука с должности министра МВД СССР уже только Михаил Горбачев. На Щелокова завели уголовное дело якобы за «коррупцию». Впоследствии он застрелился (сделал ли он это сам или ему помогли, точно неизвестно).

Кстати, в свое время Щелоков готовился арестовать Андропова за «антипартийный заговор», но того спасла «неожиданная смерть» Брежнева. После возвышения Андропова до должности генсека, его люди из «Конторы» взяли под контроль МВД и устроили там самый настоящий погром. Из органов было выкинуто несколько десятков тысяч(!) милиционеров, которые были профессионалами своего дела, но чем-то не устраивали чекистов. *Возросшая преступность развязывала руки власти* (курсив мой. – Ю. С.)

В 1984 г. американский журнал «Тайм» объявил Андропова «человеком года». А на его похороны прилетели Буш-старший и Тэтчер. Путин, став президентом, немедленно распорядился установить на здании ФСБ мемориальную доску в память о председателе КГБ, под началом которого работал.

Хотя Андропов умер в феврале 1984-го, дело его продолжало жить. Накануне Андроповым была проведена мобилизация будущей гвардии Перестройки.

Кадр № 1 – Лигачев. Никто не принес партии столько вреда, сколько Лигачев. Его руками Андропов, а затем Горбачев заменили в составе ЦК и партийного аппарате проверенных надежных партийных работников учеными, которые не разбирались в том, как работает реальное управление.

Кадр № 2 – Яковлев. Андропов вернул его уже подготовленного в Москву из канадской посольской ссылки, куда тот был отправлен за антирусские выступления и связи с американской разведкой, дав должность директора второго по важности и по антикоммунистическому внутреннему климату международного института Академии наук (Институт США и Канады).

Кадр № 3 – Горбачев. Его Андропов продвигал на неожиданно освободившуюся должность секретаря по сельскому хозяйству вместо Кулакова (который, надо ли удивляться, «неожиданно» был найден дома с простреленной головой).

Таким образом, уже в 1984 г. все было готово для Перестройки:

- 1) команда верных последователей Ю. В. Андропова;
- 2) подготовленный и зачищенный аппарат;
- 3) команда экономистов (Чубайс, Гайдар, Шаталин).

После смерти Андропова генсеком стал Черненко. Черненко «умервили» с двух попыток. Летом 1983 г., еще при жизни Андропова, он был смертельно отравлен на отдыхе в Крыму. Вместо расследования придума-

ли байку о недоброкачественной копченой ставриде, которую ели все, кто жил на госдаче, а пострадал почему-то один Константин Устинович. У него после этого отказали почки, он долго не мог восстановить работоспособность. Вскоре после избрания Черненко генсеком Чазов путем сильнейшего давления отправил его для выздоровления на высокогорный курорт Кисловодск. Для больного, страдавшего эмфиземой легких, это было хуже отравления. Через 10 дней его на носилках погрузили в самолет и срочно вернули в Москву.

У Горбачева было несколько врагов в ЦК, которые бы ни при каких обстоятельствах не поддержали кандидатуру Михаила Сергеевича, метившего в генсеки на место доживающего последние дни Черненко. Это Романов (глава Ленинграда), Щербицкий (1-й секретарь ЦК УССР), Гришин (глава Москвы, которого потом яростно топил «борец с привилегиями» Ельцин), Устинов (министр обороны).

Романов с подачи радио «Свобода» был полностью дискредитирован в глазах народа. Из уст в уста передавалось, что он устроил свадьбу дочери в царском дворце, где в суматохе разбили антикварный сервиз.

Гришин, возглавлявший почти миллионную партийную организацию столицы, тоже был оболган. О нем, кристально честном и щепетильном человеке, распускали слухи один нелепее другого: что он бросил семью, женился на Т. Дорониной, что он покровительствует подпольным дельцам. И так далее.

Жестоко расправились с Устиновым. В конце 1984 г. в Чехословакии проводились маневры войск Варшавского Договора с участием министров обороны. Тогда ситуация в Польше обострилась, активизировалась «Солидарность», и министры обороны четырех государств ОВД (ГДР, Венгрии, Чехословакии, СССР) готовили план по введению войск в Польшу. По возвращении с маневров один за другим с интервалом в несколько дней все четыре министра обороны умерли. Диагноз у всех один: острая сердечная недостаточность.

Черненко умер 10 марта 1985 г. В это время Щербицкий во главе делегации Верховного Совета СССР находился в США. Узнав о смерти генсека, он потребовал от посла немедленного возвращения на родину, чтобы принять участие в голосовании по новому генсеку (и Горбачева бы он не поддержал). Однако случился какой-то «казус с визой», Щербицкого задержали в Штатах, и он «не успел» к голосованию по кандидатуре генсека. И случилось то, что должно было случиться, с перевесом в один голос новым Генеральным секретарем был избран М. С. Горбачев.

Кстати, перед его избранием генсеком ему устроили смотрины на Западе. Осенью 1984-го во главе делегации Верховного Совета СССР он едет в Англию. Перед поездкой директор ИСК АН Георгий Арбатов инструктирует будущего генсека, как понравиться Маргарет Тэтчер. И он ей понравится: «железная леди», пообщавшись с членом Политбюро, изрекает: «С этим человеком можно иметь дело!» [1].

Как видим, информационная война предшествует серьезным изменениям в управляющих системах государства и предопределяет судьбы стран и народов.

Сегодня наиболее ярким примером информационной войны является Украина. Квалифицированно проведена информационная подготовка с помощью технологий порабощения «банановых» республик:

купленные президенты;
ангажированные с помощью капитала и запугивания СМИ;
зомбированный в течение двух поколений народ;
полная зависимость от иностранного капитала.

Результат: Украина и ее народ поставлены на уровень выживания, а Человечество стоит на пороге новой мировой войны.

Однако напомним еще одно выражение О. фон Бисмарка: «Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут – не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть».

И еще: «Заключайте союзы с кем угодно, развязывайте любые войны, но никогда не трогайте русских». «Железный канцлер» Германии знал, о чем говорил. Вот только знают ли цену тому, что сегодня делают, современные лидеры стран Евросоюза и США, – вопрос открытый.

Библиографический список

1. *Андропов* – организатор разгрома нашей страны. URL : <http://www.liveinternet.ru/community/obladaet/post312635531>.

2. *Хрущев* Никита Сергеевич. Биографический указатель. URL : http://www.hrono.ru/biograf/bio_h/hrushev_ns.php.

К. П. Стожко

«Кадры решают всё!» Социально-трудовые отношения в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. В статье показана роль и организация системы формирования и подготовки кадров для народного хозяйства СССР в военное время. Особое внимание уделено анализу вклада представителей советской экономической науки в разработку важнейших вопросов кадровой политики военного времени.

Ключевые слова: кадры, фабрично-заводское образование, система фабрично-заводского ученичества, трудовая мобилизация, трудовая дисциплина, трудовое воспитание, инструктаж.

Обеспечение народного хозяйства СССР необходимыми трудовыми ресурсами, особенно квалифицированными специалистами, было одной из

сложнейших проблем в годы войны. Для решения этой проблемы 30 июня 1941 г. при Бюро СНК СССР был образован Комитет по распределению рабочей силы, приняты другие организационные и законодательные меры. В частности, Указ от 26 июня 1940 г. дополняется Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Реальная экономическая политика в области решения вопросов, связанных с обеспечением народного хозяйства страны необходимой рабочей силой в годы войны, свидетельствует о том, что важнейшими методами решения данной задачи в условиях административно-командной системы планового управления военным хозяйством были чрезвычайные законы и чрезвычайные практические меры. По сути, речь шла о переходе с экономических мер формирования кадров на *внеэкономические*, административно-принудительные.

Экономическая наука не могла, естественно, оставаться в стороне от изучения и решения этой проблемы – формирования главной производительной силы. И здесь можно выделить несколько конкретных направлений научных исследований:

- организация социалистического соревнования на предприятиях;
- развитие системы фабрично-заводского ученичества;
- развитие культуры труда и культуры производства;

В постановке и решении многих вопросов, связанных с формированием главной производительной силы общества, повышением эффективности общественного труда в годы войны, можно отметить ряд особенностей. *Во-первых*, преобладание прикладных исследований, направленных на выявление дополнительных источников пополнения народного хозяйства страны квалифицированными кадрами, факторов, влияющих на процессы формирования главной производительной силы, резервов ее наиболее эффективного размещения и использования. *Во-вторых*, особое внимание к вопросам перестройки профессионально-технического образования, перехода от фабрично-заводского *ученичества* к фабрично-заводскому *обучению*, развитию в годы войны таких форм оперативной переподготовки кадров, как наставничество, краткосрочные курсы и т. д. *В-третьих*, углубленное изучение вопросов организации и осуществления скоростного строительства, организации поточного производства, внутрипроизводственной трудовой кооперации, распространения на предприятиях строжайшего режима экономии рабочего времени и ресурсов. В целом, именно вопросы централизации и концентрации процесса формирования рабочей силы, повышения эффективности общественного труда нашли свое отражение в большинстве публикаций того времени. Среди авторов, освещавших эти вопросы, можно назвать А. Галицкого, А. Григорьева, И. Кузьмина, Г. Евстафьева, А. Курского, А. Лаврищева, И. Лаптева, А. Ляпина, Г. Мовшовича, П. Москатова, М. Сонины, Б. Сухаревского, К. Николаева, Н. Шелехова, М. Ямпольского.

Однако, несмотря на довольно широкий круг авторов и их публикаций по этим вопросам, сугубо теоретические проблемы были объектом исследования далеко не часто. Теоретико-методологические аспекты формирования рабочей силы, расстановки и использования кадров, организации и повышения эффективности общественного труда затрагивались, как правило, косвенно и попутно с исследованием конкретных организационно-практических вопросов.

Важной особенностью в постановке и решении проблем формирования рабочей силы и повышения эффективности общественного труда в военный период было то обстоятельство, что эти вопросы рассматривались под углом зрения нужд военного хозяйства. Соответственно и выводы экономической науки должны сегодня оцениваться в контексте тех конкретных изменений, которые происходили в экономике нашей страны в те суровые годы. Огромные массы квалифицированных специалистов ушли на фронт либо остались на оккупированной врагом территории. Значительное число специалистов было эвакуировано в другие районы страны. Возникла необходимость переобучения квалифицированных специалистов из числа тех, чьи специальности оказались невостребованными в военное время. Наконец, возникла настоящая потребность в привлечении в промышленное производство и жителей села, а также некоторых категорий граждан, которые в мирное время не были трудообязанными (подростки, инвалиды отдельных групп, женщины – многодетные матери и пр.). Все это объективно требовало усиления централизации в плановом управлении процессами формирования главной производительной силы и в области ее распределения и использования.

Наиболее остро встал вопрос о скорейшей организации профессиональной подготовки новых кадров для промышленных предприятий. Уже в декабре 1941 г. по 31 наркомату был разработан план подготовки новых кадров на первый квартал 1942 г. Он предусматривал обучение на краткосрочных курсах, в школах системы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и на производстве в порядке индивидуального и бригадного ученичества нескольких сотен тысяч человек. При средней численности рабочих в промышленности около 5,5 млн человек, только в 1942 г. было подготовлено (впервые) и переподготовлено (обучено вторично) почти 4,4 млн человек [15, с. 11].

В условиях военного хозяйства появились новые формы привлечения людей к труду, существенно изменились *характер* и *форма* труда. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», во всех отраслях промышленности, обслуживающих фронт, устанавливались обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 ч ежедневно. Исключение делали только для жен-

щин, находившихся в декретном отпуске, начиная с шестого месяца беременности и до шестого месяца кормления.

Это означало удлинение рабочей недели в среднем на 10 ч. Для лиц, не достигших 16-летнего возраста, сверхурочные устанавливались не более 2 ч в день. Тем же Указом были отменены на всех предприятиях и во всех учреждениях на период войны очередные и дополнительные отпуска, за исключением отпусков, предоставляемых по болезни [4, с. 702].

Это по существу означало мобилизацию рабочей силы на территории СССР и обеспечивало «повышение экстенсивного ее использования» примерно на 30%, что было равносильно привлечению в промышленность не менее 1,5 млн новых рабочих [7, с. 20].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. все рабочие и служащие предприятий военной промышленности и обслуживающих ее отраслей народного хозяйства объявлялись мобилизованными для работы на своих предприятиях, где они трудились к моменту выхода Указа, без права увольнения или перевода на другие предприятия. Это в принципе исключало текучесть кадров и связанную с ней потерю рабочего времени. Ни о какой безработице, даже в ее «естественной» разновидности, не могло быть и речи.

В годы войны труд был не только *всеобщим*, но и *обязательным*; он считался *долгом* каждого трудоспособного гражданина.

Для обеспечения пополнения промышленных предприятий страны новыми рабочими кадрами 13 февраля 1942 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве». В соответствии с ним все трудоспособные граждане (мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа не работающих на государственных предприятиях и в государственных учреждениях) подлежали мобилизации для работы на производстве и в строительстве.

Помимо этого, в промышленность было привлечено значительное количество рабочих, главным образом женщин и подростков, из колхозов. От трудовой мобилизации освобождались лишь лица в возрасте от 16 до 18 лет, подлежащие призыву в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, женщины, имеющие грудных детей, а также женщины, имеющие детей в возрасте до 8 лет, при условии, что отсутствовали другие члены семьи. От трудовой мобилизации освобождались также учащиеся средних и высших учебных заведений.

Однако многие советские экономисты военного периода обращали внимание на то, что предлагавшиеся меры (мобилизация, расширение числа «режимных» предприятий, массовое использование труда заключенных, привлечение миллионов рабочих, служащих, учащихся к сельскохозяйственным и иным работам и т. д.) не позволяли полностью снять

проблему дефицита рабочей силы. А часто они вели к перекосам и нарушениям межотраслевых связей, пропорций, сложившихся еще в довоенный период, негативно сказывались на развитии других сфер народного хозяйства (аграрный сектор, сфера услуг, образование и т. д.).

В целом, как отмечал, например, А. Курский, мероприятия по обеспечению промышленности рабочей силой осуществлялись по следующим направлениям:

закрепление рабочих и служащих для постоянной работы на предприятиях военной промышленности и обслуживающих ее отраслей;

мобилизация трудоспособного городского населения для работы по месту жительства на оборонных предприятиях и на строительстве заводов;

мобилизация сельского населения для работы в промышленности;

подготовка квалифицированных рабочих в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах и их распределение по отраслям промышленности;

При этом А. Курский особенно важным обстоятельством для решения вопросов обеспечения промышленности квалифицированными кадрами считал совершенствование планирования подготовки специалистов [11, с. 29–30].

Такие экономисты, как М. Сонин, Г. Мовшович, И. Кузьминов, П. Москатов, особое внимание уделяли вопросам качества рабочей силы, повышению квалификации рабочих, совершенствованию подготовки и переподготовки кадров. Именно с решением этих вопросов они в значительной мере связывали преодоление падения производительности труда, имевшего место во второй половине 1941 – первой половине 1942 г.

Перестройка в системе подготовки квалифицированных кадров для промышленности началась еще до войны, когда наметился переход от системы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) к фабрично-заводскому обучению (ФЗО). Разница между этими двумя формами подготовки кадров состояла в том, что система ФЗУ предусматривала достаточно широкое гуманитарное образование, а в рамках ФЗО гуманитарные дисциплины были сведены к минимуму и включены в учебные планы в весьма ограниченных масштабах. В военное время, как говорится, «было не до того». В годы войны особое внимание стало уделяться *пропаганде* марксистско-ленинских идей среди молодежи, а в вузах был введен в качестве обязательного предмета курс политической экономии. Тем самым в системе ФЗО собственно *образовательный* компонент гуманитарных знаний был заменен *пропагандистским* компонентом.

Кроме того, система ФЗО ориентировала учащихся на теоретическое освоение технических дисциплин, не предусматривала или предусматривала крайне малое количество часов, отводимых для производственной практики учащихся (на предприятиях). В военное время такой крен в сторону теоретического обучения необходимо было исправить.

Анализируя переход от системы ФЗУ к ФЗО, М. Сонин писал, что этот переход осуществлялся на принципе мобилизации (призыва) [16, с. 9]. Среди недостатков прежней системы ФЗУ автор называл:

преобладание теоретической подготовки над практикой, «отрыв от нее»;

«кустарный характер» подготовки и длительные сроки обучения с большим удельным весом общеобразовательных и теоретических дисциплин;

почти полное отсутствие производственной практики на промышленных предприятиях;

малочисленность контингента учащихся.

По мнению М.Сонина, новая система ФЗО должна была строиться на принципиально иной основе. Учащиеся школ ФЗО и ремесленных училищ с первых дней не должны были отрываться от практики. Они должны были обучаться в максимально приближенных к заводским условиям. Проходить регулярную ежемесячную практику в цехах, на участках, в бригадах рабочих, на стройках.

При этом устанавливался минимум общеобразовательных дисциплин и соответствующее количество часов, отведенных для их преподавания. Главное же внимание должно было уделяться именно профессионально-техническому образованию, использованию практических методов в обучении, выдаче и контролю исполнения полученных заданий. Собственно говоря, именно в военное время понятия «образование» и «обучение» стали трактоваться как *общее* и *особенное*. Образование, как понятие более широкое, предполагало, помимо обучения, еще и практику.

На повышение роли именно технического обучения в общей подготовке квалифицированных кадров обращали внимание Н. Немов, М. Тупикин, М. Добров, которые связывали освоение и широкое использование новой техники и технологии с совершенствованием технического обучения [5; 13; 19].

Реорганизация системы профессионально-технического обучения (ПТО) в годы войны потребовала углубления специализации многих школ ФЗО и ремесленных училищ. Эта особенность в развитии системы ПТО была отмечена Г. М. Мовшовичем, который рассматривал специализацию училищ и школ как проявление тенденции к укреплению связей всей системы подготовки кадров в народном хозяйстве с общественным производством [12, с. 28]. Особое внимание он обращал на то обстоятельство, что специализация школ и училищ в годы войны осуществлялась в высшей степени динамично и на основе заключения прямых соглашений и договоров между учреждениями системы ПТО и промышленными предприятиями. Это позволяло, по мнению автора, не просто правильно определить профиль и новые направления подготовки специалистов в образовательных учреждениях, но и сделать процесс такой подготовки более

практикоориентированным. Интеграция образования и производственной практики в годы войны действительно стала более динамичной. И это понятно, ведь именно в интеграции действует закон *удвоения качества процесса*.

Подкрепляя теоретические знания практическими навыками выполнения определенных операций, учащиеся школ и училищ одновременно повышали качество своей подготовки.

При этом важную роль в совершенствовании подготовки специалистов играла прямая кооперация школ и училищ с промышленными предприятиями и стройками. И это также увеличивало эффективность подготовки специалистов для нужд промышленных предприятий в годы войны.

Вызванные военным временем изменения в содержании и способах подготовки специалистов в системе ПТО потребовали пересмотра сложившихся еще в довоенное время представлений о значении краткосрочных форм обучения. Роль этих форм в военное время существенно возросла. Военная обстановка показала преждевременность и ошибочность прежнего курса на свертывание краткосрочных форм подготовки рабочих кадров, который был взят после Всесоюзного совещания, состоявшегося в феврале 1929 г. Затем И.В.Сталин подтвердил этот курс на XVI съезде партии (1930) и на Всесоюзном съезде стахановцев (ноябрь 1935 г.). Хотя целесообразность использования краткосрочных форм подготовки в довоенное время формально признавалась, основной формой подготовки предлагалось считать «фабзавучи».

На возрастание роли именно краткосрочных форм обучения кадров в период Великой Отечественной войны обращали внимание многие экономисты тех лет. Так, И. Кузьминов считал ее даже важнейшей, определяющей [8, с. 28]. С этим был не согласен Г. Мовшович, полагавший, что важнейшим источником пополнения кадрами народного хозяйства СССР остаются Государственные трудовые резервы (ГТР). Он, в частности, писал: «Главный недостаток, наблюдающийся в практике индивидуального обучения – отсутствие системы. На многих предприятиях обучение ведется без определенных, а то и без всяких планов и программ, производственное обучение не дополняется теоретическим курсом» [12, с. 34].

На основании этих оценок И. Кузьминов и Г. Мовшович предлагали различные рекомендации по реорганизации системы ПТО. Г. Мовшович высказывался в пользу развития бригадных форм скоростного обучения, а само скоростное обучение, являвшееся, по его мнению, разновидностью краткосрочного обучения, рассматривал в целом как элемент, дополняющий систему Государственных трудовых резервов. И. Кузьминов, в свою очередь, полагал, что все преимущества – на стороне индивидуального, а не бригадного обучения. Он считал, что именно индивидуальная форма обучения является важнейшей в скоростной подготовке кадров, но вынужден был признать, что определенные преимущества имелись и у группо-

вого обучения. К их числу И. Кузьминов относил то, что групповое (бригадное) обучение способно было давать больше возможности мастеру, наставнику, учителю оперативно контролировать ход обучения будущих специалистов. Важным преимуществом было также то, что при коллективном обучении требовалось меньше руководителей (педагогов) и можно было для этих целей выделить наиболее опытные и авторитетные кадры. Поэтому для ускорения процесса подготовки квалифицированных кадров И. Кузьминов предлагал «применять в основном индивидуальную форму обучения», но «групповым методом проходить техникум» [8, с. 34].

Наряду с изучением вопросов, связанных с соотношением краткосрочных и долгосрочных форм обучения кадров в военное время, в экономических исследованиях тех лет ставились и рассматривались также вопросы, связанные с дальнейшим совершенствованием содержания и технологии обучения. Например, М. Сонин, Г. Мовшович, Н. Шелехов уделяли внимание анализу такой конкретной формы краткосрочного обучения, как *инструктаж*. Эта форма рассматривалась экономистами военной поры как наиболее эффективная форма производственного обучения. Можно с полным основанием сделать вывод о том, что представления отечественных экономистов на этот счет развивали ранее сформулированные подходы и концепции производственного обучения Д. К. Советкина, С. А. Владимирского и А. К. Гастева.

Важным моментом в исследовании вопросов подготовки квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства было изучение вопросов развития и совершенствования организации социалистического соревнования как фактора такой подготовки. Предлагалось организовать соревнование среди самих учащихся, обращалось внимание на мотивацию к соревнованию, на стимулирование в достижении лучших показателей. При всех своих издержках и негативных проявлениях оно явилось в годы войны важным условием развития всей системы ПТО, поскольку вносило в процесс обучения будущих специалистов личную заинтересованность, развивало у них желание и стремление к лидерству и, соответственно, лидерские свойства самой личности.

К сожалению, исторический опыт решения задачи скоростной подготовки и переподготовки квалифицированных кадров методами социалистического соревнования (например, при использовании такой его формы, как работа мастера и ученика по единому наряду) оказался практически не изученным в советской экономической литературе.

Тем не менее именно в годы Великой Отечественной войны вопросы организации соревнования между учащимися системы ПТО стали рассматриваться больше не в теоретико-методологическом аспекте (проработка принципов обучения, методики преподавания и т. д.), а в предметно-практическом (прикладном) плане, с точки зрения решения конкретных производственных задач. В этом также нашло свое отражение

усиление предметно-практической (инструментальной) функции экономической науки по сравнению с ее теоретико-методологической (мировоззренческой) функцией.

На тесную увязку вопросов организации социалистического соревнования и подготовки квалифицированных рабочих кадров ориентировали многие официальные документы тех лет.

Например, в постановлении СНК СССР от 21 мая 1942 г. «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» предусматривалось установить рабочим, обучавшим учеников, доплату к заработку в 50, 75 и 100 р. соответственно при 1-, 2- и 3-месячном обучении. Предусматривалось также поощрение наставников за успешную сдачу их учениками установленных норм. При бригадной форме обучения оплата за ученичество составляла от 25 до 30 р., самим же ученикам оплата труда устанавливалась в размере соответствующей на данном предприятии тарифной ставки повременщиков 1-го разряда [4, с. 725–726]. Как видно из этих мер, материальное стимулирование и товарно-денежные рычаги использовались государством в организации подготовки кадров в годы войны в полной мере.

Анализ содержания этого и многих других документов военного времени, а также работ отечественных экономистов свидетельствует о том, что государство не просто отдавало предпочтение краткосрочным формам подготовки рабочих кадров, но и предпочитало, чтобы такая подготовка осуществлялась в индивидуальной форме. Хотя при коллективных формах обучения экономилось время и площади, тем не менее качество обучения оставляло желать лучшего.

В этой связи возникал вопрос о том, как сочетать социалистическое соревнование за достижение высокой производительности труда как форму коллективной социальной активности работников с их участием в подготовке квалифицированного пополнения для народного хозяйства. При этом это касалось и промышленных предприятий, и развития сельскохозяйственного производства.

Чтобы каким-то образом нормализовать ситуацию, государство пошло на беспрецедентные для военного времени меры: постановлением СНК СССР и ВКП(б) от 17 апреля 1942 г. совнаркомом союзных республик, краевым и областным исполкомам в наиболее напряженные периоды проведения сельскохозяйственных работ в 1942 г. было разрешено в порядке мобилизации на работы в колхозы, совхозы и МТС привлекать (помимо самого сельского населения) различные категории граждан. К таким категориям относились: *во-первых*, трудоспособные граждане из числа городских и сельских жителей, не работающих на предприятиях промышленности и транспорта; *во-вторых*, часть служащих государственных, кооперативных и общественных организаций и учреждений, в первую очередь из работников Наркомзема и Наркомсовхозов, однако не в ущерб

работе самих организаций и учреждений; *в-третьих*, учащиеся 6–10 классов неполных средних и средних школ, студенты техникумов и вузов, за исключением выпускного курса вузов. Конечно, эти меры были чрезвычайными и принимались для условий военного времени [16, с. 16].

Одним из важных моментов в исследовании экономистами вопросов воспроизводства рабочей силы в военное время было внимание к специфике формирования кадров в аграрном секторе народного хозяйства. Не только природно-климатические, но и социально-экономические условия стали объектом более пристального внимания со стороны исследователей. К этим моментам добавились и новые: фактор перемещения промышленных предприятий из западных регионов страны на восток и оказываемого ими влияния на всю инфраструктуру территорий, проблемы адаптации эвакуированных кадров в селах восточных регионов страны и т. д.

Это, естественно, вызвало вполне определенный интерес к демографическим процессам, происходившим в селах и деревнях страны в военное время. Если говорить о Сибири, в которую было эвакуировано только во второй половине 1941 г. 322 промышленных предприятия (в Западную Сибирь – 244, в Восточную Сибирь – 78), то можно отметить следующее. В 1941–1942 гг. за счет мобилизации на фронт ее население сократилось на 612 тыс. человек, преимущественно за счет наиболее активной и дееспособной своей части [18, с. 122]. Одновременно происходило переселение части городского населения в сельскую местность. Только в одной новосибирской области было эвакуировано 504 тыс. человек, в том числе в сельскую местность – 193 тыс. человек. Большую их часть (около 80%) составили женщины и дети [6, с. 154].

Во многом аналогичными были демографические процессы на Урале, куда во второй половине 1942 г. было перебазировано из западных регионов страны 667 промышленных предприятий [17, с. 358].

Тот факт, что большинство эвакуированных в сельскую местность были не производителями, а потребителями сельскохозяйственной продукции, а также необходимость их срочного обустройства в условиях крайней ограниченности материальных и жилищных условий негативно влияли на воспроизводство рабочей силы в сельской местности. Жилищную проблему предполагалось решить не только за счет уплотнения, подселения, ремонта имеющегося в селах и деревнях изношенного жилищного фонда, но и за счет строительства нового жилья. Но понятно, что не только у местных органов власти, но и у государства в целом такие возможности были крайне ограничены.

Специфические условия имело и обеспечение эвакуированных в сельскую местность кадров продуктами питания. Здесь основным вопросом было предоставление вновь прибывшим на временное место жительства продовольственной суды и скота. Только к началу лета 1943 г. эта проблема в основном была решена [6, с. 155].

Другая особенность воспроизводства кадров в сельской местности была обусловлена тем, что, не имея определенного минимума обеспеченности продуктами питания и одежды, который в городах гарантировался продовольственными карточками, эвакуированные в сельскую местность граждане в этом вопросе полностью зависели от местных властей.

Конечно, перемещение населения в сельскую местность происходило с учетом экономического состояния колхозов и совхозов, а также их потребности в новой рабочей силе. Но процесс трудоустройства эвакуированных в сельскую местность людей осуществлялся не без сложностей. Одним из препятствий к этому была существовавшая система, при которой колхозники не могли менять место жительства. Многие эвакуированные в связи с этим опасались, что, вступив в колхоз, они потом не смогут из него выйти и вернуться в родные места. Не всегда учитывался при размещении эвакуированных и их профессиональный состав.

Поэтому само обилие конкретных организационно-экономических вопросов определяло основные направления развития отечественной экономической науки в годы войны в области постановки и решения проблемы воспроизводства рабочей силы. В результате этого в экономической литературе военной поры явно доминировали конкретно-экономические исследования. Лозунг «кадры решают все!» требовал от экономистов конкретных рекомендаций по обеспечению кадрами промышленности и сельского хозяйства, а также по обеспечению эффективности общественного труда.

Для решения задачи повышения производительности сельского труда было предусмотрено обязать промышленные наркоматы произвести за 1944 г. четко определенное количество сельскохозяйственных машин: комбайнов и тракторов, тракторных плугов, конных борон, тракторных сеялок, конных сенокосилок, жаток-самоскидок, молотилок, сноповязок и т. д., а также запасных частей к ним.

Достаточно красноречивы и конкретные цифры, содержащиеся в партийно-хозяйственных документах: предполагалось в 1944 г. построить 1 214 мастерских для текущего ремонта МТС, 199 мастерских капитального ремонта, 79 ремонтных заводов, 21 биофабрику и т. д. [4, с. 827–828].

Многие вопросы, связанные с решением проблемы повышения фондовооруженности сельского труда, решались за счет и при помощи именно промышленных наркоматов и главков. Например, в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 18 марта 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению производства сельскохозяйственных машин и орудий» один только Наркомат минометного вооружения должен был к началу 1944 г. произвести 145 тыс. почвообрабатывающих машин и орудий (плуги, культиваторы и пр.), 65 тыс. посевных машин (тракторных и конных сеялок), более 155 тыс. уборочных и зерноочистительных машин [8, с. 755]. Соответствующие производственные задания для обеспечения сельского хо-

зяйства страны необходимыми ресурсами имели и многие другие промышленные наркоматы.

Не только экономисты-практики, но и экономисты-теоретики особое внимание уделяли вопросам плановой организации экономики и повышению производительности труда. Что изменилось по сравнению с трактовкой категории производительности общественного труда и его эффективности в годы войны или в перестроечные годы? *Во-первых*, производительность труда стала рассматриваться как один из обобщающих показателей эффективности. *Во-вторых*, она стала почему-то увязываться только с материальным производством, словно в сфере услуг производительность труда кто-то взял и отменил.

Но в той трактовке сущности понятия «производительность труда», которую мы привели, сама производительность фактически сведена к выработке материальных благ за определенный период в расчете на одного работника. Это не производительность общественного труда, а производительность индивидуального труда. Общий эффект общественного труда выше, чем сумма частных производительностей. Кроме того, эффективность несводима к производительности, поскольку она связана еще и с качеством труда. Качество труда совершенно не тождественно его производительности.

Определенным шагом на пути понимания нетождественности категорий *производительность труда* и *эффективность производства* была идея Т. Хачатурова о необходимости дополнения категории *сравнительной эффективности* категорией *абсолютной эффективности*. Рассуждая об эффективности капитальных вложений, он связывал сравнительную эффективность со стадией проектирования – выбором наилучших вариантов решений, а абсолютную эффективность – с планированием и учетом отражения результатов затрат на показателях хозяйственной деятельности [20]. В целом, экономисты в 1940-е годы далеко продвинулись в плане комплексного понимания категории «эффективность», но рассуждали об «эффективности общественного производства», а не о «эффективности общественного труда». Так, В.В.Новожилов сформулировал «правила тождества эффективности», куда он включал и сроки окупаемости новой техники, приведенные затраты, коэффициент эффективности и т. д. [14]. Большое внимание уделялось изучению «фактической эффективности» [10]. Но, в общем и целом, понятие эффективности общественного труда в литературе тех лет смешивалось с понятием эффективности общественного производства, а последняя сводилась к выработке и не учитывала *качество*.

Проблема повышения производительности труда в годы войны ставилась отечественными экономистами комплексно, с учетом и качества труда. В литературе военной поры высказывались различные рекомендации по преодолению неритмичности в работе, штурмовщины, авралов.

Авторами указывалось, что эти явления способствуют росту себестоимости продукции, снижению ее качества, снижению производительности труда, потере рабочего времени. Положительно оценивая внедрение почасовых графиков работы, переход к поточным методам производства промышленной продукции, Е. Грановский, например, делал вывод о том, что наиболее полно преимущества поточной системы производства реализуются при массовом специализированном производстве [3, с. 39–40]. Рассматривая вопросы специализации и кооперации труда, Л. Берри также подчеркивал, что специализация предприятий способствует внедрению высокопроизводительного оборудования, сокращению потерь рабочего времени, совершенствованию навыков рабочих, росту производительности труда в целом. Особое внимание он обращал на подетальную специализацию, а возрастание роли специализации в годы войны объяснял следующими факторами:

во-первых, объемы производства военной техники в условиях войны возросли в несколько раз в сравнении с Первой мировой войной;

во-вторых, развитие военной техники привело к изменению структуры производства вооружений, к усложнению выпускаемой техники;

в-третьих, условия войны показали целесообразность рассредоточения промышленности по территории страны [1, с. 54].

Интересной была мысль Л. Берри о возрастании в военных условиях роли внутрирайонных кооперационных связей, а также вывод о необходимости развития региональной и межрегиональной кооперации [1, с. 55–56].

При этом в экономической литературе военного времени обсуждался вопрос о рамках специализации, ее формах и направлениях. Высказывались и негативные оценки в адрес чрезмерной специализации предприятий, дальнейшего рассредоточения производства по территории нашей страны. И действительно, тут было о чем задуматься. Сложившаяся в предвоенный период специализация в ходе массовой эвакуации промышленных предприятий из европейской части в другие регионы страны была нарушена. Кроме того, получилось так, что и территориально многие эвакуированные на восток предприятия оказались на огромном удалении друг от друга, гораздо большем, чем когда они находились в европейской части страны. Все это объективно способствовало снижению производительности труда и возрастанию издержек, особенно в сфере транспортных перевозок. Как говорят в народе, «игрушка – полущка, да рубль – перевоз».

Так, С. Вишнев, отмечая обострившуюся в годы Великой Отечественной войны проблему бесперебойной связи между кооперированными предприятиями, писал, что «чрезвычайно невыгодна и опасна такая структура, когда детали со всех концов страны стекаются для окончательной сборки на одно крупное предприятие» [2].

Особое внимание в годы войны уделялось вопросам совершенствования и соблюдения дисциплины труда и реализации принципа единона-

чалия. Если А. Ляпин считал единоначалие важнейшим условием соблюдения дисциплины труда, а само единоначалие трактовал как «персональную ответственность каждого за порученную работу и сосредоточение у руководителей всех нитей управления хозяйственной жизнью предприятия», то Н. Шелехов под дисциплиной труда подразумевал в первую очередь «организованность, точность, расчет, маневренность». На сознательность, как важнейшую характеристику трудовой дисциплины, указывали И. Кузьминов и А. Аракелян. Так, И. Кузьминов даже проводил принципиальное различие между трудовой дисциплиной на предприятиях до войны и в военное время именно по уровню сознательности. Он писал: «Если до войны рабочие и строители подходили к своим обязанностям механически, как к закону, были только исполнителями воли проектировщиков, то в условиях войны рабочим была предоставлена большая свобода действий. В целом ряде случаев рабочие и строители становились как бы соавторами проектировщиков, изменяли проекты, заменяли сложные конструкции более простыми, привозимые материалы – местными» [9, с. 40].

В конечном счете, тесная увязка вопросов обеспечения высокой дисциплины труда, технологической дисциплины, культуры производства, а также конкретные разработки исследователей позволили решить одну из ключевых задач: формировать трудовые коллективы не сверху и на основе голого администрирования (единоначалия), а непосредственно на местах, как целостные организмы. Иначе говоря, формировать трудовые коллективы, скооперированные не гетерогенно, а органически, на основе взаимопонимания, взаимозаменяемости и взаимовыручки всех членов таких коллективов.

Библиографический список

1. *Берри Л.* Специализация и кооперация в условиях войны // Плановое хозяйство. 1944. № 3.
2. *Вишнев С.* Промышленное строительство в условиях второй мировой войны // Мировое хозяйство и мировая политика. 1943. № 5–6.
3. *Грановский Е.* Работа по графику в условиях войны // Большевик. 1943. № 13.
4. *Директивы* КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957–1958. Т. 2.
5. *Добров М.* Использование новой техники // Плановое хозяйство. 1941. № 6–7.
6. *Зяблищева С. В.* Проблемы адаптации эвакуированных в селах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Россия. Земля. Крестьянство : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : [в 2 т.]. Курган : Изд-во УГСХА. 2009. Т. 1.
7. *Кантор Л.* Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны // Экономические науки. 1985. № 5.
8. *Кузьминов И.* Подбор и подготовка промышленных рабочих в условиях войны // Большевик. 1942. № 16.
9. *Кузьминов И.* Стахановское движение в период Великой Отечественной войны // Большевик. 1942. № 4.
10. *Кукель-Краевский С. А.* Обобщенный метод выбора оптимальных параметров энергетических установок // Электричество. 1940. № 8.

11. Курский А. Война и плановый характер народного хозяйства // Пропагандист. 1943. № 9.
12. Мовшович Г. М. Отечественная война и подготовка рабочих кадров. М., 1945.
13. Немов Н. Технологическая дисциплина – незывлемый закон производства // Большевик. 1941. № 6.
14. Новожилов В. В. Способы нахождения максимума эффекта капитальных затрат в социалистическом хозяйстве // Труды Ленинградского финансово-экономического института. 1947. Вып. 3.
15. Панов В. Советская промышленность в годы Великой Отечественной войны // Вопросы экономики. 1985. № 5.
16. Сонин М. Подготовка и использование рабочей силы. М. : Куйбышев, 1942.
17. Стожко К. П. История экономики. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1998.
18. Трудящаяся Сибири – фронту. Новосибирск, 1975.
19. Туликкин М. По большевистски внедрять новую технику // Большевик. 1941. № 6.
20. Хачатуров Т. С. Основы экономики железнодорожного транспорта. М., 1946.

Д. К. Стожко, А. В. Чернов

Исторические параллели: либеральная рыночная экономика и новый тоталитаризм эпохи постмодерна

Аннотация. В статье развивается тезис о транспарентности рыночной экономики и новых форм тоталитаризма в мире. Показаны общие и особенные признаки разных тоталитарных образований и подмена понятий «консерватизм» понятием «тоталитаризм». Выдвинута идея о необходимости развития и укрепления здорового консерватизма.

Ключевые слова: тоталитаризм, неототалитаризм, либеральная экономика, рыночное хозяйство, консерватизм, демократия.

Бесспорным является факт, согласно которому политики и экономисты любят в своих рассуждениях оперировать так называемыми *чистыми*, т. е. «отвлеченными», а не конкретными, «превращенными» «формами». Это позволяет, с одной стороны, делать некие обобщения и претендовать на универсализм. Но, с другой стороны, такое увлечение таит в себе опасность отрыва от почвы, от историзма, содержит угрозу превращения науки в софистику, а научного знания – в спекулятивное.

Если отвлечься от деталей (хотя, как известно, весь дьявол – в деталях), то можно сказать, что под «чистыми формами» подразумеваются абстрактные понятия (категории). То есть те, которые имеют универсальное (общеупотребительное) определение. А под «превращенными формами» – конкретно-исторические явления, обладающие своей собственной спецификой. Если специфика «превращенных форм» поддается логическому объяснению и сами эти «формы» «вписывается» в логику исследователя, то все нормально. «Преобразованные формы» рассматриваются как модальности «чистых форм». А вот если не вписываются, тогда они рассматриваются либо как деформации (со всем негативным контекстом этого слова), либо как исключения из правила, «которые только подтверждают правило».

Понятия «либерализм», «тоталитаризм», «авторитаризм», «консерватизм» – это понятия абстрактные. Или, что одно и то же, «чистые». Иначе говоря, это общепотребляемые и при этом достаточно *архаичные* и *аморфные* понятия.

Архаичные, потому что абсолютизируют идеалы свободы, равенства и социальной справедливости. Тогда как в реальности абсолютной свободы, полного равенства и социальной справедливости нет ни в одном обществе, ни в одной стране. Как говорится: «Нет правды на земле, но нет ее и выше».

Аморфные, потому что они не содержат необходимой конкретизации. Они весьма расплывчаты, строятся на позитивистском представлении, на описательности. Например, когда спрашиваешь, что такое «экономическая свобода», то ответ получаешь следующий: это когда человек сам решает, что ему производить, как и где ему производить, кому и за сколько продавать свой продукт. Глупость такого ответа вопиет, поскольку существует государство и прочие институты, регламентирующие все действия производителя. Да и покупателя тоже.

Конечно, и в марксизме, существует более чем достаточно таких «чистых», «абстрактных форм». Например, понятие *абстрактный труд* обозначает труд, который лишен всех своих конкретных проявлений (качеств). Данное понятие как бы «представляет» явление труда «вообще». Но наличие таких отвлеченных «форм» в марксизме отнюдь не является оправданием для либеральной экономической философии и идеологии. Точно так же, как и марксизм, либерализм завел экономику и общество в тупик. Для марксизма таким тупиком оказалась классовая вражда, гражданская война, падение уровня жизни людей и ограничение их свободы, железный занавес, гонка вооружений. В случае с либерализмом – нарастающая бездуховность, вседозволенность, рост преступности в обществе, распространение наркомании и иных девиаций. А как заключительный аккорд – мировой глобальный финансово-экономический кризис, поставивший мир на грань новой мировой войны или, по крайней мере, на порог новой «холодной войны», связанной с желанием осуществить очередную предел мира.

Указанные выше понятия также «представляют» некие почти мистические явления, которое можно рассматривать как *плод воображения* отдельных исследователей. Почему? Потому, что смысл, который в эти понятия вкладывается в XXI веке, во многом совершенно иной, нежели тот, что вкладывался в XIX или XX веке. Произошло то, что можно назвать *подменой понятий*. И многие прежние научные понятия ныне превратились в *симулякры*.

Чтобы этот новый «плод воображения» (некое старое понятие с новым смыслом) все же получил некоторую научную форму и научный ста-

тус, необходимо верифицировать его практикой, т. е. сверять «копию» с «подлинником». Но постиндустриальное общество не нашло ничего лучшего, чем просто подогнать практику под понятия, а не привести понятия в соответствие с практикой. Подогнать оказалось просто – через виртуализацию экономического сознания людей. Возникло некое виртуальное пространство, в котором все вроде бы обстоит хорошо, имеют место полная свобода, совершенная конкуренция и иные «прелести» либерализма. А в реальности формируется новый тоталитаризм – диктатура рынка, диктатура чистогана и навары. И получается, «кто не с нами, тот против нас». А это – все тот же тоталитаризм, когда «лес рубят – щепки летят».

К понятию «тоталитаризм» и «либерализм» это обвинение в виртуализации и мистификации современного бытия относится в первую очередь. Уж слишком вольно многие авторы трактуют эти понятия и отражаемую ими объективную реальность. А ведь важно иметь в виду не только объективную (а не виртуальную) экономику, политику, право и мораль, но и те значения, которыми их наделяют современная пропаганда и СМИ. Начало тотальной пропаганды либерализма было положено известным либералом XX века Ф. фон Хайеком, который организовал международное закрытое масонское общество интеллектуалов «Монт Пелерин». В 1947 г. он собрал в Швейцарии 39 ученых-либералов, представителей самых разных западноевропейских научных школ, и поставил задачу продвигать идеи либерализма в политику, проникать в политические структуры, формировать общественную идеологию и мораль таким образом, чтобы изнутри обеспечить в государстве доминирование своих сторонников. Спустя четверть века, в 1974 г. это общество настолько окрепло и разраслось, что его основателем была присуждена Нобелевская премия по экономике, хотя никаких экономических новаций Ф. фон Хайек за все девяносто три года своей жизни не сформулировал. Римский клуб, Давосский клуб, клуб Нобелевских лауреатов, Лондонская школа бизнеса, Чикагская школа бизнеса, Фрейбургская школа бизнеса – сегодня это все филиалы ложи «Монт Пелерин». И таких филиалов по миру более чем достаточно, в том числе и у нас. Например, Высшая школа экономики. Представители этой «либеральной» организации обслуживают цветные революции, готовят государственные перевороты, плетут интриги по всему миру. По существу, они стали олицетворением псевдонаучного либерализма – нового варианта идеологического тоталитаризма, не терпящего инакомыслия, ведущего смертельную борьбу как со сторонниками социализма или социал-демократии, так и с консерватизмом, с государственниками, со сторонниками плановой экономики.

Основа современного «либерального тоталитаризма» отрицание роли знания, науки в формировании управляемой экономики. Вот собственные признания Ф. фон Хайека, сделанные им во время выступления в Гуверовском институте в ноябре 1983 г.

Теория тоталитаризма имеет свою долгую историю. Еще в древней Греции о тотальности рассуждали Аристотель, Платон, Сократ, Ксенофонт и другие мыслители. В средние века эта проблема нашла свое отражение в социальных утопиях Л. Валлы, Т. Кампанеллы, Т. Мора, Э. Роттердамского. В эпоху Просвещения о тоталитаризме и его исторических формах (самодержавие, деспотия, тирания) много писали в своих сочинениях Вольтер, Гельвеций, Дидро, Монтень, Монтескье, Руссо и др.

В XIX веке особенно ценный вклад в теорию тоталитаризма внес Г. В. Ф. Гегель. Он, пожалуй, одним из первых в науке стал употреблять и такие понятия, как «мировой порядок», «исторический процесс», «мировой процесс» и т. д. В своих работах он сформулировал интересное учение о рабе и хозяине, выражавшее суть тоталитаризма как такового. По мнению немецкого философа, не тотальный контроль государства является исходным и фундаментальным основанием тоталитаризма, а социальное насилие и отчуждение, которые хотя и приобретают при капитализме «превращенные» формы наемного труда и капиталистической конкуренции, но все равно служат интересам узкой группы собственников. Будучи сторонником нового строя, Гегель искренне верил в то, что эти «превращенные формы» социальных отношений являются более прогрессивными, поскольку снижают меру эксплуатации и создают условия для выхода работника из подчиненного (зависимого) состояния. В «Феноменологии духа» Гегель даже сделал удивительный вывод о том, что «незаметным образом господин превращается в раба своего раба, а тот – в господина своего господина» [3, с. 104].

Спустя десять лет в другой своей работе «Энциклопедия философских наук» Гегель снова повторяет этот вывод и добавляет, обосновывая историческую неизбежность тоталитарного общества: «Чтобы стать свободными, чтобы приобрести способность к самоуправлению, все народы должны были пройти предварительно через строгую дисциплину и подчинение воле господина» [4, с. 248]. Эти социально-философские рассуждения немецкого философа-классика составляли лишь начало разработки будущей концепции тоталитаризма.

Однако как более или менее законченное *политико-экономическое* учение идея тоталитаризма была разработана только в 1950-е годы. Именно в это время идет наиболее ожесточенная полемика между представителями различных политических течений: консерватизмом, с одной стороны, и либерализмом – с другой.

С появлением работ Р. Арона, Э. Мунье, Л. фон Мизеса, П. Самуэльсона, Э. Тоффлера, Ф. фон Хайека и других философов и экономистов а) подробно была изложена именно экономическая сторона теории либерализма и б) либерализм стал прямо противопоставляться тоталитаризму. Сам либерализм как политическое учение берет свое начало от идеи об-

ественного договора Ж.-Ж. Руссо. Именно этот французский просветитель рассматривал свободное общество как субъект исторического процесса. По мнению Руссо, между обществом и властью должен существовать общественный договор, в соответствии с которым власть обязана служить обществу, а общество – поддерживать власть. Нарушение данного соглашения (гласное или негласное) давало, по мнению Руссо, гражданам право на «сопротивление злу силой», т. е. право на защиту своих интересов от антинародной власти. Последнее, по образному выражению лидера русского анархизма П. А. Кропоткина, является «повивальной бабкой истории». Таким образом, можно сделать доказательный вывод о том, что либерализм отнюдь не чужд революционным потрясениям и социального насилия. Более того, при определенных условиях он сам вырождается в тоталитаризм и выступает в крайней его форме – в форме террора. Не важно, кто осуществляет этот террор: большинство по отношению к меньшинству или меньшинство по отношению к большинству. Якобинский террор Робеспьера или красный террор периода Гражданской войны в России – это последствия крайнего (радикального) либерализма.

Поэтому дискуссия о сущности либерализма, его формах и способах его осуществления продолжается уже достаточно давно.

«Прямым» результатом этой полемики стала подмена понятий «консерватизм» и «тоталитаризм», их отождествление. С легкой руки зарубежных либералов между этими понятиями был поставлен знак равенства, а консерватизм стал представляться как нечто реакционное, заскорузлое и антидемократичное.

«Побочным» результатом указанной длительной заочной дискуссии стало формирование экономической теории тоталитаризма – теории «дискриминационной экономики» или «экономики дискриминации». К представителям этого направления в той или иной степени можно отнести Г. С. Беккера, Дж. К. Гэлбрейта, В. Нисканена, В. Ойкена, М. Спенса, Дж. Стиглица, С. Хантингтона, К. Эрроу и других ученых. Формально они принадлежали к разным экономическим «школам», но, по существу, все выступали с критикой тоталитарного общества и тоталитарно организованного хозяйства. Наиболее откровенно по этому поводу высказался Дж. К. Гэлбрейт, который в середине XX века прямо заявил: «Содействие, которое экономическая теория оказывает осуществлению власти, можно назвать ее инструментальной функцией в том смысле, что она служит не пониманию или улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе» [5, с. 31]. Признав апологетический характер экономической науки – служанки власти в условиях господства монополий и иных проявлений тоталитаризма, американский экономист, естественно, выступал против экономического тоталитаризма. Доказательства его рудиментарного существования даже в условиях рыночного хозяйства ученый находил именно в господстве корпораций (монополий) и слиянии

их власти с мощью государства (государственно-монополистический капитализм).

В свою очередь, представители Фрайбургской школы экономики в Германии (Ф. Бем, Г. Вильгеродт, Ф. Лутц, В. Ойкен, В. Репке и др.) также усматривали проявления тоталитаризма в государственном вмешательстве в экономику. Говоря словами В. Ойкена, государство «должно регулировать порядок, но не хозяйственные процессы». Называя тоталитарное государство *старым*, В. Ойкен выступал за создание *экономического государства*. Но даже в этом случае лидер Фрайбургской экономической школы признавал утрату государством собственной воли и самостоятельности в ее формировании [15, с. 17], понимая под этим возрастающее значение бюрократии.

Среди отечественных исследователей теории и практики тоталитарного хозяйства в условиях тоталитаризма можно назвать Р. Л. Лившица, С. Н. Бабурина, В. М. Межуева, А. С. Панарина, Л. М. Марцеву и др.

Согласно представителям теории экономической дискриминации современный тоталитаризм вполне может ужиться с рыночной экономикой, мимикрировать в условиях «представительной демократии», приобретать форму *охлократии* и *бюрократии*. Идейними вдохновителями и непосредственными основателями такого «синтетического», а точнее, «избирательного» учения о новом тоталитаризме (или, что одно и то же, о «новой демократии») в конце XX века стали Х. Арендт, З. Бжезинский, М. Портер, Дж. Сорос и другие видные представители научного и политического бомонда Запада. Ныне это учение весьма популярно. Но так ли оно беспорно с научной точки зрения?

Прежде всего, необходимо заметить, что желание разработать «новое общество» и «новую экономику» оказалось очень «заразным». В философии эти идеи наиболее последовательно отстаивал Ж. Бодрийяр (потребительское общество), в социологии – Г. Маркузе (одномерное общество), в экономике – Д. Белл (постиндустриальное общество) и Дж. Гэлбрейт (новое индустриальное общество) и т. д. По сути, эти авторы осуществили то, что П. Самуэльсон назвал в свое время «неоклассическим синтезом». Правда, П. Самуэльсон имел в виду сочетание рыночных начал и роли государства в экономике. Но это была только прелюдия к подлинному «синтезу», окончательный смысл которого состоял в конвергенции идеи тоталитаризма и либерализма.

Назвав новое «общество потребления» «обществом постмодерна», Ж. Бодрийяр обратил внимание на роль символов и знаков в формировании нового типа общественного сознания и нового образа жизни. Такое символизированное сознание и культ потребления сегодня носит название *стэндинг* [13]. Современное потребление расположено уже не в кошельке, а в голове, а человек, живущий в таком обществе, «заражен» вирусом потребительства. И этот вирус – мощное средство манипулирования созна-

нием людей. Это эффективное средство построения скрытого тоталитаризма с «рыночной маской», того, что, собственно говоря, и является неототалитарным «одномерным обществом». Рассматривая это общество потребления в контексте «герметизации политического универсума», Г. Маркузе начинает свое главное сочинение с параграфа под символическим названием «Новые формы контроля». Автор признает как факт то обстоятельство, что «население принуждается к принятию этого общества», что «тотальный характер достижений развитого индустриального общества оставляет критическую теорию без рационального основания для трансцендирования данного общества», что «чем более рациональным, продуктивным, технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе средства и способы, посредством которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения» [14, с. XVI, XVII, 9].

Для того чтобы лучше понять смысл и назначение современной роли учения о «неоклассическом синтезе» (термин П. Самуэльсона) политических режимов и «экономических порядков» (термин В. Ойкена), необходимо углубиться в контекст происходивших в 1950-е годы событий. Тогда, после победы над Германией и Японией, союзники обладали лучшими в мире средствами воздушного и морского нападения. Вдобавок, к моменту произнесения речи в Фултоне, США обладали еще и монополией на атомное оружие, что резко повышало их наступательный потенциал. По большому счету, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г. являлись всего лишь акциями демонстративного устрашения и свидетельством именно «либерального тоталитаризма». Нашей стране как бы давали понять, что страны Запада в своей приверженности рыночной экономике и либеральным ценностям готовы пойти далеко. Даже на установление «нового мирового порядка» за счет жертв сотен тысяч ни в чем не повинных людей.

Именно тогда зародилось представление об исключительности американской цивилизации, вплоть до ее права применять атомное оружие по своему усмотрению. Ныне тезис об исключительности вновь повторяет президент США Б. Обама.

Советское руководство смогло в свое время сделать адекватные выводы и в кратчайшие сроки изменить геополитическую ситуацию, добиться стратегического паритета. После испытания первой отечественной атомной бомбы в 1949 г. СССР создал свой военно-промышленный комплекс и тоже стал ядерной державой. После этого советская экономическая и военная мысль не оставались на месте. В конце 1940-х – начале 1950-х годов был осуществлен качественный скачок в развитии вооружений, включающий создание реактивной авиации, ракетной техники и оружия массового поражения. Проводились интенсивные работы в области дальнейшего совершенствования атомного оружия, что привело к созда-

нию в 1953 г. первой в мире водородной бомбы. Кульминацией развития советской научной школы стал запуск 4 октября 1957 г. первого искусственного спутника Земли.

По сути, экономика СССР, развивавшаяся сначала в условиях сталинского тоталитаризма, постепенно меняла сам характер общественного устройства: со временем мы перешли от тоталитаризма к авторитаризму, а затем в середине 1980-х годов даже к построению институтов демократии (перестройка). Однако последний «великий переход» буквально «обвалил» экономику нашей страны. «Демократизация» показала, что демократия (вопреки декларациям западных ее идеологов) еще не означает эффективного ведения хозяйства и социальной стабильности. Как выразилась в этой связи известная поборница за права человека В. И. Новодворская, «демократия – это прекрасно, но иногда и кушать хочется». По свидетельству американского экономиста Дж. Стиглица, если в период Великой Отечественной войны объем промышленной продукции в Советском Союзе сократился на 24%, то за 1990–1999 гг. он уменьшился более чем на 60% [16].

Результатом «холодной войны», а затем перестройки и «демократизации» стало колоссальное ослабление экономической и военной мощи нашей страны. В этой непростой ситуации оставалось очевидным, что даже если США и нападут на СССР первыми, то гарантированно погибнут вторыми [12, с. 57]. Эта лаконичная идея, впоследствии получившая название концепции «гарантированного взаимного уничтожения», означала, что нужно было искать какие-то другие виды оказания давления на СССР, исключая, однако силовой вариант. В связи с этим и появилось понятие *мягкая сила* – постепенное продавливание ситуации и инкорпорирование во все еще «тоталитарное», по мысли зарубежных «партнеров», советское общество либеральных «рыночных ценностей». Возникла идея «управляемой демократии», которую также «подбросили» российским либералам из-за рубежа.

Представители современной политики «информационного нажима» делают акцент на том, что, хотя тоталитаризм и является крайним выражением автократии, но отнюдь не каждая автократия может считаться тоталитарной. Все примеры автократий, известных истории, будь то восточные деспотии, античные тирании, римская диктатура и т. д., не являлись тоталитарными. Авторы учения делали принципиальный упор на том, что тоталитарные режимы могли возникнуть лишь в условиях индустриализма, т. е. лишь в XX столетии. Такой «избирательный» подход к проблеме тоталитаризма оставлял для идеологов западного либерализма лазейку. А именно, возможность заявить, что для передовых стран с либеральной экономикой тоталитарное поведение вполне оправданно. Ведь они являются проводниками демократических ценностей! В этой связи вспоминается позиция иезуитов: для достижения своих целей все средства хороши!

Как пишут некоторые современные авторы, «...существенным условием возникновения тоталитарной модели является современная технология. Эта черта тоталитаризма особенно заметно проявляется в области вооружений и массовой коммуникации... Современная технология незаменима и в функционировании централизованно управляемых экономик» [6]. Иными словами, тоталитаризм – это не просто какая-то диктатура или абсолютная монархия; это *крайняя форма* автократии, использующая самые современные технологии, благодаря которым она становится тотальной, охватывает частную и публичную сферы существования людей. Или, как остроумно выразился один автор, тоталитаризм есть «Чингисхан плюс телеграф» [7].

Можно отметить, что выделение тоталитарного режима в качестве *самостоятельного* типа объяснялось нуждами информационной борьбы Запада с Советским Союзом. В современных условиях вновь много пишут о тоталитаризме. Среди многообразных высказываний на этот счет следует привести суждение Р. Л. Лившица, который утверждает, что российские либералы, по сути, «организовали» в России *диктатуру рынка*, да и во многих западных странах сложилась именно диктатура рынка. Эта рыночная диктатура обладает всеми признаками тоталитаризма и использует самые современные технологии: ювенальную юстицию, специальную пропаганду, манипулирование сознанием и т. д. [11, с. 111].

Характерными признаками диктатуры рынка являются следующие:

рыночные отношения охватывают все сферы человеческой жизнедеятельности, проникают даже в частную сферу, превращая в товар самого человека;

рыночные институты «работают» под жестким контролем государства, создавая лишь видимость (внешнее оформление) свободы хозяйственной деятельности;

рыночные принципы действуют только в период благоприятной конъюнктуры, но полностью или частично прекращают свое действие в условиях кризиса (когда становятся допустимыми жесткие ограничения со стороны государства).

Наиболее настойчиво о критериях, соответствующих тоталитарному строю, заявили З. Бжезинский и К. Фридрих. Эти же исследователи обнаружили «побочные» его эффекты: способность к мимикрии, трансформации, лабильности. Рассмотрим основные, с точки зрения американской пропаганды, имманентные признаки тоталитаризма [17].

1. *Единая общеобязательная идеология*. Настоящая идеология всегда в каком-то смысле содержит мессианский пафос и обладает трансграничным, интернациональным характером. Можно даже сказать, что идеология в условиях индустриализма XX века выступала своеобразным аналогом религии и позволяла сплотить население для цивилизационного рывка вперед, построения нового общества. Идеология призвана объеди-

нить разрозненные социальные элементы в целостную органичную систему. Учитывая огромную политическую значимость идеологии, такие государства в целом можно назвать идеократическими, всецело основанными на подчинении какой-либо идее. Однако можно заметить и еще одну особенность тоталитарной идеологии – ее стремление к идеалу, к абсолюту. Такая идеология не принимает современный ей падший мир, напротив, она готовится его полностью преобразить, построить на его месте «светлое будущее», пусть даже и насильственными методами. Поэтому трудно не согласиться с тем, что «идеология тоталитаризма хилиастична».

2. *Единая массовая партия.* Так как любая идея требует своего эмпирического воплощения, необходим ее социально-политический «носитель». Таким социальным институтом в тоталитарных государствах выступает партия. По совокупности признаков и выполняемых в обществе функций такую партию можно в чем-то сравнить с Церковью, ведь по большому счету между этими институтами нет принципиальных отличий. Партия, как и Церковь, является совокупностью единомышленников, т. е. верующих, разделяющих фундаментальные положения какого-либо учения. Отличие состоит лишь в том, что в случае Церкви это учение носит религиозно-метафизический характер, в случае же партии – идейно-политический. Иными словами, если Церковь выступает институциональным воплощением религии, то партия – воплощением идеологии. Назначение идеологии (так же, как и религии) заключается в объяснении цели человеческого существования, а задача партии (так же, как и Церкви) состоит в том, чтобы организационно помочь эту цель достигнуть. Таким образом, партия в тоталитарных режимах – это своеобразная «Церковь», а точнее, ее аналог и заменитель.

3. *Тотальный контроль над населением.* Собственно, именно этот пункт и дал название всему режиму. Тоталитаризм представляет собой систему всеобщего контроля со стороны государства над жизнью общества в целом и каждого человека в отдельности. Можно сказать, что с философской точки зрения тоталитарный строй является апогеем власти, воплощением ее высшей формы. Тоталитарная власть есть всегда власть абсолютная; это кульминация власти как таковой.

4. *Развитая репрессивная система.* Считается, что тоталитарное государство постоянно проводит террористические репрессии в отношении собственного населения с помощью разветвленного полицейского аппарата. Более того, декларируется, что тоталитаризм ни при каких обстоятельствах не может отказаться от насилия, ибо без насилия он просто не сможет существовать. А *rigor* подразумевается наличие мощного карательного аппарата, системы всеобщей слежки и доношительства, а также концентрационных лагерей и тюрем.

5. *Централизованный контроль над экономикой.* В тоталитарных системах государство выступает в качестве главного субъекта экономических отношений, полностью контролируя производство, распределение и потребление полученных благ. Раньше подразумевалось, что тоталитарная экономика может быть только огосударствленной и ни в коем случае не может быть рыночной. Авторы учения считали, что предпринимательские свободы – это атрибут исключительно демократии с ее всесторонней защитой института частной собственности. Учитывая острую критику экономической базы тоталитаризма, можно с уверенностью сказать, что именно этот пункт вызывал у авторов учения наибольшее раздражение. Прежде всего потому, что исторический опыт развития советской экономики (феномен новой экономической политики) доказал возможность и осуществимость соединения политического тоталитаризма с определенными требованиями экономического либерализма.

Все эти «имманентные» признаки тоталитарного строя в той или иной степени еще не до конца изжиты в нашем обществе. Но нельзя и не отметить, что они в *полной* мере уже никак не свойственны современному гражданскому обществу, правовому государству и современной российской экономике. Тем не менее их рудиментарное существование – факт, подтверждающийся многочисленными доказательствами на макро-, мезо- и микроуровнях. Например, тотальную проверку водительских прав, организованную городским или областным ГИБДД, вполне можно рассматривать как «плановый произвол» и проявление тоталитаризма. Принудительный (обязательный) медосмотр персонала, осуществляемый по приказу Министерства здравоохранения, тем более. Даже государственную стандартизацию образовательных услуг, которые предлагается предоставлять по новым требованиям, разработанным «сверху» и «под одну гребенку», тоже вполне можно считать рудиментом тоталитаризма. Было бы бессмысленно опровергать очевидность сохранения тенденций к тоталитаризму и отдельные его проявления в нашем обществе. Но их необходимо преодолеть путем замены новыми и социально более эффективными институтами и технологиями.

С «либеральными» странами Запада ситуация еще более очевидная. «Победа» в «холодной войне», которую западные политики ассоциируют с распадом СССР, оказалась призрачной. Но этот призрак вскружил голову многим. Возникла видимость вседозволенности, идея однополярного мира, стремление к мировой гегемонии.

Сложившаяся в этих странах «экономика дискриминации» (дискриминационная экономика), с точки зрения учения о политических режимах, оказалась крайне агрессивной, нацеленной на возрождение колониальной зависимости слабо развитых стран, на подчинение национальных интересов других стран одному «центру силы» – США.

При этом власть государства в экономической сфере не только не ослабевает, но неуклонно усиливается, в основном – в экстенсивном плане. Начиная еще с «нового курса» президента Ф. Рузвельта можно смело поставить крест на идее невмешательства государства в экономику и тезисе о ее саморегулировании.

Ситуация с санкциями, введенными против России в 2014 г., во многом подтверждает эту мысль. Если уж правительства США и отдельных стран Западной Европы указывают частным компаниям, с кем можно иметь дело, а с кем нельзя, с кем нужно подписать контракты, а с кем следует их разорвать, то это административное управление экономикой в чистом виде. Получается, что либеральная демократия, несмотря на декларируемые свободы и невмешательство государства в экономику, мало чем отличается от тоталитарной диктатуры. Все это и многое другое дало повод представить организацию жизни в США как «индустрию культуры, являющуюся, возможно, наиболее изощренной и злокачественной формой тоталитаризма» [8, с. 25].

Однако вернемся к проблеме современного «неоклассического синтеза» тоталитаризма и дискриминационной экономики. Суть ее состоит в том, что идея тоталитаризма сегодня формально *противопоставляется* идее либерализма. Однако либерализм – это понятие другого гносеологического уровня. Как оказалось, либерализм тоже может быть тотальным и диктаторским. Диктатура рынка, о которой пишут многие авторы, свидетельствует о том, что тоталитаризм в современных условиях активно подвержен институциональным трансформациям. Институциональные трансформации (в области идеологии, культуры, морали, права) осваиваются тоталитаризмом и привносятся в систему социальных отношений.

Казалось бы, между тоталитаризмом и экономикой в условиях тоталитарного режима, с одной стороны, и либерализмом и либеральной рыночной экономикой, с другой стороны, нет ничего общего. Но специфика ситуации заключается в том, что западный либерализм все больше становится тоталитарным.

Следует подчеркнуть, что экономика формирующегося современно-го, скрытого, «синтетического» тоталитаризма все в большей степени отрывается от экономики знаний, а тем более – от экономики производства материальных благ. Она все в большей степени ассоциирует себя с экономикой услуг. В этой ситуации господствующая бюрократия, как в нашей стране, так и в западных странах, рассматривает свои действия *apriori* как общественно полезные услуги по управлению, не соотнося их с подлинной экономической и социальной эффективностью. Она разрабатывает собственные, удобные ей «критерии» оценки своей деятельности и оценивает сама себя.

Инфляция издержек в таком обществе всегда зашкаливает. Кроме того, в условиях экономики тоталитаризма – *дискриминационной* эконо-

мики – искусственно девальвируются все духовные ценности, которые также получают более низкий публичный статус. Вместо духовных благ они низводятся до уровня простых услуг: услуги по образованию, по научным исследованиям, по здравоохранению и т. д. Роль учителя сводится управляющей бюрократией до функций репетитора (дрессировщика), роль музыканта – до уровня тапера, врача – до костоправа, ученого – до комбинатора и т. п. А всех в целом – до простого исполнителя, но никак не творца. Примитивизация общественного производства – важная контрпродуктивная функция современной либерально мыслящей бюрократии, которая хотя и «правит бал», создавая «дискриминационную экономику» – экономику синтетического тоталитаризма, но сама по себе остается ущербным и тоталитарно организованным классом, у которого нет полных прав на собственность, нет производственных интересов, а есть только потребительские предпочтения [18, р. 22].

Как тут не вспомнить известный исторический феномен «просвещенного абсолютизма»? Еще Екатерина Великая в молодости увлекалась идеями Вольтера и Руссо. Но до тех пор, пока не появился А. Н. Радищев. Александр II также не был чужд либеральных идей, которые ему внушал М. М. Сперанский. Но ровно до той минуты, пока Наполеон не вторгся в пределы России. «Либерал» Павел I был убит в Михайловском замке. Либерал и реформатор Александр II был убит террористами. И всегда на смену либеральным руководителям государства приходили консервативно мыслявшие политики. Будь то Александр III с его контрреформами, К. П. Победоносцев с его идеей «охранительного консерватизма», П. Б. Струве с его концепцией «либерального консерватизма», – все они понимали, что в «чистом виде» ни либерализм, ни тоталитаризм в России ничего хорошего дать не могут.

Поэтому можно утверждать, что у российского тоталитаризма давно имеется прививка от крайнего либерализма. И наоборот: у отечественного либерализма имеется хорошее противоядие в виде консервативных и даже тоталитарных идей. Что касается власти, то необходимо помнить, что «власть сама по себе создает барьер между теми, кто ею владеет, и теми, у кого ее нет» [9, с. 615]. И усугублять этот барьер крайностями либерализма или консерватизма нет равным счетом никаких оснований.

На наш взгляд, было бы преждевременным полагать, будто либерализм «сменил полицейское государство» [10, с. 1] только потому, что сформулировал идеи разделения власти или ее выборности. Как показал весь дальнейший ход истории, «полицейское государство» вполне может быть и либеральным, формироваться демократическими путями. Точно так же как тоталитарное государство может оказаться на практике вполне народным, даже если это и диктатура пролетариата или бюргера. Проблема заключается в том, *кто правит* этим государством, *кто* его «приватизировал». В современных условиях «монополия на владение» государ-

ством оказалась не в руках класса предпринимателей или класса наемных работников, а в руках класса бюрократии. Как общественный класс бюрократия сформировалась относительно недавно, но соответствует всем признакам класса как такового [1].

Как справедливо утверждал известный западный экономист Е. Мендель, бюрократия как класс пытается осуществлять реализацию своих классовых интересов путем планирования экономического поведения хозяйствующих субъектов. Планирование – это уже не способ повышения эффективности самой экономики как таковой, а политический инструмент бюрократии, существующий для закрепления ее потребительских привилегий [18].

Таким образом, современный тоталитаризм и «экономика дискриминации» – это продукт деятельности именно бюрократии, которая как особый непроизводительный класс противостоит объективным интересам народа в любой стране. Пытаясь сохранить свое господство, бюрократия репродуцирует старые социальные технологии и схемы прошлого, замечая, по существу, прежний класс собственников – предпринимателей. Но, не имея способностей к креативному предпринимательству, она остается в узких рамках инноватики, стремясь сформировать инновационную экономику, в которой бюрократическая дискриминация оставалась бы нетронутой. Отсюда возможны только два пути. Конструктивный – путь к восстановлению здорового (в терминологии К.П.Победоносцева – охранительного) консерватизма и его ценностных доминант. Неконструктивный – путь к экспансии псевдолиберальных «ценностей» англосаксонской цивилизации. А, по существу, распространение скрытого «синтетического», рыночного тоталитаризма.

И здесь следует вспомнить откровенное суждение другого известного западного экономиста Ф. Батора, о том, что «эффективность статистического рынка не является ни достаточной, ни необходимой для того, чтобы рыночные институты могли быть „предпочтительным“ способом общественной организации» [2, с. 290]. Это суждение было высказано еще в 1958 г., т. е. в то время, когда наиболее активно формировалась теория тоталитаризма. Спустя более полувека этот вывод вновь подтверждается глобальным мировым экономическим кризисом и обострением не только внешнеэкономических, но и внутривнутриполитических проблем во многих странах с «рыночной экономикой» западного образца.

В современных условиях особенно возрастают агрессивность и экспансионизм нового «синтетического» тоталитаризма именно в сфере экономики (экономические санкции, эмбарго, секвестры, моратории и т. д.). Это ведет к деградации институтов и ценностей традиционного характера (экономическая свобода, неприкосновенность частной собственности, право на труд и т. д.), их подмене новыми «псевдоценностями», разрушающими общественное сознание и менталитет. Легализация однополюс-

браков, насильственное распространение ювенальной юстиции, навязывание части общества с традиционными ценностными ориентациями новомодных «ценностей» в области потребления... Теоретически, на наш взгляд, речь может идти о тоталитарно-либеральной диалектике или, по крайней мере, о своеобразной конвергенции между тоталитаризмом и либерализмом в странах, принадлежащих к англосаксонской цивилизации. Современный мир в очередной раз стоит на грани большого конфликта. Но это, по большому счету, не конфликт экономических систем, и даже не идеологий или цивилизаций. Это угроза конфликта между подлинными ценностями духовной культуры и примитивными установками либеральной демократии и общества потребления. Как свидетельствует опыт мировой истории, в борьбе за будущее побеждали только те государства, которые могли предложить другим более «здоровые» и более высокие нравственные ценности. Этот исторический урок необходимо усвоить и сегодня, когда современный западный либерализм явно болен крайне заразной, но вполне поддающейся излечению болезнью – тоталитаризмом.

Библиографический список

1. *Андреев С.* Причины и следствия // Разорванный круг / [сост. В. Н. Черных]. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988.
2. *Батор Ф. М.* Анатомия провала рынка // Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор : [пер. с англ.]. СПб. : Экономическая школа, 2004.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Собрание сочинений : [в 16 т.]. М.–Л. : Соцэкгиз, 1932–1959. Т. 4.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук : [в 3 т.]. М. : Мысль, 1974–1977. Т. 3.
5. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества : [пер. с англ.]. М. : Прогресс, 1979.
6. *Земсков В. Н.* ГУЛАГ : историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6.
7. *Изрицкий Ю. И.* Автократия и проблема государства. URL : <http://www.pavvoz.ru>.
8. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2009.
9. *Ландберг Ф.* Богачи и сверхбогачи : [пер. с англ.]. М. : Прогресс, 1975.
10. *Леонтович В. В.* История либерализма в России (1762–1914). М. : Русский путь, 1995.
11. *Лившиц Р. Л.* Homo postsoveticus : упования и реальность // Мировоззрение и культура : сб. статей / под ред. В. В. Кима. Екатеринбург : Банк культурной инициативы, 2002.
12. *Лунеев В. В.* Преступность XX века : мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М. : Wolters Kluwer, 2005.
13. *Луценко Д. А.* Проблема оценки статуса в социальной стратификации // Гуманитарные стратегии российских трансформаций : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : [в 2 т.]. Тюмень : Изд-во ТГНГУ, 2008.
14. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества : [пер. с англ.]. М. : REFL-book, 1994.
15. *Ойкен В.* Структурные изменения государства и кризис капитализма // Теория хозяйственного порядка. «Фрайбургская школа» и немецкий либерализм : [пер. с нем.]. М. : Экономика, 2002.

16. *Стиллиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции : [пер. с англ.]. М. : Мысль, 2003.

17. *Friedrich C., Brzezinski Zb.* Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge : Harvard university press, 1965.

18. *Mandel E.* Zehn Thezen zur sociallokomishen Gezetzmassigkeit der Ubergangsgesellschaft zwischen Kapitalismus und Socialismus // Probleme des Socialismus und der Ubergangsgesellschaften. Frankfurt a. M., 1973.

В. В. Усманов

«Хотят ли русские войны?»

Аннотация. В статье раскрывается суть русского мировоззрения по вопросам войны и мира, показана огромная цена, уплаченная русским народом за Великую Победу над фашизмом. Ярко и лаконично раскрыт смысл народного героизма и самоотверженности советских людей в тяжелейших условиях военных испытаний.

Ключевые слова: война, Победа, потери, урон, издержки войны, героизм, самоотверженность.

22 июня 1941 г. – эта дата еще долго для многих поколений россиян будет разделять состояние «до» войны и «войну», в огне которой погибли миллионы. Трагедия, унесшая жизни почти 27 млн наших граждан, живших в стране, называвшейся Союзом Советских Социалистических Республик. С 4 утра воскресного июньского дня наша страна вступила в жесточайшую схватку с сильным, умелым и беспощадным врагом, покорившим Европу и навалившимся на нас всей своей мощью. 153 немецких и 37 дивизий союзников фашистской Германии обрушились на нашу землю. Счастливые выпускники школ, встречавшие свой первый взрослый рассвет, еще не знали, что скоро вместо очередей в приемные комиссии институтов и техникумов они будут вместе со своими учителями, а некоторые и с родителями, стоять в воинском строю. Во многих школьных дворах после войны появятся скромные памятники выпускникам 1941 г., ушедшим в бессмертие. Есть они и у нас в области.

Удар немецких армий был так силен и быстр, что многие советские части даже не смогли занять своих районов обороны, и им пришлось драться в окружении, подчас не зная обстановки, не имея связи с командованием и соседними частями. О наших потерях начала войны написано много, приведу лишь основные цифры: за летне-осеннюю кампанию 1941 г. Красная Армия отступила на 850–1200 км. Потери советских войск составили 3 987 тыс. человек, в том числе 2 842 тыс. безвозвратные и 1 146 тыс. санитарные. Было потеряно свыше 20 тыс. танков, 17 тыс. самолетов, свыше 60 тыс. орудий и минометов. Из-за утраты боеспособности были расформированы 128 дивизий. Можно только представить, как сражались и погибали наши воины, не изменившие присяге, не сдавшиеся врагу, а в плен в начале войны попало около 4 млн солдат и офицеров, так война для всех началась по-разному.

Потери офицерского состава: в 1941 г. погибло 50 884 человек, пропало без вести 182 432 человека, и вот большинство пропавших без вести, представляется мне, погибли в окружении, не пожелав позорной сдачи в плен, предпочтя смерть позору, и эти люди, до конца исполнившие свой воинский долг, еще долго были преданы забвению. Память о них была придавлена тяжкими строчками «пропал без вести». Это уже позже прозвучали на всю страну слова, от которых забились сердца и хлынули слезы у миллионов родных и близких: «Имя твое неизвестно. Подвиг твой бессмертен». Только в 1960-е годы страна узнала о героях Брестской крепости, а о скольких судьбах мы ничего не знаем и поныне, мы, живущие, все в долгу перед ними.

Всем последующим поколениям надо стремиться узнать о погибших всё, только тогда их души, «живот положивших за други своя», т. е. за нас с вами, упокоятся с миром. Добрым словом вспоминаю руководителя рабочей группы по Книге Памяти Курганской области, светлого и мудрого человека Александра Ивановича Бухрова, предложившего слова «пропал без вести» заменить на слова «был в последнем бою». Так мы и сделали у нас в области.

С момента издания Книги Памяти минуло более 15 лет, и в год 65-й годовщины Победы в области приступили к работе над электронной версией Книги Памяти. Это было вызвано необходимостью внесения изменений, так как появились тысячи новых имен наших земляков, по разным причинам не попавших в печатный вариант. К работе были привлечены люди, которые занимались в 1990-е годы Книгой Памяти. Это известные и уважаемые в Зауралье журналисты – Геннадий Павлович Устюжанин, его сын Павел, Александр Исакович Букреев, работники библиотеки имени Югова во главе со Светланой Егоровной Золотых.

В ходе работы возникла идея расширить само понятие Книги Памяти до сайта в глобальной сети Интернет, куда поместить оцифрованные издания из районов: о солдатах, вернувшихся с полей сражений Великой Отечественной войны, тружениках тыла, солдатских вдовах, воинах-интернационалистах, о солдатах, погибших, защищая целостность России, чернобыльцах, другие книги о наших земляках, прославивших свой край боевыми и трудовыми подвигами. Сайт получил название «Память Зауралья», и доступ к нему открыт для всех, но работа над ним продолжается. В последнее время, особенно с уходом из жизни непосредственных участников войны, стали предприниматься попытки исказить правду о войне, ее итоги пытаются пересмотреть, используя это в политических целях, кощунственно соединяя коммунизм и фашизм, объединяя руководство Советского Союза и фашистской Германии, что не позволяли себе участники антигитлеровской коалиции, наши союзники по совместной борьбе с фашизмом. Это чудовищное, циничное надругательство над Памятью о наших дедах и отцах, это плевок в нас всех, ибо мы являемся по-

томками солдат-победителей, на нас лежит ответственность за сохранение Победы, за сохранность Памяти, это залог нравственной чистоты и крепости нашего государства, сохранения его целостности и суверенитета, в том числе духовного, ибо эти понятия для нашего народа сакральны и вечны...

Из любой трагедии необходимо извлекать уроки и делать выводы с целью избежать их в будущем, а для этого надо знать факты. Итак, о потерях.

Потери СССР в Великой Отечественной войне составили 26,5 млн человек. Потери Германии на советско-германском фронте составили 6 771 900 человек. Такое соотношение цифр, казалось бы, дает право западным историкам говорить, что да, и вправду, СССР завалил Германию трупами. Однако, кто изучал историю войны, тот знает настоящее соотношение потерь. Ведь статистика это, по сути, цифры, с помощью которых мы можем делать выводы. Около 4 млн советских бойцов попали в плен в начале войны. В начальный период войны советскими войсками были понесены самые большие потери в личном составе и технике. Причем около 57% процентов советских военнопленных погибли в плену у немцев. Четыре миллиона! Это большой урон. И наконец, 18 млн мирного населения, погибших в результате фашистских зверств, голода, холода.

Огромную работу по формированию честной и непредвзятой статистики потерь Великой Отечественной войны провел коллектив авторов во главе с Г. Ф. Кривошеевым. Интересно будет посмотреть, а насколько сопоставимы потери Красной Армии и вермахта? Авторский коллектив под руководством Г. Ф. Кривошеева отмечает в этой связи, что определение с достоверной точностью масштабов людских потерь вооруженных сил Германии и войск ее союзников (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Словакии) на советско-германском фронте в годы Второй мировой войны представляет весьма сложную проблему. Во-первых, в отношении людских потерь Германии и ее союзников во Второй мировой войне приводятся лишь приближенные данные, они определены расчетным способом. Во-вторых, трудно установить потери, из-за недостатков документов, союзных Германии армий, а также иностранных формирований, воевавших на стороне вермахта. В вооруженных силах Германии имелось 8 инонациональных (испанская, хорватская, русские и др.), а в войсках СС – 26 добровольческих дивизий, укомплектованных гражданами различных национальностей (албанцы, голландцы, датчане, французы, литовцы, латыши, эстонцы, украинцы и др.). В июне 1944 г. их численность составляла 486,6 тыс. человек, из которых 333,4 тыс. человек, воевали на советско-германском фронте. Они не учитывались в числе потерь вооруженных сил Германии. В-третьих, потери военизированных формирований, обслуживающих войска, учитывались в числе потерь гражданского населения. В-четвертых, немаловажно и то, в каких географических границах они

подсчитаны. Так, потери Германии в границах 1937 г. – одни, в границах 1938–1939 гг. – другие. Например, на территории Австрии в годы войны были сформированы 25 дивизий, 16 из которых воевали на советско-германском фронте. Стоит отметить, что на стороне Германии выступали, хотя и не входили в вермахт, Русская освободительная армия, 15-й казачий корпус генерала фон Панвица, русский пехотный корпус генерала Штейфона, ряд отдельных частей, сформированных из граждан СССР, всего около 160–180 тыс. человек. Немалое количество советских граждан находилось в тыловых службах немецкой армии. Эти «добровольные помощники», согласившиеся сотрудничать с немецкой армией, использовались в тыловых частях в качестве подсобных рабочих, повозочных и т. п. Учет их потерь не велся.

Процент безвозвратных потерь формирований, не входивших в вермахт, по утверждению Гальдера, был очень высок и доходил до 40% их общей численности.

Авторский коллектив во главе с Г.Ф. Кривошеевым для наиболее достоверного определения числа потерь вооруженных сил Германии применил ту же балансовую методику, что и при подсчете потерь вооруженных сил СССР. В итоге безвозвратные потери, учтенные в ходе войны в оперативном порядке фашистской Германией и ее союзниками в период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г., составили 10 344 500 человек. Из них:

убито, умерло от ран, болезней, пропало без вести, не боевые потери составили 5 968 200 человек (из них Германии – 5 300 тыс. человек);
попали в плен – 4 376 900 человек;
не вернулись из плена – 579 900 человек;
вернулись из плена – 3 572 600 человек.

Таким образом, демографические потери фашистской Германии и ее союзников на советско-германском фронте составили 6 771 900 человек.

Безвозвратные потери СССР, учтенные в ходе войны в оперативном порядке, составили 11 771 100 человек. Из них:

убито, умерло от ран и болезней, пропало без вести, не боевые потери составили в 6 885 100 человек;
попало в плен – 4 559 тыс. человек;
погибло, не вернулось из плена – 2 722 400 человек;
вернулось из плена – 1 836 тыс. человек.

Безвозвратные потери СССР составили 8 668 400 человек. Соотношение потерь 1:1,29 в пользу Германии.

С самого начала войны враг столкнулся с упорным сопротивлением советских солдат. Подчас находясь в полном окружении, с нехваткой вооружений и боеприпасов, они наносили большой урон фашистским войскам. Это подтверждается бесчисленными примерами массового героизма и множеством документальных источников. Вот один из них, военный дневник генерал-полковника Ф. Гальдера: «...Имели место случаи, когда

гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен. Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Генерал-инспектор пехоты Г. фон Отт доложил о своих впечатлениях о бое в районе Гродно. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо».

Примером могут служить многочисленные проявления героизма советских воинов. Такие герои войны, как Гастелло, Зоя Космодемьянская, Матросов, доказали, что русские умеют не только воевать, но и жертвовать собой. Героизм, доблесть и отвага в бою нашего народа были настолько очевидны, что этого не могли не признавать как враги, так и союзники.

Фельдмаршал Бернارد Лоу Монтгомери в своей речи сказал: «Я приехал в Россию как солдат. Я хочу выразить свое почтение Советской Армии. Этой могущественной армии, которая сыграла столь великую роль в победе союзников над силами „оси“ в недавней войне.

Эта война была длительна и ужасна и причинила большие разрушения. С наступлением мира мы должны построить новый мир на развалинах старого. В первые дни мира некоторые народы были склонны претендовать на то, что они страдали в течение войны более жестоко, чем какой-либо другой народ, и что поэтому они должны пользоваться преимуществами. По моему мнению, если оно является ценным, – страна, наиболее жестоко пострадавшая, – это Советский Союз. Советский народ переносил страдания в мужественном молчании и продолжал сражаться против вероломного немецкого захватчика. Я приветствую храбрый русский народ! Я желаю установить дружественную связь с Советской Армией и надеюсь, что от этой дружественной связи могут взаимное понимание, возникнуть взаимное доверие и счастливые отношения, полезные для всех нас».

Но не суждено было сбыться надеждам бравого фельдмаршала.

Страны Европы: Германия, Испания, Италия, Румыния, Венгрия, Словакия, Финляндия, Австрия, Голландия и плюс более 2 млн добровольцев воевали против нашей Родины, истребляя мужчин, стариков и детей, сжигая наши города и села. Всю эту рать можно обозначить одним словом – «легион» – по аналогии с евангельским повествованием, когда Христос изгоняет множество бесов из одержимого человека и, обращаясь к ним, спрашивает: «Как тебе имя?», – и слышит в ответ: «Легион имя мне, потому что нас много». Чудовищны и безмерны людские утраты и материальные потери, которые хорошо представлены на страницах некоторых учебных пособий по истории Отечества. Более 1 710 городов, 70 тыс. сел и деревень было уничтожено, 25 млн человек вообще нигде было жить, было разрушено 31 850 промышленных предприятий, выведе-

но из строя 65 тыс. км железнодорожных путей. Список можно бесконечно продолжать: сотни и тысячи школ, клубов, библиотек, музеев. Количество скота, вывезенного или уничтоженного, исчисляется миллионами голов. Причиненный нам материальный урон непомерно велик, а духовный, связанный с гибелью миллионов ни в чем не повинных людей – безмерен.

Последнее время происходит массовый вброс в общественное сознание негативной информации о российской армии. Под видом критики военных реформ пытаются всячески противопоставить офицерский корпус рядовому личному составу и гражданскому персоналу Вооруженных сил. Это попытка расчлнить единство воинских коллективов, подорвать веру солдат в своих командиров. Хотелось бы напомнить, что во все времена российские и советские офицеры героически сражались в едином строю с солдатами и сержантами, не щадя своей жизни и здоровья в деле защиты чести, независимости Отечества.

Первая мировая война 1914–1918 гг. была ожесточенной войной с большими потерями в личном составе. Армия царской России тогда потеряла только офицеров более 72 тыс. человек, или 14,6% офицерского состава, в том числе:

- генералов – 208;
- штабных – 3 368;
- обер-офицеров – 30 330;
- прапорщиков – 37 392;
- военных врачей – 1 076.

А вот сведения о потерях офицеров Советских Вооруженных сил.

На полях сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. погибло, умерло от ран и пропало без вести более 1 млн человек офицерского состава, или 35% общего числа офицеров, состоявших на службе в кадрах Вооруженных сил Советского Союза в период войны. По воинским званиям потери офицерского состава распределяются следующим образом:

- генералов и адмиралов – 421;
- полковников – 2 502;
- подполковников – 4 887;
- майоров – 19 404;
- капитанов – 71 738;
- старших лейтенантов – 168 229;
- лейтенантов – 353 040;
- младших лейтенантов – 279 967;
- не имевших воинских званий, но занимавших командные должности – 122 905.

Наибольшее количество потерь в Отечественную войну было в командном и политическом составех (89,7%). Это вполне естественно, так как эти кадры непосредственно участвовали в сражениях с врагом и, следовательно, несли большие потери.

Потери в остальных составах (техническом, административном, медицинском, ветеринарном и юридическом), хотя и составляли незначительную долю по отношению к командному и политическому составам (всего 10%), также были очень велики.

Давайте вдумаемся в эти колоссальные цифры потерь, на бумаге это статистика, а на самом деле это людские жизни, это не образовавшиеся семьи, не родившиеся дети, это опустевшие деревни и города, множество сломанных жизней, безотцовщина, вдовство, океаны человеческого горя. Чем это можно измерить?

Какое же нужно было иметь поистине историческое мужество, какую волю, чтобы выстоять, сохранить страну. Чтобы первыми послать человека в космос. Паренька с разоренной войной дотла Смоленщины, Юрия Алексеевича Гагарина. А ведь будет и освоение целинных земель, и строительство громадных гидроэлектростанций. Вспомним, мы просыпались и слышали о запуске очередного производства, открытии нового месторождения, страна жила единым организмом, а не субъектами, как сегодня, и все это делали бывшие фронтовики, дети войны, сбереженные вдовами и поставленные на ноги страной, которую отстояли их отцы ценой собственных жизней. Сегодня, сохраняя Память о сложивших головы в той страшной войне, наш народ, в очередной раз в своей многострадальной истории, просто обязан сохранить лучшие свои черты великой нации, преодолеть национальное разобщение, ксенофобию, избавиться от алкогольного и наркотического дурмана. Готовых рецептов, наверное, нет ни у кого в отдельности, но я просто уверен, что такая возможность находится в самом нашем народе, в его способности с честью выходить из самых сложных обстоятельств, что он не раз доказал в своей истории. Для этого просто необходимо сохранить преемственность, уважение к свершениям предыдущих поколений, не растерять гордость за величие побед своего народа, умение отстаивать национальные интересы. Общаясь очень много с нашей молодежью, с удовлетворением замечаю, особенно последние годы, растущее самосознание, я бы даже сказал, понимание молодых людей, что они ответственны за судьбу страны, их растущую гордость за свою принадлежность к нашей Великой стране России. И наполняешься радостью, верой, что мы все преодолеем, у нас есть будущее, и оно радостное и светлое. Вечная Память воинам России, пусть будет проклята война.

Вопросы планового управления народным хозяйством в условиях «военной экономики»

Аннотация. В статье сформулирована идея о поступательном развитии отечественной экономической науки по вопросам планирования и управления народным хозяйством в военное время. На основе сравнительного анализа с достижениями западной экономической науки раскрывается вклад отечественных экономистов в постановку и решение проблем разработки мобилизационных, оперативных и технических планов, подготовки кадров для промышленности и сельского хозяйства, повышения производительности труда и эффективности производства.

Ключевые слова: военная экономика, мобилизационное планирование, оперативное управление, «телеологический подход», «генетический подход», директивное управление, технический план.

«Военная экономика» – это особый тип организации, планирования и управления национальным (народным) хозяйством, разработанный отечественными учеными-экономистами специально для условий военного времени. Этот тип основан на принципах администрирования, единоначалия, оперативной самостоятельности предприятий, жесткого нормирования труда, мобилизационном планировании, персональной ответственности. В наиболее сжатом виде данный тип организации хозяйства был сформулирован в известной работе Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны».

Однако в послевоенное время, к сожалению, сформировалось мнение о том, что в предвоенные годы и в военный период наука о планировании и управлении в нашей стране практически не развивалась [28]. При этом подлинная теория и практика планового управления народным хозяйством оказывается в противоречии с таким выводом. В действительности, даже еще в предвоенные 1930-е годы можно обнаружить поступательное развитие плановой мысли в нашей стране. Свидетельством этому стал выход в 1937 г. одного из первых советских учебников по организации производства «Организация производства в машиностроении». В военное время были разработаны новые принципы и методы планирования, которые учитывали чрезвычайный характер военного времени. В послевоенные годы также разрабатывались вопросы планирования и организации управления предприятиями, свидетельством чего может служить опубликование в 1950 г. межотраслевого учебника С. Е. Каменицера «Организация и планирование социалистического промышленного предприятия».

Специфические условия Великой Отечественной войны наложили свой отпечаток на постановку и решение проблем планирования и управления народным хозяйством в нашей стране. С первых же дней войны потребовалось изменить всю систему планового управления исходя из приоритетности задач, связанных с формированием «военного хозяйства».

Условия войны способствовали усилению централизации в распределении ресурсов, повышению персональной ответственности хозяй-

ственных руководителей, пересмотру структурной политики в области экономического строительства, возникновению новых подходов в постановке хозрасчета как метода планового руководства работой предприятий, в области решения проблем нормирования труда, внутрипроизводственного планирования.

Советскими экономистами активно разрабатывались такие принципы мобилизационного планирования, как срочность, адресный характер, ответственность, приоритетность, централизм. Даже сам закон *планомерного характера* развития социалистической экономики в экономической литературе 1940-х годов трактовался как закон планирования народного хозяйства.

В изучении этого закона в рассматриваемый период имело место отождествление категорий *планомерность* и *планирование*, т. е. отождествление самой объективной необходимости в планомерном и пропорциональном развитии хозяйства с субъективной деятельностью государственных органов в области планового руководства хозяйственным развитием. Отражением этого стала ярко выраженная тенденция к организации управления на принципе единоначалия. Внимание экономистов к принципу коллегиальности как важнейшему принципу планирования и управления в военное время было ослаблено.

Кроме того, важной отличительной чертой разработки проблем планирования и управления народным хозяйством в военный период было повышенное внимание исследователей к оперативному планированию. Это и понятно, поскольку перестраивать старые планы и прежние подходы к планированию приходилось буквально на ходу, в *оперативном* порядке. Лишь небольшое число мероприятий в области планирования и управления народным хозяйством имело стратегический характер [5, с. 174; 32].

Повышение интереса экономистов именно к проблемам планирования и управления экономикой в годы Великой Отечественной войны – явление не случайное. На специфику этих проблем еще в начале 1930-х годов обратил внимание Н. Д. Кондратьев, отметивший, что сами войны возникают на почве повышения темпа и напряженности хозяйственной жизни и, в свою очередь, не могут не иметь глубокого влияния на ход хозяйственного развития [19, с. 210–211]. Он полагал, что в плановых построениях необходимо следовать законам развития экономики и планировать хозяйство не директивно и излишне подробно, а с предоставлением предприятиям необходимой хозяйственной самостоятельности. Идеологическая борьба между представителями двух основных течений в области планирования и управления экономикой – директивного и генетического – стала, как известно, не только борьбой идей, но и борьбой людей. Жесткая полемика, развернувшаяся между Н. Д. Кондратьевым как представителем генетического направления в планировании и С. Г. Струмили-

ным как главным представителем директивного направления в теории планирования [18], завершилась «победой» последнего. Еще до начала войны, а именно 17 сентября 1938 г., по приговору Военной коллегии Н. Д. Кондратьев был расстрелян [16, с. 154]. Эта черная страница в истории отечественной экономической науки свидетельствует о том, в каких сложных условиях приходилось отечественным экономистам отстаивать свои научные идеи.

Активный интерес к проблемам планирования экономического развития и совершенствования управления экономикой проявился в годы войны и в капиталистических странах. Так, еще в 1944 г. Дж. фон Нейман и О.Моргенштерн разработали известную теорию игр, которая предполагала определенную инвариантность и гибкость в планировании экономики. Конечно, западных исследователей интересовало не планирование как таковое, а прогнозирование экономического развития, возможности предвидения и предсказания динамики и характера такого развития. Именно поэтому в рамках разработки теории игр зарубежные специалисты пытались путем комбинирования и сочетания различных методов и способов разрабатывать не одну универсальную программу (сценарий) развития, а альтернативные сценарии. Справедливо суждение о том, что в условиях повышения нестабильности и неопределенности наличие запасных сценариев позволяет предприятиям сохранять свою конкурентоспособность. Поэтому такой инвариантный подход Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «и сегодня составляет основу современного прогнозирования» [36, с. 47].

Кроме того, следует подчеркнуть, что в предвоенное и военное время за рубежом активно разрабатывались и другие аспекты управления. Определенными вехами на этом пути стала публикация книги представителей так называемой *школы человеческих отношений* в менеджменте Э. Мейо и Ф. Ретлисбергера «Менеджмент и рабочие» (1939), а также книги Ф. Ретлисбергера «Менеджмент и мораль» (1941). Авторы этих книг полагали, что для улучшения управления экономикой необходимо привлекать к принятию управленческих решений как можно больше заинтересованных лиц, развивать экономическую свободу хозяйствующих субъектов [28, с. 466].

Но это были только пожелания. В реальности такого либерализма в военное время не было и не могло быть. Организация всеобщего труда в годы Великой Отечественной войны объективно требовала использования принудительных форм и методов, при которых только директивное планирование и управление могло быть сколько-нибудь достоверным и эффективным. Поэтому именно в военное время обнаружилось известное противоречие. Провозглашенный в качестве фундаментального основания социалистического общества «принцип всеобщего обязательного труда» заключал в себе противоречие между идеалом свободного человека

и общественной необходимостью вовлечения его в труд сообразно с потребностями и планами общества» [27, с. 75].

Естественно, что в годы войны в нашей стране не существовало никакого рынка рабочей силы. Само планирование и управление производством осуществлялось на принципах принудительного труда и внеэкономического принуждения. Действие закона планомерного (планового) развития экономики в годы войны выражалось в глубокой перестройке всего общественного производства, в совершенно иной, чем в мирное время, динамике экономических процессов.

Здесь следует вспомнить о том, что новый учебник по политической экономии, подготовленный отечественными экономистами в 1940 г., в военные годы так и не был принят и опубликован. Основой для экономического образования в нашей стране продолжал служить учебник «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства», в котором говорилось: «Поскольку стихийные законы еще действуют в советском хозяйстве, постольку как будто сохраняется поле для законов политической экономии; поскольку же в нем действует плановое начало, – как будто для законов политической экономии места не находится и вступает в свои права экономическая политика пролетарского государства» [24, с. 455–456]. И далее: «Советское государство осуществляет свое плановое воздействие на стихию рыночных отношений, не только борясь, но и используя действие стихийных законов рынка и заставляя их двигаться по желанному для него руслу» [24, с. 471].

Сегодня, с учетом современных знаний о природе и характере действия экономических законов, подобные суждения выглядят, по меньшей мере, не совсем корректными.

Заметим, что среди обширного круга задач перевода отечественной экономики на военное положение были задачи не только *оперативного*, но и *стратегического* характера. Перераспределение ресурсов в пользу фронта происходило посредством разработки и использования *военно-хозяйственных (мобилизационных) планов*, с использованием принципа приоритетности военных заданий. Применялись такие формы организации выполнения военных заданий, как государственные задания, госпрограммы, госзаказы, лимиты и квоты и т. д. В годы войны *мобилизационный* принцип получил свое максимальное распространение. Его суть заключалась в том, что «все советские учреждения должны быть милитаризованы, т. е. в их работу должны быть внесены военные методы непрерывности работы, строгой дисциплины, быстроты исполнения и полного изгнания всякого бюрократизма, волокиты и канцелярщины», «управление должно быть централизовано» [29, с. 92–93]. Иначе говоря, мобилизационный характер означал а) милитаризацию, б) централизацию всей экономики страны; в) дебюрократизацию управления предприятиями и отраслями; г) повышение персональной ответственности и д) строгое соблюдение обязательности управленческих решений.

В годы войны заметно возросла роль *краткосрочного* планирования, когда планы разбивались на полугодия, кварталы, декады, месяцы, недели и сутки. Поскольку многие решения в области развития планирования и управления приобретали оперативный характер, вопросы организации их исполнения передавались в компетенцию конкретных наркоматов, предприятий, даже участков, цехов, бригад. Это, однако, не означало децентрализации планирования, укрепления демократических начал и коллегиальности. Расширение компетенции наркоматов сопровождалось повышением централизма и жесткого администрирования. Но в области исполнения поставленных плановых заданий можно отметить некоторое развитие инициативы и самостоятельности низовых звеньев в рамках директивного характера самого плана.

Эта практика объективно вызывала необходимость более глубокой разработки вопросов внутризаводского планирования, повышения оперативности в планировании, его гибкости, а также вопросов нормирования труда, его научной организации, учета и контроля над расходом ресурсов, развития скоростных и поточных методов работы, разработки скоростных и скользящих графиков и технологических планов [6; 9; 20; 21; 30; 34].

Нужно сказать, что вопреки известному высказыванию А. И. Рыкова о том, что «было бы безумием думать, что можно накрыть всю хозяйственную жизнь детально разработанным планом» [31, с. 89], вся плановая практика военного времени свидетельствует о попытках установления мелочной и тотальной регламентации и детальной опеки предприятий со стороны наркоматов.

Важнейшим принципом организации хозяйственной деятельности предприятий в годы войны стало *приоритетное* обеспечение всем необходимым военных отраслей. Стратегические перемены в структурной политике (приоритетное развитие военного хозяйства, решение продовольственной проблемы и задач по производству технологического оборудования для военных, сырьевых отраслей и транспорта) способствовали тому, что вопросы перестройки планирования и управления народным хозяйством стали конкретнее увязываться с соответствующими отраслями экономики. Научные исследования в этой области также приобрели более конкретный характер.

Отличительная особенность планов военного времени – их *напряженность*. Выполнение напряженных планов обеспечивалось благодаря трем факторам: *во-первых*, сочетанию высокой персональной ответственности с широкими полномочиями каждого работника или звена для выполнения своих функций; *во-вторых*, организации военных отраслей на базе специализации, потока и многосерийного производства; *в-третьих*, патриотизму и самоотверженному труду рабочих, инженеров и конструкторов [5, с. 191].

Наряду с резким повышением напряженности, характерной чертой планов военного времени было изменение и ужесточение их адресного характера. Если до войны Госплан планировал производство продукции по наркоматам, ведомствам, то в военные годы плановые задания стали адресоваться непосредственно самим предприятиям. Конкретизация и детализация плановых заданий, характерная для военного периода, свидетельствует о том, что в структуре управления предпочтение отдавалось не общей теории управления и не методологии принятия решений, а теории и практике информации, теории алгоритмов (хронометражу и математическому моделированию) и развитию технических средств управления. Об этом говорят исследования Л. В. Канторовича, Е. Е. Слуцкого и некоторых других крупных отечественных ученых. Так, Л. В. Канторович еще в 1939 г. опубликовал свою знаменитую работу «Математические методы организации и планирования производства», в которой изложил идею линейного программирования. В свою очередь, Е. Е. Слуцкий в годы войны занимался разработкой теории случайных процессов, а также вел работу по составлению таблиц неполной Г-функции. Ему удалось найти новое решение задачи табулирования этой функции. Составлением таблиц неполной Г-функции и обратной неполной В-функции ученый занимался в эвакуации в Ташкенте, где находился с семьей с октября 1941 г. Работа была крайне трудоемкой, осложнялась отсутствием необходимых приспособлений для проверки расчетов (в то время для вычислений использовали арифмометры). Поэтому основным теоретическим вопросом являлось нахождение простейшего способа вычисления значений этой функции с заданной точностью.

Отдельно необходимо отметить и внимание отечественных экономистов к проблеме рационального размещения производительных сил на территории страны в условиях войны. Это особенно важно в контексте осуществления массовой эвакуации промышленных предприятий из старых районов размещения в новые [12, с. 202]. Эвакуация промышленных предприятий в восточные районы страны имела огромное значение для сохранения экономического потенциала. Тем самым были фактически сорваны планы гитлеровского руководства по осуществлению «блицкрига» и захвата СССР. Однако на местах далеко не всегда имелись благоприятные условия для размещения эвакуированных заводов и фабрик. Только за июль–ноябрь 1941 г. на восток нашей страны было перебазировано 1 523 предприятия. К весне 1942 г. в восточные районы страны прибыло 7,4 млн человек [14, с. 595–596]. Здесь следует напомнить, что к ноябрю 1942 г. под вражеской оккупацией оказалась территория, где добывалось 63% угля, производилось 68% чугуна, 58% стали, 60% алюминия, вырабатывалось 42% электроэнергии общесоюзного производства.

Именно Урал стал главным регионом, который принял участие в эвакуации предприятий с запада на восток страны. Только во второй по-

ловине 1941 г. на Урал было переведено 667 заводов, а осенью 1942 г. здесь уже размещалось оборудование 788 эвакуированных предприятий. В том числе: в Свердловской области – 212, Челябинской – 200, Пермской – 124, Оренбургской – 60, Башкирской АССР – 172, Удмуртской АССР – 20.

Сложнейшей была задача приема, размещения и трудоустройства эвакуированного населения. Тем не менее и эти вопросы решались оперативно. К тому времени, когда враг захватил практически всю южную металлургическую базу страны, Урал начал работать на полную мощь. В целом, к концу 1941 г. производство чугуна в стране увеличилось по сравнению с довоенным временем в 4 раза, стали – в 3 раза, проката черных металлов – в 3,1 раза, проката цветных металлов – в 430 раз, производство шарикоподшипников – в 21 раз. На 1942 г. в соответствии с военнo-хозяйственным планом планировалось построить пять доменных и двадцать семь мартеновских печей, блюминг, пять коксовых батарей. Наряду с этим на металлургических заводах одновременно осуществлялись реконструкционные работы: восстанавливались бездействовавшие мартеновские и доменные печи на Серовском, Старо-Уткинском, Майкорском и других заводах.

Переход от выпуска рядового металла, составлявшего до войны свыше 70% общего производства, к легированному был сопряжен с большими трудностями. Каждому заводу и его трудовому коллективу пришлось решать конкретные задачи. Перед златоустовскими металлургами, например, была поставлена задача как можно скорее освоить сложные марки стали для боеприпасов и авиационной техники. Уфалейский, Серовский и Саткинский заводы должны были в самые сжатые сроки наладить производство металла для танков и артиллерийских орудий. Лысьвинский завод должен был обеспечить советских солдат касками и иными индивидуальными металлоизделиями защиты.

Ведущая роль отводилась Магнитогорскому металлургическому комбинату, который имел 4 доменные и 15 мартеновских печей, 4 коксовые батареи, 8 прокатных станов. Трудовому коллективу комбината пришлось буквально за считанные месяцы освоить новую технологию выплавки качественной стали в больших мартеновских печах, чего не было раньше.

На нужды фронта быстро переориентировался Чусовской металлургический завод, который освоил 15 новых марок стали и 72 новых профиля проката, начал выпуск высококачественных ферросплавов. Коллектив Серовского металлургического завода за первые месяцы войны освоил выпуск 50 новых марок стали, в том числе уникальной калиброванной «кислой» для шариковых и роликовых подшипников. Металлурги Златоуста за первые месяцы войны освоили 163 новые марки стали [37].

Ничего подобного не знала за годы войны экономика ни одной европейской страны или США. Перестройка, которую осуществил наш народ,

была быстрой, эффективной и в финансовом отношении минимально затратной. И роль экономической науки в ее подготовке и осуществлении была наиболее значительной. Главными факторами такой перестройки стали: а) мобилизационное планирование, б) трудовой героизм советских рабочих, в) четкая диспетчеризация всех процессов и г) жесткая персональная ответственность руководителей.

Такая беспрецедентная по своим масштабам «операция» была осуществлена на основе *телеологической* концепции планирования, когда целевой его характер, а не какие-то «внутренние» условия, определяли и результат. Но это предусматривало и включение дополнительных факторов, которые состояли в массовом трудовом энтузиазме, героизме, высокой трудовой дисциплине самих рабочих. Не случайно до сих пор мы чувствуем не только героев фронта, но и ветеранов тыла, труда. И этот «неэкономический» фактор нельзя игнорировать.

Дискуссия между «телеологами» и «генетиками» в годы войны продолжалась, что подтверждает тезис о развитии не только практической, но и теоретической функции экономической науки в военное время. Например, известный советский экономист А. Курский доказывал, что планирование только тогда носит характер экономического закона, когда оно «учитывает» достигнутый уровень развития производительных сил, «результаты и возможности, которые заключает в себе социалистическая система хозяйства» [23, с. 26].

Эти рассуждения несут на себе отпечаток именно «генетического» подхода в планировании, что весьма неожиданно для военного времени. И тем не менее это так. Хотя, надо признать, в целом в военное время господствовал «телеологический» подход. Его наиболее яркий представитель С. Г. Струмилин писал: «Целостную концепцию развития народного хозяйства нельзя получить в результате простого *суммирования* соответствующих наметок по отдельным отраслям. Но получить эту концепцию сверху, из одних лишь абстрактных целевых установок, без конкретной проработки и учета имеющихся возможностей не только по каждой отдельной отрасли, но даже по отдельным крупнейшим объектам строительства и производственным единицам, было бы утопией. Поэтому Госплан должен уже с самого начала опереться в своей работе на силы ведомственных аппаратов, хотя ведомственные проектировки на первых порах могли для него послужить лишь сырым материалом, требующим тщательного отбора и дальнейшей обработки. Лишь в результате такого отбора и обработки ведомственных материалов Госплан мог выработать уже и общую, хотя бы ориентировочную, концепцию народнохозяйственного плана, на основании которой надлежало затем снова, и притом не один раз, пересмотреть и связать внутреннею цепной связью все отдельные – отраслевые и порайонные – элементы этого плана» [33, с. 213].

Понимание объективной необходимости соединить, казалось бы, несоединимое – преимущества телеологического и генетического подходов в планировании – в военные годы на время примирило «идейных» оппонентов. Наиболее ярко это видно в заявлениях крупнейшего экономиста военного времени Н. А. Вознесенского, который писал, что нельзя грамотно составить планы развития народного хозяйства страны, если не учитывать необходимости начинать с баланса народного хозяйства [7, с. 84]. Думается, что это мнение разделял и И. В. Сталин, который сам правил и подписывал к изданию важнейший труд Н. А. Вознесенского – книгу «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [25, с. 309].

Н. А. Вознесенский полагал, что исходным пунктом при определении баланса народного хозяйства страны являются конкретные задачи предстоящего периода, которые объективно вытекают из ситуации, но которые формулирует (ставит) перед народом партия.

Среди основных задач в области планирования отечественные экономисты называли:

обеспечение независимости народного хозяйства страны от экономики капиталистических стран;

закрепление безраздельного господства социалистической системы хозяйства и уничтожение всех источников возникновения капиталистических элементов;

недопущение диспропорций в народном хозяйстве;

ликвидацию возможности прорывов в экономике и создание с этой целью новых государственных резервов и запасов ресурсов.

Необходимо отметить, что в условиях войны роль народнохозяйственных планов существенно возросла. Они фактически имели силу юридического закона. Всякое невыполнение плановых показателей связывалось не столько с просчетами в самом планировании, сколько с вредительством и саботажем.

Этому способствовало издание Указа от 26 июня 1940 г., который был отменен только 25 апреля 1956 г., т. е. уже после смерти И. В. Сталина. Этим Указом была увеличена продолжительность рабочего дня для рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях:

с 7 до 8 ч на предприятиях с семичасовым рабочим днем;

с 7 до 6 ч – на работах с шестичасовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда;

с 7 до 8 ч – для служащих учреждений;

с 6 до 8 ч – для лиц, достигших 16 лет.

Этим же Указом устанавливалось, что уход работника с предприятия или его переход на другое предприятие может быть осуществлен только с согласия руководителя (директора) этого предприятия. Последний же был обязан давать разрешение на увольнение работника только в двух

случая: либо по болезни работника (на основании заключения экспертной врачебно-трудовой комиссии), либо когда работник поступал в высшее или среднее учебное заведение. Во всех иных случаях директор мог просто не отпустить работника, а его самовольный уход считался уголовным преступлением [11, с. 637–638].

Повышение юридической ответственности граждан за невыполнение планов отражалось в ужесточении действовавшего законодательства. По сути, принудительное прикрепление гражданина к конкретному предприятию (учреждению) оправдывалось военной обстановкой.

Возрастание роли мобилизационных планов в военное время предполагало не только юридическое ужесточение, но и развитие научного характера планирования. В 1944 г. впервые за время войны в Госплане СССР с помощью ученых-экономистов был разработан *технический план*, в котором были предусмотрены более или менее четкие и обоснованные технические требования к военной продукции, решение конкретных задач по восстановлению районов, пострадавших от немецко-фашистской оккупации. В этом *техническом плане* содержались предложения по внедрению новых технологических процессов и методов производства, освоению новых видов продукции, уделялось внимание созданию новых конструкций машин и оборудования, подробно разрабатывался вопрос о расширении поточных методов производства, дальнейшем совершенствовании научной организации труда [4].

Пользуясь современным языком, можно сказать, что разработка первого технологического плана в годы войны предопределила новую *волну нововведений* в промышленном производстве, которая в мировом масштабе, по классификации Й. Шумпетера, началась как раз с 1940 г. [39, с. 51]. Но ее отличие от прежней аналогичной волны для нашей страны было существенным. В 1944 г., выступая перед представителями американской торгово-промышленной палаты, И. В. Сталин благодарил их за помощь и сотрудничество в организации и проведении индустриализации в СССР. Действительно, крупнейшие промышленные объекты нашей страны, такие как «Уралмашзавод», Челябинский и Харьковский тракторные заводы, ДнепрогЭС и т. д. были построены благодаря тому, что США продавали нам промышленное оборудование, станки и т. д. Но именно в военное время, в рамках отмеченной выше *технологической волны нововведений*, наша экономика стала и самостоятельной, и вполне конкурентоспособной.

Вскоре после окончания войны, в 1948 г. И. В. Сталин, обращая внимание на то, что технико-технологическое сотрудничество между окрепшим СССР и США почти полностью прекратилось, заявил, что нам больше не стоит ждать прежнего отношения со стороны западных государств. И потому необходимо срочно добиться экономической самостоятельности страны в вопросах ее обеспечения необходимой промышленной продукцией. Эти суждения как никогда актуально звучат сегодня, в условиях санкций.

Следует подчеркнуть, что в годы Великой Отечественной войны на первое место во всей экономической политике государства выдвигается *фактор времени*. Экономическая наука формулирует эту проблему в виде приоритетности развития тех или иных производств и отраслей. Закон об опережающем развитии промышленности (отраслей группы «А» по отношению к отраслям группы «Б») получил свое «завершенное» выражение в известном лозунге: «Всё – для фронта, всё – для Победы!».

В связи с разработкой приоритетов и фактора времени в экономической политике государства можно привести интересные рассуждения французского писателя А. Моруа, который в своей книге «Трагедия Франции» писал: «Специалисты наугад назначали срок, и все ждали его со священным трепетом. Мы делали все наоборот. Мы считали, что война должна приспособливаться к нашим техническим возможностям, а не наша промышленность – к требованиям войны. Оттого и вышло, что мы готовились вести войну в 1942 г., а она закончилась в 1940 г. Иными словами, что один из главных факторов в войне – время. Самый главный...» (цит. по: [13, с. 39]). Во многом аналогичная ситуация существовала и в нашей стране в предвоенное время и на начальном этапе войны.

Именно экономия времени, финансовых и материальных ресурсов, умение создавать необходимые резервы стала ключевым условием существенного повышения эффективности планового управления экономикой СССР. Свидетельством этому стало особое внимание экономистов к вопросам организации режима экономии на предприятиях, совершенствования нормирования труда, рационализации, хозяйственного расчета [2; 3; 8; 17; 22; 26; 35].

Подчеркивая конкретность задач, стоявших в области планирования, А. Григорьев, например, писал, что эти задачи не только вполне конкретные, но и *новые* для организации советской системы управления народным хозяйством. Среди них: исследование рабочих процессов; их проектирование и расчет во времени; доведение заданий и установленного порядка их выполнения до каждого рабочего; материальное и организационное обеспечение выполнения производственных заданий. Автор подчеркивал значение новых методов организации поточного производства, их связь с качеством технического нормирования, с переходом от опытных норм к расчетным нормам выработки. Особое внимание он уделял рациональному размещению работников в производственном процессе, кадровому обеспечению производства [10, с. 41]. И такая конкретизация экономической проблематики в экономической науке военного времени совершенно объяснима. Так, проблема кадрового обеспечения производства действительно в военное время стала ключевой. Необходимо вспомнить, что только за период с 1940 по 1942 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны снизилась с 31,2 млн до 18,4 млн человек. В том числе – в промышленности с 11,0 млн до 7,2 млн человек.

Естественно, что это крайне обострило вопрос обеспечения кадрами промышленных предприятий, в первую очередь производящих продукцию для фронта. В 1942 г. Наркомату тяжелого машиностроения не хватало 50 тыс. рабочих. Наркомату танковой промышленности – 45 тыс. рабочих. Наркомату вооружения – 64 тыс. рабочих. Наркомату авиационной промышленности – 215 тыс. рабочих. Наркомату боеприпасов – 35 тыс. рабочих. Наркомату черной металлургии – 9 тыс. рабочих. Наркомату цветной металлургии – 8 тыс. рабочих [14, с. 599].

Для преодоления сложившейся ситуации правительство страны приняло целый комплекс решений, направленных на повышение оперативности в планировании и управлении. Так, 1 июля 1941 г. вышло постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени», в котором последним, в целях обеспечения своевременного и быстрого решения оперативных вопросов (в первую очередь, выполнения оперативных планов), предоставлялось право [11, с. 724–725]:

распределять и перераспределять материальные ресурсы наркомата (в том числе излишки материалов и оборудования) между отдельными предприятиями и строительствами в соответствии с ходом выполнения плана и поступлением оборудования и материалов по выделенным наркомату фондам;

разрешать директорам предприятий и начальникам строек для выполнения производственных планов и заказов по договорам выдавать из своих ресурсов другим предприятиям необходимые материалы;

в соответствии с вновь возникающими потребностями перераспределять капиталовложения по сверхлимитным строительствам с тем, чтобы уменьшение суммы ассигнования по каждому строительству не превышало 10%, а также направлять полностью на другие стройки средства, предусмотренные планом для строек, прекращенных строительством в связи с военными действиями;

допускать частичные отступления от утвержденных проектов и смет сверхлимитного строительства в пределах общей стоимости каждой стройки, утвержденной по генеральной смете;

разрешать отпуск в эксплуатацию строящихся предприятий и их отдельных частей, с последующим уведомлением СНК СССР;

резервировать в обеспечение выполнения дополнительных производственных заданий до 5% от утвержденного фонда заработной платы по наркомату в целом, без права, однако, повышения заработной платы;

производить списание числящихся на балансе убытков отдельных хозяйственных учреждений и предприятий за счет их собственных средств и сверхплановой прибыли по наркомату в целом, при отсутствии возражений со стороны Наркомата финансов;

разрешать списание сумм с расчетных счетов подведомственных хозорганов и предприятий на покрытие просроченной задолженности поставщикам;

в случае перевода предприятий в другие местности разрешать наем жилых помещений у отдельных граждан для размещения рабочих и служащих перевозимых предприятий, а также новостроек – с оплатой в размере, не превышающем трехкратной ставки квартирной платы, установленной Советами депутатов трудящихся в данной местности;

производить затраты на восстановление разрушенных военными действиями предприятий и жилищ за счет: капиталовложений, вневлимитных затрат, капитального ремонта, а при отсутствии их – в счет себестоимости продукции.

Естественно, что для повышения оперативности планового управления отечественными предприятиями в военное время требовалась переподготовка руководителей производства и инженерно-технических работников в области нормирования труда, материально-технического снабжения предприятий в условиях войны, организации рабочих мест и формирования общей культуры производства [38, с. 35]. Предлагалось в этой связи «усилить в учебных программах вузов, техникумов и курсов мастеров преподавание вопросов нормирования труда на основе изучения опыта передовых предприятий» [4, с. 67]. Кстати, еще накануне войны в нашей стране был принят ряд мер по обеспечению оперативного характера планового управления народным хозяйством. В апреле 1940 г. вышло постановление СНК СССР «Об организационной структуре органов снабжения хозяйственных наркоматов», в котором говорилось, что «основным порок в организации снабжения является наличие в наркоматах множества параллельно действующих и излишних трестов, контор и отделений, содержащих огромные и ничем не оправданные штаты работников». Для ликвидации такой ситуации предусматривалась ликвидация всех параллельных и лишней структур и организация новой структуры системы материально-технического снабжения, которая способствовала бы ускорению оборота материальных ресурсов и удешевлению стоимости материалов [11, с. 621–623]. При этом устанавливалось, что складские операции главных управлений и местных органов системы МТС не могут превышать 25–30% от общего оборота. Устанавливались предельные наценки за услуги по реализации фондов и децентрализованным заготовкам в размере 6% (вместо существовавших 10–11%); устанавливался жесткий запрет на взимание каких-либо других начислений за услуги системы МТС. Только прямой экономический эффект от создания новой системы МТС и принятых условий ее работы исчислялся в 300 млн р. [11, с. 621–623].

Можно сказать, что в военное время экономия затрат на управленческий труд сопровождалась соответствующим совершенствованием техники и технологии управления [1, с. 200–201].

Таким образом, исторический опыт организации планового управления народным хозяйством в сложнейших условиях военного времени сохраняет свою не только теоретическую, но и вполне практическую актуальность и в современных условиях, когда против нашей страны вводятся различные санкции, ее пытаются изолировать от мировой экономики. В этой связи изучение такого опыта становится важным фактором дальнейшего поступательного развития российской экономики в условиях глобального финансово-экономического кризиса и ужесточения международной конкуренции. Понятия «государственное управление», «оперативно-хозяйственная самостоятельность», «дисциплина», «администрирование», «централизованное планирование» – далеко не реликты прошлого. Как бы мы ни относились к ним, следует помнить, что в определенных исторических условиях они могут оказаться, и оказывались, гораздо более полезными для общества, чем многие другие сценарии экономического развития.

Библиографический список

1. *Аракелян А.* Управление социалистической промышленностью. М. : Госполитиздат, 1947.
2. *Атлас З.* Принципы хозрасчета в условиях военной экономики СССР // Под знаменем марксизма. 1942. № 7.
3. *Атлас З.* Хозяйственный расчет и его роль в условиях Великой Отечественной войны. М., 1944.
4. *Байков А.* Технический план 1944 года // Плановое хозяйство. 1944. № 1.
5. *Белюсов Р. А.* Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М. : Мысль, 1983.
6. *Вишнев С.* Мобилизация экономических ресурсов в первой и второй мировых войнах // Большевик. 1943. № 1.
7. *Вознесенский Н. А.* Три сталинских пятилетки строительства социализма // Большевик. 1940. № 1.
8. *Грановский Е.* Работа по графику в условиях войны // Большевик. 1943. № 13.
9. *Григорьев А.* К вопросу об организации управления производством в дни войны // Большевик. 1943. № 15–16.
10. *Григорьев А.* О нормировании труда в промышленности // Плановое хозяйство. 1945. № 1.
11. *Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам.* М. : Госполитиздат, 1957. Т. 2.
12. *Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П.* Очерки развития народнохозяйственного планирования. М. : Наука, 1980.
13. *Исмагилова Ф. С.* Анализ инструментов выбора управленческих решений руководителями российских компаний // Психологический вестник Уральского государственного университета. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та. 2009. Вып. 7.
14. *История мировой экономики* / под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. М. : Юнити-Дана, 2010.
15. *История политической экономии социализма* / под ред. Д. К. Трифонова, Л. Д. Широкограда. Л. : Изд-во ЛГУ. 1983.
16. *История экономической мысли России в лицах* : слов.-справ. / под ред. Н. Н. Думной, О. В. Карамовой. М. : КноРус, 2007.
17. *Козлов Г. А.* Хозяйственный расчет в социалистическом обществе. М., 1945.

18. *Кондратьев Н. Д.* Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Каким быть плану : дискуссии 20-х годов : статьи и современный комментарий / [сост. Э. Б. Корицкий]. Л. : Лениздат, 1989.
19. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М. : Экономика, 1989.
20. *Косяченко Г.* Военное хозяйство СССР // Плановое хозяйство. 1944. № 1.
21. *Курский А.* Война и плановый характер народного хозяйства СССР // Пропагандист. 1943. № 9.
22. *Курский А.* Народнохозяйственные резервы на службу обороны страны // Плановое хозяйство. 1941. № 6–7.
23. *Курский А.* Социалистическое планирование – закон развития советской экономики // Большевик. 1944. № 19–20.
24. *Латидус И., Островитянов К.* Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.–Л. : Гослитиздат, 1930.
25. «Ленинградское дело» / [сост. В. И. Демидов и др.]. Л. : Лениздат, 1990.
26. *Либкин А.* Резервы увеличения продукции сельского хозяйства в колхозах // Плановое хозяйство. 1944. № 3.
27. *Марцева Л. М.* Советская модель всеобщего труда. Теоретические источники и исторический опыт. Омск : ИЦ «Омский научный вестник», 2008.
28. *Маршев В. И.* История управленческой мысли. М. : Изд-во МГУ, 2005.
29. *Об едином хозяйственном плане : работы 1920–1921 гг.* / под ред. А. И. Анчишкина и др. М. : Экономика, 1989.
30. *Омельченко К.* Мобилизация ресурсов – важный источник управления выпуском продукции // Большевик. 1942. № 7.
31. *Рыков А. И.* Избранные произведения. М. : Экономика, 1990.
32. *Стожко К. П.* Экономическая наука СССР в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург : ИД «Стягъ», 2010.
33. *Струмилин С. Г.* На плановом фронте. М. : Наука, 1980.
34. *Сухаревский Б.* Задачи промышленности в условиях Отечественной войны // Плановое хозяйство. 1941. № 6–7.
35. *Турецкий Ш.* Борьба с потерями и себестоимость продукции // Большевик. 1941. № 2.
36. *Уотермен Р.* Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании : [пер. с англ.] / под общ. ред. В. Т. Рысина. М. : Прогресс, 1988.
37. *Урал – фронту* / [П. Г. Анарышев, М. Н. Евланова, А. Г. Наумова и др.] ; под общ. ред. А. В. Митрофановой. М. : Экономика, 1985.
38. *Фокин И.* Что дает экономическое образование партийно-хозяйственного актива? // Пропагандист. 1942. № 17.
39. *Фостер Р.* Обновление производства : атакующие выигрывают : [пер. с англ.] / под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна. М. : Прогресс, 1987.

Н. Н. Целищев

Русский язык и литература о Великой Отечественной войне

Аннотация. В статье показана роль русского языка и литературы в формировании и укреплении национального самосознания, культурной идентичности и патриотизма. Особое внимание уделено необходимости сохранения чистоты русского языка в современных условиях.

Ключевые слова: язык, литература, культура, культурная идентичность.

Русский язык, отечественная классическая литература, историческая память – вот те духовные скрепы, которые объединяют российский народ.

Язык охватывает все сферы жизни и деятельности человека. Многозначность его проявлений постоянно возрастает с развитием экономики и культуры, науки и техники, политики и морали. Для языка как символа этноса характерны следующие особенности [7, с. 5]:

1) язык является хранителем исторической памяти народов и государств. Некоторые государства существуют не одно тысячелетие. Их история запечатлена в письменных и архитектурных памятниках, устных преданиях и мифах (Китай, Индия, Египет, Древняя Греция, Древний Рим). Дошедшие до нас источники дают возможность узнать и о тех народах, которые давно исчезли с лица земли (этруски, шумеры, скифы и др.);

2) язык выступает объединителем народов как в мирное время, так и в период войн, в борьбе за независимость и самостоятельное развитие государств;

3) язык – воплощение национальных чувств, мыслей, идей, психологии народов;

4) язык воспитывает народные массы, подвигает их на решение общегосударственных задач. В нем выражается будущее народа, определяются направления социального прогресса;

5) язык служит инструментом формирования и обогащения культуры, в первую очередь художественной литературы.

Русский язык, величайший язык в мире, прошел сложный путь развития от сказаний, былин, древних летописей до классических высот пушкинского времени и последующих периодов.

Русский язык – это язык мира, а не войны, язык переговоров, мирного решения всех спорных вопросов между государствами, достижения консенсуса на международной арене.

Русский язык является государственным языком, языком межнационального общения народов России. В Российской Федерации многонациональность – определяющий признак не только республик, автономных округов и автономной области, но и всех краев и областей страны. Так, на Урале проживают представители более 160 наций и народностей.

Многонациональный Урал играет значительную роль в укреплении могущества нашего государства. Неоценимый вклад внес Урал в разгром германского фашизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 70-летие окончания которой в этом году отмечает российский народ, все прогрессивное человечество.

Опорным краем державы назвал Урал замечательный русский поэт А. Т. Твардовский в поэме «За далью даль» [5, с. 180–181]:

Урал!
Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы

И славы нынешней творец,
Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли
Тот груз, до срока зачехленный,
Стволов и гусениц везли, –
Тогда, бывало, поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:
– Батюшка Урал...

Русский язык и историческая память стали важнейшими факторами объединения многонационального крымского народа, который в марте 2014 г. на референдуме принял единодушное решение о воссоединении со своей исторической Родиной – Россией.

Земля Крыма, города-героя Севастополя полита кровью русского и других братских народов, защищавших Родину от иноземных захватчиков.

Во время Крымской войны 1853–1856 гг. русские войска 349 дней обороняли Севастополь от объединенных армий Франции, Великобритании, Турции и Сардинии. Л. Н. Толстой, принимавший участие в обороне Севастополя (сражался на знаменитом 4-м бастионе), в «Севастопольских рассказах» реалистично изобразил войну «в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти». Вместе с тем писатель убедительно показал высокую нравственную причину, побудившую людей принять эти ужасные условия. «И эта причина, – писал он, – есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине... Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский» [6, с. 100–101].

В Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. солдаты и матросы 250 дней и ночей самоотверженно защищали Севастополь от превосходящих сил вермахта.

В мае 1944 г. в ходе Крымской операции советские войска освободили город от фашистских оккупантов. Севастополю было присвоено звание города-героя.

На священной земле Севастополя воздвигнуто более 600 памятников, обелисков, монументов, музеев, в их числе мемориал на Малаховом кургане, рассказывающий о героической борьбе защитников города, панорама 4-го бастиона легендарной обороны города 1854–1855 гг., сооруженная на вершине Сапун-горы диорама, посвященная штурму неприступной высоты советскими воинами-освободителями 7 мая 1944 г.

Велик и могуч русский язык – язык Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Достоевского, Льва Толстого и Чехова, Горького и Маяковского, Блока и Шолохова, Есенина и Твардовского... Его творческая сила и художе-

ственная зрелость особенно ярко проявлялись в изображении переломных периодов российской истории, во времена неимоверного напряжения всех сил русского народа в борьбе с иноземными захватчиками, за свободу и независимость своей любимой родины. Так было в 1812 г., когда русские войска во главе с фельдмаршалом М. И. Кутузовым одержали победу над вторгнувшейся в Россию наполеоновской армией, в рядах которой сражались солдаты почти всей Европы. Это была Отечественная война русского народа.

Картина Отечественной войны 1812 г. и одновременно широкая панорама русской общественной жизни первой трети XIX века созданы гениальным русским писателем, властителем дум человеческих Л. Н. Толстым в его величественной эпопее «Война и мир». Центральной вехой в Отечественной войне стало Бородинское сражение, которому в 1837 г. великий русский поэт М. Ю. Лермонтов посвятил свое знаменитое стихотворение «Бородино». Его отличительная черта заключается не только в совершенной поэтической форме, но и в том, что о героическом сражении русской армии рассказывается впервые от лица солдата, участника боев, мужественного человека и патриота [3, с. 43]:

– Скажи-ка дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!
– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!...

Высоко оценивая произведение, В. Г. Белинский писал: «...Это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии» [1, с. 503–504].

Другой пример – героический подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. против фашистских полчищ, вероломно напавших на нашу страну.

В годы Великой Отечественной войны Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами СССР, Председателем Государственного Комитета Обороны был И. В. Сталин.

Войсками на фронтах командовали выдающиеся полководцы, наследники непобедимого генералиссимуса А. В. Суворова: Г. К. Жуков,

А. М. Василевский, А. И. Антонов, Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, Н. Г. Кузнецов, И. Д. Черняховский и многие другие.

Победу над фашистской Германией одержали солдаты на фронте и труженики тыла. Это они спасли мир от коричневой чумы. В России, в странах ближнего и дальнего зарубежья в бронзе и камне запечатлена священная память об их беспримерном подвиге.

В нашем отечестве создано огромное количество романов, повестей, рассказов, очерков, стихов, песен о Великой Отечественной войне. Буквально в самом начале войны, в октябре 1941 г., композитор А. В. Александров сочинил песню «Священная война» на слова поэта В. И. Лебедева-Кумача. Песня стала музыкальным символом Великой Отечественной войны:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война...

Талантливый советский поэт А. Т. Твардовский, прошедший всю войну военным корреспондентом, исключительно точно изобразил характер русского солдата-патриота в поэме «Василий Теркин», которую назвал книгой про бойца. Для Теркина и для всех бойцов на фронте

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле [5, с. 26].

Смертельной схватке с фашизмом посвящены произведения многих известных писателей: М. А. Шолохова «Они сражались за родину», К. М. Симонова «Живые и мертвые», А. Б. Чаковского «Блокада», Ю. В. Бондарева «Горячий снег», А. А. Фадеева «Молодая гвардия», Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие», В. О. Богомолова «Момент истины (В августе сорок четвертого)» и др. Богатый материал по истории Великой Отечественной войны представляют мемуары прославленных полководцев, героев-фронтовиков, руководителей тыла, политических деятелей.

Но художественная эпопея о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. еще не создана, она ждет «своего Льва Толстого».

В годы войны расцвел фольклор, устное народное творчество. Пословицы и поговорки воспитывали народ в духе советского патриотизма, ненависти к фашистским захватчикам, прославляли героический подвиг фронтовиков и тружеников тыла:

Врагу солнца не погасить,
Красную Армию не победить.

Суворовский завет свят:
Гвардейцы насмерть стоят.

Хотел Гитлер Москву взять,
Да пришлось Берлин сдать.

Где Кожедуб и Покрышкин –
Там фашистам крышка.

Бьют партизаны старательно
Фашистских карателей.

В труде и в бою
Защищаем Родину свою...

В военный период народными пословицами становились крылатые выражения советских поэтов и писателей. Так, вошли в народную речь афоризмы из поэмы А. Т. Твардовского «Василий Теркин»:

Будем живы – не померем.

Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

– Нет, ребята, я не гордый.
Не заглядывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

У войны короткий путь,
У любви – далекий.

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед,
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет...

О беспримерном подвиге народа в Великой Отечественной войне созданы тысячи песен, написанных поэтами по заказу Родины и по зову сердца. Многие поэты и писатели ушли на фронт военными корреспондентами, участвовали в боевых действиях, не все «вернулись из боя». В памяти народа навеки остались их имена и произведения, а созданные ими художественные образы стали крылатыми народными выражениями; немало популярных песен о войне создано и в послевоенное время:

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет. (А. Сурков)

А нынче нам нужна одна Победа,
Одна на всех – мы за ценой не постоим.
(Б. Окуджава)

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди... (К. Симонов)

Эта вера от пули меня темной ночью хранила.
(В. Агапов)

Все, что было загадано,
В свой исполнится срок –
Не погаснет без времени
Золотой огонек. (М. Исаковский)

...Но на Запад, на Запад ползет батальон,
чтобы солнце взошло на Востоке.
(В. Высоцкий)

Мы пол-Европы по-пластунски пропахали,
И завтра, завтра, наконец последний бой.
(М. Ножкин)

Они жизни не щадили,
Защищая отчий край, страну родную.
Одолели – победили
Всех врагов в боях за Родину святую.
(А. Коваленков)

Не только за свою страну
Солдаты гибли в ту войну,
А чтобы люди всей земли
Спокойно ночью спать могли. (Е. Евтушенко)

Стоит над горою Алеша –
В Болгарии русский солдат. (К. Ваншенкин)

Этот День Победы
Порохом пропах,
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах. (К. Харитонов)

Нам дороги эти
Позабить нельзя. (Л. Ошанин)

Мне кажется, порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,

Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей. (Р. Гамзатов)

Не стареют душой ветераны,
Ветераны Второй мировой! (Я. Белинский)

Фронтовики, наденьте ордена! (В. Сергеев)

Многие поэтические строки вошли пословицами и поговорками в народную речь.

Россия – многонациональное государство, в котором проживает более 145 млн человек, представителей 193 наций и народностей.

Государство защищает культурное и языковое многообразие российских наций и народностей. В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования применяются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. изложены следующие цели государственной национальной политики России [4]:

а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (рос­сийской нации);

б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России;

в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений;

г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств;

д) успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

Русский язык был и остается, по существу, языком межнационального общения миллионов людей на всем постсоветском пространстве. Между тем власти прибалтийских государств (Латвии, Литвы, Эстонии) и Украины вводят запрет на использование русского языка, преследуют русскоязычное население.

Русскоязычное население Украины и стран Балтии активно выступает против дискриминационной политики властей этих государств в отношении русского языка.

Киевская власть развязала гражданскую войну против собственного народа на юго-востоке страны, в результате которой гибнут тысячи мирных жителей, разрушаются города и поселки. Население Донецкой и Луганской народных республик с оружием в руках защищает свое право на самоопределение, на родной русский язык, свободное развитие всех языков и культур.

Русский язык, на котором говорят сотни миллионов человек, стал с середины XX века общепризнанным мировым языком, официальным рабочим языком ООН, наряду с английским, французским, испанским, китайским и арабским. Этим решением ООН подчеркнула международный авторитет Советского Союза, внесшего решающий вклад в разгром фашистской Германии и спасшего мир от коричневой чумы. Непреходящая ценность русского языка связана с богатейшей русской классической литературой, только на нем и английском кодируется до 70% всей мировой научной информации. В 1980-х годах на русском языке издавалось около трети мировой художественной и научно-технической литературы.

В ноябре 2012 г. в Москве состоялась VI Ассамблея Русского мира – организации, созданной Указом Президента РФ В. В. Путина в июне 2007 г. Главная тема Форума, который фонд «Русский мир» традиционно проводит по случаю Дня народного единства, – «Русский язык и российская история». За пять лет фонд открыл 89 центров в 41 стране. Создаются новые центры, государство выделяет большие средства на изучение русского языка. Распространению русского языка во всем мире способствуют и такие мероприятия в нашей стране, как Универсиада в Казани в 2013 г., Зимняя Олимпиада в Сочи в 2014 г., чемпионат мира по футболу в 2018 г., ежегодные международные промышленные выставки «Иннопром» в Екатеринбурге и др.

Сбылось предсказание выдающегося писателя А. Н. Толстого, автора эпопеи «Хождение по мукам»: «Русский язык должен стать мировым языком. Настанет время (и оно не за горами), – русский язык начнут изучать по всем меридианам земного шара».

Ныне одновременно с отрицанием героической тысячелетней истории России, с попытками предать забвению историческую память народа, в том числе принизить значение нашей великой Победы, началась новая волна наступления либеральных политиков и литераторов на великий русский язык и отечественную литературу.

Появилось огромное количество англо-американизмов, засоряющих родной язык. И устную речь, и печатные издания заполнили бренды и тренды, триллеры и киллеры, шопы и шопинги, топ- и сити-менеджеры, риэлтеры и диллеры, спичрайтеры, в которых невозможно разобраться простому человеку.

Необходимо вести решительную борьбу за чистоту русского языка в средствах массовой информации, в театрах и кино, против его коверкания и ненормативной лексики, искажений. И здесь наше главное оружие – это язык классиков российской литературы. В детских дошкольных учреждениях, школах, техникумах и вузах русский язык, а также литература, история российского государства должны стать основными предметами, которые воспитывают высоко нравственного человека, патриота своей великой Родины – России.

Защищая чистоту и богатство русского языка, мы должны всегда помнить заветы наших выдающихся предшественников. Великий русский писатель И. С. Тургенев призывал: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса».

Сегодня в условиях информационной войны, экономических санкций США и ЕС, угроз террористов, внутренних коррупционеров и идеологических противников нашим главным оружием является единство российского народа.

На заседании Совета по межнациональным отношениям в феврале 2013 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин говорил: «Фундаментальной основой единства страны является русский язык. Именно он формирует общее гражданское, культурное, образовательное пространство. И знать его, причем на высоком уровне, должен каждый гражданин России... Нужно на конкретных примерах показывать, что судьба России созидалась единением разных народов, традиций и культур» [2].

Благодаря русскому языку весь мир узнал талантливых национальных писателей и поэтов Чингиза Айтматова, Юрия Рытхэу, Алеся Адамовича, Расула Гамзатова...

Творчество русских классиков Пушкина и Достоевского, Льва Толстого и Чехова, Горького и Маяковского знают и любят миллионы читателей во многих странах. На встрече с участниками Российского литературного собрания в ноябре 2013 г. в Москве В. В. Путин призвал «сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире» [8].

В этом большое значение имеют центры по изучению русского языка за рубежом, переводы на иностранные языки классиков русской литературы, проведение общероссийских мероприятий, связанных с юбилейными датами. Так, в октябре 2014 г. в стране широко отмечалось 200-летие со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

2014 год в Российской Федерации был объявлен Годом культуры; 2015 год – Годом литературы. В 2013 г. в Москве состоялся учредительный съезд Общероссийской ассоциации учителей русского языка и литературы. Для поддержки современных авторов утверждена премия Президента Российской Федерации в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества.

В июне 2014 г. Указом В.В. Путина создан президентский совет по русскому языку во главе с советником Президента по культуре В. И. Толстым, праправнуком Л. Н. Толстого. Задача совета заключается в определении приоритетных направлений развития и поддержки русского языка в стране и за рубежом. В 2015 г. запланировано издание единых учебников истории России для средней школы, рассчитанных на разные возра-

ты, но в рамках разработанной единой концепции. Все это, безусловно, имеет огромное значение в идейном воспитании народа, особенно подрастающего поколения, которому предстоит решать новые исторические задачи укрепления и развития великой России.

Русский язык в народных преданиях, литературных художественных образах, научных исследованиях и обобщениях надежно хранит историческую память о тысячелетнем героическом пути России, без чего невозможно наше движение вперед. Пока жив русский язык – будет жить и Россия.

Библиографический список

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 1–13. М.–Л., 1953–1959. Т. 4.
2. *Комсомольская правда.* 2013. 21.февр.
3. *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. : [в 4 т.]. М., 1986. Т. 1.
4. *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года* : указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL : <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>.
5. *Гвардовский А. Т.* Василий Теркин. За далью даль. Л., 1978.
6. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. : [в 22 т.]. М., 1979. Т. 2.
7. *Целищев Н. Н.* Духовные скрепы российского народа. Екатеринбург, 2014.
8. URL : <http://news.kremlin.ru/transcripts/print> (дата обращения 25.11.2013 г.).

Н. К. Чапаев, А. К. Шелепов

Взаимообусловленный характер развития горнозаводских школ и горнозаводской промышленности Урала¹

Аннотация. Статья посвящена развитию системы горнозаводских школ на Урале и ориентации содержания школьного образования на запросы уральской горнозаводской промышленности. Выделены конкретные особенности и основные этапы развития горнозаводского образования, показаны его проблемы и трудности.

Ключевые слова: горнозаводская школа, школьное образование, горнопромышленный регион, профессиональное образование, всеобщность образования.

Ряд серьезных недостатков современного отечественного профессионального образования связан с отсутствием надлежащего формата взаимодействия организаций профессионального образования и производственных структур [12, с. 25; 15]. Анализ опыта деятельности горнозаводских школ в части их взаимодействия с предприятиями горнозаводской промышленности может оказаться полезным для решения современных проблем профессионального образования. Достаточно условно можно выделить три основных этапа становления и развития горнозаводских школ Урала: первый этап (XVIII века), второй этап (первая половина XIX века), третий этап (вторая половина XIX – начало XX века).

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, проект № 2014/393.

Первый этап развития горнозаводских школ (XVIII век). Начало деятельности горнозаводских школ приходится на первую четверть XVIII века. Толчком для их появления послужило предписание Петра I Никите Демидову. В нем говорилось: «...Никита должен искать такого всякому литому и кованому железу умножения, чтобы ...Московскому государству было мочно, и стараться, чтобы русские люди тем мастерством были изучены, дабы то дело в Московском государстве было прочно» [5, с. 7]. Таким образом, с самого начала задается политика тесного увязывания развития двух видов деятельности – производственной и образовательной.

Заданный Петром образовательно-производственный тренд развития горнозаводского региона Урала находит полную поддержку у первого начальника уральских горных заводов Василия Никитича Татищева, отправившегося на Урал в 1720 г. с целью заняться разведкой серебряной и медной руды и строительством заводов для ее переработки. Для В. Н. Татищева был очевиден взаимозависимый характер производственных и образовательных процессов. Он не без основания считал, что без грамотных квалифицированных кадров нельзя было и думать о промышленном прогрессе. Наряду с задачами строительства и развития горнозаводских предприятий им ставилась уникальная по тем временам задача создания системы образования, которая бы наравне со «школьными», общеобразовательными, задачами решала вопросы производственные – обеспечение зарождавшихся предприятий горнорудной промышленности необходимыми специалистами [11].

Прибыв на место, В. Н. Татищев, ознакомившись с состоянием рудников и заводов, решил доложить Берг-коллегии «о малости мастеров и просить о присылке оных» [8, с. 45]. Также он просил об оставлении на Урале 30 дворянских детей, которые должны были по указу Петра I обучаться в Морской академии Петербурга. Татищев намеревался обучить этих молодых дворян на месте горному делу. Берг-коллегия не возражала. Опираясь на это, Татищев решил не медлить с открытием школ в городе Кунгуре, на Уктусском и Алапаевском заводах (1721 г.). Начатую деятельность по созданию горнозаводских школ продолжил сменивший на время В. Н. Татищева В. И. Генин. Он непосредственно продолжил дело своего предшественника – им был издан обширный Наказ практически без изменений комиссару уктусских, алапаевских и каменных заводов, составленный еще В. Н. Татищевым. В Наказе предусматривалось построение в Екатеринбурге двух больших изб для школы. Сказано – сделано. В 1723 г. арифметическая школа из Уктуса была переведена в Екатеринбург [2].

С возвращением В.Н. Татищева на Урал в 1734 г. развитие горнозаводских школ получает новый импульс. Пересматриваются штаты казенных заводов, предусматривавшие увеличение количества школ, учителей,

учеников и ассигнования казны. Новые штаты позволили создавать школы при многих заводах, была расширена Екатеринбургская школа.

Правительство Екатерины II основало в 1773 г. первое высшее горное заведение, преобразованное впоследствии в Петербургский горный институт. В то же время проведение в конце XVIII века школьной реформы и создание единой системы общего образования в России привело к ухудшению положения горнозаводских школ, особенно после того, как все горное ведомство было передано в ведение Министерства финансов.

В 1786 г. был принят *Устав народных училищ*, который предусматривал два типа училищ: главные и малые. В каждом губернском городе создавалось главное народное училище, состоящее из четырех разрядов (классов). Ученики первого класса обучались чтению, письму, устному и письменному счету, священной истории и катехизису. Во втором классе изучался катехизис, читалась специально выпущенная книга *«О должностях человека и гражданина»*, а также велось обучение арифметике, грамматике, чистописанию и рисованию. В третьем – читалось Евангелие, повторялся катехизис, вторая часть арифметики, всеобщая история, география (Европа и Россия), грамматика и рисование. В четвертом (два года) – изучались всеобщая география, геометрия, механика, физика, естественная история, архитектура. Как видно из перечня изучаемых дисциплин, школа давала общее образование, начиная с норм поведения в обществе, заканчивая дисциплинами, развивающими общий кругозор учащихся и приобщающими к жизни в обществе. В уездных городах открывались малые училища; обучали в них тем же предметам, что и в первом и втором классах главных народных училищ [13].

Школьная реформа коснулась и горнозаводских школ, так как с 1775 г. в России началась административная реформа. Российская империя была поделена на губернии и наместничества. Урал в 1781 г. был разделен на два наместничества: Пермское и Уфимское. Екатеринбург и Оренбург входили в эти наместничества в качестве областных центров, остальные старые города стали уездными центрами. Кроме школ в уездных городах действовали горные школы при Березовском, Нижнетагильском, Невьянском, Кыштымском, Каслинском, Полевском, Нязепетровском, Нытвенском заводах.

Первый этап развития горнозаводских школ – это одновременный расцвет самих школ и горных предприятий, на которых трудились выпускники этих школ, а также культуры горнозаводского Урала. Развитие горнозаводских школ сопровождалось бурным развитием горного производства в XVIII столетии – «золотом веке» русской металлургии [1].

К середине XVIII века Урал занял ведущее положение в российской горно-металлургической промышленности. Россия из страны, ввозящей металл, превратилась в страну, вывозящую металл. Во второй половине XVIII века было построено 100 предприятий. К концу XVIII – началу

XIX века на Урале выплавлялось около 8 млн пудов чугуна. Россия по производству черного металла вышла на первое место в мире, обогнав Англию и Швецию. Необходимо отметить и такой факт. В XVIII веке уральская металлургия имела высокие показатели не только по количеству выданного металла, но и по его качеству. Этому способствовали инновационные технологии уральских мастеров. И. И. Ползунов в 1765 г. создал паровую машину. В 1799 г. первая в мире паровая машина для водоотлива заработала на Гумшевском руднике. Если первые прокатные вальцы Пейна появились в 1728 г., а более совершенные прокатные станы после 1783 г., то на Урале простейшие плющительные машины для проката железа были в ходу уже в 1723 г. Уральские древесно-угольные домны в XVIII столетии, даже по признанию иностранцев (которые в отличие от нас весьма редко признают превосходство других над собой), считались крупнейшими и лучшими в Европе. Некоторые из них в конце столетия давали по 150–300 тыс. пудов, что превышало производительность английских коксовых печей [1].

Второй этап (первая половина XIX века). К концу XVIII – началу XIX века на Урале действовали почти 200 железоделательных заводов и заводов по производству меди, что требовало большого количества подготовленных рабочих и служащих. Возникла необходимость в изменении подхода к подготовке специалистов. Но, в противовес этому, заботы правительства о профессиональном образовании с начала и до второй половины XIX века зачастую ограничивались лишь поощрением усилий частных лиц и общественных организаций в создании и содержании средних и низших специальных учебных заведений. Как правило, правительство открывало такие специальные учебные заведения только в том случае, если городские общества или отдельные лица обязывались финансировать их. Лишь в редких случаях средние специальные учебные заведения получали субсидии от государственного казначейства.

Восстановленная в 1801 г. Берг-коллегия представила в Сенат свои предложения об усилении руководства горными заводами. Предложения были приняты Сенатом, и на Урале вместо Правления заводов были созданы три главных горных начальства: Екатеринбургское, Гороблагодатское и Пермское. Соответственно создавались главные горные школы, которые приравнивались к гимназии. Эти школы давали хорошее общее образование и профессиональную подготовку для работы в металлургической и горной промышленности, а также для поступления в Горный кадетский корпус. Выпускники главных горных школ имели хорошую специальную подготовку и использовались для работы на технических и инженерных должностях.

Традиция согласования линий развития горнозаводских школ и горнозаводского производства была продолжена в «Положении о штатах главного правления уральских горных казенных заводов Уральского

хребта» от 23 мая 1847 г. Была установлена новая система горнотехнического образования, и Екатеринбургская горнозаводская школа была преобразована в Уральское горное училище, которое стало обеспечивать горнозаводскую промышленность Урала квалифицированными техническими кадрами. В самом что ни на есть «производственном» документе пристального внимания удостоиваются вопросы горнозаводского образования, которому вменялось в обязанность распространение «полезных знаний, и особенно до горного дела относящихся, между всеми состоящими при уральских горных заводах людьми». Фактически речь идет о всеобщем горнозаводском образовании. «Штатами» предлагается новая структура горнозаводских школ, включающая в себя заводские школы и окружные школы, в том числе предусматривалось в каждом округе казенных уральских заводов по одной женской школе. Отдельной строкой шло Уральское горное училище в Екатеринбурге [10].

Положением «О штатах» от 1847 г. было положено начало среднего заводского технического обучения рабочих, а дата выхода этого документа – 11 мая 1847 г. «может считаться датой возникновения средней горнотехнической школы Урала» [10, с. 41]. В нем было принято решение об открытии окружного Екатеринбургского горного училища, хотя реальный учебный процесс в нем начался в 1853 г. Главная цель Уральского горного училища состояла «не в том, чтобы образовать ученых инженеров или механиков, а в том, чтобы подготовить сведущих уставщиков, мастеров и надзирателей» [9, с. 43]. Имелась в виду подготовка среднетехнических кадров. Примечательно, что управляющим Уральским горным училищем мог быть горный инженер. В первой четверти XIX столетия на Уральских заводах довольно ощутимо давали о себе знать стагнационные процессы в области промышленного развития. Это в свою очередь сказалось на развитии горнозаводских школ, многие из которых прекращали свое существование. В стране осталось два средних горнопромышленных училища: Уральское горное училище и горнозаводское отделение при Пермском реальном училище. Низших горнопромышленных школ осталось только семь, а также восемь четырехлетних ремесленных школ, две школы ремесленных учеников и три учебно-показательные мастерские. В силу этого этап можно назвать прелюдией к третьему, кризисному этапу развития горнозаводских школ.

Третий этап (вторая половина XIX – начало XX века). Темпы развития горнодобывающей промышленности к середине XIX века замедлились, произошли изменения в горнотехническом образовании. Рост учебных заведений этого вида прекратился, часть из них была преобразована в общеобразовательные школы, позже, в 1870-х годах – в начальные училища, а те, что остались, не испытывали какого-либо развития, что было для них характерно в конце XVIII и первой четверти XIX века.

В конце XIX столетия возникла тенденция к прикладнизации массового горнозаводского образования. На V съезде горнопромышленников Урала в 1896 г. была поставлена задача создания на Урале целой сети низших горнотехнических школ. Указывалось также на недостаточное количество школ, которые готовили бы учеников к практической работе на заводах округов. Вместе с тем съезд обратил внимание на низкое качество образовательной подготовки выпускников, отмечалась неграмотность многих десятников, надсмотрщиков, лесных смотрителей, а порой и мастеров. В 1914 г. состоялся XIX съезд горнопромышленников Урала, на котором был дан анализ деятельности горнозаводских школ в XIX веке, что отразилось в докладе Совета съезда. Содержание доклада отражает тогдашнее положение дел в области горнорудного образования. Вместе с тем ряд его положений звучат вполне современно. В Докладе совета XIX очередному съезду горнопромышленников Урала о горнотехническом образовании на Урале указывалось, в частности, на нехватку кадров нижнего звена. Авторы доклада отмечают, что вопрос о низшем горнотехническом образовании возник еще в 40-х годах прошлого столетия. На необходимость создания на Урале целой сети низших горнотехнических школ было указано еще на V съезде горнопромышленников Урала в 1896 г. Там же было обращено внимание на крайнюю недостаточность числа школ на Урале вообще и почти полное отсутствие низших профессиональных школ, которые подготовляли бы воспитанников к предстоящей им практической работе на заводах данного района. В итоге докладчиками был сделан вывод о настоятельной необходимости открытия на Урале сети низших горнотехнических школ, которые служили бы продолжением обучения в существующих низших общеобразовательных школах, давали бы малолетним практическую подготовку к работе [3].

Катастрофическое положение с начальным горнозаводским образованием выражалось и в дисбалансе между количеством учащихся высших, средних и начальных горных учебных заведений. К концу XIX столетия число учащихся начальных горных учебных заведений равнялось 716 человекам, т. е. их было меньше, чем в одном Петербургском горном институте, хотя в стране было еще пять высших учебных заведений, готовящих специалистов для горной и металлургической промышленности. Это во многом напоминает ситуацию, сложившуюся в сфере профессионального образования в настоящее время у нас. Дело в том, что сегодня деформирована структура подготовки кадров. Подготовка по уровням НПО-СПО-ВПО осуществляется в соотношении примерно 1:1:1. Вместе с тем рабочих требуется в 5 раз больше [12, с. 25–26].

Знаковым моментом для нас является указание съезда 1914 г. на то, что с потерей связей с горнозаводским производством горнозаводские школы утратили свою практическую направленность, что составляло их «лицо». В этот период горнозаводское образование претерпевало не толь-

ко качественные издержки, но и количественные. Согласно опубликованым статистическим данным о низшем и среднем профессиональном образовании в 1910 г., доля горнозаводских учебных заведений от общего числа профессиональных школ составляла 0,29%, а доля учащихся горных школ (716 человек) от общего числа учащихся профессиональных школ (213 860 человек) только 0,3% [6]. Эти показатели зеркально отражают кризисные процессы, происходившие в описываемый период в металлургической отрасли России.

Библиографический список

1. *Алексеев В. В.* Три века Уральской металлургии // *300 лет* Уральской металлургии : тр. Междунар. конгресса (Екатеринбург, 4–5 октября 2001 г.) / гл. ред. А. А. Козицын. Екатеринбург : Изд-во Урал гос. ун-та, 2001.
2. *ГАСО.* Ф. 24. Оп. 12. Д. 3132. Л. 49. Об. 50 (наказ Татищева).
3. *ГАСО.* Ф. 93. Оп. 1. Д. 315. Л. 4–11.
4. *Генин В.* Описание уральских и сибирских заводов в 1735 г. М., 1937.
5. *Мезенин Н. А.* Уральский металл. М. : Металлургия, 1981.
6. *Министерство торговли и промышленности* : сб. стат. сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования. Ч. 1. СПб., 1910.
7. *Неверов Л., Владимирский Д.* Исторические памятники города Свердловска и Свердловской области // Горная школа. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1962.
8. *Нечаев Н. В.* Горнозаводские школы Урала (к истории профессионально-технического образования в России) / под ред. А.М. Панкратовой. М. : Трудрезервиздат, 1956.
9. *Российская педагогическая энциклопедия* : [в 2 т.]. / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Большая Российская энциклопедия, 1993.
10. *Сто лет* горнозаводской школы на Урале / [авт.-сост. А. Н. Рятницкий]. Свердловск : Свердл. обл. гос. изд-во, 1948.
11. *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л. : Наука, 1979.
12. *Ткаченко Е. В.* Проблемы подготовки рабочих кадров // Педагогика. 2014. № 6.
13. *Устав* народным училищам 1786 года // Полное собрание законов Российской империи за 1784. Д. 88. Т. XXII. Время создания: 1786.
14. *Чанаев Н. К., Вайнштейн М. Л.* Интеграция образования и производства: методология, теория, опыт : [монография]. Челябинск–Екатеринбург : Изд-во ЧИРПО: ИРРО, 2007.

Л. Н. Шабатура, С. С. Фоменко

Историзм и правосознание: диалектика развития

Аннотация. В статье раскрыт смысл принципа историзма применительно к формированию правовой культуры и правосознания современного человека. Показана необходимость переосмысления исторических уроков прошлого новыми поколениями и усвоения этого опыта в качестве важнейшего условия позитивного социального творчества.

Ключевые слова: культура, традиция, историзм, исторический опыт, ответственность, диалектика развития, правосознание.

Развитие культурных, экономических, политических процессов, происходящих на пространстве Евразии и прежде всего в странах СНГ, настоятельно требует обращения к истории как накопленному народами евразийских стран опыту совместного существования. Именно историзм

оказывает решающее влияние на формирование личностного и общественного сознания и правосознания. Радикальный национализм или великодержавный шовинизм имеют своим источником ущемленное самосознание отдельных наций, пренебрежение их историей и культурой.

Историзм представляет собой один из важнейших принципов формирования подлинно научного сознания личности, поскольку основан на системном подходе к пониманию исторического развития, его содержания и характера. Суть историзма, как исторического метода изучения социальной реальности, состоит в том, что «существенное внимание уделяется анализу длительности и скорости формирования социальных объектов, внутренних закономерностей и внешних условий их развития» [1, с. 339].

Рамки длительности (продолжительности) исторического существования и скорость формирования социальных объектов имеют два уровня гносеологического анализа: а) непосредственно исторические факты и б) те значения, которыми мы наделяем эти факты. При этом указанные параметры исторического познания есть суть *количественные* критерии, которые равным счетом не имеют никакого отношения к качественному аспекту исторического знания. Истина как исторически адекватное восприятие фактов отнюдь не достигается одним лишь исследованием хронологии или масштабов событий, как полагают некоторые представители ряда исторических школ.

Например, длительные боевые действия могут считаться с одинаковым успехом и войной, и войсковой операцией, и «боевыми действиями», и «антитеррористической операцией». Классический пример – афганские события двадцатилетней давности или более «свежие» события в Косово. До сих пор не решен вопрос о том, было ли это войной, военной операцией или чем-то еще.

С другой стороны, те же самые «количественные» критерии конкретного исторического события со временем искажаются, меняют свою значимость для современников. Например, «великое» переселение гуннов на просторах Евразии в начале нашей эры по сравнению с современной трудовой миграцией населения на пространствах СНГ представляется просто локальным явлением. Или сравним исход еврейского народа из Египта под предводительством Моисея. По сравнению с ним потоки беженцев из «горячих точек» представляются куда более катастрофичными.

Как известно, «все течет, все изменяется». Факты забываются, а *значения*, которые им придаются, трансформируются. И вдруг оказывается, что две российские революции – это всего лишь одна «великая» смута. Первая мировая война – это развязанная Россией агрессия против Австро-Венгрии. Вторую мировую войну будто бы выиграли благодаря американцам. Вторжение советских войск в Афганистан – это «преступная война». Да и эпохи монголо-татарского ига в истории России как бы и не бы-

ло, а исторический период можно обозначить, по мнению многих историков либерального лагеря, как «эпоху Золотой Орды в истории России». Ведь именно так трактуют отдельные «видные» столичные «историки» факты прошлого. От таких интерпретаций историзма до представлений об «эпохе Наполеона в истории России» или «российской интервенции» в Крыму – всего полшага, если не меньше.

Уроки истории в начале XXI века «переосмысливаются» и «в хвост, и в гриву», разработано даже третье поколение общегосударственных стандартов, в которых отечественная история «растворена» в мировой истории, словно сода в уксусе. А идея написания единого для всех учебника по истории только подливает масла в огонь дискуссий: кто и о чем писать-то будет...

В этой связи необходимо вспомнить о правосознании, которое представляет собой рефлексию сознания личности на происходящие трансформации в области общественной морали и права (закона). Правосознание основывается на личном опыте бытия и не приемлет диктата внешних сил, будь то «эксперты» или «специалисты». Правосознание личности требует от нее собственного отношения к установкам, нормам права, закона. И это отношение формируется духом личности, ее волей, ее глубинными внутренними силами.

Условием развития личностного правосознания выступает именно внутренняя духовная свобода человека. Для народов Евразии, значительная часть которых живет в степи (монголы, казахи, китайцы, российское казачество Дона и Оренбуржья и т. д.), в наибольшей степени характерна именно такая внутренняя свобода (вольница). Учитывая эту тягу к воле, многие зарубежные «эксперты» пытаются радикализовать самосознание народов Евразии, призывая их к самостоятельности, «национальной идентичности», «государственной суверенности», предлагают им «самоопределиться» на глобальной «шахматной доске» мира (терминология З.Бжезинского). Но следует напомнить и этим «экспертам», и все остальным, что «свобода не есть свобода духовного рабства» [2, с. 142], свобода есть «самодержавие духа», преданность человека высшим абсолютным ценностям и идеалам [3, с. 55].

К сожалению, в условиях глобализма и рыночной экономики внутренняя свобода оказалась подменена «внешней свободой», да и то в ее самой извращенной и циничной товарно-денежной форме. Все пошло на продажу: честь, совесть, нравственность, законы... «Опошлено и изгажено все, что можно. Высокие духовные состояния стали жертвой бездарной имитации бессовестных притворщиков, скрывающих за наигранной экзальтацией пустоту души и скудость ума. Дерзкое пустозвонство притворяется мудростью, похоть – любовью, трусость – кротостью и смирением. Показное нестяжательство скрывает бездну сребролюбия, покаяние превращается в ширму для лицемерия и беспринципности» [3, с. 55].

Не остались в стороне от этой смуты и гуманитарные науки: история, юриспруденция и т. д. Их оценки, суждения, реальный результат – обслуживание не души, а рынка, не духа, а желудка. Это всего лишь попытка измерения высшего смысла – низшим, по смыслу, контентом. Это пошлое отождествление подлинного смысла жизни – с размерами кошелка или счета в банке. Это иллюзия. Иллюзия реального бытия, иллюзия подлинного исторического опыта народа, видимость законности, закона и «правового» государства.

Несоответствие многих норм закона социальной справедливости и самой элементарной нравственности порождает в сознании личности внутренний протест против системы, который затем выплескивается на площадях и улицах городов. И не важно, Тахриб это в Египте или Майдан в Украине, Таксим в Турции или Болотная в России. Как выразался один российский политик в конце XX века, «процесс пошел».

Разрушающее воздействие такого процесса внутренней оппозиции нормам морали, права, закона – следствие манипуляций с этими нормами, которые практически повсеместно осуществляет современная бюрократия.

Но главный вопрос состоит в том, как именно возникает и разрушается историзм – объективно правильное понимание исторических фактов. Как и когда вместо этого появляется субъективно-спекулятивное толкование истории?

В этой связи вспомним суждения К.Ясперса, который писал: «Диалектика показала, как человеческое сознание преобразуется посредством самого себя: каждое сознание проходит в своем существовании ряд стадий благодаря *знанию о себе*; каждое мнение и знание изменяют того, кто знает именно так; измененный. Он должен искать в мире новое знание о себе; так, теряя покой, он, поскольку бытие и сознание принимают в своем разделении все новый образ, переходит от одного к другому – это исторический процесс человека» [4, с. 292].

Обрушиваясь с критикой на материалистическую диалектику, немецкий философ дает свою «авторскую» экзистенциальную интерпретацию диалектики как самопричинного развития. В рамках такой интерпретации «снимается» вопрос о причинно-следственных связях как беспредметных отношениях между событиями и фактами. Идея *аутопозезиса* (самопричинного развития систем) Н. Лумана – продолжение идеи бессмысленности истории как таковой, которую сформулировал К. Ясперс. Эти лозунги (о «конце» истории) разделяют сегодня многие видные зарубежные авторы (П. Бьюкенен, С. Хаттингтон, Ф. Фукуяма и др.).

Однако, на наш взгляд, экзистенциализм уходит от принципа детерминизма в социальном развитии и представляет дело так, будто вся история (в том числе и история тех оценок и значений, которыми мы наделяем исторические факты) – это сплошное броуновское движение,

некая бифуркация, очередная научная «парадигма» (Т.Кун). С таким толкованием исторического процесса нельзя согласиться.

Любые оценки, которые разные люди дают различным историческим фактам, любая их интерпретация посредством *герменевтических* ухищрений – все это социальный заказ, явный или не явный, который одни социальные силы предлагают другим. И в этом смысле современные попытки «переосмыслить» историческое прошлое – это, безусловно, чей-то заказ. Невольно в этой связи вспоминаются мрачные слова А. Даллеса, сказанные им еще в 1945 г.: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые, заставим их в эти ценности поверить. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания» (цит. по: [5, с. 136]).

Вот, оказывается, в чем дело. Надо подменить истинные ценности на фальшивые. Нужно вытравить у народа его самосознание. Надо вытравить и его правосознание, которое говорит ему о его праве на сопротивление злу силою, на национальное самоопределение через референдум, о праве на достойное существование. Оказывается, глава ЦРУ, как и его современные собратья, просто хотел покорить те или иные народы.

Поэтому необходимо подчеркнуть, что, в конечном счете, оценка исторических фактов – это продукт личностного самосознания (*знания о самом себе*). Поэтому невозможно и никогда не удастся переубедить ветеранов войн в том, что они сражались напрасно. Даже на далекой земле Афганистана, когда наша страна ввязалась в гражданскую войну на стороне одних против других. Даже в годы Первой и Второй мировых войн, когда просчеты сначала царского, а затем и советского правительств обрекали сотни тысяч наших сограждан на гибель.

Личностное самосознание – фактор адекватности восприятия исторических событий. Без него личность становится объектом манипулирования и информационных технологий. С ним личность способна формировать и, что крайне важно, сохранять устойчивость своего сознания, развивать и укреплять свои субъектные способности (к продуктивно-творческому воображению, социальному творчеству и т. д.). Например, сохраняя свой духовный опыт и опыт собственного народа, личность формирует в себе волю к совершенству, патриотизм и гражданственность. Именно на этих «трех китах» и развивается подлинное правосознание, которое требует и от закона соответствия высшим нормам морали и нравственности. Безнравственные законы – это мистификация права.

Историзм и правосознание диалектически взаимно связаны. Эта связь проходит именно через личность и общество. Когда интересы личности вступают в противоречие с интересами государства, возникает конфликт, который не может быть решен вне соблюдения прав личности. Так, принцип территориальной целостности государства, который для любого

государства является главным, оказывается подчиненным праву нации на самоопределение. Если же государство начинает отстаивать свои принципы (государственного устройства) в ущерб правам граждан, нарушается известный «общественный договор» (Ж.-Ж. Руссо). Именно в рамках его денонсирования и возникают многочисленные попытки «переосмыслить» и «переоценить» историю (историческое прошлое). И только само государство (государственная бюрократия, нарушающая права граждан) – единственный тому виновник. Что же касается опыта, на основе которого возникает, существует и развивается правосознание личности, то по этому поводу очень точно выразился И. А. Ильин: «Судьба каждого отдельного человека, целых поколений и национальных культур зависит от того, живут ли люди духовным опытом, умеют ли они его ценить, развивать и творчески пользоваться его источниками. Весь современный духовный кризис, переживаемый человечеством, объясняется тем, что человечество в течение вот уже нескольких поколений пренебрегало источниками этого опыта и отвыкло, отучилось пользоваться ими. Только духовный опыт может открыть человеку, что такое истинное знание... Пренебрегающий духовным опытом теряет доступ ко всему этому. Он как бы сам залепляет себе духовные очи и предается слепоте и пошлости» [2, с. 135–153].

Библиографический список

1. *Введение в историю и философию науки* / [С. А. Лебедев, В. В. Ильин, Ф. В. Лазарев и др.]. М. : Академический проект, 2007.
2. *Ильин И. А.* Путь к очевидности. М. : Эксмо-Пресс. 1998.
3. *Иоанн митрополит.* Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1995.
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории : [пер. с нем.]. М. : Республика, 1994.
5. *Шабатура Л. Н.* Онтогенез традиции. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002.

А. В. Шиловцев, А. П. Ветошкин, О. В. Шадрина

Социальная безопасность личности: история и современность

Аннотация. Выдвинут тезис о социальной безопасности личности как условии ее активного и актуального жизненного воспроизводства. В противоположность традиционной трактовке данного феномена в контексте защищенности личности сформулирована идея о реактуализации и реконвенционализации данного феномена в современном информационном обществе.

Ключевые слова: социальная безопасность, личность, аутопоэзис, актуализация, конвенционализм.

Исследование общемировой и российской практики общественного развития начала XXI века требует разработки новых теоретических подходов к объективному осмыслению перемен, происходящих в различных сферах социальной жизни. Это связано не только с изменением содержания и характера деятельности человека, но и с тем, что прежняя методология науки, созданная в условиях общества индустриального типа, уже не

отвечает потребностям времени. Закономерно, что в такой ситуации появляются суждения о самопроизвольном, спонтанном характере развития личности и общества, их сознания и деятельности. В философских исследованиях приобрела популярность концепция немецкого социолога Н. Лумана об *аутопоэзисе* (самопроизвольном и беспричинном развитии) [7–9]. Сюда же можно отнести и теорию функционализма Р. Барта, в которой подчеркивается мысль о том, что структурирование реальности основывается на сугубо психических представлениях [1, с. 75–78].

В современной российской философии также распространяется представление о самостоятельном становлении и развитии феноменов социальной реальности. Так, В. Налимов еще в конце 1980-х годов сформулировал тезис о спонтанном характере сознания [12, с. 66–69], а И. Пригожин выдвинул идею об *атемпоральности*, исключив время из сферы социальной онтологии [14, с. 84–85; 15, с. 46–52]. И таких «заявлений» в мировой и отечественной философии уже более чем достаточно. С «легкой руки» Б. Рассела сама философия была объявлена «не наукой», «Ничьей Землей» [16, с. 112–114], следовательно, и философская реконструкция социальной реальности утратила свой смысл. Последовавшая за этим идея «сенсibilitической», т. е. «ощущаемой», чувственно данной реальности, казалось, навсегда ставит непреодолимые преграды для включения в социальную действительность метафизических конструктов: духовного кода этноса, национального характера, идеологии и т. п.

Особо следует отметить своеобразную психологизацию проблемы изучения социальной реальности и ее феноменов. Определенную путаницу в понимании психического и социального привнесло учение бихеоризма. В первую очередь это относится к сознанию, мировоззрению и поведению. С другой стороны, сам человек все чаще стал рассматриваться как «социальное животное», а его поведение и общение – как «самопроизвольные сборки». Поэтому символично высказывание известного футуролога С. Лема о том, что «человеческая биология недостаточна для того, чтобы „как следует“ очертить поведение человека». В самом деле, «человек сотворил институт (*культуры*), т. е. проявляющиеся вовне структуры ценностей и целей, которые выходят за пределы индивидуума и поколения» [6, с. 124–125].

Человек – это ценностно-мыслящее и ценностно-определяющее существо, создающее собственные системы значимости, которые оказываются для него критерием объективной истины, подлинной рациональности, действительной реальности. Посредством этих ценностей он формирует свои приоритеты, а на их основе (в отличие от животных, ориентированных только на инстинкты) может самостоятельно задавать и генерировать потребности. По мысли шотландского экономиста и философа А. Смита: «Наше сознание есть тот фронт, на котором происходят самые разрушительные сражения, одерживаются невидимые, но важные победы и тер-

пятся сокрушительные поражения. И в этом смысле наше *экономическое* сознание, безусловно, выступает в качестве передовой линии этого фронта, потому что наши человеческие потребности предполагают необходимость не только их максимально полного удовлетворения, но и всемерного, самоотверженного обуздания» [17, с. 63–65].

В то же время, с точки зрения Г. Дилигенского, «хотя человек есть, прежде всего, объект своих потребностей и общественного порядка, который так или иначе упорядочивает удовлетворение потребностей, но одновременно с этим положением объекта воздействий он является субъектом истории и общественного процесса, который он „сам делает“, разумеется, не совсем так, как он хотел бы, но под воздействием определенных экономических и культурных предпосылок и условий, которые определяют содержание и результаты человеческих поступков» [3, с. 58].

Диалектика социальной реальности и потребностей современного человека такова, что в ее исследовании невозможно отказаться от ценностных критериев, с помощью которых вырабатывается не просто философский взгляд, а целостная научная картина мира. Поэтому умение соотносить ценностные критерии между собой позволяет заложить основание для более детального и развернутого исследования феноменов социальной реальности.

С начала 1990-х годов российское общество находится в достаточно сложной ситуации: с одной стороны, практически полностью утрачены и изжиты прежняя коммунистическая идеология и нравственность, определявшие моральный облик советского человека на протяжении более чем семидесяти лет; с другой стороны, образовался определенный мировоззренческий вакуум, который отчасти заполняется либо религиозными ценностями и установками, либо различного рода импортированными моральными нормами и ориентациями, связанными в основном с идеологией потребительского общества, мотивами накопления, вещизма, психологией товарного и денежного фетишизма. Первое обстоятельство в большей мере касается людей зрелого и пожилого возраста, второе – современной молодежи.

Продолжением сложившейся ситуации является поиск альтернативных идеологических конструкций, среди которых особую роль начинают занимать либерализм и консерватизм. Либерализм как идеология, отдающая приоритет правам личности («правам человека»), исходит из необходимости дальнейшего их укрепления и развития не только за счет, но и в ущерб общественным интересам. Последние либерализм часто сводит к первым, рассматривая их не в качестве специфических условий жизнедеятельности личности и общества, а как количественное проявление все тех же прав и свобод индивида. Консерватизм же отталкивается от необходимости защищать и сохранять лишь те наиболее успешные условия, которые обеспечивают социальную свободу личности. Но при этом и он не дает

ответа на вопрос о том, каким образом достигается консенсус личных и общественных интересов. Значит, и в этом случае проблема формирования и укрепления социальной безопасности личности остается неразрешенной.

Очевидно, что такое положение нельзя признать нормальным. В условиях глобализации и интернационализации едва ли не всех сфер общественной и даже частной жизни людей обнаруживается снижение уровня и качества социальной безопасности личности и, как следствие, общества в целом. Этому способствует и деградация духовной культуры. Нарастающая бюрократизация всех видов управленческих структур становится ускорителем подобных негативных явлений. В частной и публичной сфере личностного бытия обнаруживается дефицит нравственности, морали, совести. Духовная доминанта, которая лежит в основе безопасного существования, в условиях рыночных реформ и современного экономического кризиса оказалась существенно девальвированной. Поэтому определение конкретно-исторического содержания феномена «социальная безопасность личности» (ФСБЛ) – это комплексная проблема, затрагивающая различные ценностные ориентации и уровни личностного бытия.

Российский и зарубежный исторический опыт свидетельствует о том, что в процессе развития личности и общества осуществляется постоянная *реконвенциализация* ценностных компонентов содержания ФСБЛ [19, p. 31–72].

Речь идет не о *реактуализации*, т. е. восстановлении прежних ценностей в новых условиях, а о качественном их изменении. Начальной фазой *реконвенциализации* можно считать *реинтерпретацию*. Однако в начале XXI века для обеспечения СБЛ в принципиально новых условиях (глобальная экономика, информационная революция, новый технологический уклад и т. д.) этого уже недостаточно. Произошло пресыщение старыми традиционными принципами, подобно тому, как это происходит со спросом и предложением на рынке. Примером может служить инстинкт самосохранения, который изначально характеризует отдельный живой организм. Но изменения внешней среды заставляют индивидов адаптироваться к новым условиям, после чего уже формируется инстинкт группового самосохранения. При этом «у человека инстинкт индивидуального самосохранения выступает в двух формах: в форме чисто биологического инстинкта – в форме бессознательных актов и в форме инстинкта осознанного, завуалированного, соображения пользы, удовольствия и т. д.» [18, с. 105–106]. «Всякий *террор*, как метод управления поведением других людей, начиная от террора грабителя над жертвой и кончая террором государственной власти, представляет систему управления, основанную на влиянии инстинкта самосохранения. Если бы этот „мотор“ поведения был бездейственен, никакого влияния не имел бы и террор» [18, с. 108]. Получается, что природный инстинкт самосохранения недостаточен для

обеспечения безопасности индивида, и требуется нечто иное, а именно, социальная безопасность личности. Но для этого необходимы не только морально-нравственные институции, но и определенные социальные институты, которые человек создает для актуализации этих принципов и осуществления собственной социальной безопасности.

Какие угрозы наиболее актуальны для ФСБЛ? Помимо природных (климатические или географические и т. д.), по-прежнему остающихся на уровне телесного бытия индивида и отражающихся на личностном уровне, самыми важными становятся социальные угрозы, возникающие по мере того, как человек выходит за рамки своей физиологической природы и становится социальным существом. В частности, можно выделить насилие, осуществляемое определенными социальными институтами. «Таков институт власти, – пишет П. А. Сорокин. – Власть группы, задачей которой служит охрана порядка и безопасности членов группы, возникла на почве этого инстинкта. Таков институт войска и полиции: задачей их служит защита жизни и безопасности граждан от внешних и внутренних врагов. Само явление *права*, указывающего дозволенное и недозволенное поведение, представляет собой институт, во многом обязанный тому же инстинкту индивидуального самосохранения» [18, с. 112].

Получается, что институты государства и права, существующие для решения проблемы укрепления и развития социальной безопасности личности, сами в себе уже содержат социальные угрозы. Поэтому либерализм и провозглашает одной из ключевых ценностей право на сопротивление (насилию) со стороны самой личности.

Описывая инстинкт группового самосохранения, П. А. Сорокин утверждает, что он отличается от индивидуального. «Последний побуждает человека спасать свою жизнь; первый – наоборот – побуждает его идти на смерть для блага других» [18, с. 112]. Можно ли расценивать такую ситуацию (гибель ради других людей, свободно принятую индивидом на себя) проявлением социальной безопасности личности? Аргументации могут быть противоположными:

а) «да», если рассматривать такую ситуацию как специфическую форму самореализации личности, исполнения ею своего долга, т. е. сознательно и свободно принятой на себя обязанности;

б) «нет», если иметь в виду утрату самой личности, гибель ее телесного носителя и душевного измерения.

Но в любом случае проблему определения содержания ФСБЛ можно решить только с учетом:

а) конвенции;

б) реинтерпретации;

в) реактуализации;

г) реконвенциализации ценностных оснований, определяющих такое состояние содержательным.

И. И. Кравченко правомерно утверждает, что «социальность ценностей состоит не только и не столько в их содержательном типе (политические, экономические, культурные и пр.), но и в их стадийном значении» [5]. Действительно, если речь идет о конвенционных ценностях, то в этом случае ФСБЛ транспарентен. И совсем иная ситуация складывается с «сатурнированными» ценностями, т. е. теми, которыми общество уже «пресытилось». Термин, метафоричный понятию «пресыщенность», уместно заменить словом *элиминация* (исключение, устранение). По отношению же к понятию *ценность(-ти)* в данном случае имеется в виду ее (их) *деактуализация*.

По мысли И. И. Кравченко: «Примером может служить анализ постиндустриального общества, произведенный таким авторитетным исследователем, как Д. Белл. Он считает, что постиндустриальное общество по самой своей логике есть меритократия» [5, с. 5–6]. Однако динамика состояния ФСБЛ в условиях современного российского социума свидетельствует о неактуальности подобного анализа. Российское общество еще нельзя рассматривать как постиндустриальное, так как в век глобализации и информатизации экономическая система, в силу запредельной доли ручного труда и значительного физического и морального износа основных фондов, остается довольно архаичной. Кризис в промышленности, сельском хозяйстве, финансовой системе, в образовании, в государственных институтах (армия, административные органы и т. д.) не дает оснований рассматривать современное российское общество как меритократию. Наиболее подходящим определением представляется термин «бюрократия», так как, по существу, именно она регламентирует не только публичную сферу, но даже и частные начала жизнедеятельности людей.

Таким образом, социальная безопасность личности складывается под влиянием бюрократии и приобретает политический характер. Еще В. И. Ленин утверждал, что политика есть концентрированное выражение экономики. Но если политический характер ценностных основ ФСБЛ обусловлен влиянием, которое оказывает на личностное бытие окружающий его социум, то следует иметь в виду, что «...объективность ценностей определяется не их предзаданностью человеку; так же, как не предзадан ему мир идей, вещей и ход событий. Она проистекает из другого, противоположного начала, которое состоит в том, что ценности всех категорий не только объективны, но и субъективны, так как их восприятие по сути своей индивидуально. Однако в массе своей они коллективизируются в совместной жизни людей, массивизируются ходом истории и интернационализацией общественных отношений» [10, с. 82–86]. Это означает, что дихотомия в генезисе ценностей «индивидуальное – политическое» разрешается посредством социализации ценностей, а на этой основе строится безопасность и самой личности. Собственно, личность – это социализированный индивид, и ее (его) социальная безопасность в той мере будет полной, насколько полной будет его социализация.

Но общество и личность могут эволюционировать различными путями. «Общество может строиться либо снизу вверх, от человека, его уникальной личности к группе, гражданскому обществу и, наконец, к государству и объединяющей его идее, либо сверху вниз – от государственного аппарата через генеральную идею по иерархии „демократического централизма“ вплоть до каждого из винтиков» [10, с. 91]. Второй вариант характеризует общество бюрократии, т. е. такое его состояние, при котором бюрократия уже «сверху вниз» определяет развитие личности. В этом случае ФСБЛ объективно снижается. Поэтому неоправданно оптимистичным звучит утверждение о том, что индивид сам определяет себе ценности и решает, «что для него свято, какие святыни для него дороги». В одном из своих исследований С. Кара-Мурза убедительно показал, как создаются и навязываются личности новые «ценности» в СМИ: через «создание толпы», разрушение морали и «захват и присоединение аудитории». Благодаря доктрине «свободного потока информации», ставшей идеологическим обоснованием «культурного империализма», особенно в этом преуспели телевидение и Интернет [4, с. 321]. И действительно, ФСБЛ разрушается через его содержание. Причем делается это «изнутри», через деформацию психики и сознания личности. Безусловно, за всем этим кроется определенный социальный заказ. Поэтому, как сказано в нормах древнеримского права, необходимо своевременно определять *Cui prodest? Cui bono?* («ищи, кому выгодно»).

Манипуляция и социализация хотя и связаны друг с другом, но отнюдь не тождественны. Манипуляция, осуществляемая извне, может быть направлена и по отношению к социализации. Два сценария формирования и развития личности и общества – «сверху вниз» и «снизу вверх» – в данном контексте всегда распределяются по первому варианту.

При этом социализацию нельзя рассматривать исключительно как социологическое понятие, объясняющее только адаптацию человека в обществе. Она гораздо шире и глубже, поскольку охватывает и духовную социализацию человека через интериоризацию (опредмечивание) и экстериоризацию (распредмечивание) социальных связей и формирование на этой почве *собственных* ценностных ориентаций. Механическое принятие чужих ценностей в фазе адаптации не дает индивиду полной социальной безопасности, так как такое принятие остается формальным и часто бывает вынужденным. Но если вслед за этой фазой социализации индивид проходит ее вторую ступень, то формально воспринятые ценности становятся уже его убеждениями, установками и мотивами поведения. Усвоившая и освоившая их личность ощущает свою сопричастность целому, т. е. социуму, что логически предопределяет возрастание уровня социальной безопасности. И наконец, в заключительной фазе социализации – духовной – личность уже перерабатывает существующие ценности, что является процессом духовного и социального творчества. Трехфазо-

вая структура процесса социализации, предложенная А. И. Матвеевой [11, с. 256–257], позволяет последовательно выделить и три основных этапа в формировании содержания ФСБЛ, которые можно обозначить как начальный, зрелый и развитый. Определенный интерес представляет и трехфакторная модель генезиса ФСБЛ Т. С. Орловой, которая включает сюда генеративность, инновационность и энергетизм [13, с. 170–172].

Важным фактором формирования содержания ФСБЛ является соотношение объективного и *субъективного* «начал». Отталкиваясь от их различного соотношения, философская наука объясняет ранг и значимость ценностных детерминант. Например, при волонтаристском подходе одни ценностные детерминанты могут приобретать неоправданно завышенное значение, при том что их объективная значимость остается прежней, или наоборот. То же самое относится к формированию, анализу и оценке таких явлений, как антиреализм, индетерминизм, эпистемологический субъективизм. Последний, в частности, вообще «отрицает наличие каких-либо значений в этике» и порождает скептицизм, пессимизм, фатализм и пр. [2, с. 25]. Это в свою очередь негативно сказывается на ФСБЛ, порождая его различные деструкции: 1) сужение или ликвидацию возможностей выбора; 2) усиление зависимости личности от других сил; 3) упрощение и примитивизацию вкусов и предпочтений; 4) сужение числа источников и диапазона информации; 5) снижение заинтересованности в результатах. Индивид начинает ограничивать свой информационный горизонт, круг социального общения, диапазон действий и т. д.

Очевидно, что социальная безопасность личности снижается и в условиях отсутствия или сокращения объема информации. То же самое может произойти и при спонтанном чрезмерном росте количества информационного материала. Сокращение числа социальных контактов в конечном итоге может привести человека к отчуждению от общества и одиночеству. С другой стороны, беспорядочные и многочисленные социальные связи провоцируют снижение уровня социальной безопасности личности. Поэтому энергетизм, генеративность, инновационность и прочие факторы, которые воздействуют на формирование содержания ФСБЛ, обязательно должны опираться на духовность личности, поскольку именно она является своеобразным «фильтром», предотвращающим «засорение» страхом, опасностями, тревогой, беспокойством, неуверенностью. Эти проявления нарушения ФСБЛ еще раз доказывают правомерность постановки вопроса о духовной доминанте в процессе личностного и общественного бытия.

Таким образом, переосмысление проблемы социальной безопасности в России в начале XXI века обусловлено необходимостью повышения эффективности преобразований в жизни общества и личности. Духовная культура как система идеалов, правил и убеждений становится решающим условием повышения качества человеческой деятельности. Поэтому разработка алгоритмов преодоления рисков и угроз, препятствующих фор-

мированию и развитию духовной и социальной безопасности личности, должна стать одним из приоритетных направлений современного гуманитарного научного знания. А соотнесение уровней личностного бытия и детерминирующих его мировоззренческих принципов даст возможность сконструировать модель теоретико-методологического пространства, которое уже позволит характеризовать содержание ФСБЛ на конкретном этапе существования общества.

Библиографический список

1. *Барт П.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика : [пер. с фр.] / [сост., общ. ред. Г. К. Косикова]. М. : Прогресс, 1989.
2. *Гуревич П. С.* Философская антропология : учеб. пособие. М., 2010.
3. *Дилигенский Г. Г.* Потребности и мотивы в общественных отношениях. М., 2007.
4. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005.
5. *Кравченко И. И.* Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2.
6. *Лем С.* Философия случая. М., 2005.
7. *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994.
8. *Луман Н.* Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5.
9. *Луман Н.* Решения в «информационном обществе» // Проблемы теоретической социологии. Вып 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
10. *Матвеева А. И.* Духовная социализация личности как основа социального взаимодействия. Екатеринбург : ИД «Стягъ», 2010.
11. *Матвеева А. И.* Духовная социализация личности: социально-философский аспект. Екатеринбург : УрГУ, 2011.
12. *Налимов В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Прометей, 1989.
13. *Орлова Т. С.* Креативность экономического сознания. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004.
14. *Пригожин И.* Определено ли будущее. Ижевск : ИКИ, 2005.
15. *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
16. *Рассел Б.* Проблемы философии. Новосибирск : Наука, 2001.
17. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2007.
18. *Сорокин П. А.* Общедоступный учебник социологии. Работы разных лет. М.: Наука, 1994.
19. *Wagner P.* Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. L.; N. Y. : Routledge, 1994.

Сведения об авторах

Абдуллаев Нуртаза Акишанович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Актюбинского государственного педагогического института (г. Актобе, Республика Казахстан).

Благодатских Владимир Гурьянович – доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Борзихина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Ветошкин Анатолий Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного университета путей сообщения (г. Москва).

Гончаров Сергей Захарович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург).

Гончарова Вера Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Уральского института бизнеса (г. Екатеринбург).

Дзюев Артур Русланович – кандидат филологических наук, профессор, ректор Шадринского государственного педагогического института (г. Шадринск, Курганская область).

Журавлева Людмила Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент Института финансов, экономики и менеджмента Уральского государственного аграрного университета (г. Екатеринбург).

Каменских Нина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры экономической теории Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург).

Князев Валентин Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Уральской государственной медицинской академии (г. Екатеринбург).

Коноплева Лариса Александровна – кандидат исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Копалов Виталий Ильич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института переподготовки и повышения квалификации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

- Копалова Лариса Александровна** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и искусствоведения Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург).
- Кружкова Татьяна Ивановна** – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института экономики, финансов и менеджмента Уральского государственного аграрного университета (г. Екатеринбург).
- Кузнецов Виктор Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).
- Курасова Антонина Александровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург).
- Лавров Владимир Николаевич** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).
- Лазутина Татьяна Витальевна** – кандидат философских наук, доцент, заведующая интегрированной кафедрой промышленного профессионального образования Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Первоуральск, Свердловская область).
- Леднев Виталий Павлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург).
- Матвеева Алла Ивановна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).
- Михайлов Александр Георгиевич** – генерал-лейтенант, писатель, председатель Исполкома Всероссийской общественной организации «Офицеры России» (г. Москва).
- Мухамбетжан Абылай Жортабаевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических дисциплин Актобинского регионального государственного университета им. К. Жубанова (г. Актобе, Республика Казахстан).
- Некрасов Станислав Николаевич** – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Уральского государственного аграрного университета (г. Екатеринбург).
- Орлова Татьяна Степановна** – доктор философских наук, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).
- Рущицкая Ольга Анатольевна** – кандидат экономических наук, доцент, директор Института финансов, экономики и менеджмента Уральского государственного аграрного университета (г. Екатеринбург).

- Савельев Юрий Владимирович** – председатель совета Свердловской областной русской НКА, директор Издательского дома «Стягъ» (г. Екатеринбург).
- Стожко Дмитрий Константинович** – кандидат философских наук, доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).
- Стожко Константин Петрович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).
- Усманов Владимир Викторович** – генерал-майор, доктор педагогических наук, профессор, советник Губернатора Курганской области (г. Курган).
- Федоров Михаил Васильевич** – доктор экономических наук, доктор геолого-минералогических наук, профессор, ректор Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).
- Фоменко Светлана Сергеевна** – кандидат философских наук, заместитель директора учебно-производственного центра ОАО «Роснефть» (г. Югра, Ханты-Мансийский автономный округ).
- Целищев Николай Николаевич** – доктор философских наук, профессор кафедры управления и права Уральского государственного аграрного университета (г. Екатеринбург).
- Чапаев Николай Кузьмич** – доктор педагогических наук, профессор кафедры акмеологии Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург).
- Чернов Андрей Владимирович** – кандидат философских наук, доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).
- Шабатура Любовь Николаевна** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Тюменского государственного нефтегазового университета (г. Тюмень).
- Шадрина Ольга Владимировна** – кандидат экономических наук, доцент Московского промышленно-финансового университета «Синергия» (г. Москва).
- Шелепов Александр Капитонович** – кандидат педагогических наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета (представительство в г. Нижний Тагил) (г. Нижний Тагил, Свердловской области).
- Шиловцев Андрей Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Содержание

Абдуллаев Н. А. К вопросу обустройства эвакуированных в Актюбинской области в начальный период войны	3
Благодатских В. Г., Курасова А. А. К вопросу о причинах и последствиях Второй мировой войны	11
Борзихина И. В. Об исследовании проблемы реэвакуации населения в годы Великой Отечественной войны	17
Гончаров С. З. К вопросу о несостоятельности непротивленчества и нравственной основе воинского служения Отечеству	24
Гончарова В. М. Роль идеологической работы в условиях Великой Отечественной войны	33
Дзюнов А. Р. Итоги и уроки постсоветского реформирования высшей школы	40
Журавлева Л. А. Социальная нестабильность кризисного общества: переосмысливая опыт прошлого	55
Каменских Н. В. Либеральные ценности и российская действительность	67
Князев В. М. Духовные основания Великой Победы	76
Коноплева Л. А. Мюнхен 1938–2015: политика «умиротворения» и историческая память	89
Копалов В. И., Копалова Л. А. Духовный арсенал нашей Победы	97
Кружкова Т. И., Рущицкая О. А. Социальное государство и Великая Победа ..	112
Кузнецов В. Н. Роль службы разведки в период Великой Отечественной в реализации советского атомного проекта	117
Лавров В. Н., Стожко Д. К. Урал в годы Великой Отечественной войны и в современной России	122
Лазутина Т. В., Стожко Д. К. Духовный потенциал русского народа	132
Леднев В. П. Конвергенция «народного капитализма» и социализма как основа современной национальной безопасности	149
Матвеева А. И. Культура и социализация: к вопросу о природе массового героизма в период войны	157
Михайлов А. Г. Хлестаков из «Цеппелина»: история несостоявшегося покушения	165
Мухамбетжан А. Ж. К вопросу социальной определенности героизма	198
Некрасов С. Н. Искушение фашизмом в современном мире и российский традиционализм	204

Орлова Т. С. Влияние духовно-нравственных ценностей на формирование патриотизма россиян	215
Савельев Ю. В. «Вначале было слово»: информационные предшественники войны	228
Стожко К. П. «Кадры решают всё!» Социально-трудовые отношения в годы Великой Отечественной войны	237
Стожко Д. К., Чернов А. В. Исторические параллели: либеральная рыночная экономика и новый тоталитаризм эпохи постмодерна	251
Усманов В. В. «Хотят ли русские войны?»	266
Федоров М. В., Стожко К. П. Вопросы планового управления народным хозяйством в условиях «военной экономики»	273
Целищев Н. Н. Русский язык и литература о Великой Отечественной войне	287
Чапаев Н. К., Шелепов А. К. Взаимообусловленный характер развития горно-заводских школ и горнозаводской промышленности Урала	297
Шабатура Л. Н., Фоменко С. С. Историзм и правосознание: диалектика развития	303
Шиловцев А. В., Ветошкин А. П., Шадрина О. В. Социальная безопасность личности: история и современность	308
Сведения об авторах	317

Научное издание

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции

(Екатеринбург, 28–29 апреля 2015 г.)

Том 2

Корректоры *М. В. Баусова, В. К. Матвеев, Л. В. Матвеева*

Компьютерная верстка *Н. И. Якимовой*

Поз. 45. Подписано в печать 21.04.2015.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 21,0. Усл. печ. л. 18,66. Тираж 70 экз. Заказ 260.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
УрГЭУ–СИНХ

